МЕМУАРЫ

КНЯЗЯ

АДАМА ЧАРТОРИЖСКАГО.

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА
1912

МЕМУАРЫ

князя

АДАМА ЧАРТОРИЖСКАГО

И ЕГО ПЕРЕПИСКА СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ I.

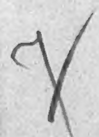
Переводъ съ французскаго А. Дмитріевой.

Редакція и вступительная статья

А. Кизеветтера.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО К. Ф. НЕКРАСОВА
MCMXIII.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ К. Ф. НЕКРАСОВА ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Печатаемые въ настоящемъ томѣ матеріалы: переписка кн. Адама Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ I, записи устныхъ бесѣдъ князя съ императоромъ, различныя оффиціальныя бумаги, какъ-то отчеты князя по управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и Виленскимъ учебнымъ округомъ и др.,—представляютъ собою не что иное, какъ собраніе оправдательныхъ документовъ къ тѣмъ мемуарамъ князя Адама, которые вошли въ I томъ настоящаго изданія. Въ такомъ именно видѣ эти документы были присоединены къ мемуарамъ кн. Чарторижскаго въ ихъ французскомъ изданіи. Здѣсь они переведены полностью, безъ такихъ пропусковъ, которые были допускаемы въ другихъ русскихъ переводахъ этого собранія, появившихся въ недавнее время. Документы, вошедшіе въ настоящее собраніе, конечно, не исчерпываютъ всего богатства матеріаловъ, освѣщающихъ исторію взаимныхъ отношеній между княземъ Чарторижскимъ и императоромъ Александромъ I. Такъ, въ приложеніяхъ къ недавно появившемуся труду великаго князя Николая Михайловича „Императоръ Александръ I"—напечатанъ рядъ вновь открытыхъ писемъ изъ переписки князя Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ. Дальнѣйшихъ открытій ожидаемъ отъ профессора Аскенази, занятаго въ настоящее время подготовкой спеціальнаго изслѣдованія о князѣ Чарторижскомъ. Несмотря на все это, мы считаемъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ присоединить къ мемуарамъ кн. Чарторижскаго тотъ самый подборъ матеріаловъ, который былъ приложенъ къ французскому оригиналу его мемуаровъ, на томъ основаніи, что этотъ именно подборъ, преднамѣченный, повидимому, самимъ авторомъ мемуаровъ, имѣетъ значеніе прежде всего какъ документальный комментарій къ тексту мемуаровъ. Читатель поступитъ всего правильнѣе, если будетъ знакомиться съ этими документами параллельно съ чтеніемъ самихъ мемуаровъ. То и другое составляетъ вмѣстѣ единое цѣлое.

А Кизеветтеръ.

Печатаемые въ настоящемъ томѣ матеріалы: переписка кн. Адама Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ I, записи устныхъ бесѣдъ князя съ императоромъ, различныя офиціальныя бумаги, какъ-то отчеты князя по управленію министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и Виленскимъ учебнымъ округомъ и др.,—представляютъ собою не что иное, какъ собраніе оправдательныхъ документовъ къ тѣмъ мемуарамъ князя Адама, которые вошли въ I томъ настоящаго изданія. Въ такомъ именно видѣ эти документы были присоединены къ мемуарамъ кн. Чарторижскаго въ ихъ французскомъ изданіи. Здѣсь они переведены полностью, безъ какихъ пропусковъ, которые были допускаемы въ другихъ русскихъ переводахъ этого собранія, появившихся въ недавнее время. Документы, вошедшіе въ настоящее собраніе, конечно, не исчерпываютъ всего богатства матеріаловъ, освѣщающихъ исторію взаимныхъ отношеній между княземъ Чарторижскимъ и императоромъ Александромъ I. Такъ, въ приложеніяхъ къ недавно появившемуся труду великаго князя Николая Михайловича „Императоръ Александръ I" напечатанъ рядъ вновь открытыхъ писемъ изъ переписки князя Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ. Дальнѣйшихъ открытій ожидаемъ отъ профессора Аскенази, занятаго въ настоящее время подготовкой специальнаго изслѣдованія о князѣ Чарторижскомъ. Несмотря на все это, мы считаемъ правильнымъ и цѣлесообразнымъ присоединить къ мемуарамъ кн. Чарторижскаго тотъ самый подборъ матеріаловъ, который былъ приложенъ къ французскому оригиналу его мемуаровъ, на томъ основаніи, что этотъ именно подборъ, принадлежащій, повидимому, самимъ авторомъ мемуаровъ, имѣетъ значеніе прежде всего какъ документальный комментарій къ тексту мемуаровъ. Читатель поступитъ всего правильнѣе, если будетъ знакомиться съ этими документами параллельно съ чтеніемъ самихъ мемуаровъ. То и другое составляетъ вмѣстѣ единое цѣлое.

А. Кизеветтеръ.

I.

Императоръ Александръ I князю Адаму Чарторижскому.

17 марта 1801 г.

Вы, вѣроятно, уже знаете, любезный другъ, что вслѣдствіе кончины отца я сталъ во главѣ государственныхъ дѣлъ *).

Умалчиваю о подробностяхъ, о которыхъ лично поговорю съ вами. Я пишу вамъ съ тѣмъ, чтобы вы немедленно передали

*) Смерть Павла, какъ могли видѣть изъ ея описанія въ предыдущемъ томѣ мемуаровъ князя Адама Чарторижскаго, произошла 10 (23) марта 1801 г.; мы считаемъ излишнимъ упоминать здѣсь о томъ, что Александръ не былъ вполнѣ непричастенъ къ трагической кончинѣ своего отца. Чарторижскій въ это время находился въ Италіи, въ качествѣ русскаго посла при Сардинскомъ дворѣ. Поста такого фактически не существовало, такъ же, какъ фактически не существовало уже и Сардинскаго королевства, и самъ сардинскій король, большею частью, жилъ въ Римѣ. Павелъ I, съ неудовольствіемъ смотрѣвшій, по своемъ восшествіи на престолъ, на дружбу сына своего, великаго князя Александра, съ Адамомъ Чарторижскимъ, замѣнилъ этому послѣднему его вынужденное пребываніе въ Петербургѣ,— ссылкой иного рода, пославъ его на этотъ постъ въ Италію. Слѣдуетъ замѣтить, что первой мыслью Александра по воцареніи было вернуть къ себѣ Чарторижскаго.

дѣла, касающіяся вашей миссіи, тому, кто считается самымъ старшимъ послѣ васъ, и выѣхали въ Петербургъ. Нѣтъ надобности говорить вамъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду васъ. Надѣюсь, Господь охранитъ васъ во время вашего путешествія и приведетъ сюда здоровымъ и невредимымъ.

До свиданія, любезный другъ, не могу прибавить ничего болѣе. Прилагаю при семъ паспортъ для предъявленія на границѣ.

Александръ.

II.

Императоръ Александръ I князю Адаму Чарторижскому.

Петербургъ, 12 іюня 1801 г.

Не могу вамъ выразить, любезный другъ, что я почувствовалъ, получивъ ваше письмо, и въ особенности при мысли, что скоро увижу васъ.

Не знаю, какъ это случилось, что я ошибся въ вашемъ званіи, и, по вашему желанію, прилагаю при семъ другой паспортъ *). Прощайте, любезный другъ, болѣе не могу писать.

Александръ.

---

*) Государь, по ошибкѣ, присоединилъ на адресѣ письма къ имени князя Адама званіе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, что въ Россіи соотвѣтствуетъ чину генералъ-аншефа.

III.

Мнѣніе, доложенное въ Совѣтѣ 5 апрѣля 1804 г. *).

5 апрѣля 1804 г.

Въ Зимнемъ дворцѣ, въ 7 часовъ вечера, въ присутствіи собравшихся, по особому приказу Его Императорскаго Величества, членовъ Совѣта, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, графа Моркова, генерала отъ инфантеріи, барона фонъ-Будберга и товарища министра иностранныхъ дѣлъ, тайнаго со-

---

*) Послѣ своего возвращенія изъ Италіи, князь Адамъ Чарторижскій оставался нѣкоторое время въ числѣ приближенныхъ императора Александра, не принимая ни оффиціальнаго, ни фактическаго участія въ дѣлахъ. Только въ 1803 г., послѣ долгихъ съ его стороны колебаній и послѣ продолжительныхъ настаиваній Александра, Чарторижскій вступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, въ Петербургѣ, осуществивъ т. о. любимую мечту императора. Принять это рѣшеніе Чарторижскаго побудило много причинъ. Во-первыхъ, въ этотъ моментъ Польша ничего не могла ожидать для себя отъ Франціи, только что отправившей польскіе легіоны въ Санъ-Доминго, гдѣ эти легіоны почти цѣликомъ погибли. Во-вторыхъ, какъ ни странно это можетъ показаться, между императоромъ Александромъ и княземъ Адамомъ Чарторижскимъ было условлено, что послѣднему не придется отказываться отъ своихъ патріотическихъ надеждъ, и что ему предоставляется свобода оставить службу тотчасъ же, какъ только онъ замѣтитъ, что она станетъ въ противорѣчіе съ его патріотическимъ чувствомъ. Чтобы добиться согласія Чарторижскаго, Александръ предложилъ ему должность попечителя Виленскаго учебнаго округа, т. е. иными словами, поручилъ ему завѣдываніе народнымъ образованіемъ въ подчиненныхъ Россіи польскихъ провинціяхъ. Князь Адамъ оставался министромъ до 1806 г.—по минованіи войны, приведшей къ Аустерлицкому сраженію. Дѣятельность свою въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ онъ началъ товарищемъ государственнаго канцлера Воронцова. Послѣ своего отъѣзда изъ Петербурга Воронцовъ сохранялъ еще нѣкоторое время за собою постъ министра иностранныхъ дѣлъ и поддерживалъ съ Чарторижскимъ переписку, отрывки изъ которой будутъ помѣщены ниже.

вѣтника князя Чарторижскаго, товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ было прочитано слѣдующее:

„Вторженіе въ территорію Германскаго государства, которое позволили себѣ французы съ цѣлью увоза герцога Энгіенскаго и преданія его немедленной казни,—есть дѣйствіе, дающее настоящее представленіе о томъ, чего должно ожидать отъ правительства, не знающаго предѣловъ въ своихъ насиліяхъ и попирающаго ногами священнѣйшіе принципы.

„Его Величество, возмущенный такимъ вопіющимъ нарушеніемъ самыхъ основныхъ принциповъ правосудія и международнаго права,—не считаетъ возможнымъ впредь поддерживать сношенія съ правительствомъ, не знающимъ удержа, лишеннымъ всякаго сознанія долга, запятнавшимъ себя ужаснымъ убійствомъ, и потому, несмотря на свое могущественное положеніе, не заслуживающимъ иного названія, какъ притона разбойниковъ.

„Преступленіе, совершонное Бонапартомъ, должно было бы вызвать крикъ мести и порицанія, по адресу Франціи, со стороны всѣхъ европейскихъ государствъ, и послужить сигналомъ ко всеобщему протесту.

„Но если другія державы, пораженныя ужасомъ и лишенныя энергіи, покорно молчатъ въ такой моментъ,—то подобаетъ ли Россіи слѣдовать подобному примѣру? Не должна ли она, напротивъ, первая показать примѣръ, которому должна послѣдовать вся Европа, чтобы избѣгнуть неминуемо грозящаго ей переворота?

„Его Императорское Величество, побуждаемый этими соображеніями, слѣдуя велѣніямъ своего чуткаго и честнаго сердца, а также и чувству собственнаго достоинства, считаетъ необходимымъ наложить трауръ при своемъ дворѣ по герцогѣ Энгіенскомъ и громко выразить все свое негодованіе по поводу беззаконныхъ дѣйствій Бонапарта.

„Его Императорскому Величеству тѣмъ менѣе угодно слѣдовать иному образу дѣйствій, что попраніе народнаго права

совершено на территоріи государя, связаннаго столь близкими узами родства съ Императоромъ, поэтому поступокъ этотъ, которымъ въ данномъ случаѣ нанесено оскорбленіе всѣмъ Европейскимъ державамъ, и даже всему человѣчеству, для Его Величества, является вдвойнѣ оскорбительнымъ.

„Нашъ Августѣйшій Государь, находя, что съ этого времени позорно и безцѣльно поддерживать связь съ правительствомъ, которое столь же мало уважаетъ основы справедливости, сколь и внѣшнюю благопристойность, и по отношенію къ которому всякія представленія въ защиту права, всякій протестъ противъ насилій,—являются совершенно безполезными,—считаетъ необходимымъ прекратить съ нимъ всѣ сношенія, отослать изъ Петербурга французскую миссію и одновременно отозвать изъ Парижа русскую *).

„Императоръ, глубоко убѣжденный въ томъ, что его личное достоинство и честь государства не позволяютъ ему отнестись пассивно къ совершонному злодѣянію, нисколько не скрываетъ отъ себя нѣкоторыхъ затрудненій, которыя могутъ временно возникнуть, въ связи съ принятіемъ этого рѣшенія, вынужденнаго, по его мнѣнію, необходимостью. Его Величество, въ виду важности положенія, желалъ бы по возможности освѣтить это дѣло и съ этой цѣлью собралъ здѣсь членовъ своего Совѣта и сановниковъ, извѣстныхъ опытностью и искусствомъ въ дипломатическихъ вопросахъ.

---

*) 15 марта 1804 года, по приказу перваго консула, герцогъ Энгіенскій былъ схваченъ на территоріи Германской имперіи, въ Эттенгеймѣ, близъ Бадена, немедленно увезенъ въ Страсбургъ, оттуда въ Парижъ, а затѣмъ въ Венсенъ, гдѣ былъ осужденъ военной комиссіей и тотчасъ же казненъ, въ ночь съ 20 на 21 марта. Мы ограничиваемся здѣсь приведеніемъ чиселъ, въ которыя разыгралась эта драма, вызвавшая, вполнѣ естественно, сильнѣйшее волненіе въ Европѣ. Однако, достойно вниманія, что единственный открытый протестъ послѣдовалъ только со стороны Россіи. Русская нота Ратибонскому сейму, о которой говорится далѣе, была послана 7 мая 1804 г.

„Государь приказалъ мнѣ вкратцѣ изложить передъ ними положеніе дѣла и рѣшеніе, которое онъ намѣревается принять въ данныхъ обстоятельствахъ, а также и основанія, побуждающія его на это рѣшеніе и, наконецъ, указать выгодныя и невыгодныя послѣдствія, могущія получиться въ результатѣ, какъ для общаго положенія дѣлъ, такъ въ частности и для интересовъ Россіи.

„Со времени возобновленія сношеній Россіи съ Франціей трудно указать хоть на одно какое-нибудь дѣйствительно благопріятное для нашего двора послѣдствіе этого сближенія.

„Французское правительство не сдержало самыхъ торжественныхъ своихъ обѣщаній, данныхъ Россіи, относительно интересовъ принцевъ, въ судьбѣ которыхъ Государь принимаетъ участіе, и наши многократныя, настоятельныя просьбы, основанныя на этихъ обѣщаніяхъ,—оставались до сихъ поръ безъ всякихъ послѣдствій.

„Напротивъ, въ послѣднее время Первый Консулъ, какъ бы съ умысломъ, постоянно возбуждалъ противъ себя недовольство русскаго двора своими неумѣстными требованіями и поступками, не прекращавшимися, несмотря на стойкость, проявленную Его Величествомъ.

„Эта представленная въ сжатомъ видѣ картина поведенія Франціи по отношенію къ Россіи доказываетъ, что мы потеряемъ немного, прервавъ временно сношенія съ правительствомъ, въ дѣйствіяхъ котораго нарушеніе всѣхъ установленныхъ правилъ благопристойности стало какъ бы законнымъ явленіемъ и которое совершенно не считается съ отношеніемъ къ нему другихъ государствъ.

„Рѣшеніе, которое намѣревается принять Императоръ, помимо того, что оно вызвано негодованіемъ и желаніемъ его не поступиться чувствомъ собственнаго достоинства, преслѣдуетъ и нѣкоторыя чисто политическія выгоды. Надо ожидать, что энергичное поведеніе Россіи, при данныхъ обстоятельствахъ, будетъ способствовать, болѣе чѣмъ что-либо дру-

гое, созданію и укрѣпленію среди европейскихъ державъ единодушной оппозиціи, которая такъ необходима, чтобы положить предѣлъ честолюбію и насиліямъ Бонапарта. Надо надѣяться, что послѣ такого рѣшенія Россіи, дворы вѣнскій и берлинскій также примутъ энергичныя мѣры. Оба эти правительства, въ особенности послѣднее, благодаря различнымъ причинамъ, но преимущественно вслѣдствіе страха, внушаемаго имъ Франціей, до сихъ поръ невозможно было вывести изъ состоянія пассивной покорности, несмотря на уговоры, предложенія и самыя энергичныя внушенія со стороны Его Императорскаго Величества.

„Государь, дѣйствуя такимъ рѣшительнымъ образомъ, не оставляющимъ никакого сомнѣнія насчетъ воодушевляющихъ его чувствъ и принятой имъ системы, получитъ возможность заговорить съ этими двумя дворами болѣе энергичнымъ языкомъ, а его войска, стянутыя къ границѣ, неминуемо придадутъ вѣсъ его словамъ, и онъ сможетъ потребовать положительнаго отвѣта относительно того образа дѣйствій, котораго они намѣрены держаться. По всѣмъ признакамъ и по полученнымъ нами свѣдѣніямъ, оба эти двора, будучи вынуждены высказаться, предпочтутъ заключить союзъ съ Россіей; но, быть можетъ, подобнаго результата и невозможно будетъ добиться, если только не настанетъ моментъ, когда сами обстоятельства не позволятъ имъ вести далѣе уклончивую политику.

„Въ такомъ же приблизительно положеніи дѣло обстоитъ и съ Оттоманской Портой, которая, повидимому, полна довѣрія и благорасположенія къ намъ и вполнѣ сознаетъ всю опасность, грозящую ей со стороны Франціи.

„Однако, представимъ себѣ, что Россія, порвавъ сношенія съ французскимъ правительствомъ, останется безъ союзниковъ на континентѣ. Чѣмъ же она рискуетъ? Прекращать сношенія—не значитъ еще объявлять войну, и, кромѣ того, Франція не сможетъ напасть на насъ непосредственно. Для того, чтобы дойти до насъ, ей придется задѣть другія державы, ко-

торыя будутъ вынуждены защищаться, и это предоставитъ намъ случай поспѣшить къ нимъ на помощь.

„При такомъ положеніи вещей, политика Россіи безусловно только выиграетъ и станетъ еще болѣе вліятельной; примѣръ тому—роль, которую она сыграла во время французской революціи, когда собственно къ военнымъ дѣйствіямъ не приступили, а въ то же время дипломатическія сношенія между обѣими державами были прерваны.

„Такимъ образомъ, нашъ дворъ избавится отъ множества непріятностей, возникавшихъ отъ сношеній съ французскимъ правительствомъ, а также и отъ присутствія цѣлой толпы агентовъ въ нашей странѣ.

„Его Императорское Величество къ тому же нисколько не сомнѣвается, что, въ случаѣ надобности, найдетъ въ Англіи вѣрную союзницу, всегда готовую войти съ нимъ въ соглашеніе и дѣйствовать совмѣстно.

„Выгодныя стороны этого рѣшенія, которое Его Величество вынужденъ принять, благодаря непростительному образу дѣйствій французскаго правительства,—кажутся отсюда очевидными. Что же касается могущихъ возникнуть вредныхъ послѣдствій—то и они не оставлены Императоромъ безъ вниманія и будутъ здѣсь указаны.

„Несомнѣнно, что французское правительство, узнавъ о рѣшеніи Россіи порвать съ нимъ сношенія и не имѣя болѣе основаній насъ щадить, постарается извлечь изъ этого положенія пользу и направитъ свою месть на державы, находящіяся подъ покровительствомъ Его Величества. Одной изъ первыхъ жертвъ его на югѣ явится Неаполитанское королевство. Какъ только французы сдѣлаются хозяевами этого королевства, наши слишкомъ малочисленныя войска въ Корфу очутятся въ опасности, до прибытія подкрѣпленія, которое Его Величество велѣлъ послать на Іоническіе острова, но которое не можетъ прибыть туда ранѣе, чѣмъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

„Возможно, что на сѣверѣ французы также попытаются на-

нести удары и нападутъ на Данію, которая, хотя и въ состояніи оказать сильное сопротивленіе, и можетъ вполнѣ разсчитывать на немедленную помощь Его Императорскаго Величества, но все же не ожидаетъ столь внезапнаго нападенія и не совсѣмъ подготовлена дать ему отпоръ.

„Если бы подобное событіе произошло тремя мѣсяцами позже, то, какъ бы оно ни было печально и ужасно само по себѣ, оно все же явилось бы, такъ сказать, кстати, создавъ для Россіи поводъ къ блестящему выступленію.

„Къ тому времени точнѣе опредѣлились бы и выяснились настроенія Австріи и Пруссіи; Данія успѣла бы подготовиться; нашъ корпусъ на Іоническихъ островахъ, получивъ подкрѣпленіе, оказался бы въ силахъ защитить Грецію и притти на помощь Неаполитанскому королевству, при посредствѣ нашего соглашенія съ Англіей.

„За этотъ промежутокъ времени возрасли бы затрудненія Бонапарта, и, быть можетъ, это оказало бы ему услугу въ томъ отношеніи, что онъ имѣлъ бы предлогъ отказаться отъ намѣренія вести морскую войну и рѣшилъ бы приступить къ войнѣ на континентѣ. Но эту войну Его Императорское Величество, не желающій напрасно проливать кровь своихъ подданныхъ, началъ бы только при условіяхъ самыхъ благопріятныхъ и лишь по исчерпаніи всѣхъ предварительныхъ средствъ, которыя могли бы быть выработаны на общемъ конгрессѣ европейскихъ державъ въ Парижѣ.

„Но какъ бы основательны ни были эти соображенія, произошедшее событіе принуждаетъ не считаться съ ними, или во всякомъ случаѣ отодвигаетъ ихъ на второй планъ. Его Величество не можетъ остаться совершенно равнодушнымъ къ ужасному поступку Перваго Консула, угрожающему безопасности каждаго государства, ибо это шло бы противъ его достоинства и способствовало бы все большему и большему утвержденію Европы, Франціи и самого Бонапарта въ той мысли, что Бонапартъ имѣетъ право все предпринимать, на все отва-

живаться, въ той увѣренности, что онъ не встрѣтитъ никакого сопротивленія ни съ чьей стороны.

„На первый взглядъ представляется возможнымъ найти средства для того, чтобы до извѣстной степени согласить эти различныя цѣли. Не скрывая справедливаго негодованія, можно было бы не прерывать сразу сношеній съ Бонапартомъ, и ограничиться лишь наложеніемъ траура по случаю смерти герцога Энгіенскаго, заявивъ въ Парижѣ, что Государь не остался равнодушнымъ къ нарушенію неприкосновенности Германской территоріи, и въ особенности, владѣній курфюрста Баденскаго, гдѣ герцогъ Энгіенскій былъ схваченъ и откуда былъ увезенъ для преданія смертной казни, и что Его Величество желалъ бы знать отъ французскаго правительства, не осуждаетъ ли оно этотъ столь несправедливый и противный всякому понятію о международномъ правѣ поступокъ, словомъ, войти въ переговоры, съ тѣмъ, чтобы выиграть еще около двухъ мѣсяцевъ времени, которое и употребить на подготовку юга и сѣвера Европы. Французское правительство, конечно, не согласится подвергнуть себя униженію и дать удовлетвореніе, соотвѣтствующее его винѣ, и прекращеніе всякихъ сношеній явится неизбѣжнымъ. Но съ этой мѣрой связано слѣдующее неудобство: когда въ Парижѣ узнаютъ о наложеніи траура по герцогѣ Энгіенскомъ, и въ особенности, когда Убри сдѣлаетъ по этому поводу представленія, которыя могутъ быть лишь весьма непріятнаго содержанія, — Первый Консулъ, догадываясь, чего ему слѣдуетъ ожидать, можетъ предупредить насъ и отошлетъ нашу миссію изъ Парижа, а свою отзоветъ изъ Петербурга. Такимъ образомъ, разрывъ будетъ исходить отъ него, и этимъ онъ нанесетъ оскорбленіе Россіи и покажетъ, что не боится ея могущества. Словомъ, большая часть тѣхъ преимуществъ, которыя могутъ выпасть на долю Россіи въ этомъ дѣлѣ, будетъ утрачена, если Бонапарту будетъ предоставлена возможность предупредить насъ и предпринять шагъ, подобный тому, который проектируетъ Его Величество, и если Бона-

партъ вмѣсто того, чтобы проявить смущеніе, начнетъ выказывать къ намъ передъ своимъ народомъ и передъ всей Европой пренебрежительную заносчивость.

„Во избѣжаніе всего этого предпочтительнѣе держаться перваго плана, и, объявивъ о наложеніи при Дворѣ траура, отозвать нашу миссію изъ Парижа, миссію же Бонапарта оставить въ Петербургѣ только лишь до отъѣзда русскаго уполномоченнаго изъ Франціи. Пока же можно ограничиться посылкой двухъ курьеровъ въ Неаполь и Копенгагенъ, съ предупрежденіемъ этихъ Дворовъ о рѣшеніи Его Величества, а также и о томъ, какихъ отвѣтныхъ мѣръ можно ожидать отъ французскаго правительства.

„Что касается Корфу, то туда слѣдовало бы послать приказаніе какъ можно лучше готовиться къ военнымъ дѣйствіямъ и, въ ожиданіи подкрѣпленія, набрать отрядъ албанцевъ для огражденія себя отъ перваго натиска на Іоническіе острова. Невозможно въ этомъ докладѣ войти во всѣ частности послѣдующихъ мѣропріятій. Этотъ вопросъ требуетъ подробнаго обсужденія, и по этому поводу необходимо составить особую докладную записку.

„Въ нотѣ, которую передастъ французскому кабинету нашъ повѣренный въ дѣлахъ, покидая Парижъ, можно настойчиво указать на недостойное поведеніе французскаго правительства, постоянно нарушающаго самыя формальныя обязательства по отношенію къ Германской имперіи и къ королямъ Неаполя и Сардиніи. При этомъ является вполнѣ естественная мысль попытаться сдѣлать еще одно послѣднее усиліе въ защиту принцевъ, которыхъ, въ первые моменты, придется оставить на произволъ Бонапарта, и въ подтвержденіе того участія, какое Его Императорское Величество принимаетъ въ ихъ судьбѣ, предложить Бонапарту, какъ единственное пріемлемое удовлетвореніе и условіе, необходимое для поддержанія отношеній между Франціей и Россіей, —немедленно предоставить вознагражденіе сардинскому королю, согласно данному ему обѣ-

щанію, вывести войска изъ Неаполитанскаго королевства, а также и всѣхъ земель, входящихъ въ составъ Германской имперіи, и дать торжественное обѣщаніе болѣе не вводить туда войскъ.

„Однако, противъ выставленія на первый планъ такого требованія можно привести различныя возраженія: это требованіе окажется безплоднымъ, и даже, можетъ быть, сильнѣе чѣмъ когда-либо возстановитъ Бонапарта противъ принцевъ, въ пользу которыхъ мы будемъ ходатайствовать; мы неминуемо подвергнемся опасности получить отказъ, а его было бы желательно избѣжать, и кромѣ того это можетъ лишить выступленіе Государя того характера искренности и величія, которое должно быть ему присуще въ силу непосредственности и прямоты его побужденій, сводящихся къ одному лишь желанію порвать съ правительствомъ, которое недостойно болѣе называться этимъ именемъ, и съ которымъ становится унизительнымъ продолжать сношенія.

„Чѣмъ яснѣе въ этомъ рѣшеніи обнаружатся сдержанность и великодушные, безкорыстные принципы Государя, тѣмъ большее впечатлѣніе произведетъ оно на французскую націю и на всю Европу.

„Если же французское правительство, дѣйствительно, настолько искренно желаетъ сохранить отношенія съ Россіей, что согласится на вышеуказанныя условія, то оно не преминетъ само предложить ихъ, и Его Величество сможетъ тогда рѣшить, слѣдуетъ ли ему ихъ принять.

„Постаравшись изложить вкратцѣ благопріятныя и неблагопріятныя послѣдствія, могущія произойти отъ рѣшенія, которое Его Величеству представляется необходимымъ принять, и указавъ на затрудненія, связанныя съ его исполненіемъ, я долженъ прибавить, что Императоръ желаетъ, чтобы всѣ лица, которыхъ онъ собралъ здѣсь сегодня, на основаніи приведенныхъ мною здѣсь данныхъ, которыя я готовъ дополнить, если они кажутся недостаточными, высказались бы относительно

самаго подходящаго, по ихъ мнѣнію, при данныхъ обстоятельствахъ, образа дѣйствій, а именно: не слѣдуетъ ли по государственнымъ соображеніямъ и изъ предосторожности пріостановить пока исполненіе рѣшенія, принять которое насъ столь настойчиво побуждаютъ наши чувства и сознаніе собственнаго достоинства? Слѣдуетъ ли обратиться къ французскому правительству съ рѣшительнымъ заявленіемъ тотчасъ же по наложеніи траура или же замедлить это дѣло предварительными переговорами? Въ какомъ смыслѣ вести эти переговоры? Насколько обязаны мы оберегать интересы принцевъ, возлагающихъ свои надежды исключительно на заступничество Государя? Какія мѣры, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ принять, чтобы по возможности защитить ихъ, и въ особенности Неаполитанское королевство, которому грозитъ наибольшая опасность,— однимъ словомъ, какого образа дѣйствій держаться, чтобы ничего не упустить изъ выгодъ, которыя должны явиться слѣдствіемъ этого благороднаго и славнаго рѣшенія Его Величества, а также, чтобы отстранить могущія возникнуть неудобства.

„По исполненіи приказанія Его Величества, мнѣ остается только обратить вниманіе на то, насколько важно сохранить полное молчаніе о преніяхъ, которыя послѣдуютъ здѣсь, и на то, какому риску подвергнутся русская миссія въ Парижѣ и принцы, которыхъ мы желаемъ по возможности защитить, если что-либо станетъ раньше времени извѣстно Франціи. Его Императорское Величество, хорошо зная характеръ и приверженность къ нему собранныхъ здѣсь лицъ, вполнѣ спокоенъ на этотъ счетъ“.

Послѣ преній по поводу всего выше изложеннаго, всѣ единогласно признали, что Его Величество не имѣетъ причинъ скрывать свое вполнѣ естественное огорченіе по случаю смерти герцога Энгіенскаго, и что, слѣдовательно, при дворѣ долженъ быть наложенъ обычный трауръ. Что же касается поведенія Россіи по отношенію къ французскому правительству,—то мнѣ-

нія насчетъ этого раздѣлились. Графъ Зубовъ высказался въ томъ смыслѣ, что не слѣдуетъ немедленно отзывать изъ Парижа русскую миссію и отсылать изъ Петербурга французскую, а надлежитъ выразить лишь французскому правительству, какое чувство вызвала у Его Величества вѣсть о случившемся въ Эттенгеймѣ, и его взглядъ на такое нарушеніе международнаго права, и кромѣ того одновременно послать такія же заявленія всѣмъ остальнымъ государствамъ. Мнѣніе свое графъ Зубовъ подкрѣпилъ слѣдующими доводами: при такомъ образѣ дѣйствій мы выигрываемъ время, необходимое для подготовки и для предупрежденія принцевъ о нашемъ рѣшеніи, могущемъ повліять и на ихъ судьбу; и если бы даже намъ вслѣдствіе принятыхъ мѣръ и не удалось предупредить высылку нашего уполномоченнаго изъ Парижа, то не слѣдуетъ смотрѣть на возможность такого событія какъ на зло, такъ какъ, напротивъ, оно явится въ глазахъ Европы и Россіи законнымъ поводомъ для Его Величества прервать сношенія съ Франціей, тогда какъ казнь герцога Энгіенскаго не представляетъ вполнѣ достаточныхъ основаній для этого.

Всѣ члены Совѣта согласились съ мнѣніемъ Зубова. Князь Куракинъ настаивалъ, что въ данномъ случаѣ слѣдовало бы послать ноту въ этомъ же смыслѣ и Имперскому сейму. Единогласно было признано, что нота французскаго правительства къ сейму по дѣлу о непосредственныхъ имперскихъ чинахъ должна остаться безъ всякаго отвѣта. Мнѣніе Куракина было также поддержано и графомъ Морковымъ, прибавившимъ, что обращенію Его Величества къ Германской имперіи можно было бы придать характеръ протеста Россіи, какъ посредницы между Германіей и Франціей, противъ вторженія въ территорію Германіи и нарушенія международнаго права, при чемъ можно было бы призвать главу имперіи и ея членовъ къ присоединенію къ такому протесту. *).

---

*) Извѣстно, что послѣ Люневильскаго договора, во время секуляризаціи, возбудившей столько самыхъ противоположныхъ претензій,

Кромѣ того графъ Морковъ заявилъ, что считаетъ необходимымъ не допустить отсылки Франціей нашего уполномоченнаго, для чего нужно дать ему особую инструкцію, именно: въ случаѣ, если по врученіи ноты онъ получитъ отвѣтъ, оскорбительный для Его Величества, или же узнаетъ заранѣе, что собираются отослать его изъ Парижа, или отозвать французскую миссію изъ Петербурга, то онъ самъ долженъ потребовать паспорты для отъѣзда. Поэтому, необходимую для представленія въ этомъ случаѣ ноту, слѣдуетъ выслать ему теперь же.

Это мнѣніе было принято всѣми. Баронъ Будбергъ, соглашаясь съ нимъ, предложилъ, чтобы приказанія, которыя будутъ даны Убри, были очень опредѣленны, въ видахъ предоставленія простому уполномоченному возможно меньшей иниціативы.

Графъ Кочубей, также раздѣляя это мнѣніе, развилъ доводы о томъ, насколько намъ выгодно, не теряя ни одного дня, начать переговоры съ Вѣнскимъ и Берлинскимъ Дворами, чтобы вывести ихъ изъ летаргическаго состоянія; дать время подкрѣпленіямъ доставиться въ Корфу; войти въ переговоры съ Англіей о мѣрахъ, которыя необходимо принять для защиты Оттоманской имперіи и Неаполитанскаго королевства и, наконецъ, во-время предупредить королей Сициліи, Сардиніи и Даніи о грозящей имъ опасности.

Всѣ члены совѣщанія признали необходимость принятія этихъ мѣръ предосторожности. Противоположнаго мнѣнія былъ только графъ Румянцевъ. Онъ утверждалъ, что безъ особенно-важныхъ причинъ не слѣдуетъ ссориться съ Франціей и позволять другимъ державамъ вовлекать насъ въ войну. Взглядъ

урегулированныхъ рецессомъ 1803 года, Первый Консулъ, желая польстить молодому императору, предложилъ совмѣстное посредничество Франціи и Россіи. Александръ согласился, и Франція и Россія дѣйствовали солидарно. На это посредничество здѣсь и дѣлается намекъ. Впослѣдствіи событія пошли ускореннымъ темпомъ, осложнились, и отношенія между Наполеономъ и Александромъ испортились.

графа Румянцева принципіально раздѣлялъ и графъ Завадовскій. Онъ заявилъ, что, по его мнѣнію, Россія въ достаточной степени ограждена отъ опасностей собственными силами, благодаря своему географическому положенію, даже и на тотъ случай, если бы Франціи удалось потрясти всѣ смежныя съ ней государства; тѣмъ не менѣе по вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ держаться по отношенію къ Франціи въ данный моментъ, его сіятельство примкнулъ къ мнѣнію графа Румянцева.

Графъ Румянцевъ сказалъ, что, по его мнѣнію, Его Величество въ своихъ рѣшеніяхъ не можетъ основываться на побужденіяхъ, вытекающихъ только лишь изъ чувства, а долженъ руководствоваться исключительно интересами государства. Происшедшій трагическій случай не касается непосредственно Россіи, и поэтому чувство собственнаго достоинства Его Величества не затронуто, въ виду чего его сіятельство склоненъ скорѣе къ тому, чтобы ограничиться только наложеніемъ траура при Дворѣ, и умолчать объ остальномъ, но что, впрочемъ, если Его Величество рѣшилъ не скрывать своего негодованія по поводу нарушенія неприкосновенности Германской территоріи и попранія международнаго права, совершенныхъ Бонапартомъ, то, по его мнѣнію, представляется болѣе удобнымъ дѣйствовать не примирительными средствами, всегда влекущими за собой затрудненія и неудобства,—а немедленно отозвать русскую миссію изъ Парижа, выслать изъ Петербурга французскую, выставивъ единственной причиной такихъ мѣръ,—безполезность поддержки сношеній съ націей, не обращающей никакого вниманія на наши представленія и позволившей себѣ столь явное нарушеніе международнаго права. Графъ Румянцевъ находилъ, что, дѣйствуя такимъ образомъ, можно было бы ограничиться простой пріостановкой сношеній съ Франціей, тогда какъ, если отошлютъ нашего уполномоченнаго,—это оскорбленіе потребуетъ, быть можетъ, немедленнаго объявленія войны, которой онъ настоятельно совѣтовалъ избѣгнуть. На это послѣднее указаніе ему было отвѣчено, что если пред-

положенная мѣра предосторожности въ видѣ вышеизложенныхъ инструкцій Убри,—не будетъ въ состояніи предупредить эту непріятность, то все-таки отсылка Убри изъ Парижа не вызоветъ съ нашей стороны объявленія войны Франціи, а лишь прекращеніе сношеній, и что рѣшающее вліяніе на дѣйствія Его Величества окажутъ дальнѣйшее поведеніе Франціи и ходъ послѣдующихъ обстоятельствъ.

Товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, по причинамъ, изложеннымъ имъ въ своемъ докладѣ, присоединился къ мнѣнію графа Румянцева, въ его послѣдней части. Подписали: Графъ Завадовскій. Графъ Валерьянъ Зубовъ. Князь Александръ Куракинъ. Графъ Николай Румянцевъ. Графъ Алексѣй Васильевъ. Сергѣй Вязмитиновъ. К. Лопухинъ. Графъ Кочубей. Графъ Морковъ, при особомъ мнѣніи, представленномъ на письмѣ. Д. Трощинскій. Андр. Будбергъ. Князь А. Чарторижскій.

IV.

Графу Воронцову *).

С.-Петербургъ, 7 мая 1804 года.

Изъ вашихъ послѣднихъ писемъ, графъ, я съ чувствомъ искренняго огорченія вижу, что вы остались не совсѣмъ довольны мѣрами, принятыми послѣ катастрофы съ герцогомъ Энгіенскимъ. Тѣмъ не менѣе, я весьма благодаренъ, за выказываемую мнѣ вами въ данномъ случаѣ откровенность. Вы мнѣ не пишете ни слова о нотахъ, посланныхъ въ Парижъ и

---

*) Графъ Воронцовъ, по болѣзни, вынужденъ былъ уѣхать въ свои помѣстья. Но и по отъѣздѣ онъ сохранилъ еще нѣкоторое время постъ государственнаго канцлера. Князь Адамъ Чарторижскій, остававшійся еще первое время товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, продолжалъ посылать донесенія о дѣлахъ графу Воронцову.

въ Ратибонъ, хотя въ нихъ указывается лишь на насиліе, совершонное на нейтральной территоріи, что согласуется, вѣдь, съ вашимъ воззрѣніемъ на это дѣло. Если бы ваше сіятельство могли присутствовать здѣсь при обсужденіи этого событія и видѣть своими глазами, произведенное имъ впечатлѣніе, —вы убѣдились бы въ томъ, что если бы я лично даже и стоялъ за необходимость удержать нашъ кабинетъ отъ тѣхъ мѣръ, на какія оно его вызывало,—то оказался бы не въ силахъ сдѣлать этого, ибо для этого нуженъ человѣкъ, по меньшей мѣрѣ, съ вашимъ вліяніемъ и значеніемъ. Никто больше меня не желалъ бы знать ваше мнѣніе до принятія какого-либо рѣшенія, но увѣряю васъ, что въ тотъ моментъ нужно было дѣйствовать безотлагательно, и если хотѣли предпринять какой-либо шагъ, то должны были сдѣлать это немедля. Не буду болѣе останавливаться на этомъ вопросѣ; я знаю, что вамъ извѣстна моя преданность вамъ, что же касается моего поведенія въ данномъ случаѣ, то я надѣюсь, что когда буду имѣть счастье увидѣться и подробно поговорить съ вами, мнѣ удастся оправдаться въ вашихъ глазахъ. Прибавлю только одно: мнѣніе, высказанное вами, всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ, имѣетъ большое значеніе, такъ какъ оно всегда поучаетъ большей осмотрительности на будущее время. Я прошу ваше сіятельство выяснить мнѣ свой взглядъ по поводу того, какого образа дѣйствій намъ слѣдуетъ держаться по отношенію къ французскимъ коммерсантамъ и частнымъ лицамъ, живущимъ у насъ, и вообще относительно коммерческихъ связей между двумя державами, въ случаѣ пріостановки политическихъ сношеній.

Теперь перехожу къ вопросу о переговорахъ съ Австріей *).

---

*) Вскорѣ послѣ дѣла герцога Энгіенскаго, завязались переговоры между Россіей и Австріей, носившіе характеръ начала коалиціи противъ Франціи. Переговоры начались также и съ Пруссіей, а вскорѣ и съ Англіей, но онѣ были менѣе опредѣленны. Переговоры

Государь съ благодарностью принялъ ваше письмо, графъ, и ваши замѣчанія, переданныя ему мною. Принятыя рѣшенія соотвѣтствуютъ въ принципѣ мнѣнію вашего сіятельства, и я льщу себя надеждой, что вы одобрите сдѣланныя въ нихъ измѣненія. Чтобы быть болѣе увѣреннымъ въ справедливости своихъ дѣйствій, я совѣщался съ графомъ Стадіономъ и обсуждалъ съ нимъ контръ-проектъ собственноручнаго письма. Онъ представлялъ мнѣ возраженія по поводу каждаго слова, сказаннаго болѣе или менѣе опредѣленно, почему я счелъ нужнымъ ограничиться, насколько было возможно, выраженіями, дающими лишь общее понятіе обо всемъ, и тогда дѣло пошло лучше. Но государь, на основаніи рѣчей посланника и политики его двора, думаетъ, и мнѣ кажется небезосновательно, что лучше, въ данное время, не возобновлять союза, а сдѣлать это впослѣдствіи, какъ бы въ награду Австріи за хорошее поведеніе, и послѣ того, когда выяснится, какъ она станетъ выполнять наши, болѣе опредѣленныя, условія, если въ таковыхъ почувствуется необходимость.

Вотъ все, въ чемъ наши дѣйствія разошлись съ замѣчаніями вашего сіятельства, разошлись не по существу дѣла, а по способу его исполненія. Вы это сами увидите изъ посылаемыхъ мною вамъ „inextenso“ донесеній, и я, графъ, буду ждать съ большимъ нетерпѣніемъ вашего, на этотъ докладъ, отвѣта, съ изложеніемъ вашего, по этому поводу, мнѣнія. Одобряете ли вы послѣднія депеши въ Берлинъ? Въ Лондонъ также отослана депеша графу Семену съ отзывной грамотой. Не будете ли вы въ претензіи на меня, графъ, за желаніе, выраженное императоромъ, чтобы онъ остался еще въ Лондонѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что это было бы весьма полезно для насъ. Впрочемъ, все можетъ устроиться, если только графъ Семенъ

съ Австріей мало-по-малу начали склоняться, къ принятію того дипломатическаго акта, который былъ преддверіемъ союзнаго трактата 1805 года.

выѣдетъ не позже осенняго равноденствія, когда путешествовать моремъ еще очень хорошо.

Императоръ на-дняхъ уѣзжаетъ въ Ревель. Путешествіе продлится всего десять дней, такъ какъ Его Величество не желаетъ удаляться изъ Петербурга, не будучи освѣдомленнымъ объ оборотѣ, который примутъ дѣла. Я назначенъ сопровождать Его Величество, а Татищевъ, какъ это было и при прошломъ путешествіи, соглашается взять на себя обязанность слѣдить за отправкой корреспонденціи и принимать министровъ. Гедувиль очень жалуется на непріятности, которыя онъ терпитъ отъ разныхъ частныхъ лицъ; дѣйствительно, это не хорошо, и я желалъ бы этому противодѣйствовать. Онъ только что испрашивалъ, отъ имени своего правительства, частную аудіенцію у императора, чтобы серьезнѣе обсудить дѣло Антрега и Вернега, но аудіенція будетъ отклонена*).

По причинамъ мнѣ, графъ, неизвѣстнымъ забыли послать вамъ австрійскую депешу, въ которой говорится о предполагаемыхъ ими планахъ, относительно ихъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Ошибка эта будетъ немедленно исправлена.

Наша тайная экспедиція въ Саксоніи имѣла успѣхъ, которому вы придавали значеніе. Дѣла Грузіи обсуждаются теперь министрами, военнымъ, внутреннихъ дѣлъ и мною; но пока я недоволенъ положеніемъ дѣла, и оно меня безпокоитъ. Я сдѣлалъ по этому поводу представленіе государю; онъ ссылается теперь на то, что войска могутъ понадобиться въ другомъ мѣстѣ. Но зачѣмъ же такъ долго откладывали и не употребили въ дѣло нужное количество войскъ, и чѣмъ все это кончится? Все, что вы желали, любезный графъ, насчетъ московскаго архива, давно уже сдѣлано, но я, по непростительной разсѣянности, забылъ вамъ доложить объ этомъ. Ивлевичъ превосходно дѣйствуетъ въ Черногоріи; я надѣюсь,

*) Генералъ Гедувиль покинулъ Петербургъ 7 іюня 1804 г. Онъ оставилъ въ качествѣ уполномоченнаго по дѣламъ Ренваля.

что онъ такъ же хорошо окончитъ, какъ началъ. Для обслуживанія бухты Катарро ему посылаютъ консула, который въ то же время будетъ и его секретаремъ.

Въ Корфу пошлютъ въ скоромъ времени генерала Анрепа, стараго и очень хорошаго офицера. Простите, графъ, мои каракули. Отправка курьера была задержана потому, что императоръ хотѣлъ самъ написать вамъ и его письма пришлось ждать. Препровождаю его вамъ. Мы ѣдемъ черезъ нѣсколько часовъ. Государя сопровождаютъ тѣ же лица, что и въ прошлый разъ.

Вы будете довольны королемъ шведскимъ; онъ желаетъ итти во главѣ авангардовъ. Посылаю вамъ при семъ интересные рапорты графа Антрега и перехваченные документы, которые прошу ваше сіятельство, по прочтеніи, возвратить мнѣ. Когда будете читать перехваченныя бумаги, прошу васъ, графъ, помнить, что эти господа не всегда говорятъ правду.

Напишите мнѣ, графъ, о своемъ здоровьѣ и о вашихъ планахъ на будущее.

Еще разъ прошу принять увѣренія въ чувствахъ преданности и благодарности, которыя я къ вамъ питаю, и вы весьма оскорбите меня, если хотя когда-либо усомнитесь въ нихъ.

P. S. Мое положеніе при извѣстномъ вамъ дворѣ *) немного улучшилось. Мнѣ нѣсколько разъ поклонились.

V.

Графу Воронцову.

С.-Петербургъ, 29 мая 1804 года.

Сегодня пишу вамъ, графъ, не съ тѣмъ, чтобы отвѣтить на всѣ пункты вашихъ писемъ, которыя привезены мнѣ отъ вашего имени фельдъ-егеремъ Чураковымъ и за которыя я

*) Здѣсь имѣется въ виду дворъ вдовствующей императрицы-матери, гдѣ смотрѣли съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ на расположеніе императора къ князю Адаму.

весьма благодаренъ вашему сіятельству, и не съ тѣмъ, чтобы дать вамъ отчетъ о всѣхъ бумагахъ, посланныхъ и полученныхъ здѣсь, со времени отправки моихъ послѣднихъ писемъ вамъ и возвращенія Его Величества изъ путешествія, — но исключительно для того, чтобы послать вамъ отвѣты, полученные нами изъ Парижа, и отчеты Убри по поводу всего тамъ произошедшаго. Работу распредѣлили и усиленно снимаютъ съ этихъ документовъ копіи, которыя скоро будутъ готовы. Но, чтобы не задерживать отправку курьера, я ограничиваюсь лишь сообщеніемъ вашему сіятельству личнаго мнѣнія Его Величества; онъ находитъ невозможнымъ для себя въ данный моментъ продолжать сношенія съ Франціей, развѣ только она согласится исполнить свои обѣщанія, данныя намъ, относительно Германіи, королевства Неаполитанскаго и короля Сардинскаго; послѣ недостойнаго отвѣта, полученнаго изъ Парижа, Его Величество можетъ поступиться своимъ справедливымъ негодованіемъ лишь постольку, поскольку это необходимо въ интересахъ его союзниковъ. Дѣйствительно, если бы удалось вывести французскія войска изъ Неаполитанскаго королевства, дать компенсацію Сардинскому королю и освободить Ганноверъ, — достоинство императора было бы сохранено, и кромѣ того онъ сдѣлалъ бы этимъ великое благодѣяніе для своихъ друзей и Европы. Если же на эти требованія не будетъ дано согласія, Убри, мнѣ кажется, долженъ покинуть Парижъ. Только при вышеупомянутыхъ условіяхъ Россія и можетъ признать уже провозглашеннаго новаго императора. Пока же, съ нашей стороны, будетъ сдѣлано все, даже невозможное, чтобы склонить Вѣну, Берлинъ и даже Константинополь противодѣйствовать признанію новаго императора и придаванію какого бы то ни было значенія этому признанію. Таковы, въ общемъ, наши планы. Но Его Императорское Величество желалъ бы знать насчетъ всего этого мнѣніе вашего сіятельства. Встрѣчаются также и нѣкоторыя затрудненія для приведенія въ исполненіе этихъ плановъ. Ибо, предположимъ

даже, что не всѣ наши требованія будутъ сразу отвергнуты (что вѣроятнѣе всего), и что французское правительство согласится очистить Неаполь, все же когда дѣло дойдетъ до компенсаціи Сардинскаго короля и даже до очищенія Ганновера, а также до ручательствъ за нейтралитетъ всѣхъ этихъ государствъ,—необходимо будетъ обо всемъ этомъ вести спеціальные переговоры и составить соотвѣтствующій актъ; но нельзя, вѣдь, дать подобныхъ полномочій простому повѣренному въ дѣлахъ. Татищеву пришла счастливая мысль вызвать тогда въ Парижъ Штакельберга, снабдивъ его всѣми полномочіями, и поручить ему вести переговоры съ французскимъ правительствомъ, но такъ, чтобы это не носило оффиціальнаго характера.

Есть еще одинъ затруднительный вопросъ: какъ опровергнуть нѣкоторые пункты французскаго отвѣта. Одинъ изъ нихъ, чрезвычайно щекотливый, касается смерти Павла, хотя въ нашемъ представленіи французскому кабинету нигдѣ не говорится о казни герцога Энгіенскаго, а исключительно объ его похищеніи на нейтральной территоріи. Здѣсь замѣтна недостойная злоба Бонапарта. Слѣдуетъ ли поставить имъ на видъ этотъ пунктъ? И какимъ образомъ? Можно ли умолчать объ этомъ, разъ наше правительство никогда не признавало насильственной смерти Павла, какъ о томъ свидѣтельствуетъ манифестъ нынѣ царствующаго императора? Къ тому же приводящійся въ нотѣ Талейрана аргументъ настолько же невѣренъ, насколько оскорбителенъ. Они хотятъ повторить его и въ своей нотѣ Сейму. Государь желаетъ знать ваше мнѣніе и ваши совѣты по поводу всѣхъ этихъ вопросовъ *).

---

*) Отвѣтъ французскаго правительства былъ, дѣйствительно, жестокъ и нѣсколько пренебрежителенъ. Въ немъ обсуждалось, въ довольно оскорбительной формѣ, право Россіи защищать германскую территорію. Въ немъ было сказано, что Франціи одной принадлежало право объясняться по этому поводу съ германскимъ правительствомъ и что будь Россія на ея мѣстѣ—она поступила бы такимъ же обра-

Чураковъ очень проворенъ. Менѣе чѣмъ черезъ 3 дня онъ прибудетъ въ ваше имѣніе. Прошу ваше сіятельство отослать мнѣ его обратно, какъ можно скорѣе, сообщивъ мнѣ ваши мнѣнія по главнымъ вопросамъ и указавъ въ общихъ чертахъ образъ дѣйствій, котораго слѣдуетъ держаться; подробности же мы разработаемъ сами и постараемся сдѣлать это какъ можно лучше.

Прекращеніе сношеній представляется мнѣ неизбѣжнымъ и, по-моему, не можетъ принести намъ никакого вреда; война можетъ быть и послѣдуетъ, но это смотря по обороту, который примутъ обстоятельства. Между прочимъ, я васъ заранѣе извѣщаю, что Прусскій король подписалъ декларацію, находящуюся въ нашихъ рукахъ, приблизительно сходную съ нашей, которая обезпечиваетъ безопасность остальныхъ сѣверныхъ государствъ. Его величество король Прусскій одновременно обѣщалъ и французамъ не пропускать черезъ свои владѣнія русскія войска, въ случаѣ, если таковыя будутъ посланы на французовъ. Все, касающееся этихъ дѣлъ, будетъ вамъ немедленно выслано *).

Гедувиль попросилъ дать ему отпускъ по болѣзни съ тѣмъ, чтобы оставить вмѣсто себя уполномоченнымъ по дѣламъ Ренваля. Курьера отъ Убри нѣтъ. Протянувъ съ отвѣтомъ Гедувилю нѣсколько дней, уже нельзя было удерживать его далѣе, такъ какъ онъ дѣйствуетъ вполнѣ законно и нѣсколько разъ уже являлся за своими паспортами. При отъѣздѣ ему не было

зомъ. Если бы Россія,—присовокуплялось далѣе съ жестокимъ намекомъ,—узнала бы, что убійцы Павла Перваго находятся около ея границы, такъ сказать, подъ рукой, воздержалась ли бы она отъ захвата ихъ? („Исторія консульства и имперіи“ Тьера, т. V).

*) Пруссія, сильно занятая въ началѣ 1804 г. переговорами съ Франціей о союзѣ,—внезапно прервала ихъ послѣ казни герцога Энгіенскаго и перекинулась на сторону Россіи—24 мая 1804 г. Пруссія и Россія обмѣнялись декларацiями, о которыхъ здѣсь упомянуто. Въ нихъ заключались не союзныя обязательства, но извѣстный обмѣнъ гарантіями съ большими оговорками со стороны Пруссіи.

дано никакого оффиціальнаго порученія, и онъ съ своей стороны также хранилъ полнѣйшее молчаніе по поводу текущихъ дѣлъ. Посылаю вамъ, графъ, содержаніе той ноты, которую я вручилъ ему при выдачѣ паспортовъ. Вернеръ былъ преданъ, и Кассини покинулъ Римъ. Папскій посланникъ будетъ отосланъ изъ Петербурга; принятіе этого рѣшенія кажется мнѣ необходимымъ, и я, право, не знаю, какъ поступить въ данномъ случаѣ, чтобы сдѣлать это въ наименѣе рѣзкой для него формѣ.

Я желалъ бы все сдѣлать къ лучшему, графъ, но долженъ сознаться, что часто испытываю опасеніе, что не справлюсь съ своею задачей, какъ слѣдуетъ. Свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ вами относительно вашего возвращенія въ Петербургъ, доставили мнѣ огромное удовольстіе, и я чрезвычайно тронутъ такимъ доказательствомъ вашего ко мнѣ довѣрія. Съ искреннимъ удовольствіемъ снова увижу васъ здѣсь, графъ; я всегда съ благодарностью принимаю всѣ ваши совѣты, полученію которыхъ я обязанъ вашей искренности и дружбѣ ко мнѣ. Прошу извинить меня за эти каракули и вѣрить моей искренней преданности и уваженію.

P. S. Вѣсти изъ Грузіи довольно хороши. Царь Имеретинскій покорился и присягнулъ.

VI.

Секретная инструкція Новосильцову передъ отправленіемъ его въ Англію 11 сентября 1804 г, *).

Господину Новосильцову, камергеру, товарищу министра юстиціи.

Несмотря на мое полное довѣріе къ усердію и опытности моего посланника при англійскомъ дворѣ, родъ и важность теперешнихъ обстоятельствъ, могущихъ получить рѣшающее зна-

---

*) Здѣсь идетъ рѣчь о великомъ международномъ посредничествѣ, честолюбивый замыселъ о которомъ возникъ у Россіи, мечтавшей осуществить его совмѣстно съ Англіей. Тьеръ говоритъ о немъ въ

ченіе для спокойствія Россіи и для судебъ Европы, —требуютъ въ настоящій моментъ присутствія въ Англіи такого лица, которое, пользуясь съ давнихъ поръ моимъ безграничнымъ довѣріемъ, вполнѣ было бы посвящено въ мои взгляды и намѣренія, и поэтому могло бы точно и опредѣленно увѣдомлять меня, насколько англійскій дворъ склоненъ раздѣлять ихъ, а также было бы въ состояніи дать переговорамъ желательный мнѣ оборотъ. Я не могу сдѣлать лучшаго выбора для такого важнаго и отвѣтственнаго дѣла, какъ призвавъ васъ къ нему. Вы обладаете всѣми требуемыми данными для добросовѣстнаго и успѣшнаго исполненія этого порученія. Итакъ, посылая васъ въ Англію, я снабжаю васъ тайными инструкціями, которыя послужатъ дополненіемъ и поясненіемъ къ инструкціямъ, получаемымъ моимъ посланникомъ; вы будете руководствоваться ими въ вашихъ дѣйствіяхъ, имѣя въ виду ту цѣль, чтобы дружественный союзъ, могущій возникнуть между Россіей и Англіей, не былъ основанъ на принципахъ, противоположныхъ моимъ, и не привелъ къ результатамъ, несовпадающимъ съ моими справедливыми желаніями.

Соединеніе средствъ и силъ Россіи и Великобританіи создало бы, конечно, огромную мощь и могло бы дать самые благопріятные результаты. Но я бы могъ искренне содѣйствовать этому лишь въ томъ случаѣ, если бы былъ увѣренъ, что оно послужитъ дѣйствительно полезной и благодѣтельной цѣли. Я уже высказался, по этому поводу, въ рескриптѣ графу Воронцову, который вы везете съ собой, но нѣкоторые весьма важные пункты могли быть затронуты въ немъ лишь въ самой общей формѣ, и вамъ предстоитъ получить ихъ болѣе детальное разъясненіе и передать таковое Англіи.

---

5 т. своей „Histoire du Consulat et de l'Empire“. Настоящую программу его составляютъ прилагаемыя здѣсь тайныя инструкціи императора Александра, контрасигнованныя кн. Адамомъ Чарторижскимъ. Извѣстно, что единственнымъ результатомъ этого замысла явился тотъ союзъ противъ Франціи, который извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ „третьей коалиціи“.

Самое могучее оружіе французовъ, и до сихъ поръ еще составляющее въ ихъ рукахъ угрозу для всѣхъ странъ, заключается въ убѣжденіи, которое они сумѣли внушить всему міру, что они дѣйствуютъ во имя свободы и блага народовъ. Было бы постыдно для человѣчества, если бы столь прекрасная задача была признана дѣломъ правительства, недостойнаго, ни въ какомъ отношеніи, выступать ея поборникомъ.

Для всѣхъ государствъ было бы опасно оставлять за французами и на будущее время важное преимущество обладанія подобной репутаціей. Благо человѣчества, дѣйствительные интересы законныхъ правителей и удачное выполненіе того плана, который будетъ намѣченъ обѣими державами,—требуютъ, чтобы это грозное оружіе было вырвано изъ рукъ французовъ и обращено противъ нихъ самихъ.

Таковъ первый вопросъ, по поводу котораго я желалъ бы, если это возможно, сойтись съ британскимъ правительствомъ, и вы постараетесь представить его, какъ непремѣнное условіе возникновенія тѣсной и искренней связи между Россіей и Англіей. Не желая регресса человѣчества, я хотѣлъ бы, чтобы оба правительства согласились между собой не только не возстановлять въ странѣ, требующей освобожденія ея отъ ига Бонапарта, старый образъ правленія со всѣми его злоупотребленіями, къ которому умы, узнавшіе свободную форму правленія, не будутъ уже болѣе въ состояніи примѣняться, но, напротивъ, постарались бы укрѣпить у нихъ свободу на ея истинныхъ основахъ. По моему мнѣнію, обѣ державы должны руководствоваться этимъ принципомъ и неизмѣнно согласовать съ нимъ свой образъ дѣйствій и всѣ свои выступленія.

Такъ какъ раньше освобожденія самой Франціи придется сперва избавить отъ ея ига угнетаемыя ею страны,—то въ первую очередь должно заняться устройствомъ судьбы этихъ странъ.

При устройствѣ дѣлъ Италіи не слѣдуетъ забывать Сардинскаго короля, по отношенію къ которому Россіею и Анг-

ліей были приняты взаимныя обязательства: монархъ этотъ, быть можетъ, однимъ изъ первыхъ покажетъ полезный всѣмъ примѣръ. Безопасность Европы требуетъ, чтобы ему не только возвратили его владѣнія, но и, по возможности, увеличили его долю при общемъ раздѣлѣ владѣній. Россія и Англія, возстановивъ сардинскаго короля на тронѣ и увеличивъ его владѣнія, легко могутъ сообща уговорить его дать своимъ подданнымъ свободную и разумную конституцію. Его величество, Сардинскій король, несомнѣнно и самъ увидитъ, насколько это въ его собственныхъ интересахъ; и только при выполненіи этихъ условій онъ и получитъ возможность лично принести большую пользу общему дѣлу.

Сохраненіе самостоятельнаго политическаго существованія Швейцаріи также въ интересахъ безопасности Европы. Необходимо увеличить, насколько возможно, территорію этой страны и упрочить ея положеніе; мнѣ представляется также необходимымъ возстановить тамъ правительство, отвѣчающее мѣстнымъ условіямъ и волѣ населенія, и могущее, не впадая въ ошибки прошлаго режима, обнаружить достаточную силу для того, чтобы использовать присущія Швейцаріи средства и заставить уважать свой нейтралитетъ.

Тотъ же принципъ долженъ быть примѣненъ и къ Голландіи. При рѣшеніи вопроса о формѣ правленія въ этой странѣ слѣдуетъ безпристрастно принять во вниманіе характеръ націи и ея желанія, и если будетъ найдено необходимымъ возстановить въ ней наслѣдственное штатгальтерство съ надлежащимъ ограниченіемъ власти, то обѣ державы, по совмѣстному соглашенію, должны избрать для нея династію. Выборъ можно будетъ остановить на какомъ-либо германскомъ принцѣ изъ числа тѣхъ, которые имѣютъ право на особенное наше вниманіе, и на чьи чувства можно будетъ вполнѣ положиться; можно также предложить тронъ кому-нибудь изъ членовъ прусскаго или датскаго владѣтельнаго дома и этимъ побудить ту или другую изъ этихъ державъ, смотря по обстоятель-

ствамъ,—дѣйствовать совмѣстно съ нами; можно, наконецъ, сдѣлать изъ этого компенсацію за какія-нибудь уступки, которыя будутъ оказаны кѣмъ-либо при общемъ устройствѣ европейскихъ дѣлъ.

Теперь перехожу къ тому образу дѣйствій, котораго, по моему убѣжденію, необходимо держаться по отношенію къ самой Франціи. Когда намъ удастся добиться внѣшнихъ успѣховъ и проявить въ нихъ нашу доброжелательность и справедливые и либеральные принципы и этимъ завоевать уваженіе и внушить къ себѣ всеобщее и заслуженное довѣріе настолько, что можно будетъ разсчитывать на благопріятное отношеніе французскаго народа ко всякому обѣщанію союзныхъ державъ,—тогда мы объяснимъ ему, что питаемъ злобу не къ нему, а исключительно къ его правительству, проявившему свою тиранію какъ по отношенію къ самой Франціи, такъ и ко всей Европѣ; мы укажемъ, что нашимъ желаніемъ было прежде всего освободить отъ ига этого тирана угнетенную имъ страну; что теперь въ обращеніи къ французскому народу его не призываютъ къ возмущенію или неуваженію къ закону, но приглашаютъ всѣ партіи довѣриться намѣреніямъ союзныхъ державъ, желающихъ одного лишь—освободить Францію отъ деспотическаго гнета, подъ которымъ она стонетъ, и предоставить ей полную свободу въ выборѣ правительства, что коалиція для того и возникла, чтобы избавить Францію отъ ея прежнихъ цѣпей, а не для того, чтобы налагать на нее новыя.

Признавъ рѣшеннымъ, что для блага Европы и Франціи необходимо установить во Франціи конституціонную монархію, надлежитъ, однако, ожидать, чтобы предложеніе о томъ было заявлено самимъ французскимъ народомъ. Можно будетъ посодѣйствовать появленію такого рѣшенія, но отнюдь не слѣдуетъ открывать слишкомъ рано, въ чемъ состоятъ наши намѣренія въ этомъ отношеніи.

С.-Петербургскій и Сентъ-Джемскій кабинеты должны бу-

дутъ уговориться относительно всѣхъ этихъ вопросовъ, а также совмѣстно намѣтить то лицо и ту фамилію, которыхъ рѣшено будетъ призвать на французскій тронъ. Если выборъ остановится на Бурбонахъ, то нужно будетъ рѣшить, кто именно изъ нихъ будетъ призванъ и когда онъ будетъ объ этомъ увѣдомленъ, а также—необходимо будетъ опредѣлить тотъ образъ дѣйствій и вообще тѣ условія, которыхъ придется отъ него потребовать. Главное изъ этихъ условій должно будетъ состоять въ необходимости подчиненія той конституціи, которая будетъ выработана. Но выборъ лица я считаю дѣломъ второстепеннымъ и придаю ему значеніе лишь постольку, поскольку это будетъ препятствовать или способствовать нашимъ дѣйствіямъ.

Здѣсь не время и не мѣсто намѣчать будущія формы правленія для названныхъ выше странъ.

Предоставляю вамъ полную свободу въ обсужденіи этого важнаго вопроса съ англійскимъ министромъ. Конечно, вы должны всегда руководствоваться одними и тѣми же принципами, и это главное, о чемъ вамъ съ нимъ слѣдуетъ условиться прежде всего. Эти принципы повсюду должны основываться на священныхъ правахъ человѣчества и вести къ установленію того строя, который необходимо вытекаетъ изъ ихъ сущности; повсюду учрежденія должны быть проникнуты и руководимы однимъ и тѣмъ же духомъ мудрости и благожелательства. Но такъ какъ способъ практическаго осуществленія однихъ и тѣхъ же принциповъ можетъ мѣняться, въ зависимости отъ мѣстныхъ особенностей, то чтобы притти къ соглашенію на этотъ счетъ, обѣ державы должны постараться добыть на мѣстахъ точныя, безпристрастныя и подробныя данныя, на которыя можно было бы положиться. Только строго слѣдуя такому плану дѣйствій, сорвавъ, наконецъ, маску съ недостойнаго правительства, прибѣгающаго для своихъ цѣлей поочередно то къ деспотизму, то къ анархіи, тщательно отдѣливъ его интересы отъ интересовъ угнетаемыхъ его тираніей народовъ,

угождая ихъ щепетильному самолюбію, раздражающемуся, когда его затрагиваютъ, и болѣе всего боящемуся униженія, и успокаивая это самолюбіе какъ формою нашихъ заявленій, такъ и образомъ нашихъ дѣйствій,—только тогда можно будетъ разсчитывать на ихъ искреннюю помощь, на успѣшное выполненіе намѣченнаго полезнаго и благороднаго плана, и возбудить къ создавшимъ этотъ планъ державамъ—благодѣтельницамъ всеобщій энтузіазмъ среди народовъ, могущій принести неисчислимыя полезныя послѣдствія для этого праваго дѣла.—

Не говоря уже о томъ, что принципы, которые я кладу въ основаніе дружественнаго союза, предлагаемаго мною Англіи, должно разсматривать, какъ, быть можетъ, единственное дѣйствительное средство для ослабленія французскаго могущества,—они, помимо этого, будутъ главнымъ образомъ способствовать созданію прочныхъ и долговѣчныхъ основъ будущаго спокойствія Европы. Мнѣ кажется очевиднымъ, что эту великую цѣль нельзя считать достигнутой до тѣхъ поръ, пока не удастся съ одной стороны—привязать народы къ ихъ правительствамъ, побудивъ правителей дѣйствовать исключительно на пользу подчиненныхъ имъ народовъ,—съ другой—установить взаимныя отношенія между державами, на болѣе опредѣленныхъ началахъ, соблюденіе которыхъ отвѣчало бы ихъ собственнымъ интересамъ. Глубокія изслѣдованія этихъ вопросовъ и вѣковой опытъ достаточно доказываютъ, что подобныхъ результатовъ можно добиться лишь въ томъ случаѣ, если внутренній соціальный порядокъ будетъ основанъ на разумной свободѣ, которая, надо думать, укрѣпляетъ власть правительствъ, служитъ извѣстной преградой для страстей необузданнаго честолюбія, или какихъ-либо безумныхъ идей, часто овладѣвающихъ людьми, стоящими во главѣ націи—и вводящихъ ихъ въ различныя заблужденія; и, вмѣстѣ съ тѣмъ, если международное право, регулирующее отношенія союзныхъ европейскихъ державъ, будетъ возстановлено на своихъ истинныхъ началахъ. Въ тотъ моментъ, когда вліяніе двухъ

державъ, которымъ предстоитъ спасти Европу, достигнетъ высшей степени развитія и силы, не будетъ ли правильнымъ использовать его для укрѣпленія и усовершенствованія этого дѣла, которое, я думаю, можно будетъ считать тогда почти уже окончательно закрѣпленнымъ.

Если нашъ союзъ окажется способнымъ породить столь важныя и благія послѣдствія, то, несомнѣнно, мы должны поддерживать его и на будущее время, чтобы сохранить эти послѣдствія, а если возможно, то достичь и еще большаго. Ничто не помѣшаетъ, по установленіи мира, заняться выработкой такого трактата, который сдѣлался бы основой международныхъ отношеній европейскихъ державъ. По наступленіи всеобщаго умиротворенія даже необходимо будетъ добиться такого трактата, если только удастся воспрепятствовать заключенію частныхъ мирныхъ договоровъ;—и въ интересахъ обѣихъ державъ употребить всѣ старанія для достиженія этой цѣли.

При обсужденіи Вестфальскаго трактата преслѣдовалась подобная же цѣль, но вслѣдствіе недостатка просвѣщенія и другихъ обстоятельствъ той эпохи договоръ этотъ, считавшійся долгое время кодексомъ современной дипломатіи, не могъ, въ дѣйствительности, дать тѣхъ результатовъ, которые имѣлись въ виду при его составленіи.

Конечно, здѣсь идетъ рѣчь не объ осуществленіи мечты о вѣчномъ мирѣ, но все же можно было бы во многомъ приблизиться къ благамъ, которыя ожидаются отъ такого мира, если бы въ договорѣ, при опредѣленіи условій общей войны, удалось установить на ясныхъ и точныхъ принципахъ требованія международнаго права. Почему бы не включить въ такой договоръ положительнаго опредѣленія правъ національностей, не обезпечить преимуществъ нейтралитета и не установить обязательства никогда не начинать войны, не исчерпавъ предварительно всѣхъ средствъ, предоставляемыхъ третейскимъ посредничествомъ, что дастъ возможность выяснять взаимныя

недоразумѣнія и стараться устранять ихъ? На такихъ именно условіяхъ можно было бы приступить къ осуществленію этого плана всеобщаго умиротворенія и создать союзъ, постановленія котораго образовали бы, такъ сказать, новый кодексъ международнаго права. Получивъ санкцію большинства европейскихъ державъ, онъ могъ бы легко сдѣлаться обязательнымъ для всѣхъ правительствъ, тѣмъ болѣе, если нарушеніе его будетъ сопряжено съ рискомъ вызвать вооруженный протестъ союза.

Послѣ столькихъ тревогъ, послѣ всѣхъ неудобствъ обманчивой и непрочной свободы, большая часть правительствъ, по всей вѣроятности, захочетъ примкнуть къ этому союзу, могущему въ высокой мѣрѣ обезпечить имъ спокойствіе и безопасность. Въ особенности же и сердцемъ, и душой должны примкнуть къ нему второстепенныя державы.

Если принять во вниманіе, что многія изъ нихъ въ своемъ внутреннемъ строѣ имѣли уже задатки миролюбія и противодѣйствія сокрушительному развитію самовластія; что ростъ просвѣщенія, а также примѣръ и воздѣйствіе Россіи и Англіи будутъ способствовать все большему и большему распространенію духа благоразумія и справедливости, то является достаточное основаніе надѣяться, что Европа получитъ тогда возможность долговременно наслаждаться спокойствіемъ и благополучіемъ, какими она никогда раньше не пользовалась. Но, конечно, самой лучшей гарантіей продолжительности такого порядка вещей послужитъ тѣсная связь петербургскаго и лондонскаго дворовъ. Только эти двѣ державы въ Европѣ въ состояніи долгіе годы избѣгать столкновеній на почвѣ противоположныхъ интересовъ и зависти другъ къ другу, и союзъ ихъ своею прочностью болѣе всего можетъ препятствовать нарушенію всеобщаго мира.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ цѣляхъ болѣе вѣрнаго закрѣпленія такого порядка надлежало бы опредѣлить для каждой страны наиболѣе удобныя и подходящія для нихъ границы, если бы

оказалось возможнымъ, вводя этотъ порядокъ, руководиться единственно только общимъ благомъ всѣхъ державъ и счастьемъ каждой отдѣльной національности. Въ особенности, слѣдовало бы придерживаться естественныхъ границъ, указанныхъ самой природой расположеніемъ горныхъ цѣпей, морскихъ береговъ или выходовъ для внѣшней торговли, необходимыхъ каждой странѣ для сбыта своихъ естественныхъ продуктовъ и промышленныхъ произведеній. Необходимо было бы также стремиться къ тому, чтобы въ составъ каждаго государства входило однородное населеніе, могущее жить согласно между собою и съ своимъ правительствомъ. Потрясенія, переживавшіяся Европой въ теченіе столькихъ вѣковъ, происходили большею частью, благодаря полному уклоненію отъ соблюденія этого естественнаго равновѣсія. Пока нельзя еще сказать, въ какой степени возможно будетъ, по установленіи всеобщаго умиротворенія, осуществить эту идею, такъ какъ выполненіе ея, болѣе чѣмъ что-либо другое, зависитъ отъ того, насколько удастся расширить намѣченные планы привлеченіемъ къ нимъ другихъ державъ, и отъ оборота, какой примутъ обстоятельства. Но все же можно уже и теперь отмѣтить, что необходимо, насколько возможно, укрѣпить второстепенныя союзныя державы, чтобы онѣ были въ состояніи выдержать первое столкновеніе и дождаться присылки помощи отъ державъ-покровительницъ и другихъ членовъ союза.

Ясно также, что существованіе слишкомъ мелкихъ государствъ не можетъ согласоваться съ имѣющейся у насъ въ виду цѣлью, ибо, благодаря своему безсилію, они будутъ служить только приманкой, предметомъ честолюбивыхъ притязаній, не принося никакой пользы общему благу. Единственнымъ выходомъ изъ такого затрудненія является присоединеніе ихъ къ болѣе сильнымъ державамъ, или сформированіе ихъ въ федеративные союзы. Необходимость связать руки Франціи и образовать противовѣсъ для Австріи и Пруссіи требуетъ приложенія этихъ началъ къ Италіи и, въ особен-

ности, къ Германіи. Благодаря внутреннему строю германской имперіи, можетъ показатися, что она болѣе другихъ странъ приспособлена къ переустройству въ указанномъ направленіи, но достаточно одной минуты размышленія, чтобы убѣдиться, насколько это обманчиво.

Настоящее положеніе германскаго союза мало, конечно, совмѣстимо съ благомъ ея народовъ и Европы. Но возможно ли допустить, чтобы часть этой огромной страны была поглощена двумя державами, давно имѣющими на нее виды, и чтобы среди Германіи образовалось третье большое государство? Это сопровождалось бы такими несправедливостями по отношенію къ имперскимъ князьямъ, которыхъ пришлось бы лишить ихъ владѣній, что объ этомъ трудно и помыслить. Быть можетъ, со временемъ возможно будетъ создать союзъ болѣе тѣсный, нѣчто въ родѣ сконцентрированнаго федеративнаго управленія между отдѣльными государствами, составляющими Германскую имперію; въ виду этого предположенія не слѣдовало ли бы отдѣлить отъ нея австрійское и прусское государства, которыя несоразмѣрностью силъ нарушаютъ въ ней всякое равновѣсіе, солидарность и духъ патріотизма? Обстоятельства эти, въ случаѣ, если придется рѣшать судьбу Германіи, слѣдуетъ серьезно взвѣсить.

Я не хотѣлъ входить въ подробности относительно всѣхъ вопросовъ, включенныхъ въ эту инструкцію; многіе изъ нихъ требуютъ спеціальнаго обсужденія и разработки спеціально для того избранными компетентными людьми. Достаточно будетъ, если англійское министерство пойметъ и раздѣлитъ мою мысль и проникнется необходимостью дѣйствовать въ указанномъ мною духѣ. Я не сомнѣваюсь, что въ этомъ случаѣ талантъ и знанія людей, стоящихъ во главѣ управленія, всегда одушевленныхъ любовью къ добру и человѣчеству, обогатятъ насъ многими желательными свѣдѣніями и еще какимъ-нибудь новымъ освѣщеніемъ вопроса, которое, быть можетъ, въ настоящее время мы упускаемъ изъ вида.

Разъ оба правительства будутъ воодушевлены одинаковыми чувствами и стремленіями, имъ легко будетъ сговориться насчетъ ихъ образа дѣйствій по отношенію къ державамъ, которыхъ превлекутъ къ содѣйствію въ этой борьбѣ. Боязнь потерять поддержку Россіи и субсидію Англіи заставитъ Австрію дѣйствовать въ войнѣ, которую она готова начать совмѣстно съ нами, сообразно съ нашими внушеніями, но Пруссію будетъ трудно заставить добровольно войти въ коалицію противъ Франціи. Обязательства этой державы по отношенію къ Россіи вамъ извѣстны.

Придется рѣшить вопросъ, что выгоднѣе—предоставить ей сохранять нейтралитетъ, или же принудить ее принять опредѣленную позицію, т.-е. стать за или противъ насъ? Россія, въ особенности, можетъ подѣйствовать на нее, и берлинскій кабинетъ, со своимъ двойнымъ обязательствомъ не пропускать войскъ ни русскихъ, ни французскихъ, можетъ очутиться въ томъ именно затруднительномъ положеніи, котораго желалъ избѣжать.

Кто бы ни были наши союзники, англійское министерство, если только оно усвоитъ мои идеи, само пойметъ необходимость не давать этимъ союзникамъ проникать въ глубь нашихъ намѣреній, но ограничиться лишь направленіемъ ихъ къ намѣченной цѣли, прибѣгая для этого къ тѣмъ средствамъ воздѣйствія на нихъ, которыя будутъ въ нашемъ распоряженіи и которыми надо будетъ пользоваться весьма умѣло и съ общаго согласія.

Судьба Оттоманской имперіи также будетъ имѣть вліяніе на участь остальной Европы. Что касается плана дѣйствій по отношенію къ ней, то необходимо, чтобы Россія и Англія проявили въ этомъ полнѣйшую солидарность. Нельзя отрицать того, что ея слабость, анархическій характеръ ея строя и все увеличивающееся недовольство ея христіанскихъ подданныхъ, —являются условіями, возбуждающими властолюбивые замыслы другихъ. Подобное положеніе вещей прямо противоположно

принципамъ, выдвигаемымъ въ этой инструкціи, какъ единственное средство прочнаго установленія спокойствія въ Европѣ. Поэтому, конечно, было бы желательно притти къ соглашенію и устроить какъ-нибудь эту страну, согласно съ благомъ человѣчества и съ принципами здравой политики. Но въ какой мѣрѣ это достижимо, предвидѣть покамѣстъ невозможно; осуществленію этого плана будетъ противодѣйствовать чувство лояльности, которому обѣ державы захотятъ остаться вѣрными, хотя бы и по отношенію къ государству, исключительно деспотическому. Но если Оттоманская имперія присоединится къ Франціи (вѣдь, никогда нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ въ искренности ея чувствъ), или же, если нападки Франціи и проистекающія изъ нихъ послѣдствія сдѣлаютъ существованіе Оттоманской имперіи въ Европѣ невозможнымъ, —то въ этомъ случаѣ обѣ державы смогутъ условиться между собою, какимъ образомъ лучше устроить судьбу ея различныхъ частей. Пока же Турецкая имперія можетъ сохранять свое существованіе въ Европѣ, необходимо не терять ея довѣрія; но, во всякомъ случаѣ, изложенныя выше соображенія не должны упускаться изъ виду при нашихъ отношеніяхъ съ ней, и, въ особенности, должны быть тщательно взвѣшены до того, какъ будетъ рѣшено возобновить договоръ о союзѣ, предложенномъ ею Россіи и Англіи. Если мы дадимъ на это свое согласіе, то необходимо будетъ, по крайней мѣрѣ, если это возможно, обезпечить болѣе благополучное существованіе христіанскимъ народамъ, стонущимъ подъ владычествомъ Порты, и этимъ сдѣлать и ея собственное положеніе менѣе шаткимъ. И разъ ужъ пойдемъ на то, чтобы сохранить Турецкую имперію, то нужно будетъ обдумать, какую можно извлечь пользу для нашего справедливаго дѣла изъ этого правительства, какъ бы оно ни было шатко. Это необходимо въ видахъ приведенія Франціи къ положенію, которое намъ нужно, такъ какъ разрывъ съ Портой можетъ принести ей большой ущербъ. Моему посланнику въ Лондонѣ были даны на этотъ счетъ и

въ такомъ же духѣ инструкціи, и онъ, вѣроятно, уже началъ съ британскимъ министерствомъ переговоры по этому важному вопросу. Такъ какъ вопросъ этотъ долженъ быть обязательно затронутъ при обсужденіи общаго устройства европейскихъ дѣлъ, я и упоминаю здѣсь о немъ, и вы обратите вниманіе, чтобы и эта часть была выполнена должнымъ образомъ и въ соотвѣтствіи со всѣмъ тѣмъ планомъ, который будетъ принятъ къ осуществленію.

Теперь пора упомянуть и о томъ, что по окончаніи этой борьбы, которая потребуетъ столь великихъ жертвъ, обѣ державы должны будутъ обезпечить и для себя извѣстныя выгоды, какъ въ вознагражденіе понесенныхъ ими потерь, такъ и для того, чтобы доказать своимъ подданнымъ, что не были забыты также и ихъ интересы.

Если сосѣди Россіи, какъ напримѣръ, Австрія, Пруссія и Швеція, получатъ извѣстныя выгоды, которыя придется имъ пообѣщать, чтобы привлечь къ совмѣстнымъ съ нами дѣйствіямъ, то Россія тѣмъ болѣе будетъ вправѣ требовать того же и для себя. Въ подтвержденіе этого можно привести еще то соображеніе, что спокойствіе Европы можетъ быть достигнуто исключительно при помощи союза, образованнаго подъ покровительствомъ Россіи и Англіи, къ которому примкнутъ второстепенныя державы и всѣ, кто искренно желаетъ мира. Союзъ этотъ будетъ устрашать тѣхъ, кто захотѣлъ бы его нарушить. Но чтобы онъ получилъ реальную силу и не обманулъ насъ въ своихъ результатахъ, обѣимъ державамъ-покровительницамъ необходимо сохранить преобладающее вліяніе въ дѣлахъ Европы, ибо только онѣ по своему положенію всегда неизмѣнно останутся заинтересованными въ поддержаніи въ этихъ послѣднихъ порядка и справедливости и будутъ въ состояніи поддерживать ихъ совмѣстными дѣйствіями, ибо только онѣ, будучи избавлены отъ необходимости вредить интересамъ и стремленіямъ другъ друга, имѣютъ возможность никогда не нарушать этого благодѣтельнаго мира.

Между важными дѣлами, которыя вамъ придется обсуждать съ англійскимъ правительствомъ, самымъ труднымъ будетъ убѣдить его въ необходимости, по окончаніи задуманнаго нами возстановленія порядка и справедливости въ Европѣ, провести нѣкоторыя измѣненія въ своемъ морскомъ уставѣ. Это единственное слабое мѣсто въ британской политикѣ, въ которомъ нельзя не упрекнуть кабинетъ и которое, вызывая крайнее раздраженіе страдающихъ въ своихъ интересахъ нейтральныхъ державъ, даетъ непріятелю возможность вредить Англіи. Нѣкоторыя уступки въ этомъ отношеніи не принесли бы существеннаго ущерба ни торговлѣ, ни первенству Англіи на морѣ, а между тѣмъ уничтожили бы всякое недовѣріе и боязнь нейтральныхъ государствъ и вызвали бы у нихъ искреннюю къ ней привязанность.

Кажется, я въ достаточной степени ясно высказалъ вамъ мои взгляды на вопросы, которые, быть можетъ, вамъ придется обсуждать съ англійскимъ министромъ. Полагаясь на вашу разсудительность, предоставляю вамъ самому обдумать, въ какой послѣдовательности, въ какой моментъ и въ какомъ объемѣ вы ему предоставите ихъ! Здѣсь я только указываю основные пункты и намѣчаю принципы, вамъ же предоставляется прибавить въ развитіе ихъ всѣ необходимыя дополненія, вызвать таковыя же со стороны англійскаго министерства и проникнуть въ его дѣйствительныя намѣренія, избѣгая во всякомъ случаѣ высказываться, безъ надобности, слишкомъ откровенно, а напротивъ, стараясь заставить ихъ говорить первыми и вынудить ихъ самихъ предложить то, что мнѣ было бы желательно,—однимъ словомъ, вы восполните все, что въ этой инструкціи, быть можетъ, не въ достаточной степени охвачено.

Хотя мое желаніе достигнуть успѣха въ этихъ переговорахъ, могущихъ имѣть столь важныя послѣдствія для человѣчества, и побудило меня не посвящать во всѣ ихъ подробности моего посланника въ Лондонѣ, изъ опасенія, чтобы наши различныя съ нимъ воззрѣнія на этотъ вопросъ не повліяли на

его дѣйствія и не помѣшали успѣху дѣла,—вы все же должны приложить всѣ усилія, чтобы не дать ему никоимъ образомъ почувствовать себя оскорбленнымъ и обойденнымъ вашими дѣйствіями. Напротивъ, постарайтесь убѣдить его и внушить и ему черезъ англійскихъ министровъ изложенные здѣсь взгляды. Долговременная служба и заслуги графа Воронцова требуютъ съ моей стороны, по отношенію къ нему, большой деликатности, и мнѣ было бы весьма непріятно его огорчать. Поэтому, поскольку это не повредитъ успѣху дѣла, пусть переговоры ведетъ онъ и, если это будетъ возможно, пусть онъ ихъ и кончаетъ. Рескриптъ, который я ему сегодня посылаю, предназначенъ для того, чтобы дать первый толчекъ его дѣйствіямъ. Вы же должны будете придать имъ дальнѣйшее желательное направленіе и увѣдомлять меня о результатахъ вашихъ внушеній.

Вы потрудитесь сообщать мнѣ въ точности обо всемъ, что касается вашего порученія. Впрочемъ, я совершенно полагаюсь на ваше умѣнье, осмотрительность и усердіе къ возлагаемому на васъ дѣлу, важное значеніе котораго вы сознаете. Старайтесь выдвигать всѣ эти вопросы постепенно, по мѣрѣ того, какъ у васъ будетъ созрѣвать увѣренность въ ихъ успѣхѣ. Препровождаю вамъ письмо отъ моего имени къ англійскому королю,—вы воспользуетесь имъ, когда найдете необходимымъ. Въ немъ вамъ предоставляется право даже подписывать нѣкоторые договоры. Оставляя за моимъ посланникомъ обязанность заключать государственные акты, я вамъ также разрѣшаю подписывать отдѣльныя и секретныя статьи ихъ, содержаніе и основаніе которыхъ легко исчерпываются моими настоящими инструкціями. Впрочемъ, я не думаю, чтобы дѣло это такъ скоро подвинулось, и поэтому будетъ еще время, смотря по обстоятельствамъ, или туда послать необходимыя полномочія, или сообщить здѣшнему англійскому посланнику. Я желалъ бы, чтобы онъ оказался подходящимъ для этого серьезнаго дѣла, чтобы онъ могъ притти къ окончательному

заключенію съ моимъ министромъ относительно основныхъ положеній, предварительно обсуждаемыхъ въ Лондонѣ.

Въ заключеніе я не скрою отъ васъ моего убѣжденія, что для принятія въ Англіи въ полномъ объемѣ обширнаго плана, задуманнаго мною, и умѣлаго приведенія его въ исполненіе, необходимо созданіе въ Англіи такого министерства, въ которомъ приняли бы участіе представители всѣхъ партій и всѣ выдающіеся талантливые государственные дѣятели, и которое, опираясь на такія силы и на полное довѣріе націи, было бы въ состояніи развернуть всѣ огромнѣйшія средства, находящіяся въ его распоряженіи, и твердо итти къ намѣченной цѣли. Поэтому вы должны приложить особенныя усилія, чтобы произвести въ англійскомъ министерствѣ эту столь необходимую перемѣну.

Моему министерству поручено ознакомить васъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ, со всѣми обязательствами, принятыми нами по отношенію къ различнымъ державамъ, съ нашими отношеніями съ англійскимъ дворомъ и съ депешами, посланными графу Воронцову. На основаніи этихъ данныхъ, вы выясните себѣ систему нашихъ дѣйствій. Системы этой надо будетъ придерживаться и дальше и примѣнить осторожность въ нашихъ предложеніяхъ британскому кабинету о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, если послѣдній окажется неспособнымъ воспринять великодушныя и высокія идеи. Но, можетъ быть, убѣдивъ его, что ни при какихъ другихъ условіяхъ онъ не сможетъ расчитывать на тѣсный и искренній союзъ съ Россіей, и удастся привлечь его, поэтому вы обязаны своевременно дать ясныя указанія на этотъ счетъ англійскому министерству и сообщить мнѣ обо всемъ ваше мнѣніе, чтобы мы могли по возможности избѣжать опасности впутаться въ предпріятіе, требующее огромнѣйшихъ расходовъ, которое можетъ не привести ни къ какимъ положительнымъ результатамъ и не достичь дѣйствительно доброй и желательной цѣли.

Но такъ какъ весьма возможно, что какое-либо нападеніе

со стороны Франціи вовлечетъ насъ въ войну съ ней, то не слѣдуетъ упорствовать на полученіи съ перваго же раза согласія Англіи на всѣ условія проектируемаго нами союза, тѣмъ болѣе, что подробное развитіе нѣкоторыхъ изъ нихъ должно быть предоставлено времени. Но если, несмотря на сдержанность нашего кабинета, мы зайдемъ въ переговорахъ дальше, чѣмъ я этого желалъ бы, то въ этомъ случаѣ, я думаю, необходимо не упускать изъ рукъ возможныхъ благъ, и, если ужъ нельзя добиться всего, то обезпечить себѣ хотя часть выгодъ. Важно это въ томъ отношеніи, чтобы мы, стремясь достичь невозможнаго, не были застигнуты врасплохъ и могли, какъ бы ни сложились обстоятельства, выйти изъ этого критическаго положенія съ честью и безъ ущерба, и чтобы насъ не имѣли права упрекнуть ни въ легкомысліи, ни въ непослѣдовательности.

Пребываю, господинъ камергеръ, товарищъ министра юстиціи, Новосильцовъ, всегда къ вамъ благосклонный.

Подписано: Александръ.

Скрѣпилъ: князь А. Чарторижскій.

С.-Петербургъ,
11 сентября 1804 г.

VII.

Документы, относящіеся къ миссіи Новосильцова въ Лондонѣ.

1805. *)

Поговоривъ предварительно съ лордомъ Гарроби и затѣмъ дважды съ Питтомъ по поводу принциповъ, которымъ, въ виду настоящаго положенія Европы, должна будетъ слѣдовать

*) Донесеніе Новосильцова.

коалиція (если таковая образуется), чтобы дѣйствительно можно было надѣяться возстановить равновѣсіе, вернуть Францію въ ея прежнія границы и установить успокоеніе Европы, на устойчивыхъ и прочныхъ основахъ; убѣдившись въ томъ, что взгляды англійскаго министерства относительно тѣхъ вопросовъ, которыхъ мнѣ удалось коснуться, вполнѣ соотвѣтствуютъ взглядамъ Его Императорскаго Величества; услышавъ отъ того же Питта, изложившаго мнѣ вкратцѣ свой взглядъ на этотъ предметъ, что онъ твердо убѣжденъ въ необходимости сорвать съ французскаго правительства маску, которой оно всегда прикрывало свои посягательства на человѣчество вообще и на независимость націй въ частности, и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы раскрыть глаза тѣмъ монархамъ, (если таковые еще есть), которые, вопреки несчастному опыту столькихъ народныхъ бѣдствій, все еще упорно отказываются видѣть, что значительное расширеніе владѣній Франціи и огромное могущество, пріобрѣтенное ею, въ связи съ непомѣрнымъ честолюбіемъ Бонапарта, угрожаютъ Европѣ полнымъ переворотомъ; убѣдившись, наконецъ, насколько взгляды англійскаго министерства на ходъ европейскихъ дѣлъ сходны съ воззрѣніями Его Величества, императора,—я счелъ нужнымъ, совѣщаясь въ тотъ же день съ Питтомъ, обсудить дѣло наиболѣе подробно и въ наиболѣе соотвѣтствующемъ порядкѣ.

Поэтому, прежде всего, я высказалъ ему, какъ мнѣ было пріятно узнать, что благодѣтельныя намѣренія Его Величества настолько совпадаютъ съ воззрѣніями англійскаго кабинета, что обсужденіе остальныхъ вопросовъ, относительно которыхъ еще предстояло сговориться, явится теперь только лишь развитіемъ и разработкой тѣхъ же принциповъ. Но въ виду чрезвычайной важности разсматриваемаго вопроса, требующаго самой тщательной и точной разработки, я попросилъ Питта позволить мнѣ начать обсужденіе дѣла съ самаго начала и обсуждать его различные пункты постепенно, въ естественномъ порядкѣ, чтобы было легче выяснить основные принципы и

отдѣлить ихъ отъ второстепенныхъ спорныхъ деталей, о которыхъ можно будетъ сговориться впослѣдствіи.

Такъ какъ Питтъ нашелъ мое предложеніе вполнѣ правильнымъ, то я приступилъ къ дѣлу приблизительно въ слѣдующемъ порядкѣ: я началъ съ заявленія, что предстоящіе намъ переговоры, по роду заключающихся въ нихъ вопросовъ, можно раздѣлить на два основныхъ пункта. Первый, касающійся общихъ цѣлей, преслѣдуемыхъ договаривающимися державами, второй—тѣхъ средствъ и дѣйствій, которыя наилучше обезпечатъ успѣшное ихъ исполненіе. Несомнѣнно, продолжалъ я, что основной и важнѣйшей цѣлью нашего союза является *стремленіе возстановить равновѣсіе Европы и утвердить ея безопасность и спокойствіе на болѣе прочныхъ основаніяхъ*.—Но такъ какъ вопросъ этотъ связанъ съ безконечнымъ количествомъ разныхъ другихъ вопросовъ, то я полагаю, что для большаго порядка и точности обсужденія его слѣдуетъ раздѣлить на три отдѣльныя части по періодамъ, черезъ которые должна будетъ пройти коалиція, могущая возникнуть изъ договора Россіи съ Великобританіей, чтобы достигнуть намѣченныхъ цѣлей. *Во-первыхъ*: по мнѣнію Его Императорскаго Величества, необходимо вернуть Францію въ ея первоначальныя границы, или въ такія, которыя наиболѣе обезпечивали бы спокойствіе Европы.

Во-вторыхъ: поставить естественныя преграды честолюбивымъ притязаніямъ Бонапарта, и, удерживая этимъ Францію въ ея прежнихъ границахъ, воспрепятствовать ея расширенію въ будущемъ.

И, наконецъ, въ-третьихъ: упрочить новый политическій порядокъ посредствомъ тѣснаго и постояннаго союза Англіи и Россіи, и договоромъ между этими державами и странами, освобожденными ими отъ ига Франціи, и тѣми, которыя пожелали бы примкнуть къ нимъ, для поддержанія новаго порядка, столь необходимаго для сохраненія равновѣсія.

Такъ какъ Питтъ нашелъ, что все сказанное мною совер-

шенно совпадаетъ съ его взглядомъ на это дѣло, я перешелъ къ изложенію способовъ, которые Его Императорское Величество считаетъ наиболѣе подходящими для осуществленія этихъ трехъ вышеуказанныхъ условій.

Возвращаясь къ первому изъ нихъ, я замѣтилъ, что средства, необходимыя для его выполненія, можно свести къ слѣдующимъ темъ пунктамъ:

1) Противопоставить общему врагу возможно большее количество силъ.

2) Использовать эти силы наивыгоднѣйшимъ образомъ.

3) Ослабить силы самого врага наиболѣе подходящими для этой цѣли средствами.

Силы, которыми располагаетъ русскій императоръ, не позволятъ ему, безъ помощи другихъ сильныхъ державъ континента, вести успѣшно войну съ Франціей. Поэтому, чтобы противопоставить врагу силы, соотвѣтствующія огромному задуманному имъ предпріятію, обѣ державы, придя къ соглашенію и скрѣпивъ его договоромъ, должны употребить всѣ усилія, чтобы уговорить Австрію и Пруссію, а если невозможно обѣихъ, то хотя одну изъ этихъ державъ,—образовать совмѣстно съ Россіей и Великобританіей коалицію (къ которой, по всей вѣроятности, примкнутъ Оттоманская имперія, Швеція, а, можетъ быть, и Данія) противъ расширенія могущества Франціи и дикихъ дѣяній Бонапарта.

Условіемъ sine qua non для коалиціи будетъ строжайшее обязательство не заключать частныхъ мирныхъ договоровъ. Великобританія, съ своей стороны, должна обязаться выдавать союзнымъ державамъ субсидіи, которыя въ случаѣ крайности могутъ потребоваться, а также поставлять транспортныя суда, нужныя для высадки войскъ и давать сухопутныя войска въ возможно большемъ количествѣ и во всякое время, когда подобная помощь съ ея стороны можетъ оказаться полезной общему дѣлу.

Такимъ образомъ, силы, которыя можно будетъ имѣть въ

своемъ распоряженіи, внѣ сомнѣнія, будутъ болѣе чѣмъ достаточны, чтобы противопоставить ихъ Франціи; останется только употреблять ихъ наиболѣе полезнымъ и выгоднымъ образомъ. Все изложенное, продолжалъ я, вполнѣ естественно требуетъ, чтобы оба кабинета пришли къ соглашенію относительно мѣстъ открытія военныхъ дѣйствій, наилучшаго плана ихъ, а также и относительно способовъ поддержанія въ союзной арміи сознанія единства цѣлей, тѣснаго единодушія и согласованности военныхъ выступленій. Не желая забѣгать по этому вопросу впередъ, чтобы по возможности не отвлекаться отъ главнаго предмета, я сказалъ Питту, что сообщу ему впослѣдствіи все, что мнѣ извѣстно объ образѣ мыслей Его Величества по этому поводу.

Переходя затѣмъ къ вопросу о способѣ сокращенія и ограниченія силъ самого врага, я высказалъ мнѣніе, что для этого необходимо избавить Голландію, Швейцарію и Италію отъ того унизительнаго порабощенія, въ которомъ держитъ ихъ Франція, а также употребить искусные дипломатическіе пріемы, чтобы убѣдить ихъ защищать самихъ себя и дѣйствовать солидарно съ коалиціей. Я замѣтилъ при этомъ, что не слѣдуетъ пренебрегать никакими средствами, имѣющимися въ нашемъ распоряженіи, чтобы подготовить ихъ къ этому съ самаго момента образованія коалиціи, и что крайне необходимо пріобрѣсти ихъ довѣріе, убѣдивъ ихъ въ полномъ отсутствіи у обѣихъ державъ, стоящихъ во главѣ коалиціи, какихъ-либо личныхъ видовъ, и въ томъ, что онѣ заботятся исключительно о возвращеніи и упроченіи ихъ политической независимости. Нужно указать, что всѣ крѣпости и форты, которые перейдутъ къ союзной арміи, или тѣ, которые она займетъ, какъ принадлежащіе державамъ, имѣющимъ въ будущемъ сохранить свою политическую независимость, какъ напр. Голландія, Швейцарія и Италія, будутъ считаться за той страной, которой онѣ принадлежатъ, и удержатся союзной арміей только до тѣхъ поръ, пока страна эта не сможетъ самостоятельно отстаивать

свою независимость, установивъ правильную форму правленія, которую она изберетъ по своему усмотрѣнію, и заключивъ со всѣми союзными державами договоръ, обезпечивающій эту независимость.

Если выступленія и воззванія Россіи и Англіи будутъ всегда согласоваться съ этими принципами, то онѣ не только произведутъ желаемое впечатлѣніе, но, очень возможно, что повліяютъ и на самую Францію и подготовятъ ее къ полезнымъ перемѣнамъ въ своемъ правительствѣ, уменьшатъ сопротивленіе и устранятъ затрудненія, могущія встрѣтиться коалиціи на пути достиженія намѣченныхъ ею цѣлей.

Питтъ отвѣтилъ, что вполнѣ согласенъ со всѣмъ, высказаннымъ мною, но что считаетъ нужнымъ замѣтить о необходимости употребить всѣ средства для привлеченія къ этой коалиціи и Пруссіи. Исходя изъ этой точки зрѣнія, онъ высказалъ свой взглядъ, при помощи какихъ обѣщаній можно будетъ склонить ее къ этому. Онъ говорилъ также насчетъ компенсацій для Австріи; но такъ какъ, по моему мнѣнію, было еще много вопросовъ, требующихъ обсужденія въ первую очередь, то я ограничился заявленіемъ, что принципъ, котораго Его Императорское Величество считаетъ нужнымъ придерживаться относительно этого рода предложеній державамъ, таковъ, что не слѣдуетъ давать болѣе самаго необходимаго, чтобы не повторилось прежней ошибки, благодаря которой всѣ предпринятыя ранѣе усилія приписывались исключительно желанію воспользоваться всеобщимъ распадомъ. Къ этому я, однако, прибавилъ, что такъ какъ, по всей вѣроятности, нельзя будетъ совершенно обойтись безъ нѣкоторыхъ предложеній державамъ, Его Величество имѣетъ по этому поводу нѣкоторые планы, которые и будутъ сообщены ему, Питту, впослѣдствіи нашимъ посланникомъ.

Что же касается субсидіи, сказалъ Питтъ, то мы доведемъ ее до возможно большихъ размѣровъ. Мы согласны дать пять милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, быть можетъ, даже нѣсколько

больше; но это все, что мы можемъ дать, ибо при большей ассигновкѣ, помимо того, что могутъ встрѣтиться затрудненія въ недостаткѣ средствъ, возникаетъ еще и то неудобство, что наши торговые обороты со странами, которымъ дадимъ субсидію, не оправдаютъ этихъ затратъ, и намъ будетъ чрезвычайно трудно провести ее. Но зато мы опредѣлимъ выдачу субсидіи съ 1-го января, т. е. за три или четыре мѣсяца до начала военныхъ дѣйствій, такъ что ко времени ихъ открытія будетъ выдана уже достаточно значительная сумма, которая и можетъ быть употреблена на необходимые для предварительныхъ приготовленій расходы.

Возвращаясь затѣмъ опять къ своему дѣлу, я сказалъ Питту, что относительно второго вопроса, состоящаго въ томъ, чтобы поставить естественный предѣлъ честолюбію Бонапарта, могущій вмѣстѣ съ тѣмъ удерживать Францію въ ея прежнихъ границахъ и воспрепятствовать ея расширенію, Его Величество полагаетъ, что *наиболѣе вѣрное и единственное, на которое можно положиться, средство* — это окружить со всѣхъ сторонъ Францію государствами, достаточно сильными, которыя выдержали бы, по крайней мѣрѣ, ея первые натиски и могли бы отстоять, до извѣстной степени, свою независимость. Исходя изъ этой точки зрѣнія, весьма необходимо серьезно заняться въ мирное время, если таковое наступитъ послѣ удачнаго окончанія войны, улучшеніемъ положенія Голландіи, Швейцаріи и Италіи, и увеличить ихъ силы присоединеніемъ къ нимъ округовъ по плану, отвѣчающему вышеуказанной цѣли. Германія, старый германскій союзъ, раздѣленная въ настоящее время на столько мелкихъ государствъ, почти не связанныхъ уже между собою, представляющая полную противоположность этому положенію, должна также въ этомъ отношеніи привлечь самое серьезное вниманіе обоихъ дворовъ. Его Императорское Величество, желая войти въ соглашеніе съ британскимъ кабинетомъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, уполномочилъ меня сообщить свои взгляды на нихъ нашему послан-

нику, который своевременно, изложитъ ихъ британскому кабинету. Я только позволю себѣ замѣтить, что Его Величество, не имѣя никакихъ личныхъ предпочтеній и желая исключительно одного—найти лучшій способъ для достиженія своей цѣли приметъ съ удовольствіемъ всѣ предположенія, какія сдѣлаетъ, ему по этому поводу британскій кабинетъ.

Съ другой стороны Его Величество убѣжденъ, что ничто не придаетъ націи большей энергіи и не способствуетъ утвержденію уваженія къ ней другихъ, какъ хорошее правительство, дѣйствующее на основахъ правосудія и справедливости, которое, привязывая людей къ родинѣ и къ законной власти, уничтожаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрывающія ее партіи, и на основаніи этого убѣжденія Его Величество желаетъ условиться съ британскимъ правительствомъ насчетъ будущихъ формъ правленія въ странахъ, которыя вернутъ свою независимость. Всѣ высказанные по этому поводу британскимъ кабинетомъ взгляды будутъ приняты Его Величествомъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Его Величество считаетъ своимъ долгомъ вставить лишь одно замѣчаніе, а именно: что во всемъ должно руководствоваться одними и тѣми же принципами, но методъ ихъ примѣненія, который необходимо измѣнять и приспособливать къ особымъ мѣстнымъ условіямъ каждой страны, должно сообразовать съ желаніемъ націи и при этомъ, по возможности, считаться съ формами правленія въ другихъ государствахъ.

Наконецъ, касаясь послѣдняго пункта договора объ укрѣпленіи созданнаго порядка при помощи благотворнаго вліянія постояннаго союза Россіи и Англіи, и полагая, что расторгнуть этотъ союзъ могла бы только полнѣйшая перемѣна политики и убѣжденій одной изъ договаривающихся сторонъ, Его Величество считаетъ, что если, дѣйствительно, удастся достигнуть этой цѣли, то средства поддерживать его найдутся сами собой. Интересы и безопасность самихъ освобожденныхъ націй, сами по себѣ будутъ вызывать необходимость суще-

ствованія этого союза. Нужно будетъ только укрѣпить на точныхъ и ясныхъ принципахъ требованія международнаго права и насколько возможно подчинить имъ дѣйствующее законодательство.

Выслушавъ меня съ большимъ вниманіемъ, Питтъ сказалъ: „Принципы, которые Его Императорское Величество желаетъ положить въ основу конвенціи съ Великобританіей, чтобы, опираясь на нихъ, дѣйствовать противъ узурпаціи Франціи, какъ нельзя болѣе совпадаютъ съ чувствами и мыслями Его Величества, Англійскаго короля, и его министерства. Вмѣстѣ съ тѣмъ они настолько соотвѣтствуютъ желаніямъ англійской націи и такъ подходятъ къ ея характеру и чувствамъ, что единственное средство у ея правительства сохранить свою популярность, это—съ точностью слѣдовать этимъ принципамъ. Къ тому же интересы самой Англіи, „Sinking fond“, имъ, Питтомъ, созданный, національный долгъ, постоянно увеличивающійся, благодаря войнамъ, также интересы торговли и успѣхъ промышленности,—все это требуетъ, чтобы, въ будущей политикѣ не уклонялись отъ мѣръ, могущихъ *привести къ установленію прочнаго всеобщаго мира* и *поддержанію его*. Британскій кабинетъ, добавилъ онъ, былъ всегда настолько проникнутъ этими чувствами, что не переставалъ ни въ мирное время, ни во время войны открыто высказывать ихъ и давать доказательства своего безкорыстія и желанія добиться, даже цѣною всевозможныхъ съ своей стороны жертвъ, возстановленія всеобщаго мира въ Европѣ“.

Дополнительная записка, переданная Питту, развивающая положенія, высказанныя имъ въ его рѣчи.

Кабинеты С.-Петербургскій и С.-Джемскій должны притти къ соглашенію по всѣмъ этимъ пунктамъ и условиться на-

счетъ династіи и лица, которому можно будетъ отдать тронъ Франціи. Если это будетъ кто-либо изъ Бурбоновъ,—то выяснить, кто именно и въ какое время его объ этомъ увѣдомить, какой политики потребовать отъ него и какія предъявить ему условія. Изъ нихъ самымъ главнымъ будетъ обязательство сохранять ту форму конституціи, которая будетъ выработана.

Выборъ лица Его Императорское Величество считаетъ дѣломъ второстепеннымъ и придаетъ ему значеніе лишь постольку, поскольку это будетъ содѣйствовать или препятствовать приведенію въ исполненіе его плановъ.

Питтъ полагаетъ, что по этимъ вопросамъ можно притти къ опредѣленному соглашенію лишь тогда, когда наступятъ самыя событія.

VIII.

Кн. Чарторижскій графу Воронцову.

Ноябрь 1804 г.

Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что договоръ съ вѣнскимъ дворомъ, два дня тому назадъ, наконецъ, подписанъ*), и курьеры русскіе и австрійскіе, съ извѣщающими объ этомъ депешами, уѣхали вчера вечеромъ.

Содержаніе договора осталось такимъ же, какое вамъ, графъ, извѣстно; въ немъ предусмотрѣна возможность нападенія на Неаполитанское королевство. Вѣнскій посланникъ настоялъ на прибавленіи оговорки о томъ, что нападеніе это не

*) Здѣсь идетъ рѣчь о секретномъ договорѣ между Россіей и Австріей, подписанномъ 25 окт.—6 ноября 1804 г. Это не былъ еще формальный союзный договоръ, предшествовавшій войнѣ 1805,—онъ только намѣчалъ его содержаніе. Договоръ этотъ былъ гораздо рѣшительнѣе трактата между Россіей и Пруссіей, заключеннаго 24 мая.

будетъ вызвано Его Величествомъ, королемъ Сициліи, и мы постарались, во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, выяснить въ отдѣльной статьѣ и, насколько можно точнѣе, что именно подразумѣвается подъ словомъ „вызвано". Пунктъ, касающійся берлинскаго двора, былъ включенъ въ отдѣльную секретную статью. Онъ заканчивается обѣщаніемъ со стороны Австріи помощи Россіи въ случаѣ нападенія на нее Пруссіи; на этотъ счетъ у посланника не было инструкціи, и онъ подписалъ его sub spe rati.

Болѣе всего насъ затруднила статья о субсидіи. Австрія требуетъ два милліона на предварительныя приготовленія и затѣмъ по четыре милліона въ годъ Пришлось пообѣщать наше содѣйствіе въ этомъ, хотя мы прекрасно сознавали всю преувеличенность такого требованія; но мы согласились на это съ оговоркой, что, въ случаѣ, неуплаты англійскимъ дворомъ этой суммы полностью, всѣ остальныя условія договора все же остаются дѣйствительными.

Этотъ столь важный пунктъ не былъ подписанъ графомъ Стадіономъ, потому что, по даннымъ ему инструкціямъ, онъ не имѣлъ на это права. Вопросъ былъ улаженъ посредствомъ дополнительныхъ заявленій. Тѣмъ не менѣе, мы сочли нужнымъ подписать договоръ, полагая, что вѣнскому двору, благодаря этому, будетъ труднѣе отказаться отъ его ратификаціи, до которой дѣло это нельзя считать вполнѣ оконченнымъ. Я забылъ сказать о количествѣ войскъ; Австрія даетъ 235.000 человѣкъ, а мы 115.000, что составитъ армію въ 350.000 человѣкъ. Не знаю, успѣютъ ли сегодня снять копіи со всѣхъ бумагъ, относящихся къ этому договору и къ посылкамъ, только что отправленнымъ въ Вѣну и въ Лондонъ. Вамъ немедленно вручатъ ихъ, графъ, и вы изъ нихъ узнаете подробно о томъ, что было сдѣлано, я же только указываю на главные пункты.

Добрѣйшій адмиралъ Вареннъ только что уѣхалъ, преисполненный благодарности за любезный пріемъ, оказанный

ему здѣсь, и за милость Государя. Новый посланникъ, лордъ Л. Говеръ, который былъ у меня всего пока два раза, кажется мнѣ человѣкомъ вполнѣ освѣдомленнымъ о ходѣ дѣлъ. Лондонскій дворъ не совсѣмъ доволенъ нами, но я льщу себя увѣренностью, что недовольство это, съ теченіемъ времени, исчезнетъ, и не теряю надежды, что дѣла примутъ хорошій оборотъ.

Въ Лондонѣ жалуются на таинственность, которой мы окружаемъ наши переговоры съ Австріей. Въ Вѣнѣ же этимъ довольны; и, дѣйствительно, если бы переговоры не велись въ столь строгомъ секретѣ, малодушный вѣнскій дворъ никогда бы не рѣшился зайти такъ далеко.

Письма графа Семена, привезенныя княземъ Черкасскимъ, прибывшимъ на англійскомъ фрегатѣ, полны выраженія довѣрія и дружбы ко мнѣ, за что я ему несказанно благодаренъ. Я имѣлъ извѣстія отъ Новосильцова изъ Стокгольма. Въ настоящее время онъ, вѣроятно, уже въ Лондонѣ. Его секретарь принесъ мнѣ бумаги, относящіяся къ комиссіи законовъ, которыя спѣшу препроводить при семъ вашему сіятельству.

IX.

Кн. Чарторижскій графу Воронцову.

2 декабря 1804 г.

Я получилъ, любезный графъ, первыя и вторыя ваши письма изъ Москвы, и чрезвычайно благодаренъ вамъ за выраженныя въ нихъ чувства довѣрія и дружбы. За послѣднее время я такъ заваленъ работой, что пропустилъ нѣсколько почтовыхъ отправокъ. Родофиникинъ передастъ вашему сіятельству все, что было написано за это время въ Англію, Неаполь и Берлинъ; прусскій король потребовалъ освобожденія Румбольда, и Франція тотчасъ же и безъ всякихъ оговорокъ удовлетворила это требованіе. Вѣнскій дворъ счелъ возмож-

нымъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы начать переговоры съ берлинскимъ дворомъ, стараясь привлечь его къ совмѣстнымъ дѣйствіямъ; но на это, по-моему, мало надежды; Пруссія желаетъ сохранить свой нейтралитетъ, какъ по отношенію къ Франціи, такъ и по отношенію къ намъ; такой, по крайней мѣрѣ, представляется мнѣ ея политика,— и въ случаѣ разрыва она можетъ причинить большія затрудненія. Вообще, найти соотвѣтствующій образъ дѣйствій по отношенію къ этому двору представляется задачей весьма нелегкой. Мы заняты составленіемъ различныхъ инструкцій Италинскому относительно новаго союзнаго договора съ Портой, который, мнѣ кажется, успокоитъ тревогу Питта. Его политика, уже въ 1790 году была проникнута величайшимъ недоброжелательствомъ ко всякимъ новымъ пріобрѣтеніямъ Россіи. Императоръ назначилъ мѣстопребываніемъ графу Лилльскому городъ Кіевъ, но покамѣстъ разрѣшилъ ему пробыть нѣкоторое время въ Митавѣ. Государь избралъ Ласси командующимъ соединенными русскими, англійскими и неаполитанскими войсками, которыя будутъ дѣйствовать въ Неаполитанскомъ королевствѣ, но тотъ отказался, ссылаясь на разстроенное здоровье. Я писалъ ему, стараясь уговорить его не отказываться отъ этого назначенія, и еще не теряю надежды, что онъ согласится. Для остальныхъ армій командующіе еще не назначены, а также и самыя арміи еще не сформированы. Мы ждемъ, чтобы вѣнскій дворъ представилъ ихъ планъ, о которомъ ихъ уже просили. Князь Циціановъ пріобрѣлъ расположеніе государя, и я думаю, что его призовутъ для ближайшаго участія въ дѣлѣ. Покуда дѣла въ Грузіи очень поправились, благодаря присутствію тамъ князя Циціанова; онъ, я надѣюсь, немедленно пойдетъ на Эривань и возьметъ ее. Только послѣ этого Грузія можетъ надѣяться на нѣкоторое успокоеніе. Государь думаетъ назначить герцога Ришелье преемникомъ князя Циціанова. Онъ обладаетъ военными и административными способностями, чрезвычайно безкорыстенъ,

прямодушенъ и весьма исполнителенъ; онъ уже бывалъ на войнѣ. Не знаю, графъ, каково ваше мнѣніе насчетъ этого выбора, но мнѣ кажется, что онъ чрезвычайно удаченъ; единственнымъ возраженіемъ могло бы быть то, что Ришелье французъ. Но его честность и преданность государю кажутся внѣ всякаго сомнѣнія. Я въ отчаяніи, графъ, что мое замѣчаніе о плохомъ состояніи вооруженія донскихъ казаковъ разсердило васъ; приму къ свѣдѣнію ваши справедливыя замѣчанія на этотъ счетъ, но съ вашего позволенія, ничего не отвѣчу на процитированный вами афоризмъ Бонапарта. Впрочемъ, дѣла поправились во всѣхъ отношеніяхъ и, видя это, нельзя не повторять сотни разъ, что *русскій Богъ непрестанно хранитъ Россію.*

Графъ Бутурлинъ писалъ мнѣ, напоминая о своемъ повышеніи, и я поспѣшилъ до его отъѣзда увѣрить его, что буду очень радъ быть ему полезнымъ въ этомъ отношеніи. Но теперь, приказавъ подать себѣ послужные списки, я, къ сожалѣнію, увидѣлъ, что есть много людей старше его и по образованію, и по службѣ. Какимъ же образомъ можно было бы подвинуть его по службѣ, не совершивъ несправедливости по отношенію ко всѣмъ этимъ людямъ? Я прошу ваше сіятельство велѣть подать себѣ эти списки и, при случаѣ, поговорить объ этомъ съ графомъ Бутурлинымъ.

Что касается маленькаго Дивова, то, если вы, графъ, возьмете его къ себѣ, это ни на кого не произведетъ дурного впечатлѣнія. Впрочемъ, я непремѣнно постараюсь (какъ обѣщалъ г-жѣ Дивовой) сдѣлать все отъ меня зависящее, чтобы этотъ молодой человѣкъ не пострадалъ отъ непріятности, въ которой онъ неповиненъ. Я вернусь еще къ этому вопросу, и можетъ быть мнѣ удастся это дѣло.

Мнѣ очень непріятны лживые толки о путешествіи Новосильцова, но его возвращеніе прекратитъ ихъ. Я сжегъ письмо княгини Пашковой и чрезвычайно признателенъ вамъ за то, что вы довѣрились мнѣ въ этомъ, а также за вашъ, въ сущности, прекрасный отвѣтъ на него.

Я буду имѣть въ виду Чуракова и постараюсь замѣнить его кѣмъ-либо порядочнымъ.

Примите увѣреніе въ моей неизмѣнной дружбѣ и уваженіи. Я убѣдительно прошу васъ, графъ, сообщить мнѣ болѣе подробныя свѣдѣнія о вашемъ здоровьѣ. Вы сказали мнѣ о немъ всего два слова, которыя меня мало удовлетворили.

P. S. Было бы желательно, чтобы ваше сіятельство написали съ своей стороны генералу Ласси и уговорили его не быть слишкомъ разборчивымъ. Тутъ недавно усилились сплетни, которыя едва не повредили дѣлу и затормозили его. Много шиповъ скрывается за мишурнымъ блескомъ этого свѣта! Нитровъ, о которомъ вы говорите въ вашемъ послѣднемъ письмѣ, графъ, скоро пріѣдетъ.

2 декабря.

P. S. Это письмо было готово, но я опоздалъ его отправить. Въ это время я получилъ извѣстіе о пріѣздѣ Новосильцова въ Лондонъ. Онъ очень доволенъ пріемомъ, оказаннымъ ему нашимъ посланникомъ и его любезнымъ отношеніемъ къ нему. Графъ Семенъ, съ своей стороны, кажется, очень доволенъ новоприбывшимъ, чему я чрезвычайно радъ. Есть еще нѣкоторые пункты, на которые я долженъ отвѣтить вашему сіятельству, но въ этомъ письмѣ я не могу этого сдѣлать, такъ какъ сегодня Михайловъ день, и я долженъ быть во дворцѣ. Еще разъ выражаю вашему сіятельству увѣренія въ моей неизмѣнной преданности.

X.

Записка объ устройствѣ европейскихъ дѣлъ, въ случаѣ удачнаго окончанія войны.

(1804).

Австрія получитъ Баварію и тѣ области въ Швабіи и Франконіи, которыя сама выберетъ; Тироль образуетъ свои владѣнія изъ венеціанской провинціи и Далматіи.

Эрцгерцогъ Карлъ получитъ княжество въ Германіи или Италіи, такъ же какъ и эрцгерцогъ, бывшій великій князь тосканскій. Можно дать одному изъ нихъ Венецію.

Пьемонтъ будетъ отданъ сардинскому королю вмѣстѣ съ Генуей и частью Ломбардіи, что образуетъ значительную промежуточную монархію, поддерживать и укрѣплять которую, насколько возможно, въ интересахъ Россіи. Такой же интересъ представляютъ и Сицилійское королевство, которому будетъ возвращенъ его законный король.

Пруссія получитъ на сѣверѣ Германіи герцогство бергское, герцогство мекленбургское, Фульду и Анспахъ и т. д. Швеція получаетъ новое княжество въ Германіи, по своему выбору. Границами Франціи, на извѣстномъ протяженіи, останутся Альпы и Рейнъ.

Въ Голландіи возстанавливается республика съ наслѣдственнымъ штатгальтеромъ и къ ней отходитъ часть австрійскихъ Нидерландовъ. Швейцаріи обезпечивается независимость.

Всѣ мелкія государства Германіи, не захваченныя Австріей и Пруссіей, образуютъ, между Франціей, Австріей и Пруссіей, Германскую имперію, и къ этой федераціи примкнутъ Швейцарія и Голландія. Русскій Императоръ, принявъ титулъ царя Польскаго, получаетъ всѣ земли, принадлежавшія Польшѣ до ея перваго раздѣла, включая и такъ называемое Прусское королевство (sic); такимъ образомъ новая граница Россіи пройдетъ отъ Данцига до истоковъ Вислы и оттуда, вдоль Карпатскихъ горъ, до истоковъ Днѣстра.

Примѣчаніе: удовлетворенія, предложенныя Австріи и Пруссіи, согласно статей договора, съ избыткомъ вознаградятъ эти державы за уступки, которыя онѣ сдѣлаютъ Россіи въ силу этого передѣла Европы. Въ настоящее время почти всѣ земли Германіи могутъ служить предметомъ переговоровъ, въ виду не заслуживающаго никакой пощады поведенія германскихъ князей. Владѣніями Италіи тоже, въ случаѣ надобности, можно воспользоваться для удовлетворенія Австріи. Но вѣнскій дворъ

долженъ предпочесть для себя Германію, южная часть которой изъ всѣхъ областей Европы менѣе всего интересуетъ насъ и въ которой соперничество Австріи и Пруссіи будетъ всегда поддерживать нѣкотораго рода равновѣсіе.

Что касается Пруссіи, то ей, въ случаѣ крайней надобности, можно будетъ, съ согласія Англіи, предложить Голландское королевство.

Однако, для соблюденія общихъ интересовъ, желательно было бы придерживаться намѣченнаго выше плана. Если удастся его осуществить, то, по установленіи мира, въ Европѣ образуются пять великихъ державъ: Россія, Англія, Австрія, Франція и Пруссія; изъ нихъ Россія и Англія, какъ имѣющія одинаковые интересы и планы, останутся, вѣроятно, союзницами; остальныя три едва ли будутъ въ состояніи соединиться и нарушить установленное равновѣсіе; все же нужно будетъ неусыпно слѣдить за ихъ политикой и удерживать ее въ извѣстныхъ границахъ. Кромѣ того, противовѣсомъ имъ будутъ служить три значительныя группы государствъ; каждая изъ этихъ группъ будетъ связана внутреннимъ союзомъ; это — 1) Испанія и Португалія, 2) Италія и 3) земли, составляющія Германію. Этимъ тремъ группамъ выгоднѣе всего будетъ примкнуть къ Россіи и Англіи и поддерживать ихъ вліяніе, и точно также Россія и Англія съ своей стороны будутъ заинтересованы въ томъ, чтобы защищать и укрѣплять эти государства. Намъ кажется, что при такомъ раздѣленіи Европы, Россія получитъ первенствующее вліяніе въ дѣлахъ, которое еще болѣе упрочится тѣмъ, что Франція и Англія будутъ соперничать въ поддержаніи съ ней дружбы. Цѣль этого примѣчанія — доказать полную возможность вознаградить Австрію и Пруссію, а также возможность и для Россіи, при помощи опытныхъ посредниковъ, добиться для себя нѣкоторыхъ выгодъ, на которыя она вправѣ расчитывать, и притомъ съ сколь возможно меньшимъ ущербомъ для остальной Европы.

Я не упомянулъ здѣсь о Турціи. Быть можетъ, лучше было бы, возобновивъ прежніе переговоры съ ней, оставить ее пока

какъ она есть, измѣнивъ только - положеніе Сербіи, Черногоріи, къ которой надлежитъ присоединить Катарро, и Іонійской республики. Если же когда-либо придется окончательно рѣшать судьбу европейской Турціи, то державы, имѣющія право на полученіе удовлетворенія, должны будутъ удовольствоваться лишь отдѣльными подходящими для нихъ пунктами и округами. Главная же часть владѣній епропейской Турціи должна быть раздѣлена на самостоятельныя области, пользующіяся мѣстной автономіей и объединенныя общимъ федеративнымъ управленіемъ. Россія можетъ обезпечить себѣ рѣшительное и законное вліяніе на эту федерацію, если Его Императорскому Величеству будетъ предоставленъ титулъ императора или протектора славянскихъ и восточныхъ народовъ. Впрочемъ, участіе Россіи въ освобожденіи этихъ странъ, общность религіи и происхожденія, умѣлый выборъ мѣстностей, которыя будутъ заняты нашими войсками, и мудрая политика—вѣроятно, и сами по себѣ установили бы это вліяніе.

Въ случаѣ, если бы потребовалось заручиться согласіемъ Австріи, то ей можно будетъ дать Кроацію, часть Босніи и Валахіи, Бѣлградъ, Рагузу и т. д. Россія же получитъ Молдавію, Катарро, Корфу и, что самое важное—Константинополь и Дарданеллы, съ ближайшими портами, обладаніе которыми утвердило бы тамъ за нами господствующее положеніе; Франціи и Англіи можно было бы предложить нѣкоторые острова въ архипелагѣ или же колоніальныя владѣнія въ Азіи и Африкѣ.

XI.

Записка объ отношеніяхъ Россіи и Пруссіи.

(17 января 1806 г.) *)

Судьба европейскаго континента находится въ настоящее время въ рукахъ трехъ державъ: Россіи, Франціи и Пруссіи.

---

*) Эта записка и нѣкоторыя слѣдующія относятся, какъ видно, ко времени, непосредственно слѣдовавшему за кампаніей 1805 года,

Порабощеніе второстепенныхъ державъ или обезпеченіе Европѣ если не постоянной независимости и благополучія, то, по крайней мѣрѣ, временнаго спокойствія и тишины, зависитъ отъ будущихъ отношеній между этими державами, отъ политики каждой изъ нихъ и, наконецъ, отъ того, насколько въ своихъ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ онѣ обнаружатъ умѣренность или алчность, энергію или слабость.

Намѣреваясь въ этой запискѣ обсудить болѣе подробно политическія отношенія Пруссіи и Россіи, я упомяну и о Франціи, постольку, поскольку она вліяетъ на наши отношенія съ берлинскимъ дворомъ.

Прежде всего я внимательно прослѣжу отличительныя черты политики каждой изъ этихъ державъ, и если при этомъ придется высказать какія-либо предположенія на ихъ счетъ, я буду дѣлать это преимущественно на основаніи извѣстныхъ и точно установленныхъ результатовъ, принесенныхъ тѣми принципами, какихъ онѣ придерживались съ самаго начала европейскихъ переворотовъ.

Россія ничего не имѣла въ виду пріобрѣтать для себя, но она не желаетъ и не должна уступать того мѣста и той роли среди европейскихъ державъ, которыхъ она достигнула славными трудами въ теченіе цѣлаго вѣка. Довольствуясь своими преимуществами, она стремилась лишь ограждать слабыхъ отъ нападеній сильныхъ; оружіемъ ея всегда было обращеніе къ праву и справедливости, только, въ случаѣ безуспѣшности такихъ попытокъ, она прибѣгала къ силѣ. И развѣ безплодно было это послѣднее крайнее средство въ ея рукахъ? Сохраненіе общаго къ себѣ довѣрія служитъ ей наградой или по крайней мѣрѣ даетъ ей возможность забыть свои временныя неудачи.

окончившейся Аустерлицкимъ сраженіемъ, когда отношенія Россіи и Франціи были еще довольно неопредѣленными. Пруссія, съ своей стороны, въ ожиданіи разрыва, повлекшаго нѣсколько мѣсяцевъ спустя войну 1806 г., вела въ это время переговоры съ Франціей.

Францiя занимаетъ въ Европѣ въ настоящее время положенiе и роль, никогда не принадлежавшiя ей раньше. Пользуясь превосходствомъ своихъ силъ, она господствуетъ надъ большею частью сосѣднихъ съ ней государствъ. Но далеко не довольствуясь этимъ блестящимъ и болѣе влiятельнымъ сравнительно съ Пруссiей и Россiей положенiемъ, она стремится расширить свое господство до безконечности. Чувство умѣренности чуждо ей. Помимо могущества на континентѣ, ей хочется стать полудержавнымъ властелиномъ и на моряхъ, а, въ случаѣ успѣха въ этомъ направленiи, завтра же у нея явится желанiе захватить морское владычество исключительно въ однѣ свои руки.

Между этимъ колоссомъ и Россiей, при существованiи прежняго европейскаго равновѣсiя, не имѣвшими повода сталкиваться другъ съ другомъ, находится Пруссiя: робкая по усвоенной системѣ и вслѣдствiе необходимости беречь силы, она ничего не можетъ предпринять сама по себѣ ни въ отношенiи Францiи, ни въ отношенiи Россiи.

Если бы эти двѣ державы пользовались одинаковымъ влiянiемъ и дѣйствовали въ полномъ согласiи, стремленiе Пруссiи угождать имъ обѣимъ было бы совершенно правильно. Но, находясь между ними въ то время, когда одна изъ нихъ постоянно стремится къ захватамъ, а другая желаетъ только защищать отъ этой опасности своихъ союзниковъ, Пруссiя должна была бы послѣдовать голосу всей Европы, призывающему ее къ единенiю съ Россiей для образованiя совмѣстнаго оплота противъ Францiи. Званiе первостепенной державы обязываетъ ее къ этому. Россiя же съ своей стороны должна употребить всѣ мѣры, чтобы доставить Пруссiи возможность успѣшно выполнить этотъ долгъ. Россiя оказалась бы виновной передъ всей Европой и передъ самою собой, если бы пренебрегла этой обязанностью. Но, съ другой стороны, она не въ меньшей мѣрѣ должна будетъ упрекать себя и въ томъ случаѣ, если не будетъ искать средствъ для защиты слабыхъ державъ

отъ окончательнаго порабощенія, а также для обезпеченія собственной безопасности, въ другихъ комбинаціяхъ, помимо союза съ Пруссіей, лишь только обнаружится, что Пруссія уклонится отъ дѣйствій, вызываемыхъ общими интересами Европы, либо по необходимости, либо въ силу своей общей системы, либо подъ давленіемъ недоброжелательной и слишкомъ преданной собственнымъ интересамъ партіи. Правда, на возможность другихъ комбинацій надежды будетъ мало, даже и въ томъ случаѣ, если Россія, усыпленная неопредѣленными обѣщаніями, все же замѣтитъ, хотя и слишкомъ поздно, что Пруссія склонна скорѣе выполнить всѣ требованія Франціи нежели начать дѣйствовать противъ нея, заодно съ Россіей.

Если считаться только съ тѣмъ, что требуютъ отъ Пруссіи интересы всей Европы, то подобное рѣшеніе съ ея стороны должно казаться невозможнымъ, въ виду настоящаго положенія на континентѣ; но не слѣдуетъ забывать, что и слабости, и пороки людскіе, часто одинаково опасные, могутъ оказаться сильнѣе требованій принциповъ и что малодушіе, страхъ и распущенность въ одинаковой мѣрѣ способны заставить Пруссію принять самыя пагубныя рѣшенія, какъ для нашихъ интересовъ, такъ и для интересовъ всей Европы.

Россія можетъ стать жертвой этихъ обстоятельствъ, если не будетъ предусмотрительна и не подготовится къ нимъ. Поэтому, въ первую очередь, она должна выяснить себѣ на основаніи прежней политики Пруссіи, что можно ожидать отъ нея въ будущемъ? Къ какимъ мѣрамъ прибѣгнетъ Россія, если точное выясненіе положенія дѣлъ уже теперь ясно ей укажетъ, какъ мало можетъ она разсчитывать на свою сосѣдку? Попытается ли она заставить ее принять соотвѣтствующую обстоятельствамъ политику? По какимъ признакамъ опредѣлитъ она, слѣдуетъ ли Пруссія этой политикѣ или, наоборотъ, уклоняется отъ нея болѣе чѣмъ когда-либо и, наконецъ, что произойдетъ, если мы, поглощенные всецѣло переговорами съ Пруссіей, не подготовимъ себѣ пути для другихъ соглашеній, способныхъ,

въ случаѣ отказа Пруссіи отъ союза, чѣмъ-либо содѣйствовать великодушнымъ намѣреніямъ Россіи? Перейдемъ къ подробному выясненію всѣхъ этихъ вопросовъ.

Оглядываясь на прошлое, мы находимъ слѣдующіе факты: въ продолженіе прошлой войны Россія тщетно пробовала всѣми средствами убѣдить Пруссію принять въ ней участіе. Держава эта образовала демаркаціонную линію, весьма стѣснявшую военныя операціи воюющихъ сторонъ; сохраняя внѣшній нейтралитетъ, она фактически была союзницей Франціи; вознагражденіемъ за эту, якобы пассивную, политику явились тѣ огромныя выгоды, какія Пруссія получила при раздѣлѣ Германіи.

Когда, среди мира, установившагося на континентѣ послѣ Люневильскаго и Аміенскаго договоровъ, а также при вспышкѣ морской войны, не имѣвшей никакого отношенія къ континенту, Бонапартъ сталъ производить захваты, даже въ бо̂льшей мѣрѣ, чѣмъ онъ дѣлалъ во время континентальной войны, и самовластно началъ нарушать положенія международнаго права, законы и неприкосновенность нейтральныхъ территорій,—Пруссія первая, съ одной стороны, гарантировала ему безнаказанность его захватовъ, съ другой—всячески старалась оправдывать и извинять его насилія. Сдѣланныя Россіей дружественныя, но твердыя и опредѣленныя представленія не могли заставить Пруссію отказаться отъ такого рода политики, проявившейся особенно ярко въ ея стремленіи помѣшать одному изъ монарховъ, которому угрожала Франція, принять необходимыя для своей защиты мѣры.

Когда опасность, угрожавшая Европѣ, возрасла, и Россія сочла нужнымъ принять энергичныя мѣры для противодѣйствія быстрымъ успѣхамъ Бонапарта, Пруссіи было предложено принять участіе въ общей защитѣ. Но Пруссія всегда отказывалась отъ этого, сохраняя въ то же время видъ величайшаго безпристрастія и безграничнаго расположенія къ особѣ Императора Александра. Завѣренія Пруссіи всегда заключались

въ томъ, что она желаетъ успѣшнаго проведенія плановъ Россіи, но ея король не можетъ принять въ нихъ участія въ силу усвоенной имъ системы ненарушимаго нейтралитета по недостатку средствъ, а также вслѣдствіе того, что военныя приготовленія грозили бы ему неминуемыми опасностями.

Одинъ прусскій генералъ, убѣдившійся въ твердости намѣреній русскаго Императора, посвятившаго его въ свои планы и желанія, и сумѣвшій оцѣнить важное значеніе предложеній, сдѣланныхъ этимъ монархомъ Пруссіи, поспѣшилъ сообщить о нихъ своему повелителю и старался поддержать ихъ передъ нимъ. И что же? Генералъ этотъ въ награду за свое опрометчивое усердіе впалъ въ немилость и опалу.

Россія, желая все же убѣдиться, до какой степени непоколебимо это равнодушіе Пруссіи, пробовала принимать болѣе рѣшительныя мѣры, сопровождая ихъ, однако, самыми дѣйствительными доказательствами своего довѣрія и дружбы. Русскія войска приблизились къ прусской границѣ; но Пруссія не нашла въ этомъ достаточнаго основанія для измѣненій своей политики. Она запротестовала противъ угрожавшаго ей, по ея мнѣнію, насилія; по ея словамъ, она только и думала, что о своей якобы оскорбленной чести и поспѣшно отдала войскамъ приказъ приступить немедленно къ мобилизаціи. Можно было подумать, что Пруссія погибла бы, если бы хоть одинъ русскій солдатъ перешагнулъ черезъ ея границу. Россія пріостановила движеніе своихъ войскъ и не оскорбила независимости королевства. Но эта уступка сдѣлалась источникомъ новыхъ несчастій. Французы, вовсе не считавшіеся съ неприкосновенностью прусской территоріи, успѣли разбить австрійцевъ и двинуться на Ольмюцъ, прежде чѣмъ русскія войска, задержанныя вначалѣ отказомъ Пруссіи пропустить ихъ черезъ свои владѣнія, затѣмъ чрезмѣрной медлительностью тѣхъ военныхъ распоряженій, какія потребовались благодаря слишкомъ позднему полученію разрѣшенія на проходъ,—могли придти на помощь Австріи.

Нарушеніе Франціей неприкосновенности прусской территоріи, казалось, измѣнило на нѣкоторое время систему Пруссіи, и она съ поразительной наивностью созналась, что ея прежняя политика была всецѣло направлена въ пользу Франціи. Но эта благопріятная перемѣна продолжалась недолго. Когда дѣло дошло до выработки условій вступленія Пруссіи въ коалицію, она пустила въ ходъ всѣ силы для уничтоженія значенія этого акта. Она выдвинула на первый планъ самыя тяжкія для насъ условія, и хотя Россіей всѣ они были приняты, берлинскій кабинетъ (если предположить, что король не принималъ личнаго участія въ составленіи этихъ условій) нашелъ средства освободить себя отъ всякихъ обязательствъ или, по крайней мѣрѣ, свести къ нулю ихъ значеніе какъ выборомъ уполномоченнаго для выполненія главныхъ условій договора и медлительностью военныхъ приготовленій, такъ и тѣмъ, что не торопилъ короля условиться съ нами насчетъ плана кампаніи и успокоить насъ обѣщаніемъ своего немедленнаго содѣйствія.

Но эта политика относится еще къ тому времени, когда дѣйствія Пруссіи могли быть вызваны приписываемымъ ей соперничествомъ съ Австріей и нежеланіемъ подвергать себя опасности ради соперницы. Посмотримъ теперь, насколько добросовѣстнѣе берлинскій кабинетъ исполнилъ свои обязательства, послѣ того, какъ разбитая Австрія уступила ей свое первенство въ дѣлѣ охраненія Европы, и, въ особенности, прослѣдимъ, какъ отвѣтила Пруссія, въ столь рѣшительный моментъ, на сдѣланныя ей Россіей предложенія.

Императоръ, видя, что Австрія вынуждена заключить миръ съ Франціей, предоставилъ прусскому королю всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи военныя силы и обѣщалъ предоставить ему и всѣ войска своей имперіи, въ случаѣ войны между Франціей и Пруссіей.

Король располагалъ въ то время войскомъ въ 310.000, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Прусскія войска, исключая резервные батальоны	193.000	чел.
Саксонскія	15.000	„
Гессенскія	16.000	„
Г. Дармштадтскія	8.000	„
Брауншвейгскія	3.000	„
Англійскія и Ганноверскія . . .	24.000	„
Русскія	40.000	„
Итого войскъ, находившихся подъ начальствомъ короля: . .	310.000	чел. *)

Исчисленіе это было сдѣлано барономъ Гарденбергомъ послѣ Аустерлицкаго сраженія.

Россія во всемъ оставалась вѣрной духу политики, указанной въ началѣ этой записки. Въ награду за свою искренность и доброжелательство, она желала лишь тѣсныхъ узъ, довѣрія и полной согласованности въ предпринимаемыхъ рѣшеніяхъ, на что имѣла право надѣяться.

Но, напротивъ, съ этого момента вся искренность въ отношеніяхъ исчезла, и отъ этой, казалось, непоколебимой дружбы осталась лишь внѣшность. Пруссія вошла въ мирное соглашеніе съ Франціей, не только не посовѣтовавшись съ Россіей, но даже не сообщивъ ей о принятыхъ ею на себя обязательствахъ. За эти новыя проявленія угодливости берлинскій кабинетъ получилъ награду изъ рукъ Бонапарта. По слабости или просто изъ страха король исполнилъ все, чего хотѣли его совѣтники. Содержаніе этихъ переговоровъ неизвѣстно, но одно несомнѣнно: удаленіе изъ Пруссіи русскихъ войскъ было поставлено условіемъ возможнаго въ будущемъ полученія владѣній, принадлежавшихъ союзнику императора.

Но всего замѣчательнѣе, что Пруссія оставила за собой до

---

*) Такъ въ подлинникѣ: итогъ не соотвѣтствуетъ суммѣ слагаемыхъ.

конца распоряженіе союзными войсками и что она, съ выгодой для себя и въ ущербъ союзникамъ, использовала ихъ присутствіе во время переговоровъ съ Франціей.

Столь систематическое упорство Пруссіи въ пагубномъ отношеніи къ интересамъ Европы, несмотря на вызываемыя подобной политикой зловѣщія послѣдствія и вопреки всему тому, что, казалось, должно было бы побудить Пруссію въ послѣднее время измѣнить свой образъ дѣйствій, и, несмотря на всевозможныя мѣры, безпрестанно принимавшіяся Россіей, съ цѣлью склонить ее къ этой перемѣнѣ,—требуетъ съ нашей стороны самаго вдумчиваго вниманія,

Трудно предположить, чтобы подобное упорство и цѣлый рядъ выступленій одного и того же характера, съ тѣми же разсчетами и все въ томъ же направленіи, вызывались бы лишь однимъ недоброжелательнымъ отношеніемъ къ намъ нѣкоторыхъ членовъ кабинета. Побудительной причиной подобнаго поведенія скорѣе можно считать тѣ скрытыя цѣли, которыя часто тайно преслѣдуются политикой государствъ и объясненіе которыхъ можно искать какъ въ географическомъ положеніи этихъ государствъ, такъ и въ качествѣ и количествѣ средствъ, коими они располагаютъ.

Поэтому нельзя составить о Пруссіи точнаго представленія, не выяснивъ предварительно весьма тщательно вопроса, что представляетъ изъ себя это государство, призванное играть во всеобщемъ европейскомъ переворотѣ столь видную и вмѣстѣ съ тѣмъ столь пагубную роль.

Могущество Пруссіи призрачно; оно было создано геніемъ, а теперь, когда генія не стало, быть можетъ, только такая двойственная и корыстная политика и въ состояніи поддерживать ея государственное зданіе, которое можно сравнить съ колоссомъ на глиняныхъ ногахъ. Ея территорія, увеличивавшаяся постепенно, состоитъ исключительно изъ разнородныхъ и разбросанныхъ областей. Несмотря на это, Пруссія содержитъ армію, численностью своей на много превышающую обычное

соотношеніе между доходами, количествомъ народонаселенія и военными силами государства. Укрѣпленіе и увеличеніе своихъ средствъ является главной задачей прусской политики, передъ которой всѣ остальныя соображенія, за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыя диктуются страхомъ, отходятъ на второй планъ. Поэтому Пруссія всюду ищетъ своихъ выгодъ, вмѣшивается во всѣ европейскія дѣла съ цѣлью играть роль, но чувствуя свою слабость, направляетъ свою политику такимъ образомъ, чтобы избѣгать рѣшительныхъ дѣйствій. Она идетъ на уступки, лишь только является надобность обнажить мечъ, ибо однѣми своими силами не въ состояніи вести успѣшно и двухлѣтней войны. Это слабосиліе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе играть роль, или необходимость ее поддерживать и вызываемая этимъ потребность округлять и расширять свои владѣнія, вынуждаютъ Пруссію держаться политики, стремящейся къ комбинаціямъ, существенно противоположнымъ интересамъ Европы, а также идущей въ разрѣзъ съ политикой Россіи, при первыхъ же попыткахъ этой державы осуществить свои высокіе и великодушные планы. Пока Россія будетъ продолжать слѣдовать усвоенной ею политикѣ покровительства и поддержки по отношенію къ слабымъ государствамъ, а Франція будетъ упорствовать въ политикѣ разрушенія и захвата, которую она ведетъ такъ успѣшно,—до тѣхъ поръ Пруссія, вѣрная своей системѣ, предпочтетъ стать на сторону Франціи.

Хотя честолюбіе и алчность Бонапарта ненасытны, Пруссія твердо и, пожалуй, не безъ основаній, будетъ вѣрить, что если она и станетъ его жертвой, то во всякомъ случаѣ въ числѣ послѣднихъ, и что до своего порабощенія она успѣетъ еще оказать ему добровольно много услугъ

Идя навстрѣчу волѣ Бонапарта, она ничего не теряетъ, а можетъ только выиграть, тогда какъ осмѣливаясь противодѣйствовать ему, она рискуетъ навлечь на себя его гнѣвъ, послѣдствія котораго ей хорошо извѣстны, какъ потому, что было съ другими, такъ и по собственному опыту.

Заботясь объ укрѣпленіи своихъ владѣній, Пруссія радѣетъ также и о распространеніи своего вліянія тамъ, гдѣ это ей доступно. Она хочетъ не только утвердить свое владычество на сѣверѣ Германіи, но и устранить тамъ всякое постороннее вліяніе, въ частности же—вліяніе, на которое можетъ и должна разсчитывать въ своихъ интересахъ Россія. Съ этой цѣлью, она всяческими способами ищетъ возможности предупредить и парализовать усилія Россіи въ этомъ направленіи.

Существуетъ еще одинъ пунктъ, отдаляющій Пруссію отъ Россіи. Пруссія всегда была и будетъ соперницей Австріи въ дѣлахъ Германіи, мы же въ этихъ дѣлахъ должны стоять на сторонѣ Австріи и направлять ея виды на Германію, для того, чтобы она не противилась нашимъ видамъ на Турцію. Франція же, напротивъ, всегда будетъ естественной союзницей Пруссіи противъ Австріи.

Что же касается опасенія захватовъ, то въ этомъ отношеніи Россія также должна внушать Пруссіи больше тревоги, нежели Франція; послѣдняя и безъ того ужъ съ избыткомъ обогатилась и врядъ ли захочетъ присвоить себѣ какую-либо изъ областей Пруссіи; тогда какъ для Россіи, если только она пожелаетъ когда-либо увеличить свою территорію, будетъ выгодно сдѣлать это именно за счетъ Пруссіи. Для насъ было бы желательно обладать землями по теченію Нѣмана и Вислы; онѣ такъ необходимы для нашей торговли и такъ близки отъ насъ, что уже не разъ обращали на себя наше вниманіе и, рано или поздно, должны отойти къ намъ. Пруссія это чувствуетъ, боится этого и потому будетъ постоянно стремиться къ уменьшенію нашего значенія и вліянія въ Европѣ, въ какую бы сторону мы его ни направляли. Въ особенности же она боится обращенія нашихъ желаній на австрійскую Галицію, ибо нахожденіе этой послѣдней въ рукахъ Россіи представляетъ для Пруссіи гораздо болѣе опасности, чѣмъ въ рукахъ Австріи. Дѣйствительно, обладая этой частью Галиціи, мы, въ случаѣ надобности, можемъ посылать свои войска въ са-

мый центръ Пруссіи. Явная соперница Австріи, Пруссія не скрываетъ чувствъ зависти и недовѣрія къ этой державѣ. Втайнѣ Пруссія питаетъ такія же чувства и къ намъ, быть можетъ, даже еще въ большей степени, съ того времени, какъ ослабѣвшая Австрія внушаетъ ей менѣе опасеній. По этимъ двумъ причинамъ Пруссія втайнѣ не можетъ не желать успѣха Франціи, на которую она смотритъ, какъ на дѣйствительную опору свою во всѣхъ будущихъ событіяхъ.

Ничто не можетъ искоренить въ глазахъ берлинскаго кабинета значенія всѣхъ этихъ комбинацій. Система, принятая Россіей, равно какъ и извѣстныя чувства расположенія къ Россіи теперешняго прусскаго государя, лишь въ самой слабой степени успокаиваютъ опасенія берлинскаго кабинета. Всѣ эти соображенія бросаютъ новый свѣтъ на нарисованную выше картину политики берлинскаго кабинета. Принципы ея подверждаются фактами; нечего удивляться имъ а лучше скорѣе утвердиться на той мысли, что отъ Пруссіи трудно ожидать вступленія въ искренній союзъ съ Россіей и что она всегда будетъ стремиться уменьшать наше значеніе въ Европѣ и тайно поддерживать Францію. Побуждаемая личными интересами, она можетъ даже открыто соединиться съ Франціей, и тогда возможно, что мы будемъ свидѣтелями возстановленія стараго союза Франціи, Пруссіи и Турціи противъ Россіи.

Такова совокупность интересовъ, къ которымъ всегда будетъ тяготѣть Пруссія. Временныя причины, быть можетъ, будутъ иногда отвлекать ее отъ нихъ, но эти отклоненія будутъ скоропреходящи и случайны, и, въ концѣ концовъ, она неизмѣнно будетъ возвращаться на свой прежній путь. Въ виду представляющейся мнѣ теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, крайней необходимости составить себѣ вѣрное понятіе о принципахъ, несомнѣнно положенныхъ въ основу политики Пруссіи, какъ вообще, такъ, въ частности, и въ сношеніяхъ съ Россіей, я счелъ нужнымъ нарисовать правдивую картину, основанную на размышленіи и опытѣ, чтобы имѣть возможность

принять въ отношеніи этого двора сейчасъ, или въ будущемъ, такую тактику, которая успѣшнѣе всего привела бы насъ къ цѣли.

Какъ бы малы ни были наши надежды на привлеченіе Пруссіи къ искреннему союзу съ Россіей, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что только этотъ союзъ и можетъ явиться спасеніемъ для Европы, и ничто не можетъ отозваться пагубнѣе тѣснаго сближенія Бонапарта съ Пруссіей. Чѣмъ болѣе будетъ выясняться склонность Пруссіи къ сближенію съ Франціей, тѣмъ болѣе нужно будетъ стараться помѣшать упроченію чрезмѣрнаго вліянія послѣдней въ Берлинѣ и использовать всякое благопріятное обстоятельство для уменьшенія этого вліянія, поддерживаемаго сильной партіей и въ министерствѣ, и при дворѣ.

Россія должна испробовать всѣ средства для достиженія этой цѣли, тщательно избѣгая при этомъ увлеченій ложными политическими пріемами. Конечно, въ высшей степени полезно было бы связать Пруссію какими-либо болѣе или менѣе опредѣленными обязательствами по отношенію къ намъ, для чего необходимо использовать всевозможныя средства, дѣйствуя при этомъ настойчиво, убѣжденіями и дружескими совѣтами. Берлинъ долженъ сдѣлаться главнымъ центромъ политическаго вниманія Россіи. Необходимо, чтобы наши агенты узнали до мельчайшихъ подробностей о намѣреніяхъ и сношеніяхъ берлинскаго двора, для подготовленія къ отвѣту на возможныя съ его стороны предложенія.

Разумѣется, нашимъ агентамъ ни въ коемъ случаѣ не должно разрѣшать утверждать или гарантировать Пруссіи тѣ выгоды, которыя она будетъ пріобрѣтать цѣною угодливости Франціи. Напротивъ, необходимо даже довести черезъ нихъ до свѣдѣнія Пруссіи, что Россія можетъ не потерпѣть политики, противорѣчащей ея намѣреніямъ, и возбудить въ Пруссіи страхъ передъ Россіей столь же сильный или хотя бы приблизительно такой, какой внушаетъ ей Бонапартъ.

Въ нашей политической тактикѣ, въ Петербургѣ, во время пребыванія у насъ герцога Брауншвейгскаго, въ виду хорошо извѣстнаго характера его, мы особенно старательно должны держаться той же системы, чтобы насъ не вовлекли въ ошибочныя дѣйствія, ибо герцогъ этотъ, вѣроятно, будетъ пытаться склонить Россію къ поступкамъ, могущимъ отдалить ее отъ ея настоящихъ друзей.

Это надо имѣть въ виду и при предстоящихъ переговорахъ съ прусскимъ посланникомъ, пребывающимъ въ Петербургѣ.

Старанія русскихъ уполномоченныхъ въ Берлинѣ должны быть направлены на то, чтобы склонить короля къ соблюденію общихъ интересовъ въ той же мѣрѣ, какъ и своихъ собственныхъ, и къ уничтоженію вліянія на него членовъ его кабинета, служащихъ, благодаря подкупу или по убѣжденію, интересамъ Франціи. Если бы удалось удалить ихъ, то можно было бы еще надѣяться видѣть Пруссію въ роли, которой требуютъ отъ нея интересы Европы и, если бы даже причины, изложенныя выше, и заставили ее вслѣдъ за тѣмъ вернуться къ своей политикѣ,— то все же Европа, хотя временно, отдохнула бы, а Австрія оправилась бы отъ перенесенныхъ ею ужасныхъ потрясеній.

Цѣлью будущихъ переговоровъ въ Берлинѣ будетъ добиться принятія Пруссіей на себя обязательствъ обороны территорій, лежащихъ и внѣ предѣловъ сѣверной Германіи, и въ особенности обязательства сохраненія неприкосновенности Оттоманской имперіи.

Можно также добиваться отъ нея гарантіи охраненія того будущаго политическаго порядка, какой установится по заключеніи мира между Россіей и Франціей, а также между этой державой и Англіей, включая сюда и цѣлость оттоманскихъ владѣній. Необходимо также условиться относительно плана военныхъ дѣйствій, на тотъ случай, если бы Франція напала на одну изъ областей, неприкосновенность которыхъ будетъ

обезпечена этимъ договоромъ, и тѣмъ вызвала вооруженное вмѣшательство Россіи и Пруссіи. Слѣдуетъ также замѣтить, что при выработкѣ гарантій неприкосновенности Оттоманской имперіи необходимо позаботиться объ устраненіи тѣхъ недостатковъ, какими страдалъ договоръ, касавшійся гарантій земель сѣверной Германіи, и которыми воспользовалась Пруссія, пообѣщавъ въ угоду Бонапарту не допустить Россію пройти черезъ эти земли.

Пруссія, подтвердившая договоръ Франціи и Австріи, въ моментъ, когда послѣдняя находилась подъ ножомъ врага, не зная даже его содержанія, не откажетъ намъ въ согласіи на это предварительное обязательство. Если она согласится на него и укажетъ намъ, какія военныя мѣры будутъ приняты ею, въ случаѣ какихъ-либо нарушеній со стороны Франціи,—у насъ не будетъ причинъ отказывать ей въ посредничествѣ при веденіи мирныхъ переговоровъ съ Франціей. Но безъ ручательствъ такого рода предоставить ей подобныя полномочія было бы съ нашей стороны угодливостью, которая можетъ только упрочить пагубную политику Пруссіи; Россіи—въ этомъ случаѣ выгодно будетъ воспользоваться удобнымъ предлогомъ и самой непосредственно объясниться съ Франціей. Если эти переговоры и не окажутъ прямого вліянія на ходъ европейскихъ дѣлъ, все же опасенія, которыя они вызовутъ у Пруссіи, побудятъ ее сильнѣе искать довѣрія Россіи.

Возможно также, что стремительный характеръ Бонапарта сослужитъ намъ услугу, и война возобновится на сѣверѣ Германіи; въ этомъ случаѣ будетъ безусловно необходимо всѣми силами поддерживать Пруссію, въ чемъ слѣдуетъ увѣрить ее теперь же. Если король, дѣйствительно, искренно желаетъ соединиться съ Россіей и стать оплотомъ Европы, то факты скоро покажутъ намъ искренность его дѣйствій. Если Россія будетъ считаться только съ фактами, она никогда не ошибется въ своихъ сужденіяхъ.

Повергая на благоусмотрѣніе Вашего Величества сужденія

изложенныя въ этой запискѣ, я не могу въ заключеніе не повторить еще разъ, насколько необходимо остерегаться проявленій слишкомъ большой снисходительности и угодливости по отношенію къ берлинскому двору. Прошлое доказало намъ, что этимъ мы ничего не можемъ выиграть. Чѣмъ дружелюбнѣе будутъ наши отношенія съ этимъ дворомъ, тѣмъ болѣе мы должны быть осторожны, чтобы онъ не увлекъ насъ. Излишняя угодливость поощряетъ, а не ограничиваетъ требовательность. Берлинскій дворъ, замѣтивъ нашу незлопамятность, станетъ все разрѣшать себѣ. Что можетъ быть для него желательнѣе возможности устраивать свои дѣла и дѣла Франціи не только безъ боязни раздражить Россію, но, наоборотъ, сохраняя увѣренность въ ея дружбѣ?

Довѣряясь Пруссіи и слѣпо слѣдуя ея внушеніямъ, Россія рискуетъ неизбѣжно погубить себя. Внушенія Пруссіи могутъ быть направлены только лишь къ достиженію своихъ личныхъ интересовъ, почти всегда противоположныхъ интересамъ Россіи и Европы. Уступая ей, мы неминуемо и постоянно будемъ увлекаться ею на путь ложныхъ шаговъ, благодаря чему лишимся всеобщаго уваженія, а также привязанности и довѣрія нашихъ истинныхъ союзниковъ. Пруссія же тѣмъ временемъ будетъ продолжать расширеніе своей территоріи и превратится въ могущественную державу, опасную для самой Россіи, которая не будетъ уже въ состояніи удерживать ее въ должномъ къ себѣ почтеніи. Помимо того, она уменьшитъ для себя возможность совершить полезныя пріобрѣтенія, въ виду настоящаго положенія дѣлъ все болѣе и болѣе для нея необходимыя. На войну съ Пруссіей слѣдуетъ смотрѣть, какъ на событіе, къ которому неизбѣжно рано или поздно приведутъ насъ обстоятельства, и потому необходимо теперь же подготовить все такъ, чтобы выйти изъ нея съ побѣдой.

XII.

Записка о настоящемъ положенiи Россiи.

Мартъ 1806 года.

Съ момента возвращенiя Вашего Императорскаго Величества изъ за-границы, я употребилъ всѣ старанiя къ тому, чтобы, ничего не скрывая, выяснить всѣ опасности, могущiя грозить имперiи, вслѣдствiе тѣхъ несчастныхъ событiй, которыми закончилась послѣдняя кампанiя. Въ различныхъ запискахъ, послѣдовательно представлявшихся мною Вашему Величеству, я старался выяснить возможныя въ будущемъ отношенiя Россiи къ главнымъ европейскимъ державамъ, то, чего ей слѣдуетъ опасаться или ожидать съ ихъ стороны, и указать, насколько быстрый ростъ успѣховъ Францiи и ея превосходство надъ большею частью европейскихъ державъ могутъ ослабить влiянiе Россiи и даже пошатнуть ея безопасность.

Я осмѣлился также высказать свой взглядъ на ту политику, которой Россiя должна придерживаться въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ въ цѣляхъ предотвращенiя зла, такъ и для его исправленiя.

Взгляды эти, въ большинствѣ случаевъ, не раздѣлялись Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, а между тѣмъ все происходящее подтверждаетъ мои опасенiя; нѣкоторыя изъ нихъ уже оправдались, а возможность исполненiя остальныхъ возрасла. Надвинувшiяся съ разныхъ сторонъ событiя съ прогрессирующей быстротой увеличили и приблизили къ намъ опасности, казавшiяся еще столь отдаленными. Быстрота ихъ наступленiя теперь очевидна. Для доказательства излишне будетъ возвращаться къ сужденiямъ, подробно уже изложеннымъ мною въ предыдущихъ запискахъ. Но я считаю крайне необходимымъ представить здѣсь еще разъ вкратцѣ всѣ ихъ основныя положенiя, сдѣлавъ при этомъ нѣкоторыя добавле-

нія, на которыя событія послѣдняго времени проливаютъ болѣе свѣта, что позволяетъ мнѣ говорить съ большей увѣренностью.

Долгъ, налагаемый на меня занимаемымъ мною положеніемъ, забота о славѣ Вашего Величества и привязанность къ вашей особѣ побуждаютъ меня еще разъ привлечь самое серьезное вниманіе Вашего Величества на состояніе дѣлъ и представить Вашему Величеству настоятельную необходимость въ немедленномъ изысканіи средствъ для спасенія своего государства. Опасность не вымышлена и не отдаленна; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только оглянуться кругомъ и посмотрѣть на все происходящее въ Европѣ.

Пруссія почти превзошла ожиданія тѣхъ, кто меньше всего на нее разсчитывалъ. Ставъ, благодаря своимъ отказамъ, своей медлительной, двуличной и льстивой политикѣ, главной причиной постигшихъ коалицію бѣдствій, она договоромъ 15 декабря окончательно рѣшила гибель Европы *). Не важно, чему станемъ мы приписывать эти бѣдствія: малодушію ли или слабохарактерности короля, вѣроломству ли Гаугвица и Ломбарда, усвоенной ли Пруссіей политической системѣ, или направленію, даваемому Пруссіи ея политическимъ положеніемъ, или—ставъ прозорливѣе—будемъ искать побудительную причину ея дѣйствій въ совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ такой ихъ связи, что при ослабленіи значенія одного изъ нихъ, остальныя все же будутъ вліять на ея политику,—во всякомъ случаѣ факты говорятъ сами за себя и въ прошлыхъ событіяхъ даютъ ключъ къ разгадкѣ будущаго. Результаты остаются тѣ же, независимо отъ порождающихъ ихъ причинъ. Причины были бы важны, при возможности воздѣйствія на нихъ и немедленнаго ихъ удаленія, со всѣми ихъ послѣдствіями. Но

*) Этотъ договоръ былъ подписанъ Бонапартомъ и Гаугвицемъ, послѣ Аустерлицкаго сраженія. Согласно ему Ганноверъ уступался Пруссіи. Трактатъ этотъ былъ принятъ въ Берлинѣ съ оговорками и послужилъ предметомъ новыхъ переговоровъ въ Парижѣ.

наши попытки въ этомъ направленіи едва ли увѣнчались бы успѣхомъ. Пруссія—союзница Франціи, въ концѣ концовъ, очутится въ такой же отъ нея зависимости, какъ и остальныя державы, приниженныя, порабощенныя, уничтоженныя нравственно, въ силу того же положенія союзницъ.

Возможно ли предположить, чтобы прусскій король, не сдержавшій ни одного изъ своихъ обязательствъ по отношенію къ остальнымъ державамъ и принявшій всѣ продиктованныя ему Франціей условія, имѣя въ своемъ распоряженіи армію въ 400.000 человѣкъ,—сталъ бы противиться волѣ Бонапарта, тогда когда прусскія войска будутъ разбиты, а войска ея союзниковъ отозваны?

Какіе мотивы, болѣе вѣскіе, чѣмъ имѣющіеся въ настоящее время, будутъ у него тогда для того, чтобы не уступать?

Страхъ войны съ Франціей, если только у нея въ противовѣсъ ему не явится такой же страхъ, или даже большій еще, передъ кѣмъ-нибудь другимъ заставитъ короля принять всѣ условія безъ исключенія. Онъ согласится закрыть порты на сѣверѣ Германіи, возьметъ на себя наказать шведскаго короля и закрыть входъ въ Зундъ. Стокгольмскій и копенгагенскій дворы начинаютъ уже тревожиться по этому поводу и обратились къ намъ съ просьбой поддержки и совѣта и съ предложеніемъ сформировать союзъ сѣверныхъ державъ.

Можемъ ли мы не поддержать этихъ своихъ союзниковъ и хладнокровно смотрѣть на закрытіе входа въ Зундъ, которое почти совершенно уничтожитъ главную отрасль торговли съ Россіей, вызоветъ разореніе частныхъ лицъ и подорветъ доходы государства? Но имѣются еще и болѣе важныя причины. Кто можетъ намъ поручиться, что гнусная клика, съ такимъ вѣроломствомъ и, можно сказать, съ такой ловкостью руководившая до сихъ поръ дѣлами, въ которыхъ замѣшана и Пруссія, и которыя, къ сожалѣнію, стали дѣлами всей Европы,—не составила уже плана союза съ Франціей, съ цѣлью нападенія на Россію, чтобы на нашъ счетъ предоставить Прус-

сіи выгоды въ видѣ ли предложенія возстановить Польшу и присоединить польскую корону къ коронѣ Пруссіи, или отдать ее одному изъ принцевъ королевскаго дома, въ видѣ ли предложенія оказать ей помощь въ распространеніи ея владѣній на балтійское побережье? Я считаю подобный планъ не только возможнымъ, но даже весьма вѣроятнымъ. Быть можетъ, планъ этотъ начнутъ осуществлять, тотчасъ по занятіи прусскими войсками вновь своихъ позицій на нашей границѣ; ссора съ шведскимъ королемъ или требованія гарантій независимости Порты легко послужатъ первымъ къ этому предлогомъ. Клика, которая съ такой легкостью вела до сихъ поръ короля отъ одного промаха къ другому, отъ одной достойной порицанія ошибки къ другой и научила его, безъ большихъ сожалѣній и колебаній, вступать въ сдѣлки со своей совѣстью, честью, чувствами и обязательствами,—сумѣетъ довести его до еще большаго моральнаго униженія, до такого, передъ которымъ пройденный имъ уже путь—будетъ ничто. Вотъ то, чего, по меньшей мѣрѣ, слѣдуетъ ожидать. Указаніе на перспективу—или войны съ Бонапартомъ, или полнаго подчиненія его волѣ, т.-е. или пріобрѣтенія для себя различныхъ выгодъ, или предоставленія ихъ новоявленному французскому императору, и всѣ тѣ софизмы, къ которымъ привыкъ прибѣгать Ломбардъ и которые всегда вліяютъ на убѣжденія короля (если убѣжденіями можно назвать чувства, руководящія его дѣйствіями)—будутъ неизмѣннымъ отвѣтомъ на всѣ вопросы, на всѣ соображенія, идущія съ ними въ разрѣзъ. Въ случаѣ, если предложенія герцога Брауншвейгскаго встрѣтятъ полное одобреніе короля, слѣдуетъ ли надѣяться на этотъ сомнительный шансъ? Не лучше ли быть готовымъ къ худшему, въ особенности въ то время, когда всѣ обстоятельства предвѣщаютъ намъ бѣдствія? Если же мы ихъ избѣгнемъ, то отъ того, что заблаговременно приготовимся къ огражденію себя отъ нихъ, не произойдетъ вѣдь, никакого вреда, наоборотъ, у насъ тогда явится даже больше возможности воспользоваться благопріятными обстоятельствами.

Помимо этого, если бы даже Пруссія и согласилась принять наши предложенія безъ всякихъ оговорокъ, все же на нее нельзя полагаться вполнѣ. Она будетъ, какъ дѣлала это и до сихъ поръ, поочередно обманывать то Францію, то Россію, въ особенности, пока Гаугвицъ и Луккезини будутъ принимать участіе въ дѣлахъ и пока Ломбардъ будетъ пользоваться довѣріемъ короля.

Если съ сѣвернаго горизонта на насъ надвигаются такія тучи, то на югѣ горизонтъ кажется еще болѣе грознымъ.

Мы уже знаемъ, что лишь только Порта освѣдомилась о заключеніи Пресбургскаго мирнаго договора, она немедленно поспѣшила признать Бонапарта императоромъ. Она сдѣлала военныя приготовленія на русско-турецкихъ границахъ; тамъ же, откуда ей грозитъ нападеніе французовъ—все разоружено и незащищено. Приготовленія эти продолжаются, и по свѣдѣніямъ, получаемымъ нами изъ наиболѣе достовѣрныхъ источниковъ, видно, что Порта, дѣйствительно, измѣнила свою политику; даже въ тонѣ ея слышатся ноты этого новаго къ намъ отношенія. Увѣренія въ дружбѣ, расточаемыя въ настоящее время Рейсъ-Эффенди *) Италинскому, имѣютъ цѣлью лишь усыпить наше вниманіе, ибо, тѣмъ не менѣе, оказывается, что на самомъ дѣлѣ предполагается соглашеніе Порты съ Франціей, которое состоится тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше турки замѣтятъ въ насъ мягкости и снисходительности, каковыя несомнѣнно припишутъ нашей боязни ихъ союза съ Бонапартомъ и его первенствующаго положенія. Всѣ наши агенты въ Италіи сообщаютъ намъ о планахъ Бонапарта по отношенію къ Турціи; они подробно описываютъ могущество пріобрѣтенныхъ имъ средствъ и предупреждаютъ насъ о важности для насъ не допустить его итти далѣе въ этомъ же направленіи. Захватъ Неаполитанскаго королевства весьма облегчитъ его дѣйствія и увеличитъ его рес-

*) Канцлеръ-министръ иностранныхъ дѣлъ въ Турціи.

сурсы, а если еще ему удастся взять и Сицилію, то тогда еще труднѣе будетъ удержать Средиземное море.

Наше мѣсто стоянки въ Корфу необходимо отстаивать всякими средствами отъ нападенія французовъ, чтобы сохранить за собой преимущества, предоставляемыя имъ намъ въ смыслѣ владѣнія пунктомъ, удобнымъ какъ для нападенія на оттоманскія владѣнія, такъ и для ихъ защиты. Съ Корфу мы можемъ наблюдать за дѣйствіями грековъ и славянъ и руководить ими. Слѣдуетъ обратить особое вниманіе на преданность и намѣреніе митрополита Нѣгоша, главнымъ образомъ, въ виду мѣстоположенія Черногоріи.

Пока Нѣгошъ считалъ, что бухта Катарро принадлежитъ союзнику Россіи, онъ ничего не предпринималъ противъ этой страны, но теперь, видя, что она переходитъ на сторону французовъ, онъ, съ согласія жителей, намѣревается овладѣть ею для противодѣйствія успѣхамъ Бонапарта.

Всѣ славянскія земли соединятся, вѣроятно, подъ знаменемъ митрополита, въ разсчетѣ, что это будетъ пріятно Вашему Императорскому Величеству. Можемъ ли мы оставить безъ нашей поддержки этихъ христіанъ, привязанность которыхъ къ Россіи заслуживаетъ съ ея стороны взаимности и увеличиваетъ ея наличныя силы? Неужели мы допустимъ ихъ броситься въ объятія нашихъ враговъ? Если турки, по своимъ политическимъ и религіознымъ принципамъ всегда питающіе тайную ненависть къ русскому имени, замѣтятъ, что мы ослабѣваемъ и боимся и французовъ, и пруссаковъ, и ихъ самихъ,— они только съ большей готовностью отдалятся отъ Россіи, откажутся отъ союза съ ней и будутъ искать поддержки Франціи.

Еще болѣе дерзостно и болѣе дѣятельно будутъ они тогда продолжать свои приготовленія къ враждебнымъ дѣйствіямъ, противъ которыхъ мы все еще не рѣшаемся выступить съ энергичнымъ протестомъ.

Бонапартъ научитъ ихъ потребовать эвакуаціи острова

Корфу, новаго закрытія Дарданеллъ и внушитъ имъ мысль отвоевать у насъ все вырванное нами у нихъ цѣною кровопролитія и терпѣнія. И не сами ли мы вовлечемъ себя въ войну и ускоримъ ея взрывъ, влекущій за собою многочисленные убытки, вмѣсто того, чтобы предупредить ее энергичными дѣйствіями и мѣрами, способными поставить насъ въ блестящее положеніе, раньше чѣмъ французы успѣли бы собрать силы, подготовляемыя ими въ Далмаціи, а пруссаки будутъ въ состояніи говорить о своихъ гарантіяхъ.

Можетъ ли Россія настолько забыть свои прямые интересы, чтобы пассивно взирать на уничтоженіе своего вліянія въ Константинополѣ, на разрушеніе своей южной торговли, на перспективу войны у своихъ границъ, не двигаясь съ мѣста и не предупреждая разрушительныхъ намѣреній своихъ враговъ, тогда какъ въ Дунаѣ мы имѣемъ чрезвычайно сильную оборонительную черту, располагаемъ всѣми силами двухъ княжествъ, полной возможностью протянуть руку грекамъ и славянамъ и напасть на Константинополь и, слѣдовательно, учредить прямое сообщеніе между Босфоромъ, Чернымъ и Средиземнымъ морями?

Но считаю нужнымъ повторить, что въ случаѣ, если война передвинется къ нашимъ границамъ, или вѣрнѣе, если мы не сумѣемъ отбросить ее насколько возможно дальше, то сосѣдство съ этимъ пожарищемъ польскихъ губерній, если только мы не сумѣемъ обратить его въ свою пользу, можетъ сдѣлаться опаснымъ и породить весьма серьезныя затрудненія. Польша, соприкасаясь и съ Пруссіей и съ Турціей, явится для предпріимчивой и искусной политики Бонапарта зажигательной нитью, пламенемъ раздора и анархіи, средствомъ угрозъ для однихъ и возбужденія надеждъ для другихъ.

Несмотря на доброе расположеніе, выражаемое Австріей Россіи, держава эта въ данное время совершенно для насъ безполезна и, хотя маловѣроятно, чтобы она когда-либо задумала искренно соединиться съ Франціей противъ Россіи, все

же можно опасаться, что ея безсиліе не позволитъ ей воспротивиться переходу черезъ австрійскія владѣнія французскихъ войскъ, которыя будутъ направлены на Оттоманскую имперію, или на самую Россію. Во всякомъ случаѣ, взоры ея будутъ обращены на насъ; наша энергія внушитъ ей мужество, и, наоборотъ, наша бездѣятельность заставитъ ее отдаться Франціи.

Англія, какъ всегда проницательная относительно опасностей, могущихъ грозить ей и Европѣ, и заинтересованная въ сохраненіи вліянія Россіи, сдѣлаетъ намъ, вѣроятно, свои предложенія и захочетъ условиться относительно направленія и плана будущихъ совмѣстныхъ дѣйствій.

Какіе отвѣты будутъ даны ей на это?

Бонапартъ, сохранявшій до сихъ поръ наружно независимость сосѣднихъ съ Франціею государствъ, наполненныхъ его войсками, и утверждавшій тамъ свое господство лишь тѣмъ, что подчинялъ ихъ законамъ военнаго времени, снялъ теперь маску и показалъ намъ новую ступень замышляемыхъ имъ обширныхъ плановъ.

Федеративная система, сторонникомъ которой онъ себя провозглашаетъ съ нѣкоторыхъ поръ, превращаетъ его союзниковъ въ вассаловъ Франціи и такимъ способомъ образуетъ изъ нея одну огромную имперію, будущіе размѣры которой никто не въ состояніи пока опредѣлить.

Съ высоты трона, основы, свойства и величіе котораго остаются еще тайной, Бонапартъ, закрѣпивъ содѣянныя имъ несправедливости и давъ законную силу своимъ неправеднымъ и пока еще кратковременнымъ учрежденіямъ, будетъ отнынѣ распоряжаться изъ центра своего громадой силъ, заключенныхъ между Сѣвернымъ моремъ, океаномъ и Адріатическимъ моремъ, и диктовать свою волю всѣмъ сосѣднимъ государствамъ. Россію, хотя и находящуюся въ отдаленіи, онъ не будетъ терять изъ виду ни на одно мгновеніе; наоборотъ, великая федерація сформирована, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ противодѣйствія „сѣвернымъ варварамъ“ и выключенія ихъ изъ состава европейскихъ державъ.

Чѣмъ большими силами будетъ обладать Россія, тѣмъ болѣе Бонапартъ, пользуясь своимъ первенствующимъ положеніемъ, будетъ стремиться къ создаванію ей враговъ, къ отнятію у нея всѣхъ средствъ къ защитѣ, и быть можетъ, первое, что ему удастся у нея похитить и обратить въ свою собственность — это тѣ самые народы, которые считаютъ русскихъ своими братьями, но которые, утомившись ожиданіемъ отъ насъ помощи, скорѣе предпочтутъ войти по предложенію Франціи въ новообразованную федерацію, чѣмъ продолжать бороться столь тщетно и безплодно. А до тѣхъ поръ, какую силу будутъ имѣть тѣ попытки умиротворенія, которыя предполагалось противопоставить покорителю Европы?

Передъ Россіей рисуется перспектива окончательной потери своего вліянія въ Европѣ, возможности войны на своихъ границахъ, съ двухъ концовъ, закрытія двухъ единственныхъ имѣющихся у нея выходовъ и, быть можетъ, возстанія части ея провинцій. Что предприметъ она при подобныхъ обстоятельствахъ? Со всѣхъ сторонъ, вѣдь, будутъ добиваться ея рѣшенія, обстоятельства будутъ требовать отъ нея принять таковое и такъ или иначе высказаться. Ея теперешнее положеніе требуетъ отъ нея, болѣе чѣмъ когда-либо, выработать себѣ устойчивую политическую систему и одну общую цѣль, къ которой неуклонно направлялись бы всѣ ея дѣйствія. Можетъ ли быть примѣнима наша система пассивной политики при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, въ то время, когда Бонапартъ съ неутомимой энергіей идетъ все впередъ, и не приведетъ ли она насъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ?

Вотъ вопросъ, который надлежитъ разрѣшить Вашему Императорскому Величеству. Но прежде чѣмъ Ваше Величество приступите къ нему и примете окончательное рѣшеніе, я прошу дозволить мнѣ обратить вниманіе Вашего Величества на то, что никогда болѣе важный вопросъ не вставалъ передъ государями Россіи, и что съ разрѣшеніемъ этого вопроса связаны ея слава и безопасность.

Теперь не время входить въ болѣе подробное обсужденіе этого дѣла и представлять Вашему Величеству различныя соображенія о столь важномъ предметѣ. Прежде чѣмъ развить его вновь Вашему Величеству, въ его полномъ объемѣ, я считаю нужнымъ сначала предложить Вашему Величеству одну предварительную мѣру, въ необходимости которой убѣжденъ и безъ которой никакимъ дѣйствіямъ нельзя будетъ придать твердо опредѣленнаго и хорошо разсчитаннаго направленія.

Ваше Императорское Величество часто чувствовали, по поводу дѣлъ второстепенной важности, необходимость образованія комитетовъ изъ лицъ, пользующихся Вашимъ довѣріемъ, которые, по обсужденіи предложеннаго на ихъ разсмотрѣніе дѣла, представляли о немъ Вашему Величеству свои заключенія.

Выгодныя стороны и необходимость подобной мѣры особенно замѣтны были Вашему Величеству въ дѣлахъ, имѣющихъ по своему существу отношеніе къ различнымъ министерствамъ. Такимъ образомъ кавказскія дѣла, дѣла Оренбургской линіи и Сибири и т. п. всегда разбирались по Вашему, Государь, приказанію, начальниками тѣхъ департаментовъ, къ которымъ они имѣли отношеніе и которые, послѣ представленія ихъ Вамъ и одобренія Вашего Величества, приводили ихъ въ исполненіе, каждый въ части, его касающейся.

Итакъ, если этотъ порядокъ Вы часто находили полезнымъ примѣнять въ различныхъ другихъ вопросахъ, какъ же не примѣнить его къ наиболѣе важнымъ государственнымъ дѣламъ, которыя требуютъ самаго тѣснаго сотрудничества различныхъ министерствъ, и которыя должны являться результатомъ общей работы.

Такой способъ рѣшенія дѣлъ во всѣ времена считался самымъ лучшимъ и единственно возможнымъ для хорошаго веденія государственныхъ дѣлъ. То, что во всякое другое время было бы только полезнымъ, въ данный моментъ является необходимымъ, какъ единственное средство, могущее съ че-

стью вывести Россію изъ того затруднительнаго положенія, въ которомъ она находится. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо Вашему Императорскому Величеству необходимо окружить себя свѣдущими людьми и держаться системы, при которой Ваше Величество могли бы быть увѣрены въ томъ, что всякое принятое Вами рѣшеніе будетъ результатомъ зрѣлаго разсужденія, основаннаго на точныхъ данныхъ и безпристрастномъ и всестороннемъ его обсужденіи, и что, по принятіи даннаго рѣшенія, таковое будетъ проводиться во всемъ его объемѣ, послѣдовательно, съ усердіемъ, безъ задержекъ и съ знаніемъ дѣла.

Поэтому, осмѣливаюсь предложить Вашему Императорскому Величеству образовать изъ представителей министерствъ комитетъ или тайный совѣтъ, который вѣдалъ бы исключительно государственныя и политическія дѣла и къ которому относились бы всѣ бумаги, касающіяся положенія Вашей Имперіи и ея отношеній съ главными державами Европы. Совѣтъ этотъ долженъ будетъ представлять Вашему Величеству въ извѣстномъ очередномъ порядкѣ свои по этому предмету мнѣнія, и на немъ будетъ лежать обязанность послѣдовательно и дѣятельно приводить въ исполненіе всѣ мѣры, требуемыя положеніемъ дѣлъ.

Если идея эта благоугодна Вашему Величеству, я буду ждать Вашего приказанія, чтобы знать—мнѣ или другому лицу Вы поручите представить Вамъ проектъ устава и состава этого комитета. Входить здѣсь въ подробности относительно этого предмета—значило бы зайти за предѣлы этой записки и преждевременно предрѣшать намѣренія Вашего Императорскаго Величества.

Изложивъ Вашему Величеству всю пользу мѣры, которая является въ моихъ глазахъ главной основой всего и потому единственнымъ средствомъ, способнымъ дать возможность осуществить надежды, возлагаемыя всей Россіей на Ваше Императорское Величество, я нижайше прошу Ваше Величество

принять во вниманіе, что въ случаѣ, если Вамъ не угодно будетъ одобрить эту мѣру, управленіе дѣлами моего вѣдомства, въ томъ видѣ, какъ оно поставлено въ настоящее время, явится для меня слишкомъ большой и тяжкой отвѣтственностью, и я не сочту себя въ силахъ нести его бремя, а потому буду умолять Ваше Величество соблаговолить освободить меня отъ него.

XIII.

Письмо князя Адама Чарторижскаго Императору.

22 марта 1806 г.

Не съ цѣлью преувеличивать Вашему Величеству опасности, грозящія Вашему государству, и напрасно тревожить Васъ относительно его положенія, составилъ я эту записку, представляемую сегодня на усмотрѣніе Вашего Величества. Мнѣ диктовало ее самое искреннее и строго обдуманное усердіе. Мнѣ представилось необходимымъ указать Вашему Величеству на подводные камни, окружающіе Васъ, которыхъ Вы, какъ будто, не замѣчаете, или относительно существованія которыхъ хотите себя обмануть. Россія, дѣйствительно, находится въ чрезвычайно критическомъ положеніи. Опасности, угрожающія ей и Вамъ, Государь, могутъ настолько возрасти, что я безъ страха не могу себѣ этого представить. Поэтому я счелъ необходимымъ, не теряя ни минуты, предложить Вашему Величеству единственную мѣру, которая только и дастъ возможность принять всѣ остальныя, какія потребуются силою обстоятельствъ. Она, конечно, недостаточна для обезпеченія спасенія государства, но безъ этой мѣры спасеніе государства станетъ слишкомъ сомнительнымъ и, пожалуй, совершенно невозможнымъ.

До войны въ ходѣ правительственныхъ дѣлъ существо-

вало извѣстнаго рода единство, такъ какъ Ваше Императорское Величество удостаивали нѣкоторымъ довѣріемъ извѣстное число лицъ, съ которыми Вы обычно совѣтовались и обсуждали дѣла до принятія по нимъ рѣшеній. Однако, и тогда постоянно чувствовалась желательность и необходимость еще болѣе увеличить единеніе во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Бѣдствія, перенесенныя нами, должны быть отчасти приписаны тому, что единеніе это было всегда недостаточно сильно, а затѣмъ, и именно въ то самое время, когда сохраненіе его являлось болѣе необходимымъ чѣмъ когда-либо, оно было и совершенно уничтожено.

Впрочемъ, каковы бы ни были причины, мѣшавшія раньше учрежденію такого комитета или негласнаго совѣта, который неуклонно наблюдалъ бы за государственными дѣлами,—разъ доказанъ вредъ отсутствія подобнаго комитета, то является безотлагательная необходимость принять мѣры къ его учрежденію, въ особенности въ такое время, когда въ силу обстоятельствъ положеніе Имперіи стало еще болѣе критическимъ, нежели оно было раньше.

Позвольте мнѣ, Государь, сдѣлать замѣчаніе, которое не будетъ здѣсь неумѣстнымъ. Я всегда съ безконечнымъ удивленіемъ замѣчалъ, что Ваше Величество, повидимому, стараетесь брать исключительно на одного себя отвѣтственность не только за каждое принятое рѣшеніе, но даже и за исполненіе его вплоть до самыхъ мельчайшихъ подробностей, тогда какъ основаніемъ къ учрежденію министерствъ послужило именно стремленіе оградить Васъ отъ этой отвѣтственности, Государь, и дать Вамъ возможность сложить ее за неудачныя правительственныя дѣйствія на кого-либо другого. Теперь же отвѣтственность всецѣло падаетъ на Васъ, потому что Ваше Величество желаете все рѣшать единолично, какъ въ дѣлахъ военныхъ, такъ и въ гражданскихъ. При самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, когда дѣло идетъ о принятіи такихъ рѣшеній, отъ которыхъ зависитъ спасеніе или гибель государ-

ства, Ваше Величество, повидимому, взяли себѣ за правило руководствоваться лишь первой пришедшей на умъ идеей, не обращаясь ни къ мнѣнію, ни къ опыту другихъ, лишая себя такимъ образомъ совѣта людей съ тѣми знаніями и опытомъ, при которыхъ только и возможно составить себѣ вполнѣ обоснованное убѣжденіе. Я осмѣливаюсь присовокупить еще, что благодаря тому, что большая часть драгоцѣннаго времени Вашего Императорскаго Величества поглощается менѣе важными дѣлами, Ваше Величество лишены возможности посвятить весь свой досугъ обсужденію и надзору за дѣлами чисто государственными и вести ихъ съ послѣдовательностью и тѣмъ вниманіемъ, какого они требуютъ. Если это замѣчаніе, повторяемое многими лицами, имѣетъ подъ собою почву, то Ваше Императорское Величество не должны быть удивлены сообщеніемъ, что всѣ вообще находятся въ состояніи очень непріятнаго безпокойства на счетъ образа мыслей и дѣйствій правительства, а также на счетъ тѣхъ событій, которыя готовитъ намъ будущее.

Если Вашему Величеству неугодно будетъ принять предложенную мѣру, которую я считаю наиболѣе подходящей для устраненія существующихъ затрудненій, и если дѣла будутъ вестись попрежнему,—то, хотя я и желалъ бы ошибиться,—я боюсь самыхъ несчастныхъ послѣдствій, какъ для Россіи, такъ и для Васъ, Государь.

Предположимъ, что наша бездѣятельность и наша слишкомъ пассивная политика приведутъ, въ концѣ концовъ, къ войнѣ на Вашихъ собственныхъ границахъ. Это является вполнѣ возможнымъ, Государь, и въ этомъ случаѣ, я не буду въ состояніи долѣе поручиться за поляковъ; и даже скажу, что меня страшитъ то дѣйствіе, которое примѣръ поляковъ могъ бы имѣть въ этомъ случаѣ на самихъ русскихъ. Они уже и теперь съ трудомъ переносятъ мысль, что слава отечества подорвана и ихъ національное самолюбіе унижено. Если его оскорбятъ еще болѣе, если наши границы будутъ затронуты, то въ этомъ

обвинять Васъ, Ваше Императорское Величество, а различные толки, циркулирующіе въ обѣихъ столицахъ, далеко не таковы, чтобы способствовать успокоенію умовъ.—Я думаю, что совѣсть моя обязываетъ меня не скрывать этихъ подробностей отъ Вашего Величества.

Такъ какъ взглядовъ своихъ навязывать невозможно, очень можетъ быть, что Ваше Императорское Величество останетесь при своихъ и не удостоите своей оцѣнкой и довѣріемъ того, что я осмѣлился Вамъ здѣсь высказать. Въ этомъ случаѣ мнѣ останется только удалиться, удовлетворяясь сознаніемъ, что мнѣ не въ чемъ себя упрекнуть, и пожелать, чтобы мои предсказанія не сбылись.

Во всякомъ случаѣ, Ваше Величество найдете справедливой мою убѣдительнѣйшую просьбу разрѣшить мнѣ теперь же представить прошеніе объ отставкѣ. Я имѣлъ въ своей жизни слишкомъ много доказательствъ Вашей ко мнѣ милости, чтобы сомнѣваться въ томъ, что и теперь Ваше Величество вновь дадите мнѣ наиболѣе чувствительное доказательство ея, о какомъ я могу только умолять Васъ въ данную минуту.

Я не буду напоминать Вашему Величеству всего, что произошло со времени моего возвращенія въ Петербургъ, и что, вѣроятно, памятно Вашему Величеству, и того, какъ мало Вы обращали вниманія на мои мнѣнія и указанія по поводу текущихъ дѣлъ или на счетъ выбора нашихъ представителей заграницей, имѣющаго настолько существенное вліяніе на ходъ дипломатическихъ событій, что отъ него большею частью зависитъ ихъ успѣхъ или неуспѣхъ.

Подобное отношеніе ко мнѣ, въ виду занимаемаго мною поста и той отвѣтственности, какую общество справедливо съ нимъ связываетъ,—только усилило тягость того положенія, въ которомъ я очутился, въ особенности съ момента принятія Вами, Государь, рѣшенія отправиться въ дѣйствующую армію.

Съ тѣхъ поръ, какъ Вашему Величеству угодно было об-

суждать дѣла совмѣстно со мной, Вы имѣли возможность вполнѣ узнать мои убѣжденія, и Вашему Величеству заранѣе было извѣстно, какого рода мѣры будутъ всегда мною предлагаться. Если Ваше Величество найдете цѣлесообразнымъ отклонить мѣру, которую я предлагаю въ настоящей запискѣ, какъ предварительную и которую я считаю основной и важнѣйшей,—то нужно полагать, что и въ будущемъ Вы не станете, болѣе чѣмъ теперь, слѣдовать мѣрамъ, которыя я въ состояніи предложить; но если Ваше Величество и удостоите одобреніемъ мои предложенія, то каковы бы ни были Ваши планы, ихъ нельзя будетъ осуществить, не проведя сначала предложенной мною мѣры, ибо этому будетъ мѣшать отсутствіе единенія и послѣдовательности, въ чемъ мы уже имѣли случай убѣдиться. Ваше Величество слишкомъ добры, чтобы желать продлить исполненіе возложенной на меня тяжелой и, смѣю сказать, мучительной обязанности участвовать въ политикѣ и исполнять предписанія, по моему мнѣнію, прямо противоположныя благу имперіи и Вашего Величества.

И какая польза Вашему Величеству оставлять на посту министра, чьи совѣты Вы не уважаете, которому не довѣряете и который, съ своей стороны, всегда находится въ оппозиціи къ Вамъ, почти всегда упорно противится Вашей волѣ, который чувствуетъ себя лишеннымъ энергіи и неспособнымъ съ должнымъ усердіемъ постигать и исполнять приказанія, противоположныя его убѣжденіямъ, если бы даже по своему характеру онъ и могъ быть Вашимъ послушнымъ орудіемъ. Ваше Императорское Величество всегда сочувствовали либеральному образу мыслей, поэтому Вы не пожелаете осуществлять до крайности деспотическій принципъ,—требовать отъ человѣка слѣпого исполненія приказаній, противъ которыхъ возстаетъ его совѣсть. Если Ваше Величество окончательно рѣшили вести дѣла въ томъ направленіи, въ какомъ они ведутся теперь, и если Вы рѣшительно не хотите отступаться отъ принятой системы, достаточно, по Вашему мнѣнію, соот-

вѣтствующей теперешнимъ критическимъ обстоятельствамъ,— то Вашему Величеству необходимъ министръ, способный понять эту систему и согласовать ее съ своими убѣжденіями, такой министръ, который могъ бы примѣняться къ ней, вѣрилъ бы въ ея успѣхъ и обладалъ еще не ослабѣвшимъ мужествомъ. Вашему Величеству нужно лицо, внушающее Вамъ довѣріе, которое, будучи русскаго происхожденія, имѣло бы больше вѣса и было менѣе, чѣмъ я, подвержено клеветѣ. Въ положеніи министра эти качества будутъ ему особенно необходимы. Я же не обладаю ни однимъ изъ нихъ. И какъ Ваше Величество можете желать, чтобы я продолжалъ исполнять свои обязанности, при моемъ настоящемъ положеніи, при отсутствіи у меня всякой возможности найти въ себѣ для него оправданіе—развѣ только въ своемъ отношеніи къ Вамъ, Государь,—и при моемъ глубочайшемъ убѣжденіи, что настоящій ходъ дѣлъ, въ которомъ я какъ бы буду участвовать, можетъ привести только къ плохому концу. Помимо этого я долженъ еще предвидѣть и возможность для моихъ соотечественниковъ и моей отчизны легко быть замѣшанными въ грядущихъ событіяхъ, и вотъ тогда-то русскіе ужъ обязательно скажутъ, что я умышленно повліялъ на дѣла и придалъ имъ такой оборотъ.

Съ другой стороны, признаюсь Вашему Величеству, что не могу себѣ объяснить, въ силу какихъ соображеній Вы желали-бы оставить меня въ министерствѣ. Ваше Величество полагаетъ, что система, на которую Вы были склонены Вашимъ кабинетомъ, послужила источникомъ всѣхъ бѣдствій, перенесенныхъ нами. Я же не считаю возможнымъ скрывать отъ Васъ своего убѣжденія, что эти бѣдствія, наоборотъ, произошли только благодаря недостаточной смѣлости и твердости, съ которыми Ваше Величество слѣдовали этой системѣ, тому, что Вы отдалились отъ намѣченнаго плана и что, приступивъ къ его осуществленію, Вы лишили своего довѣрія лицъ, совмѣстно съ Вами выработававшихъ этотъ планъ, почему всѣ дальнѣй-

шія дѣйствія были лишены единства и послѣдовательности. Долженъ сознаться, что, по моему мнѣнію, русскій кабинетъ и въ настоящее время долженъ въ своемъ образѣ дѣйствій руководиться тѣми же принципами, какими руководствовался до того времени, ибо они являются единственными, которымъ ему подобаетъ слѣдовать, и что Россія можетъ выйти изъ своего теперешняго положенія лишь при условіи огромнѣйшаго напряженія энергіи и усиленнѣйшей дѣятельности. Ваше Величество держитесь, повидимому, совершенно иного мнѣнія; Вы считаете принципы, которыми мы руководствовались, вредными и опасными, и повидимому, особенно желаете остерегаться всякой мѣры, которая явилась бы еще ихъ отголоскомъ.

На сторонѣ какого бы изъ этихъ двухъ взглядовъ ни была въ данномъ случаѣ правда и разумъ, является одинаково необходимымъ—или Вашему Величеству самому дать мнѣ отставку, или мнѣ просить васъ о ней. Въ самомъ дѣлѣ: если Ваше Величество убѣждены, что дѣйствительной причиной несчастныхъ событій прошлаго года были легкомысліе и непредусмотрительность Вашего кабинета, во время моего имъ управленія, если Вы полагаете, что прислушиваться теперь къ совѣтамъ людей, продолжающихъ раздѣлять тѣ же принципы—значитъ умножать опасности для Россіи, и если считаете необходимымъ съ особенною тщательностью отклонять во избѣжаніе новыхъ кризисовъ все то, что я считаю своимъ долгомъ Вамъ предложить, то, сознаюсь, я не понимаю причины колебаній Вашего Величества принять мою отставку и назначить на мое мѣсто лицо, которое было бы въ состояніи лучше чѣмъ я доказать свою осмотрительность и искусство. Впрочемъ, когда слишкомъ расходятся во мнѣніяхъ и принципахъ, трудно понять другъ друга; люди въ этомъ случаѣ раздражаются, каждый упорствуетъ въ своемъ убѣжденіи, и имъ бываетъ невозможно не возвращаться постоянно къ предмету своихъ разногласій. При подобныхъ условіяхъ какой бы планъ Ваше Величество ни приняли,—онъ не можетъ проводиться успѣшно.

Таковы причины, заставляющія меня умолять Ваше Величество согласиться на мою отставку. Причины эти усиливаются еще моимъ особымъ положеніемъ. Что касается этого, то Вашему Величеству извѣстны всѣ обстоятельства, побуждающія меня горячо желать спокойной и уединенной жизни. Вспомните, Государь, что я былъ далекъ отъ желанія занимать свой настоящій постъ; я даже долго отказывался отъ него, предвидя всѣ тѣ непріятности, которыя мнѣ, какъ поляку, придется перенесть. Съ тѣхъ поръ, и почти со времени моего вступленія въ должность, я не переставалъ мечтать о минутѣ, когда Вы позволите мнѣ, Государь, сложить ее съ себя и передать въ Ваши руки.

За послѣднее время я часто повторялъ свою просьбу; по причинамъ, изложеннымъ въ этомъ письмѣ, я возобновляю ее все чаще и съ большей настойчивостью; Ваше Императорское Величество соблаговолили обѣщать мнѣ нѣсколько разъ свое согласіе и потребовали только, чтобы я выждалъ нѣкоторый срокъ. Осмѣливаюсь напомнить вамъ, Государь, Ваше обѣщаніе, на исполненіе котораго Вы позволили мнѣ надѣяться. Причины, удерживавшей Ваше Величество до сихъ поръ, больше не существуетъ. Ваше Величество достаточно доказали, что не придаете значеніе наговорамъ; въ этомъ теперь никто не сомнѣвается, и если Вы дадите свое согласіе на мою отставку, никто не подумаетъ даже приписать ее какимъ-либо интригамъ, ибо онѣ ни въ коемъ случаѣ не могутъ вліять на ваше рѣшеніе. Къ тому же моя отставка обрадуетъ многихъ, и большинство лицъ, составляющихъ обычное интимное общество Вашего Величества, будетъ удовлетворено. Удовлетворенъ буду также и я. Почему же не ускорить конца, котораго всѣ ожидаютъ, о которомъ никто не будетъ жалѣть, и даже Вы, Государь, получите, замѣщая меня, пріятную Вамъ и спокойную работу, и въ томъ родѣ, какъ Вы желаете.

Если бы Ваше Величество соблаговолили принять предлагаемую мною мѣру и одновременно сдержать обѣщаніе, кото-

рое Вамъ угодно было мнѣ дать, принявъ мою отставку—я считалъ бы себя счастливымъ вдвойнѣ, ибо этимъ, съ выполненіемъ моихъ личныхъ желаній, мнѣ удалось бы также оказать Вашему Императорскому Величеству услугу, которую я считаю существенной, такъ какъ на какое бы лицо ни палъ Вашъ выборъ, Государь, его таланты могутъ быть надлежащимъ образомъ использованы лишь при указанномъ мною выше способѣ веденія дѣла. Остаюсь и т. д.

XIV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Апрѣль 1806 г.

Ваше Императорское Величество соблаговолите оцѣнить побужденія, заставившія меня собрать всѣ факты, могущіе дать ясное представленіе о дѣятельности Вашего кабинета, со времени моего вступленія въ него, и послужить основаніемъ и матеріаломъ для личнаго отчета о моемъ управленіи, отчета, предназначеннаго исключительно для Вашего Величества.

Не удивляйтесь, Государь, что на ряду со всѣми, кто въ послѣднее время принималъ участіе въ политическихъ дѣлахъ и пользовался Вашимъ довѣріемъ, и я также горячо заинтересованъ въ томъ, чтобы выяснить передъ Вашимъ Величествомъ все, что поможетъ Вамъ составить безпристрастное и благопріятное для нихъ мнѣніе по этому предмету.

Каждый изъ Вашихъ слугъ охотно сознается въ существованіи у него подобнаго желанія.

Однако, какъ Ваше Величество могли замѣтить изъ прилагаемой здѣсь записки, въ данномъ случаѣ мной руководили и другія причины, еще болѣе вѣскія и болѣе неотложныя, вытекающія изъ моего усердія къ Вашей службѣ и преданности Вашему Величеству. Побуждаемый ими, я считаю своей священнѣйшей обязанностью добавить къ упомянутой запискѣ

еще нѣкоторыя свои сужденія, предназначаемыя мною исключительно для Васъ, Ваше Величество, и для которыхъ мнѣ необходима только лишь Ваша оцѣнка,—словомъ дополнить Вамъ картину прошлаго и его послѣдствій, представивъ ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они представляются мнѣ и, ничего не скрывая и не смягчая, выставить передъ Вами одну лишь полнѣйшую истину, въ которой я внутренно глубочайшимъ образомъ убѣжденъ.

Я долженъ предупредить Ваше Императорское Величество, что разбирая прошлыя событія почти въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они изложены въ моей запискѣ, я буду говорить, главнымъ образомъ, о Васъ.

Монархи столь нераздѣльно связаны со своими государствами, что, обсуждая превратности судебъ этихъ послѣднихъ, неизбѣжно приходится остановиться на личной дѣятельности монарха, отъ которой, дѣйствительно, большею частью зависитъ возвышеніе имперій или ихъ паденіе.

Въ числѣ упрековъ, сдѣланныхъ петербургскому кабинету, наиболѣе несправедливымъ былъ упрекъ въ томъ, что онъ слишкомъ отдавался преувеличенной идеѣ самопожертвованія, во имя общаго блага Европы, не считаясь съ требованіями прямыхъ интересовъ Россіи и никогда не заботясь о доставленіи также и ей должныхъ преимуществъ.

Подчеркивая этотъ упрекъ, забывали то обстоятельство, что уваженіемъ, какимъ Россія пользуется, и даже своею безопасностью, она обязана именно своему стремленію сохранить это общее благополучіе. Затѣмъ никому также не были извѣстны тѣ происходившія у насъ съ Вашимъ Величествомъ за эти два года бесѣды, въ которыхъ такъ часто высказывались Вамъ соображенія по поводу различныхъ комбинацій, могущихъ быть полезными для Россіи, какъ напр: овладѣніе Молдавіей и Валахіей, проведеніе границы по Вислѣ, объединеніе славянскихъ и греческихъ народовъ и т. д.,—словомъ, указывалась необходимость для Россіи заботиться о пріобрѣте-

ніяхъ для себя и объ обезпеченіи себѣ выходовъ для сбыта товаровъ.

Идеи эти всегда отклонялись Вашимъ Величествомъ и въ такомъ духѣ, что терялась всякая надежда на скорое осуществленіе хотя бы одной изъ нихъ. Въ виду этого было бы трудно заняться, вмѣстѣ съ Бонапартомъ, еще и дѣлежомъ Европы, ибо думать объ осуществленіи этого проекта можно было бы лишь рѣшившись увеличить свои силы за счетъ кого-либо изъ своихъ сосѣдей. Тѣмъ временемъ событія указывали уже, что потребность въ развитіи и укрѣпленіи нашего вліянія, а также въ расширеніи границъ и увеличеніи средствъ имперіи, можетъ сдѣлаться все болѣе и болѣе настоятельной въ цѣляхъ ли поддержанія Россіи на мѣстѣ, принадлежащемъ ей по праву, или для установленія дѣйствительнаго и продолжительнаго спокойствія. Поэтому, казалось, что единственный путь, по которому слѣдовало итти,—путь наиболѣе безкорыстнаго и чистаго чувства. Такая именно точка зрѣнія должна была быть главнѣйшей основой нашихъ дѣйствій; но при дальнѣйшемъ развитіи мѣръ, какія необходимо потребовались бы въ интересахъ общаго блага и всеобщей защиты, Ваше Величество силою самихъ обстоятельствъ могли бы, безъ всякихъ съ своей стороны усилій и заботъ, получить и для себя значительныя выгоды. Это былъ бы, конечно, самый прекрасный, а быть можетъ и самый вѣрный способъ для достиженія этой цѣли, и дважды, разъ за разомъ, мы были такъ близки отъ ея осуществленія, что нужно было лишь обнаружить немного твердости, чтобы достигнуть успѣха.

Никто болѣе меня не чувствовалъ, что для успѣшнаго осуществленія государствомъ какого угодно предпріятія крайне необходимо, чтобы Ваше Величество вполнѣ прониклись сознаніемъ нужды въ немъ и вполнѣ одобрили бы его. Иначе, возможно ли было надѣяться, что оно будетъ проводиться твердо и съ послѣдовательностью? Казалось, Государь, что только той системѣ Вашего кабинета, въ основѣ которой бу-

дутъ лежать великодушныя побужденія и великія цѣли, словомъ, стремленіе къ благу человѣчества, Ваше Величество и будете оказывать твердую и дѣйствительную поддержку.

Ссылаюсь на Васъ, Ваше, Императорское Величество! Не старался ли я всегда въ разговорахъ съ Вами, а также во всѣхъ своихъ представленіяхъ, внушить Вашему Величеству болѣе стойкія и твердыя убѣжденія, вызвать въ Васъ больше самостоятельности и рѣшимости?

Но сознаюсь, что я съ величайшей скорбью замѣтилъ, быть можетъ, слишкомъ поздно, что Ваше Величество не имѣли глубокаго и опредѣленнаго убѣжденія по тѣмъ вопросамъ, которыми занимался Вашъ кабинетъ. Случалось, что обсудивъ съ нами основательно какой-либо вопросъ, выяснивъ и установивъ принципъ дѣйствій, Ваше Величество спустя нѣкоторое время вдругъ начинали сомнѣваться, раскаиваться и жалѣть о принятыхъ рѣшеніяхъ, что было тяжело для Васъ, а еще болѣе для Вашего кабинета. Будучи безпрестанно вынуждены въ каждомъ вопросѣ возвращаться назадъ и обсуждать его съизнова, какъ будто до тѣхъ поръ о немъ не было и рѣчи, въ то время, когда мѣры, принятыя съ Вашего же согласія, получали уже совершенно опредѣленное осуществленіе, мы никогда не могли быть увѣрены въ твердости Вашихъ рѣшеній. Ваши сомнѣнія появлялись и расшатывали всѣ тѣ принципы, на основаніи которыхъ мы дѣйствовали, именно въ то время, когда мы были уже по пути къ выполненію данныхъ Вами приказовъ.

Конечно, тогда уже, къ моему великому сожалѣнію,—ибо было слишкомъ поздно возвращаться назадъ,—не было почти никакой возможности итти навстрѣчу столь шаткимъ и непостояннымъ желаніямъ Вашимъ и поддерживать ихъ, такъ какъ это весьма угрожало бы дѣламъ; и я былъ вынужденъ дѣлать свои представленія въ томъ смыслѣ, что, зайдя столь далеко, необходимо довести дѣло до конца.

Прослѣдивъ событія прошлаго года, можно замѣтить, въ

какое время Ваше столь важное для успѣха дѣла убѣжденіе было твердо, когда оно мѣнялось, когда ослабѣвало или совершенно исчезало. Послѣднее случалось тотчасъ же при появленіи какихъ-либо непредвидѣнныхъ затрудненій; но, да будетъ мнѣ позволено замѣтить, что какъ бы хорошо ни былъ обдуманъ планъ, нужно быть всегда готовымъ встрѣтить неблагопріятныя обстоятельства, учитывать возможность непріятныхъ случайностей, ибо если бы каждый планъ выполнялся лишь до тѣхъ поръ, пока все идетъ согласно нашимъ желаніямъ, то не было бы ни одного плана выполненнаго. Страхъ какъ-либо неосторожно поступить несогласно со взглядомъ Вашего Величества, въ справедливости котораго Вы твердо увѣрены, и сдѣлать что-либо противъ Вашихъ убѣжденій, заставлялъ Вашъ кабинетъ быть чрезвычайно осмотрительнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, въ чемъ его также въ свое время упрекали.

Когда вѣсть о смерти герцога Энгіенскаго дошла до Петербурга, то какъ ни былъ я лично расположенъ горячо принять къ сердцу это преступленіе и содѣйствовать энергичному и рѣшительному проявленію благородныхъ чувствъ, одушевлявшихъ нашъ дворъ, но,—я долженъ напомнить это Вашему Величеству,—ни одно изъ выступленій, сдѣланныхъ въ то время, не было предложено мною. Приготовленныя мною депеши содержали очень строгія представленія, но я былъ противъ ихъ оглашенія во всеобщее свѣдѣніе, такъ что въ этомъ случаѣ иниціатива гласнаго выступленія принадлежитъ исключительно Вамъ, Ваше Величество; признаюсь, что вмѣсто того, чтобы посмотрѣть на этотъ Вашъ порывъ съ огорченіемъ, я почувствовалъ радость и надежду; я считалъ, что было бы грѣшно останавливать и охлаждать его своими возраженіями, ибо подобная энергичность и столь сильное возмущеніе именно и были нужны для проведенія системы, единственной, которой, по нашему мнѣнію, мы могли слѣдовать; помимо этого, порывъ этотъ показывалъ, что внутренне Ваше Величество окрѣпли въ

Вашемъ убѣжденіи, чего не обнаруживалось въ достаточной степени до тѣхъ поръ. Тѣмъ не менѣе, я не скрывалъ отъ себя возможныхъ послѣдствій этого шага, и съ того времени война, которую, кромѣ того, предвѣщали еще и разные другіе признаки, казалась мнѣ уже неизбѣжной. Въ этомъ именно смыслѣ постоянно высказывались всѣ лица, привлеченныя тогда Вашимъ Величествомъ къ участію въ политическихъ дѣлахъ; но, къ несчастью, Ваше Величество въ глубинѣ своей души этому не вѣрили. Только позднѣе я убѣдился, что лично Вы до послѣдней минуты предполагали, что войны не будетъ, что Австрія слишкомъ малодушна, чтобы начать ее, и это послужитъ Россіи предлогомъ также остаться въ сторонѣ.

Отсюда и произошла несогласованность между выступленіями кабинета, дѣйствовавшаго по строгому приказу Вашего Величества, и тѣми мѣрами, какія должны были быть приняты въ виду этого внутри страны. Ваше Императорское Величество предоставляли кабинету дѣйствовать, полагая, вѣроятно, что его предположеніе не осуществится. Событія доказали противное, а между тѣмъ внутри страны совершенно не были приняты нужныя мѣры, соотвѣтствовавшія дѣйствіямъ кабинета.

Ваше Величество не нашли нужнымъ приказать въ 1804 г. ставить достаточное количество рекрутовъ, несмотря на указанную Вамъ въ этомъ необходимость. Посылка полкамъ приказовъ покинуть гарнизоны откладывалась со дня на день, несмотря на мои самыя настойчивыя о томъ просьбы, повторявшіяся мною каждый разъ, какъ только я узнавалъ о новой отсрочкѣ. Это обыкновеніе поступать столь нерѣшительно, порождающее только полумѣры и свидѣтельствующее о нетвердой волѣ — самое вредное и опасное, что только можетъ быть въ дѣлахъ.

Позвольте мнѣ, Государь, напомнить Вамъ по этому случаю о томъ, о чемъ я уже раньше говорилъ: о необходимости отмѣтить Вамъ въ своей записной книжкѣ двѣ сдѣланныя Вами важныя ошибки: первая изъ нихъ та, что въ самомъ на-

чалѣ войны съ Грузіей Вы не отправили туда больше войскъ, хотя Вамъ это и предлагали, чтобы по возможности скорѣе окончить и ликвидировать эту войну; вторая—что Ваше Величество не послали во-время войскъ, назначенныхъ въ помощь Австріи и противъ Пруссіи. Вашему Величеству извѣстны слова Суворова, что „одинъ мигъ можетъ рѣшить сраженіе, одинъ часъ—исходъ кампаніи и одинъ день—судьбу государства“. Слова эти должны были бы всегда помнить тѣ, кто имѣетъ вліяніе на дѣйствія государства.

Въ Европѣ одинъ только Бонапартъ знаетъ цѣну времени, и этого достаточно, чтобы успѣхъ всегда былъ на его сторонѣ. Онъ умѣетъ дѣлать сегодня то, что черезъ недѣлю было бы уже невозможно. Пріобрѣтя силу, благодаря какой-либо одержанной побѣдѣ, онъ такимъ образомъ получаетъ еще большую возможность справляться со встрѣчающимися ему новыми затрудненіями. Не съ тѣми пятьюстами тысячами, которыхъ мы такъ опасались, пришлось намъ воевать! Нѣтъ! Бонапартъ съ 140,000 побилъ Австрію, Россію и Пруссію и исключительно благодаря своему умѣнію использовать настоящій моментъ, не заботясь о послѣдствіяхъ. Способность эта удваиваетъ и утраиваетъ его силы; одна и та же армія дѣйствуетъ, какъ бы ихъ было нѣсколько; побѣдивъ въ одномъ мѣстѣ, она быстро несется къ другому. Такъ воевалъ Цезарь и Фридрихъ. Никогда эти истины не обнаруживались съ большей убѣдительностью, чѣмъ во всемъ томъ, что произошло съ Пруссіей, какъ я это доказалъ, на мой взглядъ съ полной очевидностью, въ моей запискѣ.

Предложенный въ отношеніи Пруссіи планъ дѣйствій одобренъ былъ самыми выдающимися людьми Европы. Это и побудило эрцгерцога Карла высказаться за войну, „ибо“, говорилъ онъ, „планъ этотъ доказываетъ, что Россія серьезно рѣшила воевать“. Питтъ и Фоксъ также дали на это свое согласіе. „Если начнутся военныя дѣйствія съ Пруссіей“—при-

бавилъ послѣдній—„нужно будетъ энергично поддерживать ихъ, не заботясь объ остальномъ".

Правда, Ваше Величество говорили намъ впослѣдствіи, что согласились принять это рѣшеніе лишь потому, что не только предполагали, а были почти увѣрены, что прижатый къ стѣнкѣ король рѣшитъ дѣйствовать совмѣстно съ нами. Однако же, могъ ли кто поручиться за это?

Если на выборъ предлагаютъ два способа дѣйствій, то предполагается возможность успѣха какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, и также одинаково въ обоихъ случаяхъ рѣшаются на связанный съ ними рискъ. Кто могъ подумать, что Россія, получивъ отъ Пруссіи отказъ, прекратитъ всякія дальнѣйшія дѣйствія, и что она вооружалась только потому, что была вполнѣ увѣрена, что Пруссія уступитъ безъ малѣйшаго сопротивленія?

Когда составляютъ какой-либо планъ, то разчитываютъ, что онъ будетъ выполненъ безъ всякихъ отступленій; но если, приступая къ его осуществленію, начинаютъ сразу же съ уклоненія отъ тѣхъ основъ, на которыхъ онъ всецѣло построенъ, и нарушаютъ ту или другую изъ важнѣйшихъ его частей,—то можно ли разсчитывать на успѣшное выполненіе остальныхъ частей этого плана, которыя по разсчету должны были составлять съ нимъ одно стройное цѣлое?

Если не было твердаго рѣшенія осуществлять принятый планъ въ задуманномъ порядкѣ, тогда, конечно, лучше было бы или совсѣмъ ничего не начинать или же выработать совершенно новый.

Поставивъ себѣ въ этомъ письмѣ долгомъ говорить о прошломъ искренно все, безъ утайки, или вѣрнѣе, собрать и письменно изложить Вашему Величеству всѣ тѣ мои взгляды, которые я часто осмѣливался высказывать Вамъ раньше въ нашихъ бесѣдахъ, я прошу Васъ, Государь, не отказать простить меня за намѣреніе исполнить до конца взятую мною на себя

задачу, съ той искренностью, которую можетъ внушать только лишь самая глубокая преданность.

Печальную развязку нашихъ военныхъ операцій нужно, главнымъ образомъ, приписать Мемельскому свиданію. Я лично считаю это свиданіе однимъ изъ самыхъ несчастныхъ событій, произошедшихъ съ Россіей, какъ по ближайшимъ его послѣдствіямъ, такъ и по послѣдующимъ и по тѣмъ, которыя оно еще вызоветъ и въ будущемъ *).

Благодаря тѣсной дружбѣ, возникшей между Вашимъ Величествомъ и королемъ Пруссіи, уже послѣ нѣсколькихъ дней знакомства, Ваше Величество перестали смотрѣть на Пруссію, какъ на государство съ особымъ политическимъ существованіемъ и видѣли въ ней только дорогую Вамъ особу, по отношенію къ которой Вы считали, что имѣете особенныя обязательства.

Эта Ваша личная связь съ главой государства, интересы котораго въ большинствѣ случаевъ противоположны интересамъ Россіи, чрезвычайно повліяла на дѣйствія нашего кабинета; благодаря этому постоянно порождались различнаго рода затрудненія и, въ концѣ концовъ, это помѣшало, съ самаго же начала кампаніи, привести въ исполненіе тѣ энергичныя мѣры, какія рѣшено было предпринять.

Ваше Величество считали, что Ваше участіе въ военномъ планѣ, враждебномъ Пруссіи, будетъ нарушеніемъ личной Вашей дружбы съ королемъ. Вы даже упрекали себя за тѣ умѣренныя выступленія, которыя были сдѣланы Вами противъ Пруссіи, а между тѣмъ, для разрѣшенія вопроса нужно было оставить въ сторонѣ личныя отношенія, а взвѣшивать исключительно взаимоотношенія обоихъ государствъ, тѣмъ болѣе, что король ясно доказалъ свою полную неспособность цѣ-

*) Путешествіе въ Мемель произошло въ 1802 г. Оно послужило началомъ личнаго сближенія Александра съ прусской королевской семьей. Подробности этого путешествія можно найти въ главѣ IX 1-го тома мемуаровъ князя Адама Чарторижскаго.

нить Ваши чувства и отвѣчать на нихъ. Итакъ, вступленіе нашихъ войскъ въ Пруссію было пріостановлено, несмотря на то, что весь нашъ планъ основывался на томъ рѣшеніи, что необходимо дѣйствовать на эту державу силой.

Не слушая ничьихъ совѣтовъ, Ваше Величество внезапно отмѣнили это приказаніе, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ фразъ въ депешахъ Алопеуса, которыя, въ концѣ концовъ, вовсе еще ничего не доказывали, ибо, въ сущности, и нельзя было требовать отъ Пруссіи совершенно безропотнаго подчиненія нашей волѣ безъ всякихъ жалобъ съ ея стороны и безъ попытки тронуть насъ своими упреками или запугать напускной твердостью.

Поведеніе этой державы по отношенію къ Бонапарту, послѣ захвата территоріи Ансбаха и послѣ вѣнскаго трактата, достаточно показываетъ намъ, на что она способна, когда съ ней поступаютъ рѣшительно и энергично. Мы бы не успѣли и одного раза побить пруссаковъ, какъ они были бы уже согласны на все. Надо было поспѣшить укротить Пруссію, какъ поспѣшилъ это сдѣлать Бонапартъ съ Австріей; намъ же сдѣлать это съ Пруссіей было еще легче.

Эту именно отмѣну приказанія и отъѣздъ Вашего Величества въ дѣйствующую армію я считаю главными причинами всѣхъ обрушившихся потомъ на насъ несчастій.

Я тогда же указывалъ Вашему Величеству на неудобство Вашего присутствія въ арміи и тѣ послѣдствія, какія это вызоветъ, и, къ несчастью, все случилось именно такъ, какъ я это предсказывалъ. „По прибытіи Вашего Величества въ армію“,—осмѣливался говорить я вамъ,—„отвѣтственность, лежащая на генералахъ, тотчасъ же всецѣло перенесется на Васъ. Поэтому генералы не будутъ уже попрежнему заботиться о дѣлахъ арміи, начнутъ уклоняться отъ отвѣтственности и перестанутъ изыскивать способы для успѣшнаго веденія дѣла. Кончится тѣмъ, что все будетъ свалено на Ваше Величество. Командовать арміей въ дѣйствительности никто не будетъ,

ибо Вы, Государь, не захотите открыто взять его на себя, а генералы фактически будутъ отъ этого отстранены. Всѣ придворныя и партійныя интриги перенесутся въ лагерь".—Я говорилъ также и то, что Государь, не доказавшій еще на опытѣ своего умѣнія командовать, никогда не долженъ ставить себя въ такія положенія, гдѣ въ извѣстный критическій моментъ онъ можетъ быть вынужденъ принимать самъ лично быстрыя и безповоротныя рѣшенія.

Я указывалъ Вашему Величеству на всѣ пагубныя послѣдствія въ случаѣ Вашего пораженія и спрашивалъ Васъ, какія имѣлись у Васъ въ виду средства и что Вы предпримете, если безопасность или честь Россіи будутъ затронуты?

Вы такъ же мало обратили вниманія на эти мои указанія, какъ и на всѣ предыдущія, и я не могъ уяснить себѣ побужденій, заставившихъ Ваше Величество пренебречь столь важными и неоспоримыми указаніями. Я хотѣлъ убѣдить Васъ, что если Ваше Величество рѣшили ѣхать въ армію, то должны поставить себѣ исключительной цѣлью направить всѣ усилія и заботы къ тому, чтобы правительственная машина, въ моментъ, требующій наибольшаго подъема ея энергіи, работала еще лучше и дружнѣе; кромѣ того Вы не должны были рѣшаться на это до тѣхъ поръ, пока бы не выяснилось, что Вы этимъ не поставите русскаго Государя въ положеніе, въ которомъ онъ рискуетъ своей личной безопасностью и возможностью потерпѣть пораженіе. Ваше Величество должны были отправиться въ армію только тогда, когда военныя дѣйствія окончательно приняли бы благопріятный оборотъ. Все это предлагалось Вашему Величеству, но—тщетно!

Вы уѣхали, Государь, и отмѣна приказанія была получена въ арміи до Вашего пріѣзда. Распоряженіе это весьма огорчило генераловъ и солдатъ, горѣвшихъ нетерпѣніемъ помѣряться силами съ пруссаками, и привело въ отчаяніе поляковъ, ждавшихъ только знака, чтобы присоединиться къ русскимъ войскамъ. Общее уныніе и смущеніе еще болѣе возрасли,

когда стало ясно, что и послѣ Вашего прибытія положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось. Каждый день отсрочки нашего вторженія въ Пруссію былъ потеряннымъ днемъ для Россіи и для Европы — и выигрышемъ для Бонапарта. Онъ подвигался впередъ, а мы стояли на мѣстѣ. Насколько онъ сумѣлъ воспользоваться этимъ промежуткомъ времени мы слишкомъ хорошо почувствовали впослѣдствіи.

Ваше Величество несомнѣнно отдадите дань справедливости всѣмъ сопровождавшимъ Васъ и принимавшимъ участіе въ выработкѣ плана кампаніи и согласитесь, что не отъ нихъ зависѣло помѣшать этой новой комбинаціи. Разъ планъ былъ одобренъ и принятъ, надо было сосредоточить всѣ наши силы, чтобы заручиться дѣйствительнымъ содѣйствіемъ Пруссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ выиграть время. Здѣсь умѣстно напомнить Вашему Величеству, что съ самаго начала военныхъ дѣйствій и, въ особенности, со времени отъѣзда Вашего Величества изъ Пулавъ, Ваши мнѣнія и чувства замѣтно измѣнились, и это сильно повліяло на успѣхъ нашего предпріятія. Вы удалили тогда отъ себя лицъ, пользовавшихся до того времени Вашимъ довѣріемъ, бывшихъ въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, присутствіе которыхъ могло быть въ то время для Васъ особенно полезнымъ. Обстоятельство это привлекло вниманіе Берлина и вызвало тамъ удивленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это уменьшило наши шансы на успѣхъ и увеличило шансы нашихъ недоброжелателей, ибо своими поступками Вы давали понять, что недовольны настоящимъ ходомъ дѣлъ. Хотя я и сопровождалъ Ваше Величество въ Берлинъ,—со мной поступили такъ же, какъ и съ остальными. Съ того момента Вашими поступками и рѣчами Вы постоянно выражали лишь свое неудовольствіе и сожалѣніе по поводу всего сдѣланнаго. Вы часто высказывали по этому поводу упреки, говорили, что впредь Васъ не поймаютъ, и давали понять, при всякомъ удобномъ случаѣ какъ отказами на мои предложенія, находившіяся въ связи съ предыдущими дѣйствіями, такъ и мнѣніемъ, какого стали дер-

жаться относительно настоящихъ событій, что совершенно измѣнили свой взглядъ на принятую систему и что только скрѣпя сердце покоряетесь необходимости продолжать выполненіе этого едва начатаго плана.

Представляю Вашему Величеству безпристрастно рѣшить вопросъ: не способно ли было подобное поведеніе охладить даже наиболѣе горячо преданныхъ Вамъ лицъ и отбить у нихъ желаніе работать? То обстоятельство, что Ваши совѣщанія съ генераломъ Калькрейтомъ въ Казеницахъ, пріѣхавшимъ съ тѣмъ, чтобы выработать планъ немедленнаго выступленія нашихъ войскъ, остались совершенно безрезультатными, и онъ долженъ былъ уѣхать, ограничившись лишь разговоромъ съ Вашимъ Величествомъ, недостатокъ вниманія и настойчивости, съ какими отнеслись къ вопросу объ ускореніи прохода нашихъ войскъ,—все это послужило прелюдіей тому, что случилось впослѣдствіи.

Въ виду того, что не мы, а другія лица ежедневно принимались Вами, пользовались Вашимъ довѣріемъ и вліяли на политическія дѣла, и что съ ними Вы совѣтовались охотнѣе, чѣмъ съ нами, мы имѣли, если смѣю такъ выразиться, растерянный и нерѣшительный видъ, что, конечно, не ускользнуло отъ вниманія прусскаго министерства и внушило ему сомнѣнія относительно Вашего настоящаго образа мыслей. У него опять появилась мысль, столь пагубно отзывавшаяся на нашихъ дѣлахъ, что Ваше Величество и Вашъ кабинетъ не представляютъ одного сплоченнаго цѣлаго; таковое же предположеніе только поощрило двуличную политику берлинскаго кабинета.

Безграничная, особая какая-то любовь, которую Ваше Величество сочли нужнымъ проявлять по отношенію къ Пруссіи, уменьшеніе довѣрія и та холодность, которую предположили въ Вашихъ отношеніяхъ къ своему министерству, сдѣлали прусскій дворъ, съ одной стороны, еще болѣе безпечнымъ, съ другой—возбудили у него боязнь довѣриться намъ; и это

внесло новыя затрудненія въ переговоры, ибо немилость, въ которой я какъ будто бы находился, уменьшила тотъ вѣсъ, который должно было бы имѣть каждое слово Вашего министра, и, кромѣ того, чрезвычайно неблагопріятно повліяло на составленіе несчастнаго Потсдамскаго договора; и я всегда буду жалѣть, что подъ давленіемъ обстоятельствъ былъ вынужденъ подписать подъ нимъ свое имя.

Въ продолженіе всего этого времени я вообще мало имѣлъ возможности серьезно поговорить съ Вашимъ Величествомъ о дѣлахъ. Говорить о нихъ во время путешествія было почти невозможно, развѣ только во время остановокъ на станціяхъ, и то наскоро; кромѣ того Ваше Величество не выражали желанія о нихъ бесѣдовать, несмотря на крайнюю въ этомъ необходимость. Поэтому, Государь, было весьма трудно обсудить съ Вами заранѣе вопросъ о наиболѣе подходящемъ для Васъ образѣ дѣйствій, въ случаѣ тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ.

Хотя событія съ каждымъ днемъ становились для насъ все болѣе и болѣе критическими, у насъ совершенно не вырабатывалось болѣе никакихъ плановъ дѣйствій, не поднимали даже объ этотъ вопроса.

Лица, выработавшіе, по вашему, Государь, приказанію прежній планъ, не созывались вновь, чтобы совмѣстно обсудить и придумать средство лучше и успѣшнѣе довести его до конца. Въ нашей манерѣ держать себя и въ нашихъ дѣйствіяхъ стали проявляться растерянность и торопливость, не предвѣщавшія успѣха. Совѣтовались то съ одними, то съ другими, случайно, безъ всякой послѣдовательности, не удѣляя достаточно времени на то, чтобы внимательно все обсудить, обдумать на свободѣ и спокойно все взвѣсить.

По пріѣздѣ Вашемъ въ Ольмюцъ, Государь, среди Вашихъ приближенныхъ, какъ можно было замѣтить, преобладало два мнѣнія: одни согласились бы бросить все безъ всякой борьбы, другіе же, казалось, желали скорѣе сразиться съ врагомъ,

только лишь для того, чтобы послѣ этого уйти. Только у немногихъ можно было замѣтить ту сознательную и непоколебимую волю, которая одна обезпечиваетъ успѣхъ, заставляя упорствовать до конца и даже желать продленія опасностей и утомленія, лишь бы добиться счастливаго результата и съ честью выйти изъ положенія. Подъ вліяніемъ различныхъ донесеній, дѣлавшихся Вашему Величеству, мы въ продолженіе одного и того же утра отъ крайняго унынія и подавленности могли перейти къ полной увѣренности въ успѣхѣ. Въ это время всѣ кругомъ только и дѣлали, что кричали о голодѣ въ арміи и негодовали на австрійцевъ. Было бы гораздо политичнѣе и великодушнѣе стараться поднять ихъ мужество, оказывая имъ нѣкоторое вниманіе и подбадривая похвалой, чѣмъ унижать ихъ и ожесточать противъ насъ, давая имъ чувствовать наше превосходство и бросать по ихъ адресу насмѣшки, слишкомъ ужъ открыто и часто повторяемыя для того, чтобы онѣ не могли дойти до нихъ. Благодаря этому, обѣ союзныя арміи въ скоромъ времени возненавидѣли другъ друга, гораздо больше, чѣмъ ненавидѣли французовъ. Французы, болѣе хитрые, умѣютъ извлекать пользу даже изъ самыхъ слабыхъ своихъ союзниковъ, льстя ихъ самолюбію и тѣмъ воодушевляя ихъ къ битвѣ.

Что же касается недостатка въ пищѣ, то онъ продолжалъ ощущаться; армія была еще болѣе утомлена и находилась въ еще болѣе затруднительномъ положеніи; тѣмъ не менѣе ни одной жалобы не доходило до Вашего Величества; войска продолжали сражаться, и дѣло шло своимъ чередомъ, ибо всѣ были увѣрены, что Ваше Величество желаете во что бы то ни стало добиться благополучнаго исхода предпріятія.

Тотчасъ же по прибытіи Вашего Величества въ армію къ Вамъ со всѣхъ сторонъ стали обращаться съ жалобами; генералы, не видя въ Васъ больше той рѣшимости,—въ которой они были увѣрены, находясь вдали отъ Васъ, – пожертвовать всѣмъ для достиженія цѣли, также перешли ко взглядамъ, ко-

торыхъ, предполагали они, держались Вы, Государь. Многіе вообразили, что поощреніе жалобъ и преувеличеніе къ нимъ основаній было въ интересахъ дѣла, взятаго на себя Россіей. На самомъ же дѣлѣ подобное поощреніе только обостряетъ чувство недовольства, и, наоборотъ, слѣдовало бы строго и рѣшительно жалобы эти подавлять.

Недостатокъ въ пищѣ въ арміи являлся однимъ изъ тѣхъ большихъ частичныхъ бѣдствій, съ которымъ приходилось бороться такъ же, какъ и съ многими другими, но каковы бы ни были лишенія, претерпѣваемыя войсками, лучше было терпѣливо переносить ихъ, чѣмъ губить Европу и славу русской арміи.

Вашему Императорскому Величеству необходимо было покинуть Ольмюцъ, чтобы не мѣшать нормальному развитію военныхъ дѣйствій; но если ужъ Ваше Величество рѣшили тамъ оставаться, то являлось желательнымъ, чтобы время Ваше употреблено было съ наибольшей пользой для дѣла.

Важно было не то, Государь, чтобы Вы доказали свою доблесть въ сраженіи,—важно было спасти Европу и сохранить славу Россіи, ибо въ ея славѣ заключается и истинная слава ея монарха.

Вмѣсто того, чтобы употреблять свое время на осмотръ передовыхъ позицій или подвергать опасности свою жизнь, какъ Вы это дѣлали потомъ, выступая впереди колоннъ, гдѣ присутствіе Вашего Величества, да будетъ мнѣ позволено говорить правду, не только не приносило пользы, но лишь смущало и сбивало съ толку генераловъ,—безъ сомнѣнія, было бы лучше вамъ, Государь, находиться дальше отъ арміи, предоставляя ей свободно итти впередъ, и не сопровождать ее во всѣхъ ея передвиженіяхъ, а вмѣсто этого направить, какъ Васъ и уговаривали, всѣ Ваши заботы, каждую минуту Вашего времени, всѣ Ваши силы и способности, на то, чтобы неотложно добиваться всѣми средствами успѣшнаго хода дѣлъ, въ ихъ общей сложности, не задерживать работъ ни по одной

отрасли управленія Вашей имперіи—и настойчиво продолжать добиваться реорганизаціи Австріи.

Но могли ли Вы, Государь, заниматься столь важными и трудными вопросами, когда всѣ Ваши дни были поглощены другими мало полезными дѣлами, одинаково отнимавшими у Васъ время и силы!

Мы давали Вамъ совѣты, побуждаемые желаніемъ благополучно окончить начатое предпріятіе, а также и тѣмъ соображеніемъ высшаго порядка, что благоденствіе Россіи и судьбы Европы связаны съ личностью Вашего Величества, и что, слѣдовательно, допускать Ваше Величество подвергать свою жизнь опасности было бы равносильно неумѣнью достаточно цѣнить самое важное въ мірѣ; это было бы равносильно ставкѣ на карту судьбы народовъ, ввѣрившихъ свое спасеніе въ Ваши руки, а также и тѣхъ милліоновъ людей, которымъ Вы принадлежите; это значило бы—подвергать и ихъ тѣмъ же опасностямъ и дѣйствительно совершить въ отношеніи ихъ преступленіе.

Мы были такъ проникнуты силой и важностью этихъ соображеній, настолько чувствовали всю тяжесть своей отвѣтственности, что не было такихъ моленій и увѣщаній, съ которыми бы мы не обращались по этому поводу къ Вашему Императорскому Величеству. Но слова наши производили на Васъ все меньше и меньше впечатлѣнія, и, наконецъ, Ваше Величество даже и совсѣмъ перестали разрѣшать намъ говорить съ Вами объ этомъ вопросѣ, который являлся наиболѣе важнымъ и имѣющимъ наиболѣе рѣшающее значеніе.

Предположу даже, что если бы Вы послѣдовали совѣтамъ этимъ, повторявшимся нами Вамъ до пресыщенія, Ваша репутація личнаго мужества пострадала бы; но, вѣдь, Вы всегда могли возстановить ее и выказать себя въ настоящемъ свѣтѣ тогда, когда обстоятельства измѣнились бы въ благопріятную сторону. Когда Сципіону Африканскому въ первый разъ пришлось командовать войсками во время осады Карѳагена, онъ

велѣлъ двумъ воинамъ неотступно находиться при немъ и прикрывать его своими щитами. Ставъ выше мысли, что его могутъ заподозрить въ недостаткѣ отваги, онъ мало заботился о томъ, что о немъ будутъ говорить плохо, и помнилъ лишь, что отъ сохраненія его жизни зависитъ успѣхъ предпріятія. Когда брешь была пробита и произведенный штурмъ обезпечилъ побѣду, Сципіонъ появился безъ тѣлохранителей и сумѣлъ еще доказать, что не уступаетъ въ храбрости любому изъ своихъ воиновъ.

Если простой полководецъ счелъ себя обязаннымъ такъ поступить, то насколько болѣе осторожнымъ долженъ былъ быть Государь, находившійся въ Вашемъ положеніи.

Ваше Величество должны были беречь себя и лишь въ крайнихъ случаяхъ пользоваться тѣмъ впечатлѣніемъ, которое производитъ на армію Ваше появленіе. Если бы Ваше Величество находились не въ самой арміи, а гдѣ либо вблизи ея, и появились бы передъ войсками только послѣ битвы, это, вѣроятно, произвело бы на нихъ такое же трогательное и столь же желательное впечатлѣніе, какъ это было въ Ольмюцѣ, и что доставило Вамъ столь большое удовлетвореніе. Въ арміи водворился бы порядокъ, и она могла бы продолжать сраженіе. Но пріучая солдатъ видѣть Васъ постоянно, и безъ всякой необходимости, Вы ослабили очарованіе, производимое Вашимъ появленіемъ. Ваше присутствіе во время Аустерлицкаго сраженія не принесло никакой пользы даже въ той именно части, гдѣ Вы находились, войска были тотчасъ же совершенно разбиты, и Вы сами, Ваше Величество, должны были поспѣшно бѣжать съ поля битвы.

Этому Вы ни въ коемъ случаѣ не должны были подвергать себя. Въ Голицѣ Вашъ отъѣздъ, Государь, явившійся неизбѣжнымъ слѣдствіемъ Вашего, если смѣю такъ выразиться, не вызваннаго обстоятельствами пріѣзда, только увеличилъ безпорядокъ и духъ унынія, царившій въ арміи.

Хотя въ этотъ моментъ армія и не была охвачена жаждой

мести за нанесенное оскорбленіе, а стремилась лишь какъ можно скорѣе уйти и считать войну оконченной, все же никто не долженъ былъ покидать своихъ корпусовъ; а между тѣмъ, каждый офицеръ, имѣвшій право на отпускъ, поспѣшилъ воспользоваться имъ, оправдывая, вѣроятно, себя Вашимъ отъѣздомъ, который послужилъ для нихъ какъ бы сигналомъ. Надо отдать справедливость генераламъ, что еще заранѣе, до катастрофы, они, чувствуя, насколько Ваше присутствіе, Государь, затрудняетъ и осложняетъ ихъ дѣйствія, непрестанно упрашивали Ваше Величество, во-первыхъ, удалиться изъ арміи, и, во-вторыхъ, не подвергать себя ненужнымъ опасностямъ.

Если Ваше Величество будете продолжать не обращать вниманія ни на какія дѣлаемыя Вамъ представленія, то впослѣдствіи Вы будете упрекать себя, что повиновались побужденіямъ чисто личнаго свойства, не сообразуясь съ тѣмъ, что ясно требовалось для блага Россіи и всей Европы.

Я чувствую, что обсуждая эти столь серьезные и важные по своимъ послѣдствіямъ вопросы, я черезчуръ увлекся подробностями, которыя могутъ показаться Вашему Величеству, по меньшей мѣрѣ, утомительными, даже если Вы и отнесетесь къ нимъ благосклонно. Но благоволите, Государь, прочесть мое письмо до конца и позвольте мнѣ воспользоваться привилегіей, которую я осмѣлился взять на себя въ данномъ случаѣ—исполнить то, что я считаю долгомъ, и съ полной искренностью высказать вамъ, Государь, всѣ мысли, вызываемыя у меня всѣми этими вопросами.

Монархъ долженъ всегда считать себя нераздѣльно связаннымъ съ государствомъ, которымъ онъ управляетъ. Мужество, которое онъ долженъ проявлять, совершенно другого характера, чѣмъ мужество простого смертнаго. Во всѣхъ дѣлахъ онъ долженъ отбросить все личное и дѣйствовать исключительно въ интересахъ государства. Только исполнивъ долгъ свой въ этомъ отношеніи, онъ можетъ разрѣшить себѣ дѣйствовать, какъ частное лицо; его личные вкусы, вплоть до самолюбія, должны приноситься въ жертву благу государства.

Поэтому желаніе руководиться исключительно личными побужденіями, дѣлать все единолично, чтобы доказать, что не находитесь ни подъ чьимъ вліяніемъ и обладаете всѣми необходимыми данными для исполненія столькихъ, самыхъ разнообразныхъ обязанностей, исходящихъ только лишь отъ верховной власти, не должно было бы, казалось, всецѣло руководить Вами, ибо государство неизбѣжно пострадаетъ отъ этого. Къ тому же, слѣдуя подобному желанію, мы попадаемъ въ ту самую ловушку, которой желаемъ избѣжать, ибо часто случается, что страхъ очутиться подъ чьимъ-либо вліяніемъ къ этому именно насъ и приводитъ. Монархъ—это душа всего, главный импульсъ, дающій движеніе каждой части государственнаго механизма и укрѣпляющій его при помощи хорошаго выбора лицъ, облеченныхъ его довѣріемъ; онъ долженъ умѣть отличать настоящія заслуги, не допускать ни въ комъ упадка духа, въ каждомъ поддерживать усердіе и преданность и обходиться съ каждымъ по его заслугамъ.

Къ поставленному въ центрѣ государственной жизни, къ нему стекаются всѣ дѣла, какъ радіусы къ центру круга, но онъ долженъ намѣчать лишь великіе пути, лишь основные контуры; если онъ будетъ исполнять эту обязанность, въ которой никто не можетъ его замѣнить, то это дастъ ему возможность обнаружить твердость своего характера, и у него найдется такъ много работы, что она совершенно поглотитъ все его время.

Способности и силы человѣка ограничены; одно и то же лицо не можетъ одновременно быть простымъ офицеромъ, полковникомъ, генераломъ, секретаремъ, министромъ и т. д. и... монархомъ Все въ жизни зависитъ отъ распредѣленія времени и отъ удачнаго выбора занятій. Если монархъ желаетъ все дѣлать лично, проявлять себя всюду, онъ, по необходимости, не будетъ въ состояніи исполнять свою собственную обязанность, которая является главнѣйшей и наиболѣе трудной и безъ которой все остальное не можетъ двигаться. Занимаясь

второстепенными дѣлами, которыя по самому свойству ихъ могутъ быть исполняемы другими лицами гораздо успѣшнѣе его, онъ нарушаетъ правильный ходъ и всей государственной жизни, и ея отдѣльныхъ частей, и этимъ наноситъ всему ущербъ.

Если бы Ваше Величество послѣдовали тому, что Вамъ безпрестанно совѣтовали, а именно, прежде всего не ѣхать въ армію, затѣмъ, когда Вы рѣшили ѣхать—не оставаться въ ней, а лучше устроить свиданія съ прусскимъ королемъ, чтобы уговорить его вступить въ коалицію,—одинъ изъ главныхъ вопросовъ, который долженъ былъ въ то время Васъ занимать,—то, Государь, можно навѣрное сказать, что Аустерлицкаго сраженія или вовсе не было бы, или же его не проиграли бы, а даже если бы оно и было проиграно, то не повлекло бы за собой такихъ послѣдствій, какъ теперь.

Если бы генералу Кутузову дали возможность дѣйствовать самостоятельно, онъ не далъ бы такихъ полномочій начальнику своего штаба, Вейротеру, и самъ бы руководилъ въ сраженіи ввѣренной ему арміей. Его природная предусмотрительность заставила бы его выжидать благопріятнаго случая и избѣгать сраженія, и плана этого слѣдовало тогда держаться до той минуты, пока Пруссія не присоединилась бы къ намъ; такого, по крайней мѣрѣ, мнѣнія держался генералъ Кутузовъ. Въ интересахъ Бонапарта было не терять времени, мы же, наоборотъ, должны были стараться его выиграть. У Бонапарта были всѣ основанія къ тому, чтобы рискнуть на рѣшительное сраженіе, у насъ же все говорило за то, чтобы избѣгать его. Благоволите, Государь, вспомнить, что въ то время я также настаивалъ на этомъ и передъ Вами и передъ всѣми, кому угодно было меня слушать. Нужно было утомить врага мелкими стычками, обезпечить главную часть арміи отъ возможности нападенія на нее, добраться до Венгріи и сговориться съ эрцгерцогомъ.

Если бы даже, наконецъ, Кутузовъ и вынужденъ былъ дать сраженіе, развѣ бы онъ взялъ на себя всю отвѣтствен-

ность и вступилъ бы въ бой, не собравъ предварительно военнаго совѣта изъ австрійскихъ и русскихъ генераловъ, чтобы обо всемъ съ ними уговориться, посовѣтоваться, все обсудить, изучить мѣстность, дать имъ всѣмъ необходимыя инструкціи, словомъ, не принявъ всѣхъ необходимыхъ въ данномъ случаѣ мѣръ предосторожности?

Наконецъ, въ случаѣ бы даже и проигрыша сраженія кто рѣшился бы заключить окончательное перемиріе и покинуть на произволъ судьбы австрійскаго императора? Ваши генералы, боясь отвѣтственности, сдѣлали бы невозможное, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія и уменьшить въ глазахъ Вашего Величества его пагубныя послѣдствія.

Вы сами, Государь, не находясь на полѣ сраженія, могли бы принимать Ваши рѣшенія спокойно и не торопясь. Напоминаю Вашему Императорскому Величеству, при какой обстановкѣ и въ какомъ настроеніи отдавали Вы Ваши приказанія, будучи въ Голицѣ. Могли ли они быть хорошо взвѣшены въ этой общей сумятицѣ, когда окружавшіе Васъ кричали, что австрійцы—предатели, что нужно имъ отмстить, нужно вернуться скорѣе въ Россію, что армія совершенно неспособна больше воевать? Вынесенное мною тогда, въ это несчастное время, тяжелое впечатлѣніе вызвало у меня мысль, что такъ, вѣроятно, во время опасности должно дѣйствовать революціонное правительство. Среди этого возбужденія, въ общемъ хаосѣ различныхъ криковъ и ропота, не было никакой возможности сказать ни слова въ пользу Австріи и интересовъ Европы.

Общее мнѣніе было таково, что Ваше Величество достаточно сдѣлали для другихъ и теперь должны подумать о себѣ самомъ, какъ будто бы Ваша слава, Государь, и Ваша безопасность совершенно не были связаны съ паденіемъ Австріи и другихъ Вашихъ союзниковъ!

То же самое Вы, Государь, отвѣтили и мнѣ, когда я осмѣлился вымолвить слово въ пользу неаполитанскаго короля. Что

же касается Австріи, то, такъ какъ я былъ не только не расположенъ, а даже вообще не желалъ вмѣшиваться въ какія бы то ни было дѣла, зная, къ тому же, что мое вмѣшательство не будетъ имѣть ни малѣйшаго значенія, я рѣшилъ уговорить императора Франца, съ чѣмъ и обращался къ нему нѣсколько разъ, лично объясниться съ Вашимъ Величествомъ, надѣясь, что это будетъ лучшимъ средствомъ для полученія отъ Васъ благопріятнаго отвѣта.

Между тѣмъ, уѣзжая оттуда, Вы объявили ему, Государь, чтобы онъ не разсчитывалъ больше на Вашу армію. Этотъ отвѣтъ, сдѣлавшійся мнѣ извѣстнымъ послѣ отъѣзда Вашего Величества, разсѣялъ всѣ мои сомнѣнія на счетъ Вашихъ чувствъ и конечнаго результата всего нашего предпріятія.

Тѣмъ не менѣе, сознавая всѣ возможныя тяжелыя послѣдствія такого окончательнаго отступленія отъ взятаго нами на себя дѣла, я позволилъ себѣ, хотя и не имѣя на это полномочій Вашего Величества, написать въ Берлинъ въ противоположномъ духѣ. Депеши эти, посылку которыхъ Вы и до сихъ поръ не одобряете, не могли достигнуть никакого результата при такомъ дворѣ, какъ берлинскій. Впрочемъ, чтобы помѣшать этому, достаточно было и того объясненія, которое Ваше Величество имѣли по моемъ возвращеніи въ Петербургъ съ прусскимъ министромъ, которому Вы нашли нужнымъ сказать, что предоставляете ему свободу устраивать свои дѣла съ Франціей по желанію.

Ясно было, что бросая это дѣло, мы тѣмъ самымъ предаемъ въ руки Франціи сосѣднія державы; поэтому я, тотчасъ же по пріѣздѣ въ Петербургъ, старался убѣдить Ваше Величество въ необходимости дать приказанія Вашимъ генераламъ пріостановить отступленіе и снабдить ихъ на всякій случай инструкціями, соотвѣтственно политикѣ вѣнскаго и берлинскаго дворовъ, чтобы быть въ состояніи,—это смотря по обстоятельствамъ,—предложить ли свою помощь одному изъ нихъ или устрашить другой, а также, чтобы по возмож-

ности сохранить себѣ право голоса при переговорахъ. Одновременно я настаивалъ на необходимости сохранить всѣ наши военныя силы въ Средиземномъ морѣ и часть ихъ употребить на защиту неаполитанскаго короля.

Я долженъ еще на минуту перенести вниманіе Вашего Величества на одно предшествовавшее всему этому обстоятельство, именно—напомнить Вамъ, что хотя я и былъ убѣжденъ въ необходимости энергично вести войну, все же я всегда былъ того мнѣнія, что во время Вашего пребыванія въ арміи, Вамъ не слѣдовало раздражать Бонапарта и обходиться съ нимъ рѣзко, наоборотъ, нужно было быть чрезвычайно сдержаннымъ по отношенію къ нему и даже стараться смягчить его и не прерывать съ нимъ переговоровъ окончательно. Нельзя не пожалѣть, что мы не воспользовались положеніемъ, которое, казалось, было наиболѣе удобнымъ для того, чтобы позондировать его мысли и планы и проникнуть въ то, какія предложенія могъ бы намъ сдѣлать этотъ необыкновенный человѣкъ, и вернулись сюда, совершенно не составивъ себѣ объ этомъ какого-либо вѣрнаго представленія, такъ что, несмотря на протекшіе съ того времени годы, мы даже и теперь въ состояніи отвѣтить не на основаніи точныхъ фактовъ, а лишь одними предположеніями, правда, и не вполнѣ произвольными, на интересующій многихъ вопросъ: не было ли тогда у насъ возможности устроить наши дѣла съ Бонапартомъ и заключить съ нимъ выгодный, или, по крайней мѣрѣ, пріемлемый для насъ миръ?

Рѣшивъ уже въ Голицѣ покинуть нашихъ страждущихъ союзниковъ, по моему, слѣдовало бы, чтобы быть послѣдовательнымъ, возбудить у Бонапарта нѣкоторую надежду на возможность примиренія, завязать съ нимъ хотя какіе-нибудь переговоры, которые все равно являлись неизбѣжными въ виду принятаго рѣшенія завести ихъ съ нимъ позже. Въ то время они могли бы произвести болѣе впечатлѣнія и, по крайней мѣрѣ, задержали бы гибель нашихъ союзниковъ, предупре-

дивъ враждебныя намѣренія тѣхъ державъ, кои пожелали бы сговориться съ Франціей.

Мнѣ остается сказать Вамъ также еще нѣсколько словъ, Государь, по поводу упрека, сдѣланнаго Вашему кабинету и Вашимъ агентамъ въ Вѣнѣ относительно того, что они не сумѣли предупредить Васъ о неспособности австрійскаго правительства и его арміи быть намъ полезными въ задуманномъ нами предпріятіи.

Я спрашиваю: не въ правѣ ли былъ бы австрійскій императоръ въ свою очередь упрекнуть графа Стадіона за то, что тотъ не предупредилъ его, что русская армія послѣ первой же неудачи будетъ не въ состояніи продолжать кампанію, и что одно проигранное сраженіе поставитъ русскихъ внѣ возможности принимать дальнѣйшее участіе въ дѣлѣ?

Бываютъ вещи, предусмотрѣть которыя не приходитъ даже въ голову, онѣ вызываются столь неожиданными сцѣпленіями обстоятельствъ, что ихъ совершенно невозможно взвѣсить заранѣе.

Хотя я и тороплюсь скорѣе окончить это и безъ того уже слишкомъ длинное письмо, все же не могу въ заключеніе не повторить еще разъ, какъ выводъ изъ всего изложеннаго мною, что Ваше Величество, довѣривъ извѣстнымъ лицамъ составленіе обширнаго плана, перестали считаться съ ихъ мнѣніемъ, лишь только приступили къ его осуществленію.

Ваше Величество никогда никому не довѣряете вполнѣ, вотъ почему, быть можетъ, ни одно предпріятіе не было выполнено такъ, какъ это было бы желательно; когда же событія, въ силу перечисленныхъ уже мною причинъ, стали послѣдовательно принимать все болѣе критическій оборотъ, Вы и совсѣмъ лишили насъ своего довѣрія, тогда какъ единственнымъ средствомъ, которое могло бы помочь выйти изъ того затруднительнаго положенія, въ какомъ мы очутились, было именно—продолжать довѣрять намъ.

Быть можетъ, найдутся люди, которые скажутъ, что лица,

выработавшія этотъ планъ, когда пришлось его осуществлять, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не приложили всѣхъ своихъ усилій для предотвращенія злополучной развязки. Но, Государь! это—не наша вина. И благоволите разрѣшить мнѣ высказать Вамъ то, что мнѣ неоднократно приходилось испытывать на себѣ: когда дѣлами руководятъ помимо тебя и когда съ тобой обращаются такъ, какъ это пришлось испытать намъ тогда, особенно въ послѣдніе дни, то совершенно теряешь охоту и едва рѣшаешься высказать свое мнѣніе безъ всякаго при этомъ желанія заставить раздѣлять его, такъ же какъ и безъ надежды, что оно будетъ принято и выполнено какъ слѣдуетъ. . . . .

Для монарха также чрезвычайно важно умѣть внушать къ себѣ довѣріе. Простите меня за смѣлость моихъ словъ, но это Вы, Ваше Величество, должны бы были одобрять, объединять, искать совѣтовъ, обсуждать ихъ, обдумывать и относиться къ нимъ съ интересомъ. Но дѣло въ томъ, что Ваше Величество не желали принимать ничьихъ совѣтовъ, ибо совершенно больше ихъ не цѣнили и не довѣряли имъ.

Тѣмъ не менѣе, я съ увѣренностью могу подтвердить, что если бы Вы, Государь, не измѣнили Вашего отношенія къ людямъ, которымъ Вы прежде довѣряли, обстоятельства не приняли бы столь плохого оборота. Одинъ мундиръ еще не дѣлаетъ солдата,—и не нося его, мы могли бы подать хорошіе совѣты, хотя бы и въ дѣлѣ военныхъ операцій, если бы Ваше Величество соблаговолили допустить насъ къ участію въ совѣщаніяхъ по этому предмету. И въ самомъ дѣлѣ, если кто и былъ наиболѣе заинтересованъ въ удачномъ выполненіи плана, а такъ же, быть можетъ, болѣе другихъ могъ помочь Вашему Величеству успѣшно и съ честью выйти изъ этого предпріятія, то именно люди, трудившіеся надъ созданіемъ его и въ началѣ кампаніи принимавшіе наибольшее участіе въ его осуществленіи.

Если я въ этомъ слишкомъ длинномъ письмѣ перешелъ

границы дозволенной откровенности, если Ваше Величество будете удивлены, что мѣстами я говорю такимъ дидактическимъ и поучительнымъ тономъ, который можетъ показаться Вамъ весьма неумѣстнымъ, то прошу Ваше Величество принять во вниманіе, что находясь, быть можетъ, наканунѣ разставанія съ Вами, я счелъ долгомъ сдѣлать то, что диктуетъ мнѣ мое усердіе, рискуя даже вызвать Ваше неудовольствіе, и высказать Вамъ, быть можетъ, непріятную, но безусловно полезную истину. Какую пользу приносилъ бы опытъ, если бы въ прошлыхъ событіяхъ не старались разбираться съ самой строгой правдивостью и не извлекали бы изъ нихъ уроковъ для настоящаго и будущаго! Остаюсь и т. д.

XV.

Записка *), представленная княземъ Адамомъ Чарторижскимъ Его Императорскому Величеству Государю Императору.

5 апрѣля 1806 г.

Хотя поведеніе русскаго кабинета за послѣдніе годы было уже изложено въ запискахъ, прочитанныхъ въ Совѣтѣ по приказанію Вашего Императорскаго Величества, и хотя опубликованіе въ Лондонѣ приложенныхъ къ нимъ добавленій (за что англійскому правительству не безъ основанія былъ сдѣланъ упрекъ) послужило болѣе чѣмъ достаточнымъ оправданіемъ русскаго министерства передъ всей Европой,—но въ виду того, что этотъ отчетъ не былъ предназначенъ исключительно для Вашего Величества, изъ него пришлось вычеркнуть различные факты и сужденія, могущія придать новое освѣщеніе дѣятель-

*) Записка эта была представлена Его Величеству Государю Императору вмѣстѣ съ письмомъ отъ апрѣля 1806 г.

ности кабинета и тѣмъ побужденіямъ, которыми онъ руковод ствовался. Потому я считаю своимъ долгомъ изложить ихъ въ особой запискѣ и повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества.

Чѣмъ затруднительнѣе и тревожнѣе настоящее положеніе Россійской имперіи, тѣмъ важнѣе вернуться къ вызвавшимъ его событіямъ, отыскать въ нихъ причины упадка русскаго вліянія и, въ особенности, причину неудачи, постигшей Россію въ осуществленіи ея плановъ; выяснить, насколько основательны были замѣчанія и упреки, сдѣланные министерству Вашего Величества, и не слѣдовало ли ему тогда, примѣнительно къ обстоятельствамъ, усвоить иную систему и дать иной ходъ дѣламъ.

Чтобы надлежащимъ образомъ возразить на всѣ упреки, которые дѣлались петербургскому кабинету въ продолженіе двухъ лѣтъ и которые я хочу здѣсь по возможности вкратцѣ изложить и проанализировать,—не безполезно будетъ сказать вначалѣ также о состояніи политическихъ отношеній Россіи во время учрежденія манифестомъ 1802 г. министерства, и о томъ вліяніи, какое имѣла на послѣдующія событія тогдашняя политика кабинета.

Политика по отношенію къ Франціи въ принципѣ была подчинена единственному желанію добиться, при помощи различныхъ любезностей, дружбы и довѣрія Бонапарта, но она не принесла ожидаемыхъ результатовъ.

Заключеніе Парижскаго мира доставило Россіи также мало чести, какъ и ея союзникамъ пользы, а способъ, какимъ Бонапартъ выполнилъ этотъ договоръ, былъ для нея еще болѣе оскорбителенъ. Выставляя на показъ свою дружбу съ Россіей, онъ постоянно старается подорвать уваженіе къ этой державѣ, на которое она имѣла всѣ права, и показать, что это уваженіе является лишь якобы отзвукомъ уваженія къ Франціи, уступленнымъ ею Россіи. Такимъ образомъ, при рѣшеніи вопроса о земельныхъ вознагражденіяхъ, Тюльерійскій кабинетъ единолично со-

ставилъ планъ, распредѣлилъ доли, а Россія должна была слѣдовать за нимъ, почти не имѣя никакого вліянія въ этомъ дѣлѣ. По отношенію къ намъ Бонапартъ велъ себя, какъ по отношенію къ державѣ, которой, по его разсчету, ему нечего было опасаться и отъ которой нечего было ждать. Несмотря на тѣсныя связи, существовавшія, какъ казалось, въ то время между нимъ и нашимъ кабинетомъ, никто не усмотрѣлъ необходимости разъ навсегда остановиться по отношенію къ нему на опредѣленной позиціи, и за это впослѣдствіи упрекали министерство; Россія такъ же мало заботилась объ участіи въ планахъ Бонапарта, какъ и о противодѣйствіи имъ.

Нельзя обманывать себя, что тогдашняя политика Россіи, хотя и преслѣдовала весьма похвальную цѣль—сохраненіе всеобщаго мира и спокойствія,—чрезвычайно поколебала довѣріе къ себѣ остальныхъ державъ; вернуть же его, разъ оно нарушено—стоитъ уже большихъ усилій и трудовъ,

Россія, способствуя первоначально укрѣпленію французскаго могущества, тѣмъ самымъ создавала себѣ на будущее время необходимость прибѣгнуть къ мѣрамъ, стоившимъ ей большихъ затратъ, тогда какъ, если бы съ самаго начала ею проявлялось поменьше угодливости, то ей, быть можетъ, достаточно было бы впослѣдствіи выказать только немного твердости, чтобы внушить къ себѣ со стороны Франціи уваженіе и удержать ея главу въ должныхъ границахъ.

Сдѣлка съ земельными вознагражденіями нанесла роковой ударъ равновѣсію какъ Германіи, такъ и всей вообще Европы и уничтожила имѣвшіяся у нея надежды, черпаемыя ею въ вѣрѣ въ благородное безкорыстіе Россіи и ея заботы о ней. Не видя у Россіи никакихъ серьезныхъ причинъ содѣйствовать этой сдѣлкѣ, которая ей лично совершенно ничего не приносила и была такъ же противна ея интересамъ, какъ и интересамъ Европы, рѣшили, что въ данномъ случаѣ ею руководило особое расположеніе къ Франціи и Пруссіи, и съ того момента стали отчаиваться во всеобщемъ спасеніи.

Начавшаяся въ это же время связь между берлинскимъ и петербургскимъ дворами особенно способствовала установленію такого взгляда. Берлинскій дворъ давно уже сдѣлался посредникомъ и усерднымъ доносчикомъ Франціи, взявъ на себя обязанность дѣлать предложенія отъ ея лица, стоять на стражѣ ея интересовъ и докладывать ей обо всемъ происходящемъ. Прикрывая ея жестокости и пользуясь выпрошенными у нея милостями, онъ пробовалъ склонить и Россію къ ложнымъ шагамъ, стараясь вовлечь ее въ свою игру и довести до такой же степени паденія, до какой дошелъ самъ. Пруссія, по мнѣнію всей Европы, была виновницей ея несчастій, и кабинетъ ея считался наиболѣе двуличнымъ. Поэтому на связь, возникавшую между Россіей и этимъ кабинетомъ, смотрѣли съ величайшей скорбью, предвидя заранѣе всѣ тѣ затрудненія и вредъ, которыя явятся въ результатѣ.

Въ продолженіе двухъ послѣднихъ лѣтъ русскому кабинету сдѣланы были два упрека: во-первыхъ, въ томъ, что мы не продолжали слѣдовать своей прежней системѣ пассивной политики, не считаясь съ событіями въ Европѣ, и во-вторыхъ, въ томъ, что будучи вынуждены обстоятельствами къ активному дѣйствію, мы не пожелали раздѣлить власти Бонапарта надъ Европой, но предпочли начать укрощать ее.

Но оставаться пассивной для Россіи возможно было только лишь при условіи полнаго устраненія себя отъ дѣлъ Европы. Предоставляю судить, какъ отозвалось бы на отношеніяхъ европейскихъ государствъ это внезапное устраненіе себя отъ участія въ дѣлахъ такой имперіи, какъ Россія, и не пострадала ли бы въ ближайшемъ будущемъ отъ этого и она сама!

Я ограничусь здѣсь лишь утвержденіемъ, что въ наиболѣе плохое и неподобающее ей положеніе Россія поставила себя въ то время, когда продолжала принимать участіе въ европейскихъ дѣлахъ, не проявляя никакого мужества и твердости и не оказывая на нихъ никакого вліянія. Такого рода поведеніе съ ея стороны было самымъ вѣрнымъ средствомъ заста-

вить европейскія державы сдѣлаться союзницами Бонапарта и подчинить ихъ его волѣ, чтобы онъ могъ, по желанію, располагать ими противъ Россіи.

Поэтому, если у Россіи не было рѣшенія стать въ ряды настоящихъ азіатскихъ державъ, и если она не заявляла, что, подобно Китаю, желаетъ жить исключительно своей внутренней жизнью, то она должна была избрать себѣ одинъ изъ этихъ двухъ здѣсь указанныхъ выходовъ.

Когда недостатокъ вниманія со стороны Бонапарта и его преступленія вызвали охлажденіе между Россіей и Франціей, Европа начала указывать на Ваше Императорское Величество, какъ на своего избавителя. Лишать себя столь прекраснаго званія для того только, чтобы раздѣлить съ Бонапартомъ тѣ эпитеты, которые къ нему прилагались, конечно, было бы не почетно; нѣтъ сомнѣнія, что гораздо благороднѣе и даже и выгоднѣе было, вмѣсто того, чтобы пользоваться по милости Бонапарта владычествомъ надъ половиною Европы,—вырвать изъ его рукъ его собственный скипетръ и установить всеобщее благополучіе, обезпечивъ при этомъ за Россіей первенствующее значеніе въ европейскихъ дѣлахъ.

Впрочемъ, неизвѣстно, какія имѣлись основанія приписывать Бонапарту желаніе пріобщить Россію къ своей славѣ.

Для того, чтобы присвоить себѣ одинаковыя съ нимъ преимущества, намъ нужно было бы захватить сосѣднія съ нами государства, а остальную часть Европы предоставить его власти. Что касается Оттоманской имперіи, то глава французскаго правительства часто высказывалъ мысль о раздѣлѣ съ нами этого государства; но то же самое онъ говорилъ и въ Вѣнѣ и также рисовалъ и Пруссіи перспективу возможныхъ новыхъ пріобрѣтеній. Можно ли было предположить, чтобы Бонапартъ согласился на сдѣлку, которая дѣйствительно была бы для насъ выгодной и вознаградила бы насъ за потерю такого сосѣда, какъ Порта? Можно ли было предположить также и то, что онъ былъ искрененъ въ тѣхъ своихъ

неопредѣленныхъ, едва бросаемыхъ имъ намъ предположеніяхъ, которыя съ такой же дѣланной искренностью и показнымъ довѣріемъ преподносились имъ и другимъ правительствамъ? Не должны ли мы были скорѣе опасаться, что имъ руководило желаніе скомпрометировать насъ въ глазахъ нашихъ сосѣдей и не только уничтожить всякую возможность нашего съ ними соединенія, но даже поссорить насъ съ ними, чтобы потомъ притти къ нимъ на помощь, въ ожиданіи, пока у него будетъ возможность продолжать дальнѣйшее выполненіе своихъ плановъ?

На счетъ поведенія Бонапарта по отношенію къ своимъ союзникамъ, его лицемѣрія и привычки клеветать одному правительству на другое, не могло быть никакихъ сомнѣній. Такимъ образомъ, угождая врагу, искренность котораго была подъ сомнѣніемъ, мы лишились бы возможности имѣть настоящихъ друзей, связанныхъ съ нами общими интересами. Мы упустили бы изъ виду дѣйствительно грозную опасность, гоняясь за весьма сомнительными надеждами, которыми насъ могли одурачить. Поэтому единственнымъ выходомъ для насъ было рѣшиться совмѣстно съ остальными державами Европы положить предѣлъ честолюбію Бонапарта, силой вернуть его въ должныя границы и возстановить такимъ образомъ въ Европѣ благой и устойчивый порядокъ вещей, и, наконецъ, выработавъ новый планъ, стать во главѣ его и, такимъ образомъ получить рѣшающее значеніе въ дѣлахъ Европы, а также, смотря по обстоятельствамъ, и тѣ преимущества, на которыя Россія имѣла бы право, одержавъ побѣду, и которыя предоставили бы ей благодарные народы. Таковъ былъ принципъ, положенный въ основу нашихъ дѣйствій. Казалось, онъ вполнѣ отвѣчалъ требованіямъ, чести, славы, безопасности и выгодамъ государства.

Однако, политика наша была чрезвычайно сдержанна, и событія, вѣроятно, развивались бы гораздо медленнѣе, если бы одно особое обстоятельство не ускорило ихъ хода.

Смерть герцога Энгіенскаго и вызванное ею поведеніе Россіи, дали первый толчокъ и рѣшили все остальное.

Петербургскій кабинетъ долгое время подвергался порицаніямъ за недостаточное проявленіе энергіи и дѣятельности; тѣ самыя лица, которыя раньше были противъ войны, кричали, зачѣмъ ее не начинаютъ; когда же она была объявлена, стали упрекать въ томъ, что этого не сдѣлали раньше. Если бы Бонапарту не объявили войны, онъ попрежнему продолжалъ бы свои захваты, какъ сдѣлалъ это съ Пьемонтомъ, Итальянскимъ королевствомъ, Генуей, Луккой, Пармой и проч.

Оставаясь безучастнымъ, отказываясь выслушивать жалобы, раздававшіяся отовсюду, не подавая помощи угнетеннымъ,—русскій кабинетъ покрылъ бы себя позоромъ, и подобное поведеніе наше послѣ столь открытаго съ нашей стороны выступленія, показалось бы какъ самимъ русскимъ, такъ и Европѣ настолько страннымъ, настолько противорѣчащимъ славѣ и интересамъ Россіи, что министерство не могло бы выставить ни одного положительнаго довода въ свое оправданіе передъ возмущеннымъ общественнымъ мнѣніемъ Россіи и всей Европы. Чтобы отказаться отъ войны, нужна была полная увѣренность въ ея несчастномъ для насъ исходѣ; и по-моему, быть можетъ, сдѣлали лучше, что рѣшились на нее, несмотря на понесенную неудачу, чѣмъ если бы унизили себя, пассивной политикой, подобно Пруссіи. Такое поведеніе ничѣмъ не могло бы быть оправдано, тогда какъ предпринятый образъ дѣйствій, напротивъ, оправдывалъ все.

На насъ нападали за рѣшеніе соединиться съ Австріей, говоря, что намъ не можетъ не быть извѣстно ея безсиліе. На этотъ упрекъ легко можно отвѣтить неоспоримыми фактами. Во-первыхъ, у насъ не было иного выбора, и мы могли вступить въ союзъ только съ одной Австріей; кромѣ того, австрійская армія считалась обладающей, правда, плохой пѣхотой, но зато хорошей кавалеріей, артиллеріей и прекраснымъ генеральнымъ штабомъ. Подобный составъ арміи, въ со-

единеніи съ русской пѣхотой, долженъ былъ несомнѣнно считаться хорошимъ. Таково было и единогласное мнѣніе всѣхъ нашихъ военныхъ, воевавшихъ вмѣстѣ съ австрійцами. Въ послѣдней войнѣ австрійская армія, хотя и была побѣждена, но зато всегда сражалась съ удивительнымъ упорствомъ. Отъ нея и не требовали, чтобы она была побѣдительницей, а только, чтобы она хорошо дралась и можно ли было сомнѣваться, что она на это способна, послѣ того, какъ она доказала свою стойкость въ послѣдней войнѣ, несмотря на отсутствіе союзниковъ и на всѣ испытанныя ею пораженія? Хотя мы и хорошо знали о существованіи въ Вѣнѣ партіи, враждебной министерству и возстававшей противъ войны, но, вѣдь, такія партіи бываютъ во всякой странѣ и при каждомъ дворѣ, и никому не могла притти мысль считаться съ этимъ обстоятельствомъ, въ особенности, потому, что въ то время въ австрійской администраціи произошли перемѣны, способныя, какъ казалось, уничтожить вліяніе противной партіи. Въ общемъ, кто могъ лучше судить о своихъ собственныхъ силахъ, какъ не само австрійское правительство, рѣшившееся на войну не изъ-за какихъ-либо выгодъ, а единственно для защиты своего существованія?

Русскій кабинетъ упрекали также въ томъ, что онъ будто бы началъ войну опрометчиво и легкомысленно,—но, вѣдь, уже послѣ катастрофы съ герцогомъ Энгіенскимъ всѣ, принимавшіе участіе въ политическихъ дѣлахъ, считали войну неизбѣжной. Петербургскій кабинетъ проявилъ усиленную дѣятельность, стараясь добиться солидарности и единенія всѣхъ европейскихъ державъ и, благодаря настойчивости и стараніямъ, ему удалось преодолѣть затрудненія, возраставшія по мѣрѣ наступленія срока. Всѣ дѣйствія его основывались на его убѣжденіи въ неизбѣжности войны. Всѣ рескрипты Вашего Величества и депеши Вашего министерства были проникнуты сознаніемъ необходимости не допустить Бонапарта предупредить насъ и не дать ему возможности осуществить свои замыслы и увеличить

свои силы. Бумаги эти были переполнены утвержденіями, что 120-тысячная армія стоитъ на границѣ, готовая двинуться впередъ, что кромѣ того другіе корпуса отправлялись въ Корфу съ тѣмъ, чтобы оттуда перейти въ Неаполь. Но въ мѣрахъ, принимавшихся внутри имперіи, которыя должны были бы быть въ соотвѣтствіи съ этими увѣреніями, не проявлялось того единства воли и намѣреній, которое одно обезпечиваетъ всякому правительству успѣхъ въ его предпріятіяхъ. Рекрутскій наборъ въ 1804 году бралъ лишь одного человѣка изъ 500, хотя для того, чтобы привести армію въ боевую готовность и увеличить ее, сообразно размѣрамъ и требованіямъ задуманнаго плана, рекрутовъ нужно было большее число. Вмѣсто того, чтобы стягиваться и собираться въ одну армію, войска наши стояли на мѣстахъ и не переступали нашихъ границъ. Приказы войскамъ покинуть гарнизоны запаздывали. Такое положеніе дѣла тянулось вплоть до рѣшенія Австріи присоединиться къ намъ. Только тогда стали сформировывать корпуса, наскоро давать генераламъ инструкціи и распредѣлять между ними командованіе отдѣльными частями, не давъ имъ времени ознакомиться съ возможными недостатками и нуждами и устранить ихъ. Войска двинулись впопыхахъ; не было составлено нужнаго опредѣленнаго плана соединенія отдѣльныхъ частей арміи и обезпеченія ихъ всѣмъ необходимымъ для успѣха кампаніи. Дать вѣрную оцѣнку того, насколько замедленіе въ соединеніи арміи повліяло на весь дальнѣйшій ходъ военныхъ операцій, можно только лишь возстановивъ въ краткихъ чертахъ исторію нашего отношенія къ Пруссіи и всѣ его послѣдствія.

Вопросъ о Пруссіи былъ главнымъ пунктомъ въ предположенномъ планѣ. Рѣшено было, во что бы то ни стало, привлечь ее къ коалиціи. Россія, главнымъ образомъ, была заинтересована въ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ, ибо посылая за свои предѣлы значительную часть своихъ вооруженныхъ силъ, она не могла оставлять у себя въ тылу столь подозрительнаго со-

сѣла, какъ Пруссія. Если бы берлинскій дворъ уступилъ нашимъ настояніямъ, успѣшное выполненіе русскаго плана во всемъ его объемѣ перестало бы быть проблематичнымъ.

Въ противномъ случаѣ, при условіи выступленія арміи въ опредѣленный для этого день, генералъ Кутузовъ могъ бы съ своимъ корпусомъ перейти границу уже 10 августа, (на самомъ дѣлѣ онъ перешелъ границу лишь 13-го); армія генерала Буксгевдена, которой было назначено вступить въ Пруссію черезъ Варшаву, должна была бы выступить 16, а спустя 12 дней, т. е. 23 августа, въ Пруссію вступила бы остальная часть русскаго войска. Такимъ образомъ, мы застигли бы прусскую армію врасплохъ, совершенно неготовой къ встрѣчѣ съ нами; преимущество было бы на нашей сторонѣ и успѣхъ нашъ былъ бы вполнѣ обезпеченъ, тѣмъ болѣе, что всѣ наши силы были бы собраны, а армія Кутузова служила бы грознымъ резервомъ, готовымъ дѣйствовать тамъ, гдѣ намъ понадобилось бы. Въ случаѣ продолженія войны, мы, судя по всему, въ короткое время могли бы очутиться уже на Одерѣ и въ Силезіи, и оказать помощь Австріи, которая достаточно разсчитывала на свои собственныя силы, чтобы не бояться войны съ Пруссіей, предвидя притомъ, что война эта только должна увеличить или силы всей коалиціи вообще, или силы Россіи въ частности. Во всякомъ случаѣ кампанія началась бы блестящимъ выступленіемъ, способнымъ поднять русское имя и ослабить престижъ и дѣйствительное могущество Бонапарта.

Если бы мы были хорошими политиками, мы давно уже должны были бы убѣдиться въ двуличности берлинскаго кабинета и умышленно вести дѣло такъ, чтобы имѣть предлогъ объявить Пруссіи войну. Это было бы самымъ вѣрнымъ и, быть можетъ, даже единственнымъ средствомъ успѣшно выполнить наше великое предпріятіе.

Россія ни въ какомъ случаѣ не должна была начинать войну вдалекѣ отъ своихъ границъ, не обезпечивъ себѣ подмогу отъ другихъ державъ и не заручившись содѣйствіемъ

своихъ ближайшихъ сосѣдей, которые ей особенно понадобились бы въ случаѣ неудачъ. Поэтому, начиная войну, необходимо было занять своими войсками Пруссію или Турцію. Правда, съ обѣими державами вели переговоры на этотъ счетъ, но было рѣшено, что цѣлесообразнѣе обратить все вниманіе на Пруссію, чрезвычайно опасную своимъ вліяніемъ на остальную Германію, тогда какъ съ Турціей всегда легко было устроить въ нужный моментъ свои дѣла по собственному усмотрѣнію.

Послѣ этой первой потери дорогого времени мы вынуждены были отложить дальнѣйшія выступленія противъ Пруссіи до 16 сентября, съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы за это время армія Кутузова заняла Богемію и угрожала бы Силезіи, въ то время какъ остальныя войска вступили бы въ южную Пруссію и въ ту часть прусскихъ владѣній, которая входила въ составъ герцогства. Вступленіе въ это королевство, даже и послѣ всѣхъ этихъ слѣдовавшихъ другъ за другомъ запозданій, представляло такія выгоды, что казалось вполнѣ необходимымъ держаться этого плана, какъ это и было окончательно рѣшено совмѣстно съ другими союзными дворами.

Даже уже послѣ того, какъ мы пропустили оба эти срока и дали этимъ Пруссіи возможность собрать свои войска и сдѣлать нѣкоторыя приготовленія, берлинскій дворъ сознавался, что его войска, въ случаѣ войны съ Россіей, вынуждены были бы уступить безъ всякаго сопротивленія всѣ земли до Вислы, такъ что мы могли бы, въ худшемъ случаѣ, захватить хотя бы эту часть прусской территоріи, но и помимо этого успѣхъ нашъ являлся несомнѣннымъ: прусская армія можетъ быть хороша въ своемъ родѣ, но все же русскимъ легче побѣждать пруссаковъ, нежели французовъ. Такимъ образомъ, наши войска поучились бы на нихъ и пріобрѣли бы, можетъ быть, недорогой цѣной недостававшую имъ опытность. Вначалѣ имъ пришлось бы сражаться съ самыми слабыми частями прусской арміи; разбивъ ихъ, наши войска почувствовали бы

въ себѣ увѣренность, а пруссаки—страхъ къ намъ, что повело бы къ новымъ для насъ успѣхамъ. По всему можно было разсчитывать, что въ прусской арміи будетъ много дезертировъ. У насъ было бы весьма вѣское преимущество воевать въ странѣ, вполнѣ раздѣлявшей наши интересы. Энтузіазмъ былъ всеобщій. Вся Польша была готова возстать, какъ одинъ человѣкъ, и просить русскаго государя присоединить къ своимъ титуламъ и титулъ польскаго короля. У насъ были бы деньги, большое количество съѣстныхъ припасовъ, были бы мобилизованы значительные корпуса войскъ,—словомъ, Россія въ короткое время могла бы увеличить свои вооруженныя силы и заручиться преимуществами, которыя доставили бы ей возможность вести переговоры, выгодные для себя даже и послѣ всѣхъ случившихся съ нею несчастій. Австрія тоже отъ этого не очутилась бы въ болѣе худшемъ положеніи, чѣмъ теперь, и мы вырвали бы у Бонапарта оружіе, которымъ онъ грозилъ намъ и которое осталось теперь въ его рукахъ,—а именно возможность подстрекать противъ насъ населеніе польскихъ провинцій, ибо мы предупредили бы его въ его намѣреніяхъ относительно Польши; вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ было бы больше возможности не покидать Австріи, продолжая ли войну или начавъ переговоры. Въ случаѣ неудачъ Австріи, эта увѣренность въ насъ заставила бы ее принять всѣ условія по вопросу объ устройствѣ Галиціи. Могли ли мы опасаться союза Франціи съ Пруссіей? Послѣдняя очутилась бы въ этомъ случаѣ въ весьма печальномъ положеніи и имѣла бы еще менѣе возможности продолжать войну съ нами. Впрочемъ, союзъ этотъ, котораго такъ опасались, явился исключительно плодомъ нашего попустительства по отношенію къ Пруссіи. Мы продолжаемъ вести себя съ Пруссіей въ томъ же духѣ и теперь, и время покажетъ намъ послѣдствія этого. Сложились ли бы обстоятельства несчастливо для Австріи, чего, впрочемъ, нельзя было предвидѣть, или, напротивъ, приняли ли бы они болѣе счастливый для нея оборотъ,—и въ томъ

и въ другомъ случаѣ Россія должна была стараться извлечь выгоды для себя, но такимъ образомъ, чтобы не дать повода быть обвиненной въ предвзятомъ намѣреніи, сохранивъ тотъ характеръ безкорыстія, съ которымъ она впервые выступила на политическую арену, и видъ, что все это дѣлается ею единственно ради спасенія Европы и изъ желанія наказать кабинетъ, ставшій, благодаря своимъ уловкамъ, виновникомъ ея гибели и желающій окончательно погубить ее, въ чемъ онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо и преуспѣлъ.

Союзники наши не могли бы имѣть къ намъ никакой претензіи, ибо планъ былъ всѣми ими одобренъ.

Англія до сихъ поръ, согласно своему старому принципу, ревниво слѣдившая за успѣхами нашего слишкомъ большого вліянія въ Пруссіи и старавшаяся покровительствовать этой послѣдней, теперь объявила Пруссіи войну, уничтоживъ ея морскую торговлю на Атлантическомъ океанѣ, въ то время, какъ мы сдѣлали то же самое на Балтійскомъ морѣ. Англія дошла даже до того, что предложила намъ для веденія войны съ Пруссіей ту субсидію, которую она раньше предназначала Пруссіи для войны съ Франціей. Трудно предположить, чтобы такое государство, какъ Пруссія, не способное самостоятельно выдержать и двухлѣтней войны, а тѣмъ болѣе войны, театромъ которой явились бы ея собственныя владѣнія, и которая сразу отняла бы у нея треть ея арміи, была бы, при подобныхъ обстоятельствахъ, въ состояніи противиться намъ, а не пошла бы тотчасъ же на переговоры.

Если бы Бонапартъ, желая послать помощь Пруссіи, раздѣлилъ свою армію,—онъ лишился бы преимуществъ своего военнаго плана, который былъ основанъ у него на принципѣ: дѣйствовать въ одномъ мѣстѣ соединенной массой всѣхъ войскъ. Австрія могла бы въ этомъ случаѣ передохнуть, и положеніе ея улучшилось бы. Если же, наоборотъ, Бонапартъ неуклонно продолжалъ бы осуществлять свой планъ и дошелъ до Ольмюца, то, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ

случаѣ, наше положеніе, при условіи нашего господства въ Польшѣ, было бы гораздо лучше, чѣмъ то, въ которомъ мы очутились. Бонапартъ нашелъ бы насъ готовыми съ новыми силами дать ему отпоръ, и его приближеніе къ польскимъ границамъ не испугало бы насъ перспективой продолженія войны. Приведенный въ замѣшательство такимъ началомъ, онъ, конечно, гораздо скорѣе поспѣшилъ бы войти въ соглашеніе съ нами и осуществить свою мысль—раздѣлить вмѣстѣ съ нами господство надъ Европой. Въ настоящее же время онъ, повидимому, совершенно оставилъ ее, видя, что Россія не страшна ему и не нужна, и что все устроилось по его желанію, безъ необходимости прибѣгать къ соглашенію съ нами. Можно сказать, никогда ни одна держава не находилась въ болѣе благопріятномъ положеніи и не имѣла лучшей возможности благородно и законно увеличить свои владѣнія и спасти Европу, или же, если не это, то, по крайней мѣрѣ, устроить свои собственныя дѣла, сдѣлавъ большія пріобрѣтенія и поддержавъ свое первенствующее значеніе.

Мы лишили себя всѣхъ этихъ преимуществъ: наша армія остановилась на границѣ Пруссіи, а совершонное затѣмъ неожиданно нарушеніе французами неприкосновенности прусской территоріи заставило насъ и окончательно отказаться отъ нашего плана, имѣвшаго цѣлью внушить берлинскому кабинету должный страхъ, и это рѣшительнымъ образомъ повліяло на его дальнѣйшую политику. Послѣ этой внезапной перемѣны въ положеніи дѣлъ министерство Вашего Величества приложило всѣ усилія, чтобы по возможности извлечь всю пользу изъ создавшихся обстоятельствъ.

Прусскій король принялъ на себя чисто условныя обязательства; однако, его министры, несмотря на все свое желаніе, не могли бы уклониться отъ ихъ выполненія, если бы мы не дали имъ предлога для этого самымъ ходомъ нашихъ военныхъ операцій.

Россія на минуту снова очутилась въ желательномъ ей

положеніи, насколько она могла его достичь послѣ несчастнаго пораженія подъ Ульмомъ, заставившаго ее опасаться за исходъ своихъ военныхъ дѣйствій.

Пруссія находилась въ заключительной стадіи веденія своихъ уклончивыхъ и двуличныхъ переговоровъ и начинала дѣйствовать. Чтобы удовлетворить ея алчность и добиться отъ нея нѣкоторой искренности, ей было предложено крупное вознагражденіе. Россію упрекали за то, что она предложила свои услуги въ качествѣ посредницы при веденіи въ Лондонѣ переговоровъ по поводу уступки Пруссіи Ганновера. Но что касается этого, то здѣсь можно сослаться на свидѣтельство всѣхъ лицъ, присутствовавшихъ тогда въ Берлинѣ, которыя видѣли положеніе дѣла и составили себѣ понятіе объ этихъ столь же трудныхъ, какъ и непріятныхъ переговорахъ, приведшихъ насъ къ Потсдамскому договору; всѣ они могутъ подтвердить, что, какъ бы договоръ этотъ ни былъ самъ по себѣ мало удовлетворителенъ,—при тогдашнихъ обстоятельствахъ трудно было добиться чего-либо лучшаго. Однако, вопреки различнымъ затрудненіямъ, которыя приходилось преодолѣвать, усилія нашего министерства не пропали даромъ. Намъ удалось убѣдить Англію, что уступить желаніямъ прусскаго короля насъ заставила крайняя необходимость. Она соглашалась не торопить переговоры съ Пруссіей. Готовились уже подписать договоръ о выдачѣ субсидіи. Англія соглашалась не противиться полученію Пруссіей всякихъ другихъ пріобрѣтеній и даже обезпечить ей полученіе Голландіи.

Въ данномъ случаѣ Россія также оставляла за собой право на соотвѣтствующія пріобрѣтенія; Англія первая возбудила бы этотъ вопросъ; насъ бы попросили согласиться на подобныя условія, и такимъ образомъ былъ бы уже сдѣланъ первый шагъ для полученія Россіей тѣхъ выгодъ, которыя она заслужила по праву, принявъ главное участіе въ дѣлѣ спасенія Европы.

Но ничто еще не было потеряно; пораженіе Макка даже

утвердило превосходство Россіи надъ Австріей до того, что въ лицѣ Вашего Императорскаго Величества видѣли спасителя и руководителя Австрійской монархіи.

Все зависѣло отъ того, какъ будутъ использованы четыре недѣли. Этимъ временемъ можно было воспользоваться, лавируя передъ непріятелемъ, успѣть вызвать къ жизни силы Австрійской монархіи, подготовить новыя средства, обдумать новые планы, подогрѣть зарождающееся усердіе прусскаго короля; но мы провели это время, не достигнувъ ни одного изъ этихъ результатовъ, въ безпрерывныхъ жалобахъ другъ на друга,—что и закончилось Аустерлицкимъ сраженіемъ, страшнымъ взаимнымъ озлобленіемъ Россіи и Австріи, отступленіемъ русской арміи изъ Моравіи, нашимъ отказомъ отъ своей системы и предоставленіемъ Европы ея несчастной судьбѣ.

Можно тѣмъ болѣе жалѣть о столь роковомъ концѣ еще и потому, что въ это самое время во Франціи довѣріе къ правительству начинало падать и недовольство имъ возрастало; недостатокъ въ деньгахъ, банкротство капиталистовъ, связанныхъ съ правительствомъ, утомленіе французской арміи и ея настроеніе,—все какъ будто предвѣщало наступленіе момента, когда фортуна перестанетъ благоволить исключительно Бонапарту. Еще восемь дней—и, быть можетъ, пришелъ бы его конецъ. Только отъ насъ зависѣло избѣжать Аустерлицкаго сраженія; все побуждало насъ къ этому; мы пошли на него и проиграли его какъ разъ во-время, чтобы вновь поднять начавшее падать общественное мнѣніе въ пользу Бонапарта, укрѣпить его на тронѣ и упрочить результаты его узурпацій.

XVI.

Записка по вопросу о необходимости возстановленія независимости Польши, чтобы предупредить въ этомъ Бонапарта.

5 декабря 1806 года.

Въ продолжающейся борьбѣ, которая должна рѣшить судьбу Россіи и Европы, окончательно поработить послѣднюю, или оставить ей еще нѣкоторую надежду на спасеніе, Польша, въ силу создавшихся обстоятельствъ, сдѣлалась главнымъ центромъ интересовъ двухъ столкнувшихся державъ. Но интересы каждой изъ нихъ по отношенію къ Польшѣ совершенно различны.

Для французовъ она является гарантіей ихъ безопасности, цѣлью, возбуждающею ихъ энергію и поддерживающею ихъ настойчивость. Именно Польша служитъ Бонапарту основной базой для борьбы съ Россіей и средствомъ проникнуть вплоть до ея старыхъ границъ. Пусть онъ удаляется отъ центра своихъ военныхъ операцій и растягивая свою боевую линію, рискуетъ ослабить этимъ свои силы. Въ Польшѣ онъ найдетъ, въ соотвѣтственномъ размѣрѣ для своего плодотворнаго генія, для развитія своей неутомимой дѣятельности, ту же благодарную почву, что и во Франціи. Онъ встрѣтитъ населеніе, легко возбуждающееся и способное быстро осваиваться съ военнымъ дѣломъ, найдетъ храбрыхъ и опытныхъ офицеровъ, деньги и съѣстные припасы и страстное желаніе защитить существованіе, честь и свободу своего отечества,—чувство, которое можетъ сдѣлать человѣка способнымъ на самыя огромныя усилія, и съ которымъ тѣмъ труднѣе бороться, чѣмъ благороднѣе, чѣмъ возвышеннѣе порождающій его источникъ.

Что же касается Россіи, то для нея поляки, наоборотъ, являются постоянной причиной безпокойства и подозрѣній.

Польша—это оружіе, которымъ Бонапартъ постоянно пугалъ издали державы, участвовавшія въ ея дѣлежѣ. Теперь, въ моментъ, когда онъ можетъ употребить это оружіе въ дѣло, Россія со страхомъ смотритъ на эту часть своихъ подданныхъ. Тщетно Польша предлагаетъ всѣ свои силы для доставленія средствъ къ войнѣ и для защиты русскаго трона, которыя могли бы быть очень значительными; правительство боится воспользоваться этими средствами, чтобы не вызвать неудовольствія русскаго населенія; оно боится вовлекать въ войну поляковъ, чтобы они не обратили своего оружія противъ Россіи же. Россія будетъ ждать, чтобы въ Польшу пришли французы, чтобы всѣмъ этимъ положеніемъ воспользовался Бонапартъ *).

Итакъ, благодаря существующему положенію дѣлъ, въ лицѣ Польши Россія настолько же теряетъ въ своемъ могуществѣ, въ общей суммѣ нравственныхъ и физическихъ силъ, насколько Франція ихъ увеличиваетъ.

Если искусная политика требуетъ, наоборотъ, стремленія увеличивать свои собственныя силы и подрывать силы своего врага, то, конечно, желательно измѣнить такое положеніе и установить въ Польшѣ отношенія къ Россіи и Франціи, совершенно обратныя существующимъ.

Для достиженія подобнаго результата существуетъ только одно средство: это *объявить Польшу королевствомъ, а наслѣдственными королями ея провозгласить—русскаго императора и его наслѣдниковъ.*

Величайшія преимущества этого столь же великодушнаго, какъ и политичнаго шага неизмѣримы. Онъ возбудитъ всеобщій энтузіазмъ въ польскихъ сердцахъ, всегда мечтавшихъ

---

*) Предыдущіе документы относятся къ 1804 и 1805 г.г., а также къ началу 1806 года. Вслѣдъ за этимъ между Пруссіей, поддерживаемой Россіей, и Франціей разразилась война, ознаменовавшаяся сраженіями при Іенѣ, Эйлау и Фридландѣ и окончившаяся въ іюлѣ 1807 г. Тильзитскимъ миромъ.

объ этомъ моментѣ, соревнованіе въ любви и благодарности, объединитъ всѣ желанія и всѣ силы вокругъ русскаго трона, и это совершенно измѣнитъ положеніе наше, а тѣмъ самымъ и положеніе нашихъ враговъ.

Вмѣсто того, чтобы допустить Бонапарта возбуждать противъ насъ наши же провинціи, мы вооружимъ противъ него народы, граничащіе съ Пруссіей, которые навѣрное поднимутся за насъ, какъ только русскій императоръ заявитъ о своемъ благодѣтельномъ намѣреніи.

Вмѣсто того, чтобы держать эти провинціи подъ постояннымъ надзоромъ и не пользоваться ихъ силами, мы видѣли бы ихъ населеніе въ бояхъ, сражающимся съ усердіемъ и пыломъ возрожденнаго народа, отстаивающаго свое законное и прочное существованіе отъ опасныхъ и ненадежныхъ предложеній узурпатора.

Наконецъ, вмѣсто того, чтобы соприкасаться на всемъ протяженіи своихъ огромнѣйшихъ границъ съ границами колоссальной французской имперіи, Россія, присоединивъ къ себѣ Польшу, создастъ себѣ въ ея лицѣ аванпостъ, за которымъ она и всѣ ея силы будутъ неприкосновенны, создастъ оплотъ, недоступный никакому прямому захвату, и этимъ положитъ начало той счастливой связи, которая должна будетъ когда-нибудь объединить вокругъ нея всѣ разрозненныя вѣтви древней славянской семьи.

Благодаря этому у Россіи, при возможныхъ и въ будущемъ войнахъ, навсегда исчезнутъ причины къ безпокойству, къ опасеніямъ, по поводу невозможности полагаться на эту часть ея подданныхъ; у враговъ же нашихъ не будетъ повода спекулировать на этихъ обстоятельствахъ. Все это въ смыслѣ внутренняго благоденствія, покоя и силы является неоцѣнимыми преимуществами для имперіи.

Но мнѣ могутъ возразить: къ чему такая мѣра? Если наша армія побѣдитъ, французы будутъ изгнаны, и мы сохранимъ наши провинціи; если же она будетъ побѣждена, то что бы

мы ни дѣлали—мы ихъ потеряемъ, и развѣ только новыя побѣды вернутъ ихъ намъ. Армія рѣшитъ все. Посмотримъ, насколько подобное возраженіе основательно, и разберемъ наши шансы при всевозможныхъ комбинаціяхъ.

Если Бонапартъ побѣдитъ и провозгласитъ независимость Польши, онъ двинется впередъ и, по мѣрѣ того, какъ мы будемъ отступать, армія его и въ тылу, и на флангахъ будетъ увеличиваться новыми корпусами. Наоборотъ, въ случаѣ, если Польшу возстановитъ Россія, Бонапартъ не будетъ въ состояніи двинуться впередъ, не рискуя подвергнуться со всѣхъ сторонъ нападенію высоко воодушевленнаго населенія. Въ первомъ случаѣ онъ безъ большихъ препятствій доберется, быть можетъ, до самаго Днѣстра; во второмъ—онъ можетъ пробиться туда лишь съ весьма большими затрудненіями. Мы выставляли бы противъ него постоянно свѣжія войска, и съ фронта и съ фланговъ, не нуждаясь для этого въ отступленіи къ своимъ прежнимъ границамъ. Вмѣсто того, чтобы пополнять свои силы, онъ на каждомъ шагу долженъ будетъ бороться съ нами. Видя себя обманутымъ въ своихъ ожиданіяхъ, Наполеонъ будетъ вынужденъ для охраны тѣхъ областей, которыя бы онъ занялъ, оставить лучшую часть своихъ войскъ, тогда какъ при осуществленіи другого предположенія—ему не только не придется разбивать свою армію на части, но, напротивъ, онъ можетъ подкрѣпить ее, произведя новые рекрутскіе наборы въ Польшѣ.

Если успѣхъ войны будетъ сомнителенъ и борьба будетъ итти съ перемѣннымъ счастіемъ, то она затянется надолго: будутъ поочередно то выигрывать, то терять, а это только подтвердитъ высказанныя здѣсь предположенія. Какъ одна, такъ и другая сторона для выигрыша должна будетъ прибѣгать къ однимъ и тѣмъ же средствамъ.

Наконецъ, предположимъ, что мы останемся побѣдителями. Кто можетъ предугадать, въ какомъ мѣстѣ дастся намъ побѣда? Не было ли дано нашей арміи приказа весьма по су-

ществу разумнаго, скорѣе отступать и даже уступать позиціи, чѣмъ сражаться въ тѣхъ случаяхъ, когда у нея не будетъ увѣренности въ выигрышѣ сраженія.

Позволивъ Бонапарту пользоваться всѣми возможными средствами, мы дадимъ ему возможность создавать и для насъ, въ то время, когда будемъ его преслѣдовать, такія же препятствія, какія мы создавали бы ему, если бы намъ самимъ пришлось отступать. Мы должны закрѣпить за собой свой успѣхъ, должны не давать французамъ возможности оправиться и снова колебать нашу побѣду; мы должны, удаляясь отъ своихъ границъ, растягивая свою боевую линію, увеличивать, какъ это дѣлалъ онъ, свои силы, чтобы быть въ состояніи разбить грозную линію его войскъ на Одерѣ. Конечно, не Пруссія, почти уже не существующая, необдуманная и двусмысленная политика которой навлекла на насъ столько несчастій, можетъ помочь намъ въ этомъ. Мы достигнемъ этого въ томъ лишь случаѣ, если воспользуемся всѣми тѣми средствами, какія только пылъ поляковъ и ихъ преданность Россіи способны предоставить намъ, и которыя они съ готовностью отдадутъ ей.

Часто утрачиваютъ побѣду какъ разъ потому, что слишкомъ увѣренно на нее разсчитываютъ. Побѣда обезпечивается при помощи второстепенныхъ средствъ. Эти именно пріемы и доставили успѣхъ Бонапарту; при посредствѣ партизановъ, которыхъ онъ вездѣ умѣлъ привлекать къ себѣ, онъ получалъ нужныя ему свѣдѣнія и средства; мы же всегда оставались въ невѣдѣніи, всегда испытывали недостатокъ въ средствахъ, потому что у насъ главной пружиной всего была сила. Кто бы могъ повѣрить, что мы, защищающіе справедливость, не умѣемъ и не желаемъ привлечь къ себѣ и завоевать сердца! Кто бы могъ повѣрить, что для предупрежденія смуты, которую Бонапартъ могъ бы внести въ наши области, мы предпочли прибѣгнуть къ строгости, къ карамъ и расправамъ, только раздражающимъ партійный духъ и умножающимъ

жертвы, вмѣсто того, чтобы не допустить до возможности созданія подобнаго движенія, или же создать противоположное теченіе, въ нашу пользу, при помощи милостей и проявленій братскаго доброжелательства!

Итакъ, я считаю для себя вполнѣ доказаннымъ, что, въ виду создавшагося кризиса, предложенная мною мѣра необходима. Тѣмъ не менѣе, я долженъ отвѣтить на нѣкоторыя возможныя со стороны просвѣщенныхъ и расположенныхъ къ намъ лицъ возраженія. Ограничимся важнѣйшими изъ нихъ.

1) Быть можетъ, скажутъ, что возстановленіе Польши равносильно отдѣленію отъ государства одной изъ его составныхъ частей; но, вѣдь, отдѣленіе это лишь внѣшнее. Польская корона осталась бы неразрывно связана съ русскимъ трономъ; вмѣстѣ съ тѣмъ имперія не только не потеряла бы, а пріобрѣла бы и остальную часть Польши. Крайнія обстоятельства заставили Россію совершить большую политическую ошибку допущеніемъ раздѣла Польши, которой она должна была обладать нераздѣльно. Это же послужило и главной причиной несчастій, впослѣдствіи угнетавшихъ Европу. Неужели же и теперь не слѣдуетъ исправить эту ошибку?

Но, возразятъ мнѣ, для того, чтобы достигнуть желаемаго результата, чтобы зажечь энтузіазмъ поляковъ, нужно дать имъ управленіе, сообразно съ ихъ желаніями и ихъ старыми законами. Несомнѣнно,—иначе это была бы полумѣра, совершенно неспособная принести ожидаемыхъ отъ нея выгодъ. Нужно, чтобы милости императора превосходили предложенія и соблазны Бонапарта. Благодаря этимъ же милостямъ связь между имперіей и польской націей станетъ только крѣпче и неразрывнѣе.

Можно ли забывать ту истину, что чѣмъ болѣе при управленіи народомъ согласуются съ его желаніями, характеромъ и привычками, тѣмъ онъ преданнѣе своимъ повелителямъ. И съ какихъ это поръ автономная конституція стала менѣе надежной гарантіей полной и постоянной покорности? Венгерское

королевство, несмотря на предоставленныя ему свободы и прерогативы, уже цѣлые вѣка служитъ примѣромъ вѣрности и самой надежной поддержкой Австріи. Марія-Терезія была спасена венгерцами. Французскій король остался всемогущимъ во всѣхъ провинціяхъ, сохранившихъ свою автономію и привиллегіи, а именно: Бретань, Пуату и Анжу до послѣдняго момента оставались защитниками трона, религіи и дворянства. Польскій король всегда неограниченно пользовался своей властью, несмотря на то, что его правительство имѣло много недостатковъ и было плохо организовано. Русскій дворъ долгіе годы распоряжался въ Польшѣ съ исключительнымъ авторитетомъ, и вліяніе его никогда бы не уменьшилось, если бы онъ примѣнялъ къ ней болѣе мягкія мѣры и выказывалъ бы болѣе доброжелательности. Можно ли сомнѣваться въ томъ, что императоръ, сдѣлавшись королемъ и отцомъ этого народа, взявъ въ свои руки всѣ отрасли управленія и всѣ источники власти, не встрѣтитъ тамъ препятствій къ пользованію своими правами, во всей ихъ полнотѣ. Въ концѣ концовъ, о чемъ идетъ рѣчь? О томъ, чтобы сохранить наиболѣе сильное и наиболѣе энергичное правительство, которое, навѣрное, каждый истинный полякъ не захочетъ ослаблять, и одновременно дать Польшѣ образъ правленія, соотвѣтствующій ея старымъ національнымъ учрежденіямъ.

2) Король Пруссіи, возразятъ мнѣ, также нашъ союзникъ. Онъ разбитъ, лишился своихъ владѣній, но онъ не уступилъ еще ихъ окончательно. И Россія, объединяя подъ своей властью прусско-польскія провинціи, не должна ли будетъ упрекать себя въ соучастіи въ его разореніи? Сомнѣніе на этотъ счетъ исчезаетъ, если стать на слѣдующую вполнѣ правильную точку зрѣнія: Бонапартъ—хозяинъ Прусской монархіи; онъ властно пользуется въ ней всѣми правами побѣдителя; онъ приближается къ ея пограничнымъ областямъ и можетъ вызвать въ нихъ революцію, которая будетъ угрожать и намъ. Поэтому при данныхъ условіяхъ рѣчь идетъ не о захватѣ имущества

своего союзника, а о томъ, чтобы предупредить врага, неумолимаго, дѣятельнаго, захватывающаго все въ свои руки, вырвать изъ его рукъ добычу, захватъ которой можетъ вызвать страшное смятеніе всей Европы, и отнять у него эти земли, ибо иначе и мы рискуемъ подвергнуть и свои области опасности его происковъ. Смѣю утверждать, что именно съ цѣлью сохранить это единственное оставшееся у насъ въ рукахъ для спасенія нашего союзника средство, мы и должны совершить это необходимое объединеніе Польши, ибо, не сдѣлавъ этого, мы, быть можетъ, сами не будемъ въ состояніи, выдержать борьбу и доставить бранденбургскому дому какія либо земельныя вознагражденія, если мы будемъ лишены возможности заключить съ врагомъ миръ на основахъ справедливости.

3) Мнѣ могутъ, наконецъ, возразить: не слѣдуетъ ли опасаться, что Австрія, обезпокоенная судьбой обѣихъ Галицій, встревожится этой мѣрой, и мы вовлечемъ себя въ новую войну съ нею?

Само собой разумѣется, что возстановленіе Польскаго королевства не могло бы совершиться безъ честнаго и открытаго заявленія объ этомъ съ нашей стороны вѣнскому двору. Но представить эти заявленія является въ данномъ случаѣ дѣломъ весьма простымъ; основанія наши для принятія этой мѣры слишкомъ законны; кромѣ того австрійскій домъ слишкомъ хорошо сознаетъ свои собственныя опасности, чтобы затягивать наши съ нимъ на этотъ счетъ переговоры. Если у нея съ Наполеономъ есть условіе объ обмѣнѣ обѣихъ Галицій, то тогда вопросъ о судьбѣ прусскихъ провинцій мало ее будетъ интересовать, и Россія объединитъ Польшу, вырвавъ ихъ изъ рукъ Бонапарта. Если же у Австріи нѣтъ соглашенія съ нимъ по этому предмету, то теперь очень удобно разъяснить австрійскому кабинету безотложность нашего рѣшенія присоединить къ Польшѣ прусско-польскія провинціи, а также и то, насколько это въ интересахъ самосохраненія самой

Австріи. Наконецъ, ее можно было бы на время успокоить на счетъ судьбы ея польскихъ провинцій, доставшихся ей по раздѣлу, отложивъ окончательное и вполнѣ естественное объединеніе всѣхъ бывшихъ польскихъ владѣній до установленія дружественнаго съ ней по этому предмету соглашенія.

4) Можетъ ли этотъ шагъ способствовать продолженію войны съ Бонапартомъ? Напротивъ. Ясно, что чѣмъ болѣе этому полководцу предоставляется средствъ,—тѣмъ болѣе онъ ими злоупотребляетъ. Намъ слѣдовало бы вести съ нимъ безконечную войну, чтобы помѣшать ему установить французское владычество въ прусской Польшѣ. И не доказано ли уже, что предлагаемое присоединеніе прусско-польскихъ провинцій является средствомъ успѣшно вести войну, а слѣдовательно — и ускорить ея конецъ, ибо этимъ мы отнимемъ у Бонапарта возможность использовать эти провинціи для своихъ цѣлей. Теперь остается рѣшить еще только одинъ вопросъ.

Если мы согласимся на эту мѣру, то слѣдуетъ ли привести ее въ исполненіе немедленно? Затѣмъ, слѣдуетъ ли предупредить объ этомъ Наполеона или ждать, чтобы онъ заговорилъ первый? По-моему, предпочтительнѣе остановиться на первомъ рѣшеніи. Какъ только мы представимъ соотвѣтствующія объясненія вѣнскому двору и сдѣлаемъ въ Польшѣ предварительные шаги для подготовки полнаго успѣха нашихъ плановъ, ничто не будетъ болѣе насъ задерживать, наоборотъ, все побуждаетъ насъ сдѣлать этотъ шагъ какъ можно скорѣе, и малѣйшая задержка можетъ ослабить или и совершенно погубить результаты этого важнаго предпріятія. Къ тому же, предупреждая Бонапарта, мы воспользуемся всѣми преимуществами иниціативы, и намъ не придется бороться съ самолюбіемъ человѣка вспыльчиваго и властнаго, который до сихъ поръ не зналъ препятствій къ исполненію разъ принятыхъ имъ рѣшеній.

Если предположить, что вопросъ о возстановленіи Польши

будетъ рѣшенъ, тогда необходимо будетъ поторопиться съ тѣми распоряженіями, которыя должны предшествовать этому акту, а именно-отправить предварительныя инструкціи генераламъ, циркулярныя обращенія къ вліятельнымъ лицамъ въ странѣ, а также инструкціи губернаторамъ и комендантамъ обращаться дружелюбно съ польскимъ населеніемъ, соблюдать дисциплину въ арміи и произвести въ странѣ рекрутскій наборъ. Разослать по провинціямъ просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ агентовъ. Предупредить въ самой утѣшительной формѣ прусскаго короля о причинахъ подобнаго рѣшенія и необходимости прибѣгнуть къ нему и дать королю надежду на вознагражденіе, поскольку то позволятъ военныя событія. Наконецъ, немедленно разработать въ необходимыхъ деталяхъ планъ будущей внутренней организаціи новаго королевства, въ которомъ должны быть согласованы неотъемлемыя права Государя, съ учрежденіями и порядками, которыми дорожитъ польскій народъ и большая часть которыхъ была имъ сохранена подъ отеческимъ владычествомъ Вашего Императорскаго Величества.

XVII.

Императоръ—князю Адаму Чарторижскому *).

1806 г.

Я получилъ бумагу, въ которой вы сочли нужнымъ ко мнѣ обратиться. Вы желаете совмѣстнаго со мной обсужденія вопроса,— я согласенъ на это, но не могу не замѣтить вамъ, что это будетъ безплодно, такъ какъ мы исходимъ изъ діаметрально

*) Написано карандашемъ. Легко можно замѣтить, что письма императора не служатъ исключительно отвѣтомъ на письма и записки, переданныя ему кн. Адамомъ,—они также намекаютъ на обстоятельства, служившія предметомъ личныхъ переговоровъ между ними.

противоположныхъ основаній. Указавъ на критическое положеніе, въ которомъ находится Россія, и исчисливъ грозящія ей бѣдствія, вы предлагаете единственныя, по-вашему, средства спасенія, которыя въ общемъ сводятся приблизительно къ двумъ слѣдующимъ:

1) Я долженъ объявить себя польскимъ королемъ.

2) Долженъ смѣнить лицъ, находящихся во главѣ министерствъ: военнаго и иностранныхъ дѣлъ.

Было бы слишкомъ долго вступать въ обсужденіе перваго вопроса, но я готовъ высказать свой взглядъ на него и на мотивы моего поведенія. Что же касается втораго, то я заявляю, что доволенъ службой обоихъ министровъ, стоящихъ во главѣ вышеупомянутыхъ министерствъ. Тѣмъ болѣе, что я не вижу, кто бы могъ ихъ замѣстить. Кто же это тотъ совершенный министръ, за котораго выскажутся всѣ голоса? Не генералъ ли Сухтеленъ? Я громко заявляю, что не считаю его человѣкомъ, обладающимъ всѣми требуемыми для военнаго министра качествами, и что ужъ если выбирать кого-либо изъ двухъ, то, ни минуты не колеблясь, предпочту генерала Вязмитинова. Что касается остальныхъ, то я не знаю никого, кто былъ бы способенъ занять мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Не Панины ли или Морковы? Я долженъ уважать людей, съ которыми работаю, только при этомъ я могу имъ довѣрять. Я мало смущаюсь криками неудовольствія: они обыкновенно являются результатомъ партійнаго духа. Вы сами развѣ не представляете примѣръ этого; не подвергались ли вы критикѣ и не относилось ли враждебно къ вамъ все общество? Мнѣ остается сдѣлать только одно замѣчаніе, о которомъ я не могу умолчать, а именно: я нахожу, что *комитету* *) лучше было бы не пользоваться услугами

---

*) Комитетъ, на который намекаетъ здѣсь императоръ, дѣйствительно существовалъ. Это было отнюдь не оффиціальное учрежденіе, а совершенно частное, почти тайное собраніе молодыхъ людей,

иностранца, для переписки начисто бумагъ такого рода, какъ та, на которую я отвѣчаю. Чтобы объединиться, намъ слѣдовало бы предварительно сдѣлать слѣдующій уговоръ, несмотря на все, что можетъ быть сказано нами въ комитетѣ, наши личныя взаимныя отношенія должны оставаться ненарушимыми. Въ этомъ отношеніи намъ слѣдуетъ брать примѣръ съ членовъ англійскаго парламента, которые, наговоривъ во время засѣданія, въ пылу увлеченія, вызываемаго рвеніемъ къ успѣху дѣла, другъ другу массу самыхъ рѣзкихъ вещей, по выходѣ оттуда становятся опять лучшими въ мірѣ друзьями.

Весь вашъ душою и сердцемъ

Александръ.

XVIII.

Императоръ—князю Адаму Чарторижскому.

1806 г.

Я былъ весьма далекъ отъ намѣренія огорчать васъ. Говоря о столь серьезныхъ дѣлахъ, я долженъ былъ высказаться согласно своему убѣжденію и я такъ это и сдѣлалъ. Въ концѣ вашей записки, вы предлагаете представить мнѣ общій подробный планъ относительно послѣдующихъ мѣръ, которыя по-вашему должны сопровождать тѣ, что вы мнѣ предлагаете. Если хотите, то мы можемъ собраться (я подразумѣваю нашъ

составлявшихъ интимное общество Александра. Оно возникло въ то время, когда Александръ былъ еще великимъ княземъ. Послѣ его восшествія на престолъ дѣятельность комитета усилилась, такъ какъ Александръ любилъ тайныя совѣщанія. Въ первые годы его царствованія часто упоминается объ этой партіи молодыхъ людей дѣйствительно сыгравшей извѣстную роль. Членами комитета были: графъ Павелъ Строгановъ, Новосильцовъ, графъ Кочубей, а въ особенности, князь Адамъ Чарторижскій, долгое время бывшій самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицомъ Александра.

„маленькій комитетъ“) завтра, послѣ обѣда, въ шесть часовъ; мы составимъ сообща этотъ планъ и затѣмъ обсудимъ его.

Весь вамъ душой и сердцемъ

Александръ.

XIX.

Императоръ—князю Адаму Чарторижскому.

1806 г.

Вотъ бумаги, присланныя мнѣ вами, мой дорогой другъ. Депеша Воронцова меня крайне раздражаетъ. Неужели же изъ-за одного лица откладывать *дѣло всего человѣчества?* Итакъ, пускай онъ остается. Почему Новосильцовъ не могъ бы выполнить возложеннаго на него порученія? Когда Воронцову даются точныя приказанія, то онъ долженъ или исполнять ихъ, или покинуть свой постъ.

Нота и открытая депеша, а также депеша, касающаяся Кобенцеля, одобрены. Относительно объяснительной депеши я хочу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія. Во-первыхъ, вы меня избаловали своимъ стилемъ и стиль М. Фат... очень теряетъ въ сравненіи съ вашимъ. Затѣмъ, мнѣ кажется, что къ первому NB, послѣ нашихъ условій sine qua non, можно было бы добавить, что мы будемъ согласны совмѣстно эвакуировать Корфу, оставивъ тамъ лишь корпусъ, находящійся подъ командой Назимова. Второе NB относится лишь лично къ графу Штакельбергу. Достаточно ли мы его знаемъ, чтобы поручить ему веденіе столь важныхъ переговоровъ? Не лучше ли было бы послать туда лицо, болѣе надежное, въ родѣ Будберга.

Не могу одобрить редакціи третьяго NB. Она кажется мнѣ не точной. Какъ можно находить непріятное въ томъ, что составляетъ предметъ нашихъ желаній? Не значитъ ли это

другими словами заявить: *„старайтесь, чтобы дѣло это не удалось, но такъ, чтобы не было вида нашей вины.*

Вотъ, дорогой мой, замѣчанія, которыя я счелъ нужнымъ сдѣлать относительно этой депеши; въ общемъ же она по моему недурна. Весь вашъ.

Я запечатываю этотъ конвертъ печатью графа Толстого, такъ какъ своихъ при себѣ не имѣю.

Александръ.

XX.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору Александру.

21 декабря 1806 г.

За послѣднее время мы съ Новосильцовымъ уже нѣсколько разъ имѣли случай выразить Вашему Императорскому Величеству наше убѣжденіе въ необходимости заключить миръ съ Бонапартомъ раньше, чѣмъ силы нашей арміи будутъ поколеблены. Мнѣ кажется, Ваше Величество, что въ настоящее время нельзя дѣйствительнѣе выразить Вамъ свою преданность, какъ безпрестанно повторяя Вамъ этотъ же совѣтъ.

Узнавъ о скоромъ отъѣздѣ Лессепса, я считаю своимъ долгомъ, не колеблясь больше, передать Вашему Величеству прилагаемую записку, составленную по поводу того же важнаго вопроса, о которомъ я здѣсь говорю.

Разсудите, Ваше Величество, какой будетъ имѣть видъ попытка заключить миръ, если она будетъ сдѣлана послѣ пораженія? Тогда какъ теперь это не принесетъ намъ никакого ущерба, даже если бы мы и одержали кое-какія побѣды. Не соблаговолите ли Ваше Величество приказать обсудить въ Вашемъ совѣтѣ записку, которую мы беремъ на себя смѣ-

лость представить Вамъ? По меньшей мѣрѣ, слѣдовало бы, чтобы Ваше Величество не брали исключительно на себя отвѣтственности въ вопросѣ, могущемъ имѣть столь рѣшительныя послѣдствія.

Записка о необходимости вступить въ мирные переговоры съ Наполеономъ.

Настоящее положеніе дѣлъ.

Едва прошелъ мѣсяцъ, и бѣдствія, обрушившіяся на Пруссію, слѣдуя одно за другимъ, съ безпримѣрной быстротой, привели къ полному разрушенію этой державы. Большая часть прусской Польши захвачена. Варшава занята, въ ней производится большой рекрутскій наборъ, и надежда вернуть націи самостоятельность, поддерживаемая многочисленными прокламаціями, возбуждаетъ умы въ этихъ провинціяхъ *).

Попутно, при общемъ разореніи остальной части Германской имперіи, были захвачены Ганзейскіе города, Голштинія и Мекленбургъ. Стральзундъ же подвергся осадѣ.

Во всеоружіи силъ и средствъ, собранныхъ во Франціи, Германіи и Пруссіи, Наполеонъ приближается къ нашимъ границамъ.

За время столь устрашающихъ успѣховъ столь же дѣятельнаго, какъ и счастливаго врага, мы, съ своей стороны, успѣли только собрать различные корпуса, составляющіе нашу главную западную армію, и едва начали, согласно указу Вашего Величества, принимать мѣры для вооруженія ратниковъ.

Несмотря на огромныя средства Россіи, нельзя скрывать

---

*) Въ этотъ моментъ Пруссія была совершенно разгромлена. Польша наводнена войсками. Въ Варшавѣ ожидали пріѣзда Наполеона. Французская армія имѣла уже нѣсколько кровопролитныхъ схватокъ, въ ожиданіи боя при Эйлау, который произошелъ въ февралѣ 1807 года.

отъ себя того, что въ настоящее время мы можемъ противопоставить побѣдоноснымъ войскамъ Бонапарта лишь одну армію, и что наши рекруты будутъ готовы къ бою лишь къ будущей веснѣ, что сборъ ополченцевъ производится крайне медленно, и пройдетъ много времени, прежде чѣмъ явится возможность сформировать изъ нихъ корпуса, способные стать въ ряды войскъ и пополнить наши потери, и что, наконецъ, насколько ополченцы, при совмѣстномъ дѣйствіи съ сильнымъ регулярнымъ войскомъ, полезны для веденія партизанской войны, настолько они могутъ сдѣлаться опасными и усилить смятеніе въ случаѣ пораженія арміи.

При взглядѣ на такое положеніе вещей всякій вѣрный слуга Вашего Величества, всякій истый русскій, долженъ быть пораженъ той печальной истиной, что Русская имперія находится почти въ такомъ же положеніи, въ какомъ находилась Пруссія въ октябрѣ прошлаго года. Всѣ свободныя регулярныя войска наши находятся на границѣ. Если они будутъ разбиты, огромная часть страны останется во власти французскаго побѣдителя, и искры мятежа, брошенныя имъ, по всей вѣроятности, въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, должны страшить насъ опасностью грозныхъ и бѣдственныхъ послѣдствій, могущихъ разразиться въ любой, несчастливый для нашей арміи, день.

Нужно стараться возстановить миръ.

Представляя себѣ эту ужасную картину, всѣ должны сознать необходимость заключенія мира, и въ этомъ сознаніи должны объединиться всѣ стремленія, всѣ надежды и всѣ партіи. И просвѣщенный политикъ, и истый воинъ одинаково сойдутся на вопросѣ: почему не попытаться вступить въ мирные переговоры, вмѣсто того, чтобы напрягать свои силы въ борьбѣ, грозящей государству неминуемой опасностью?—И на этотъ вопросъ, самъ по себѣ, напрашивается только одинъ болѣе или менѣе правильный отвѣтъ.

Возраженіе.

Какъ можемъ мы настолько отойти отъ общепризнанныхъ принциповъ твердости, постоянства и законности, этихъ основъ истиннаго величія и здоровой политики, во всѣ времена руководившихъ русскимъ кабинетомъ? Не на эти ли самые принципы мы недавно опирались, отказавшись подписать трактатъ 8—20 іюля? Не принесетъ ли предложеніе мира ущерба нашей національной славѣ, не обнаружимъ ли мы этимъ какъ бы чувство безсилія?

Отвѣтъ.

Твердость и постоянство имѣютъ свои предѣлы, за которыми они вырождаются и начинаютъ уже принимать характеръ упрямства, дерзости или сумасбродства. Какъ бы они ни были велики, они всегда должны быть направлены на достиженіе только возможной цѣли, преслѣдованіе которой не должно быть сопряжено съ опасностями, превышающими ожидаемыя отъ этого выгоды. Эти великія качества должны проявляться не только въ военной дѣятельности: ихъ должно обнаруживать и въ политическихъ предпріятіяхъ, умѣть примѣнять ихъ и пользоваться ими, для того ли, чтобы сдѣлать передышку, или чтобы выгадать себѣ время для подготовки новыхъ выступленій.

Принципы эти столь же элементарны, сколь и безспорны, и то, что мы должны слѣдовать имъ въ данныхъ условіяхъ, вполнѣ очевидно.

Существенная разница въ обстоятельствахъ.

Обстоятельства, вовлекшія Россію въ эту войну и вызвавшія необходимость продолжать ее, существенно различны отъ теперешнихъ.

Прежнія обстоятельства.

Какъ всѣ помнятъ, въ 1801 году Россія находилась въ мирныхъ отношеніяхъ съ французскимъ правительствомъ, и даже старалась развить и укрѣпить съ нимъ дружбу. Оскорбленія, всякаго рода вызовы и нарушенія самыхъ строго-законныхъ договоровъ, которыя позволилъ себѣ Тюльерійскій кабинетъ, вынудили Ваше Величество вначалѣ обратиться съ жалобами къ другимъ государствамъ, а затѣмъ начать вступать въ союзы съ ними съ цѣлью поддержанія общихъ правъ, а также, чтобы раздѣлить съ ними и общія опасности, и, въ концѣ концовъ, заставили прибѣгнуть къ силѣ. Съ той поры начинать войну становилось съ каждымъ днемъ все опаснѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ каждымъ днемъ возрастала и необходимость въ ней.

Но врагъ, однако, въ то время былъ еще далеко не такимъ, какимъ сдѣлали его впослѣдствіи его необычайные успѣхи. Европа представляла еще тогда собою значительную преграду его неистовому честолюбію.

Священныя обязательства и тѣ политическія соображенія, съ которыми столь нераздѣльно связано могущество всякаго государства,—не позволяли Россіи ни покинуть своихъ союзниковъ, ни пожертвовать ихъ надеждами ради своихъ собственныхъ выгодъ.

Въ то время кабинетъ Вашего Величества долженъ былъ напрягать всѣ усилія, чтобы предупредить и отдалить моментъ паденія сосѣднихъ съ нами державъ, служившихъ для насъ оплотомъ противъ громадной имперіи Бонапарта, или въ лицѣ которыхъ для насъ всегда имѣлось средство отвлечь отъ себя нападенія врага въ другую сторону.

Пока существовали эти причины и эти соображенія, невозможно было совѣтовать заключать миръ, который по самой сложности сплетенія интересовъ разныхъ державъ и въ виду тѣхъ жертвъ, которыхъ, навѣрное, потребовалъ бы упоенный

успѣхомъ врагъ, могъ быть для насъ лишь унизительнымъ и ни въ коемъ случаѣ не прочнымъ.

Теперешнія обстоятельства.

Теперь, когда послѣ цѣлаго ряда неудачъ и потрясеній, подобныхъ которымъ не знаетъ исторія, всѣ тѣ, кого Россія старалась спасти, или доведены страхомъ до бездѣятельности, или исчезли изъ ряда державъ,—теперь дѣло идетъ уже не о томъ, чтобы защищать какія-либо пограничныя съ нами земли, а уже самую нашу границу.

Наша имперія будетъ сражаться грудь съ грудью съ Французской имперіей, и намъ предстоитъ защищать не болѣе и не менѣе, какъ свою неприкосновенность, и въ нѣкоторомъ родѣ, осмѣливаемся сказать,—свое существованіе.

Итакъ, для насъ война измѣнитъ свой характеръ. Единственной цѣлью нашей политики въ эту новую эпоху, столь же знаменательной, какъ несчастной борьбы столькихъ потрясенныхъ народовъ долженъ стать высшій интересъ государства—спасеніе имперіи.

Не переставая быть настороже всеобщаго блага Европы и не теряя изъ вида слабыхъ надеждъ, оставшихся еще у нашихъ павшихъ духомъ союзниковъ, все же единственно, чему мы должны повиноваться—это непреложному закону самосохраненія, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ остальныя обязанности и всѣ остальные интересы.

Этимъ самымъ наша политика становится независимой, и если намъ представится возможность заключить сносный миръ, имѣющій нѣкоторыя гарантіи на прочность,—ничто не помѣшаетъ намъ принять его, наоборотъ—все побуждаетъ насъ къ тому.

Да! Спасеніе нашихъ же союзниковъ требуетъ отъ насъ этого, ибо, если бы изъ ложной деликатности, изъ ложныхъ взглядовъ на честность или изъ какихъ-либо личныхъ чувствъ,

мы рискнули своею жизнью ради ихъ спасенія,—наше паденіе, нисколько не облегчивъ ихъ несчастія, наоборотъ, еще увеличитъ его, отнявъ у нихъ даже самую отдаленную надежду сохранить то, что у нихъ осталось, или оправиться когда-либо отъ своихъ бѣдствій.

Итакъ, доказано, что происшедшія въ нашихъ политическихъ отношеніяхъ и въ положеніи Европы перемѣны вынуждаютъ насъ стремиться къ миру такъ же настойчиво, насколько раньше, до разоренія Германской имперіи и уничтоженія Пруссіи, мы должны были отклонять его.

Надо начать мирные переговоры, не теряя времени.

Но признавъ необходимость этой мѣры, надо также согласиться и съ тѣмъ, что начать переговоры слѣдуетъ какъ можно скорѣе, ибо нельзя терять ни минуты.

Таковъ именно непреложный принципъ политики, что надо предлагать миръ тогда, когда еще не утрачена возможность завоевать его или, по крайней мѣрѣ, принять его безъ ущерба для своего достоинства.

Наши арміи всѣ въ цѣлости; врагу нашему, несомнѣнно, извѣстно какъ то, что мы образовали резервы, такъ и размѣры нашего ополченскаго набора. Вскорѣ онъ узнаетъ о патріотическихъ приношеніяхъ, которыя русскій великодушный народъ съ достойнымъ его самоотверженіемъ спѣшитъ нести со всѣхъ сторонъ имперіи къ подножію трона. Наши успѣхи въ войнѣ съ Персіей, и захватъ нами удачныхъ позицій на Днѣстрѣ и Дунаѣ, также дойдутъ до его свѣдѣнія.

Конечно, онъ не скрываетъ отъ себя тѣхъ препятствій, какими являются для него дальность разстоянія, климатъ, время года, въ войнѣ, столь же продолжительной, какъ и опасной. Поэтому главнымъ его разсчетомъ будетъ удивить Европу необычайной быстротой своихъ хорошо разсчитанныхъ передвиженій и нанести рѣшительный ударъ. Слѣдовательно, при

первой же возможности онъ поспѣшитъ всей массой своихъ боевыхъ силъ обрушиться на нашу главную армію и завязать съ нею сраженіе. И наше благоразумное желаніе избѣгать этого сраженія, быть можетъ, должно будетъ уступить передъ стремительностью его натиска или же передъ тѣмъ огорченіемъ, какое причинитъ нашимъ славнымъ генераламъ уступка позицій врагу безъ боя.

Подобное положеніе не можетъ долго продолжаться. Итакъ, это единственный удобный моментъ, который больше не повторится, начать переговоры о мирѣ, если мы не хотимъ дождаться того, чтобы потомъ, въ случаѣ несчастья, вымаливать его.

И какія условія мира можно ожидать отъ побѣдителя, который еще болѣе возгордится побѣдой надъ лучшими войсками въ мірѣ и который будетъ соразмѣрять какъ свои требованія, такъ и свою месть со степенью величія побѣжденныхъ.

Представимъ себѣ (ибо осторожность заставляетъ предвидѣть самое худшее) нашу главную армію разбитой и наши западныя губерніи охваченными волненіями изъ-за надежды вернуть свою независмоисть, или (что еще болѣе опасно) изъ-за дарованія крестьянамъ свободы. Неужели мы допустимъ, чтобы пламя возстанія охватило одну за другой эти прекрасныя области? Можно ли предвидѣть, какіе размѣры приметъ смута? Рѣшимся ли мы предложить побѣдителю территоріальныя уступки? Но не говоря уже о томъ ужасѣ, какой должна внушать намъ эта столь унизительная мысль, гдѣ будетъ предѣлъ этихъ уступокъ? Отъ насъ ли будетъ зависѣть опредѣлить ихъ размѣры? Какъ ни маловѣроятны исходныя точки этихъ соображеній, все же, безъ сомнѣнія, онѣ будутъ достаточны, чтобы убѣдить насъ въ необходимости заключенія мира, не допустить до столь ужасныхъ крайностей, или, по крайней мѣрѣ, хотя бы сдѣлать попытку къ этому, чтобы не пришлось впослѣдствіи, хотя и справедливо, но слишкомъ поздно упрекать себя.

На эту попытку нужпо рѣшиться либо теперь, либо никогда—еще и потому, что сейчасъ для нея представляется

естественный поводъ въ предстоящемъ измѣненіи характера нашей борьбы съ Франціей.

Въ виду измѣненія характера и цѣлей этой борьбы не естественно ли попытаться остановить ея дальнѣйшее движеніе теперь, пока еще не вспыхнула эта новая война между этими двумя великими націями, столкновеніе которыхъ должно потрясти весь континентъ? Уже одно чувство гуманности не заставляетъ ли принять всѣ мѣры для достиженія мирнаго соглашенія?

Къ тому же, самъ Бонапартъ въ своемъ обращеніи къ сенату заявилъ, что готовъ заключить миръ съ Россіей, Англіей и даже съ Пруссіей. Но еще болѣе важно слѣдующее его заявленіе: въ виду того, что система заключенія отдѣльныхъ мирныхъ договоровъ, практиковавшаяся до сихъ поръ французскимъ кабинетомъ, приводила лишь къ обманчивымъ перерывамъ войны и порождала необходимость составленія новыхъ коалицій, онъ желаетъ теперь только всеобщаго и прочнаго мира.

Такимъ образомъ, Бонапартъ, собственно говоря, сдѣлалъ первый шагъ въ этомъ направленіи, мы же должны сдѣлать второй, если не желаемъ предоставить ему преимущества всегда присваиваемой имъ себѣ роли сторонника миролюбивыхъ чувствъ и безуспѣшнаго провозгласителя ихъ въ самый разгаръ своихъ военныхъ успѣховъ.

Какъ бы ни были коварны мотивы, побудившіе Бонапарта измѣнить свою тактику и начать преслѣдованіе цѣлей уже не французской, а европейской политики,— тѣмъ не менѣе, благодаря этому обстоятельству, Россіи представляется весьма удобный поводъ начать переговоры, и нашъ кабинетъ тѣмъ свободнѣе можетъ къ нимъ приступить, что къ этому же призывались и остальныя воюющія державы.

На какой почвѣ можно было бы вести переговоры?

Тутъ возникаетъ очень важный вопросъ, разрѣшеніе котораго съ перваго раза кажется очень труднымъ. На какихъ

условіяхъ, скажутъ намъ, разсчитываемъ мы добиться заключенія мира?

Не будемъ забывать, что дѣло идетъ о мирѣ, крайнюю необходимость котораго для насъ мы только что доказали; что при существующихъ обстоятельствахъ единственной цѣлью и основаніемъ переговоровъ должно быть—спасеніе имперіи; что всѣ интересы, чуждые этой цѣли, или не относящіеся къ ней непосредственно, должны занять второстепенное мѣсто; и наконецъ, что мы должны удовлетвориться даже только сноснымъ для насъ миромъ, лишь бы онъ далъ для Россіи нѣкоторыя гарантіи безопасности.

Все, что можно было бы получить сверхъ этого для насъ или нашихъ союзниковъ—путемъ ли развитія нашихъ подготовительныхъ усилій, или благодаря одержаннымъ нами нѣкоторымъ успѣхамъ, либо черезъ содѣйствіе другихъ державъ, или, наконецъ, благодаря искусству нашихъ дипломатовъ,— все это, конечно, послужитъ предметомъ нашихъ стремленій и усилій; но мы не будемъ придавать полученію этихъ выгодъ особенно важнаго значенія, и нашъ неуспѣхъ въ этомъ направленіи не долженъ считаться непреодолимымъ препятствіемъ для заключенія мира. Мы не будемъ настаивать на этомъ еще и потому, что при допущеніи непріятелемъ и остальныхъ державъ къ участію въ переговорахъ и всеобщемъ замиреніи, союзники наши, въ особенности Англія и Пруссія, будутъ сами охранять свои интересы и тѣмъ предоставятъ также и намъ больше свободы въ отстаиваніи интересовъ Россіи.

Договоръ 8—20 іюля прошлаго года не будетъ предложенъ вновь *).

Исходя изъ этого положенія, излишне, конечно, говорить, что условія договора отъ 8—20 іюля прошлаго года не бу-

*) Здѣсь говорится о мирномъ договорѣ 8 - 20 іюля 1806 года, который Убри, посланный въ Парижъ послѣ войны 1805 года, подписалъ послѣ долгихъ переговоровъ, но который въ Петербургѣ не былъутвержденъ.

дуть предложены вновь ни той, ни другой стороной, потому что, во-первыхъ, послѣ недавнихъ побѣдъ и огромнѣйшихъ территоріальныхъ захватовъ Бонапарта, нельзя надѣяться, чтобы онъ согласился на выполненіе поставленнаго въ томъ договорѣ условія вывести французскія войска изъ Германіи; во-вторыхъ, потому, что у насъ также есть теперь необходимость поставить условія, какихъ мы не имѣли раньше, а именно— требовать вознагражденія за возвращеніе Портѣ земель, которыя мы вынуждены были занять для сохраненія своей безопасности.

Основы договора.

Вотъ приблизительно тѣ основы, на которыхъ можно было бы сойтись:

1) Россія будетъ стараться удалить по возможности всѣ затрудненія къ установленію соглашенія Наполеона съ Англіей, Пруссіей или со всякой другой державой, смотря по тому, чьи земли онъ займетъ со времени возобновленія войны.

Дѣйствительные и неизмѣнные интересы Россіи нисколько не препятствуютъ созданію передъ нашими границами новыхъ второстепенныхъ государствъ, хотя бы и находящихся подъ покровительствомъ непріятеля.

2) Тѣмъ не менѣе, нашимъ условіемъ sine qua non мы должны выставить требованіе удаленія въ кратчайшій срокъ изъ этихъ государствъ французскихъ войскъ и ихъ отступленія за Везеръ, или же, по крайней мѣрѣ, за Эльбу, на томъ условіи, что появленіе этихъ войскъ безъ нашего разрѣшенія за предѣлами вышеуказанныхъ въ этихъ рѣкахъ границъ будетъ равносильно объявленію войны.

3) Россія освободитъ всѣ пункты и области въ Турціи, которыя она будетъ занимать въ моментъ составленія договора; согласится уступить Катарро и даже, въ случаѣ необходимости, эвакуируетъ Іоническіе острова, но подъ слѣдующимъ непремѣннымъ условіемъ:

4) Францiя не оставитъ за собой бывшей венецiанской Далмацiи и, по крайней мѣрѣ, Катарро ни въ какомъ случаѣ не отдадутъ подъ ея владычество.

Такъ какъ Россiя и Францiя одинаково заинтересованы въ сохраненiи независимости и неприкосновенности Оттоманской имперiи и одинаково стремятся обезпечить ихъ ей, то, слѣдовательно, вполнѣ справедливо, чтобы въ этомъ отношенiи обѣ державы были бы вполнѣ равноправны. Тѣхъ гарантiй, которыхъ Тюльерiйскiй кабинетъ можетъ потребовать отъ Россiи для сѣверной части Турцiи, с.-петербургскiй кабинетъ, въ свою очередь, можетъ потребовать отъ Францiи для ея южной части. Въ интересахъ самой Порты содѣйствовать принятiю этого нашего условiя, и дворы австрiйскiй и англiйскiй будутъ призваны къ участiю въ этихъ переговорахъ.

5) Королемъ Сицилiи долженъ быть объявленъ король Фердинандъ. Если Бонапартъ потребовалъ бы признанiя королемъ обѣихъ Сицилiй его брата Iосифа, то титулъ этотъ можно было бы предоставить ему, но лишь номинально. Хотя этотъ пунктъ можетъ показаться не имѣющимъ прямого отношенiя къ Россiи, а потому для нея второстепеннымъ, въ дѣйствительности же, ея безопасность и благополучiе слишкомъ связаны съ этимъ вопросомъ, чтобы не поставить его въ разрядъ важнѣйшихъ статей переговоровъ.

6) Сардинское королевство будетъ сохранено, и всѣ договаривающiяся державы дадутъ ея королю гарантiи этого.

7) Если Англiя приметъ условiя мира, предложенныя ей Бонапартомъ въ его обращенiи къ сенату, а именно: сохранить за ней Мальту, островъ Цейлонъ, мысъ Доброй Надежды и всѣ завоеванныя ею земли въ Индiи, то Россiя дастъ на это свое согласiе, но совершенно устраняя себя отъ участiя въ переговорахъ съ Францiей и Великобританiей, въ случаѣ возникновенiя между ними какихъ-либо затрудненiй въ дальнѣйшемъ.

8) Если Швецiя согласится признать эти условiя мира, то

договаривающіяся державы гарантируютъ ей неприкосновенность теперешнихъ ея владѣній.

9) Въ случаѣ, если будетъ рѣшено уступить бывшую венеціанскую Далмацію, то бухта Катарро и Іонійскіе острова могутъ быть предложены въ вознагражденіе королямъ сицилійскому или сардинскому. Можно также имѣть въ виду Далмацію на тотъ случай, если придется произвести полезные обмѣны съ австрійскимъ домомъ.

10) Такъ какъ счастливая мысль уничтоженія варварійскихъ государствъ раньше высказывалась Бонапартомъ, и потому онъ будетъ доволенъ, если она осуществится, то владѣнія этихъ государствъ могутъ быть использованы для раздѣла въ общемъ интересѣ.

Переговоры въ этомъ духѣ надлежитъ начать теперь же съ Австріей, Константинополемъ, Англіей и другими дворами и продолжать ихъ и во время заключенія этого договора, чтобы заручиться содѣйствіемъ или заступничествомъ этихъ державъ.

Способъ начать это дѣло.—Лессепсъ.

Что же касается того, какъ приступить къ этимъ переговорамъ, то не можемъ ли мы для этого воспользоваться предстоящимъ отъѣздомъ консула Лессепса, какъ вполнѣ естественно представившимся случаемъ? Высказавъ этому агенту вполнѣ откровенно наши предложенія, въ формѣ наиболѣе располагающей къ довѣрію, я думаю, можно будетъ склонить его передать Наполеону конфиденціально наше первое объ этомъ слово. Ему можно было бы поручить выхлопотать паспорты для того, на кого будутъ возложены переговоры, и такъ какъ, въ виду многочисленности интересовъ различныхъ державъ, которыя примутъ участіе въ переговорахъ, обсужденіе ихъ займетъ много времени, то, быть можетъ, Лессепсу удастся устроить перемиріе на... мѣсяцевъ, что, вѣроятно, будетъ удобно всѣмъ сторонамъ. Воюющія арміи остались бы

на своихъ прежнихъ позиціяхъ, а на время перемирія между ними опредѣлили бы демаркаціонную линію.

Заключеніе. Выступленіе съ этимъ предложеніемъ не можетъ причинить намъ никакого ущерба.

Я не вижу, чтобы подобная попытка могла нанести намъ хотя малѣйшій ущербъ. Ходъ военныхъ операцій отъ этого не измѣнится, наоборотъ, мы должны будемъ усилить военныя приготовленія и принять разнаго рода энергичныя мѣры; раскрывая же такимъ образомъ всѣ имѣющіяся у насъ для продолженія войны средства, побудимъ врага стремиться къ ея прекращенію.

Оно имѣетъ много преимуществъ.

Взявъ, такимъ образомъ, опять на себя иниціативу веденія мирныхъ переговоровъ, Ваше Императорское Величество дали бы Европѣ новое доказательство искренности своихъ миролюбивыхъ намѣреній.

Уже само по себѣ это предложеніе, каковы бы ни были его послѣдствія, поможетъ разоблачить намѣренія врага и опредѣлить, въ какой мѣрѣ онъ придаетъ значеніе своимъ планамъ въ связи съ его послѣдними пріобрѣтеніями.

Отказъ Наполеона отъ мира усилитъ его вину, возбудитъ справедливое негодованіе Вашихъ вѣрноподданныхъ, и ихъ пылъ и мужество станутъ отъ этого грознѣе.

Къ тому же, если желанія столькихъ народовъ исполнятся, если благодаря покровительству Вашего Величества удастся дать покой землѣ, утомленной революціями и преступленіями, то, если даже, въ виду честолюбія французскаго кабинета и характера Наполеона, покой этотъ и не будетъ продолжительнымъ, все же не должны ли мы будемъ радоваться, что послѣ столькихъ невзгодъ добились, наконецъ, отсрочки и выиграли драгоцѣнное время, чтобы набраться новыхъ силъ, реоргани-

зовать наши рессурсы, возобновить необходимую связь съ уцѣлѣвшими еще державами, дождаться времени, когда у насъ будетъ болѣе шансовъ на счастье, словомъ, вступить въ новую полосу событій, сущность которыхъ въ данное время невозможно еще и предвидѣть.

Послѣднее возраженіе.

Остается обсудить еще одно послѣднее возможное возраженіе.

Мы предположили, что Русскому государству придется сражаться обособленно, защищая лишь свое собственное существованіе. А можетъ быть, этого не случится? Можетъ быть, Испанія и Португалія выскажутся? Можетъ быть, австрійскій домъ уже готовъ въ данный моментъ порвать сношенія съ общимъ врагомъ и обрушиться на него съ значительными силами и съ фланговъ, и съ тылу?

Въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, картина совершенно измѣнилась бы, и совѣты заключить миръ явились бы неумѣстными.

Отвѣтъ.

Имѣется ли у русскаго кабинета эта увѣренность по отношенію къ Австріи? Можетъ ли онъ надѣяться немедленно заставить всю Европу обнажить мечъ? Если онъ увѣренъ въ этомъ, то въ такомъ случаѣ, конечно, ему нечего спѣшить и стремиться къ заключенію только лишь сноснаго мира. Но если онъ въ этомъ совершенно не увѣренъ, или если у него существуетъ на это лишь весьма слабая надежда, то тогда, конечно, онъ долженъ направить всѣ усилія къ заключенію мира, какъ бы тяжело и непріятно это ни было. Во всякомъ случаѣ, повторяю, что попытка къ переговорамъ не можетъ вызвать никакихъ неудобствъ, нужно только довѣрить ее умѣлымъ рукамъ.

Пройдетъ три недѣли, прежде чѣмъ Лессепсъ получитъ и

вышлетъ паспорта и нашъ посредникъ выѣдетъ. До этого времени мы должны выяснить себѣ намѣренія вѣнскаго двора. Надлежитъ теперь же откровенно извѣстить его о нашемъ положеніи и рѣшеніи. Пусть онъ выскажется, пусть его войска примутъ участіе въ кампаніи, а тогда Ваше Величество пообѣщаете ему твердо продолжать войну, во всемъ съ нимъ сговариваться и ни въ какомъ случаѣ не заключать мира безъ согласія Австріи. Если же она не намѣрена принять участія въ войнѣ, то она найдетъ справедливымъ и естественнымъ, чтобы мы начали мирные переговоры, въ которыхъ мы даже вынуждены будемъ просить ее стать нашей посредницей. Такой пріемъ является, быть можетъ, единственнымъ способомъ заставить эту державу тотчасъ же и рѣшительнымъ образомъ обнаружить свои намѣренія. Наконецъ, заключеніе перемирія дастъ намъ время объясниться со всѣми дворами и ознакомиться съ ихъ мнѣніями, которыя намъ чрезвычайно важно узнать и собрать.

За это время мы успѣемъ хорошо во всемъ разобраться и примемъ рѣшеніе, самое благоразумное и соотвѣтствующее обстоятельствамъ.

XXI.

Записка о мѣрахъ, которыя необходимо принять по отношенію къ бывшимъ польскимъ провинціямъ.

1806.

Не будучи въ достаточной мѣрѣ освѣдомленъ обо всѣхъ дѣйствіяхъ кабинета Вашего Императорскаго Величества и не зная истиннаго положенія нашихъ политическихъ отношеній, я могу изложить Вамъ, Государь, лишь самыя общія и предположительныя воззрѣнія свои относительно положенія въ Польшѣ.

Поэтому въ настоящей запискѣ я не имѣю въ виду давать совѣты и не собираюсь предлагать никакихъ способовъ дѣйствія. Я заклинаю Ваше Императорское Величество смотрѣть на нее лишь какъ на бѣглый взглядъ на событія, простой набросокъ первыхъ попавшихся мыслей, ни своевременности которыхъ, ни степени ихъ соотвѣтствія обстоятельствамъ я совершенно не могу опредѣлить, а тѣмъ менѣе ручаться за послѣдствія ихъ примѣненія.

Побудятъ ли событія Ваше Величество возстановить польскую корону или нѣтъ, присоедините ли Вы къ Польшѣ ея бывшія владѣнія, отошедшія къ Пруссіи, или откажетесь отъ этого,—мнѣ кажется, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ нужно стремиться къ слѣдующему:

1) Удержать наши польскія провинціи въ ихъ стремленіяхъ, или, еще лучше, привязать ихъ къ себѣ, вызвавъ энтузіазмъ и любовь къ намъ жителей. Такими мѣрами мы лучше всего можемъ использовать ихъ силы для защиты имперіи въ тотъ моментъ, когда врагъ и его агенты будутъ стараться ихъ возбуждать.

2) Удержать польскія провинціи, принадлежащія Пруссіи, если Вы желаете сохранить ихъ для Вашего союзника-короля, на тотъ случай, чтобы онѣ могли быть оставлены за нимъ при заключеніи мира, или же, чтобы привлечь ихъ на свою сторону, если Бонапартъ захочетъ отдать ихъ какому-нибудь принцу, по своему выбору.

3) Всячески стараться оберегать наши границы отъ смуты и избѣгать въ польско-русскихъ провинціяхъ крайне вредныхъ проявленій слишкомъ большой подозрительности и неумѣстной строгости, ибо мнѣ кажется яснымъ, что гораздо лучше предупреждать заговоры и смуты, чѣмъ быть вынужденнымъ подавлять ихъ и карать за нихъ; въ особенности, если обстоятельства заставятъ прибѣгать къ дѣйствію устрашающихъ примѣровъ; такія мѣры не прекратятъ смуты, а наоборотъ, породятъ еще большіе ужасы и бѣдствія въ этой прекрасной части Вашей имперіи.

Поэтому, мнѣ кажется, слѣдовало бы:

1) Чтобы главнокомандующій какъ можно скорѣе опубликовалъ воззваніе, въ противодѣйствіе тѣмъ, которыя распространены Наполеономъ и его приближенными. Проектъ такого воззванія будетъ изложенъ далѣе.

2) Велѣть ему разослать всѣмъ командующимъ войсками приказы, чтобы войска Вашего Императорскаго Величества соблюдали строжайшую дисциплину и приняли бы всѣ мѣры къ обезпеченію спокойствія, неприкосновенности собственности и пр. всѣхъ жителей подъ страхомъ строжайшаго наказанія въ случаѣ нарушенія приказа.

3) Дать наказы всѣмъ генераламъ, командирамъ и офицерамъ хорошо обращаться съ поляками, относиться къ нимъ съ довѣріемъ, вносить въ свои отношенія съ ними духъ братства, который долженъ напомнить имъ общность ихъ происхожденія и возбудить въ нихъ чувства того древняго родства, которое должно объединять между собою всѣ славянскія націи.

4) Соотвѣтствующія воззванія должны быть выпущены и всѣми мѣстными губернаторами; къ нимъ можно присоединить пастырскія посланія епископовъ, проповѣди священниковъ, вообще прибѣгать ко всѣмъ тѣмъ средствамъ, которыми располагаютъ служители Христа.

5) Помѣстить въ газетахъ и періодическихъ изданіяхъ разныя статьи, или издать ихъ отдѣльными брошюрами и памфлетами, чтобы направлять общественное мнѣніе и разрушать дѣйствія тѣхъ обращеній, которыя появятся отъ имени врага.

Не нужно забыть привлечь раввиновъ еврейскихъ синагогъ и другихъ заслуживающихъ довѣрія представителей этой націи, на помощь которыхъ въ разоблаченіи тайныхъ продѣлокъ врага или какихъ-либо интригановъ можно разсчитывать.

6) Нужно дать циркулярныя предписанія губернаторамъ или вліятельнымъ лицамъ польскихъ провинцій, включая и

принадлежащія Пруссіи, съ изложеніемъ въ нихъ отеческихъ намѣреній Вашего Величества и обстоятельствъ, какъ могущихъ воспрепятствовать ихъ выполненію, такъ и тѣхъ, которыя, наоборотъ, побудятъ Васъ къ ихъ обязательному осуществленію. Особенно важно заявить въ нихъ отъ Вашего, Государь, имени, что Вы ни въ коемъ случаѣ не потерпите, чтобы въ прусско-польскихъ провинціяхъ утвердился самъ врагъ или же какой-нибудь принцъ по его избранію. Проектъ такого циркуляра будетъ приложенъ здѣсь далѣе.

7) Нужно поручить вѣрнымъ, умнымъ, усерднымъ и къ тому же справедливо пользующимся уваженіемъ въ странѣ агентамъ вліять на общественное настроеніе и распространять эти циркулярныя обращенія разумно и лишь при увѣренности въ ихъ полезности.

Агенты, которыхъ можно выбрать по приложенному здѣсь списку, должны всѣ находиться подъ руководствомъ одного лица, такого, которое удостоится довѣрія Вашего Величества. Лицо это, находясь либо при Васъ, либо тамъ на мѣстѣ, будетъ руководить дѣйствіями этихъ агентовъ и давать имъ инструкціи, сообразно Вашимъ приказаніямъ.

8) И наконецъ, нужно произвести массовый planомѣрный рекрутскій наборъ, организовавъ его такимъ образомъ, чтобы была возможность собрать всѣхъ новобранцевъ въ извѣстномъ данномъ мѣстѣ и двигаться затѣмъ съ ними, сообразно съ передвиженіями арміи. Система производства этого набора будетъ указана въ общемъ планѣ организаціи войска въ различныхъ частяхъ имперіи, съ тѣми измѣненіями, какія, быть можетъ, вызовутся въ Польшѣ мѣстными условіями.

Если обстоятельства приведутъ Ваше Величество къ рѣшенію объявить себя королемъ Польши, то принятіе мѣръ, подобныхъ вышеуказаннымъ, можетъ только подготовить для этого почву. Въ этомъ случаѣ останется только разработать планъ, сообразно которому дать новому королевству прочную, на основаніи централизаціи власти, конституцію, способную

примирить права неограниченной монархіи съ учрежденіями и формами, которыя Польша имѣла счастье сохранить подъ отеческою властью Вашего Императорскаго Величества. Такъ какъ главной цѣлью этого великодушнаго акта—воспламенить сердца польской націи и предоставить всѣ ея силы въ Ваше распоряженіе, то не является ли желательнымъ во-время возбудить въ нихъ надежду на это новое существованіе, чтобы они не поддались угрозамъ Бонапарта, равно какъ и его вѣроломнымъ обѣщаніямъ?

Излишне говорить здѣсь о томъ, что выполненіе этихъ плановъ должно быть связано съ величайшей согласованностью всѣхъ административныхъ мѣръ, какъ и о томъ, что для полученія нѣкоторой надежды на ихъ успѣшное осуществленіе необходимо предположеніе, что главная армія, находящаяся недалеко отъ Вислы, будетъ настолько сильна, настолько хорошо вооружена и воодушевлена, насколько того требуютъ обстоятельства; что ее сохранятъ нетронутой, во всей ея силѣ, избѣгая при помощи искусныхъ маневровъ генеральнаго сраженія, съ цѣлью завлечь врага какъ можно подальше отъ центра его операцій и дать возможность дѣйствовать нашимъ резервамъ и населенію; главнымъ же образомъ для того, чтобы выиграть этимъ время для созданія новаго королевства (если то позволятъ обстоятельства) и при помощи энтузіазма его жителей удвоить силы и средства. Одно большое проигранное сраженіе сразу лишитъ насъ всѣхъ нашихъ преимуществъ. Но все же, даже и при условіи возможности этого несчастья, я нисколько не сомнѣваюсь, что предложенныя выше мѣры предосторожности и, въ особенности, послѣдняя, способны будутъ въ значительной степени ослабить его послѣдствія и даже, быть можетъ, и совершенно уничтожить ихъ.

XXII.

Отчетъ, представленный Е. И. В. Государю Императору тайнымъ совѣтникомъ, бывшимъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, кн. Адамомъ Чарторижскимъ.

Отчетъ Сенату за 1804 годъ.

Обязанный дать отчетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ министерства иностранныхъ дѣлъ за все время моего имъ управленія, представляю Вашему Императорскому Величеству отчетъ обо всемъ, сдѣланномъ этимъ министерствомъ за 1804 годъ.

Послѣдній отчетъ, представленный Вамъ, Государь, покойнымъ государственнымъ канцлеромъ, графомъ Воронцовымъ, былъ вѣрнымъ изображеніемъ политическаго положенія Европы въ 1803 году.

Однимъ изъ важнѣйшихъ событій того времени, послужившимъ причиной всего дальнѣйшаго, была вновь вспыхнувшая война между Англіей и Франціей. Война эта смутила покой, которымъ только что стала наслаждаться Европа, и грозила міру новыми потрясеніями.

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, во время отсутствія названнаго канцлера, Ваше Величество соблаговолили поручить мнѣ руководство министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Я слѣдовалъ инструкціямъ этого министра и употреблялъ всѣ усилія для наилучшаго исполненія плановъ и намѣреній Вашего Величества.

Прежде чѣмъ начинать подробное изложеніе отчета, я считаю необходимымъ изложить вкратцѣ принципы, руководившіе политикой Россіи въ началѣ 1801 года.

Начиная съ этого времени поддержаніе мира и спокойствія въ Европѣ стало главнымъ и постояннымъ предметомъ желаній и дѣйствій Вашего Императорскаго Величества.

Съ этой цѣлью возстановлены были прежнія добрыя отношенія, существовавшія между Россіей и Франціей до революціи. Забота объ интересахъ остальныхъ державъ заставила даже петербургскій кабинетъ пожертвовать всѣми прочими соображеніями, могущими воспрепятствовать нашему сближенію съ Франціей. Вслѣдствіе этого, трактатомъ, подписаннымъ въ Парижѣ 22 сентября 1801 г. установлено было полное равноправіе обѣихъ державъ, взявшихъ на себя обязательство урегулировать по взаимному соглашенію интересы Германіи и Италіи. Обѣ державы взаимно назначили своихъ уполномоченныхъ, возобновили коммерческія сношенія въ томъ видѣ, въ какомъ они существовали до войны, и немедленно приступили къ переговорамъ относительно двухъ вышеупомянутыхъ статей договора. Но Франція совершенно не выполнила торжественныхъ своихъ обѣщаній по отношенію къ Италіи, несмотря на то, что они являлись однимъ изъ важнѣйшихъ условій установленія мирныхъ отношеній между нами и Франціей и что устройство итальянскихъ дѣлъ было тѣсно связано со спокойствіемъ Европы и частными интересами Русской имперіи. Что же касается дѣлъ Германіи, то французское правительство внезапно представило планъ окончательнаго устройства ихъ, не совсѣмъ совпадавшій съ видами Россіи. Но такъ какъ интересы Германіи требовали наискорѣйшаго устройства ея дѣлъ, то Ваше Величество, желая дать Франціи новое доказательство своихъ миролюбивыхъ намѣреній, приняли предложенный ею планъ, благодаря чему сохранили себѣ право участія въ дѣлахъ Германской имперіи. При всѣхъ своихъ политическихъ выступленіяхъ, по вопросу о вознагражденіяхъ царствующимъ домамъ Германіи, кабинетъ Вашего Величества неизмѣнно проявлялъ по отношенію къ Франціи чувства дружбы и доброжелательства. Онъ старался сдерживать Францію въ должныхъ границахъ и вліять на ея поступки, внушая ей тѣ принципы умѣренности, которыми былъ проникнутъ самъ.

Россія надѣялась, что сдержанностью и постоянствомъ своего поведенія въ отношеніи Франціи она вызоветъ въ этой державѣ чувства, отвѣчающія благожелательнымъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества. Но происшедшія затѣмъ событія слишкомъ скоро доказали, какъ мало у насъ было основаній для подобныхъ надеждъ.

Когда между Великобританіей и Франціей вновь вспыхнула война, Ваше Величество съ огорченіемъ смотрѣли на этотъ разрывъ, который долженъ былъ смутить покой Европы и навлечь на эту часть континента новыя бѣдствія. Пагубныя послѣдствія этой войны волей-неволей должны были отразиться и на державахъ, не участвовавшихъ въ этой борьбѣ и желавшихъ только лишь сохранить свой покой. Были испробованы всѣ средства, чтобы предотвратить это бѣдствіе или хотя бы воспрепятствовать его развитію. Мѣры, принятыя Вашимъ Величествомъ въ этомъ направленіи, диктовались чувствомъ величайшаго безкорыстія, но, къ несчастію, онѣ остались безуспѣшны.

Въ это время и обнаружилось во всей своей силѣ ненасытное честолюбіе главы французскаго правительства, и стало несомнѣнно, что Бонапартъ употребитъ всѣ средства къ послѣдовательному осуществленію своихъ гибельныхъ плановъ, задуманныхъ имъ противъ всѣхъ европейскихъ державъ.

Во время революціонныхъ войнъ Франціи удалось отколоть отъ коалиціи нѣкоторыя державы и посѣять среди нихъ сѣмена раздора и недовѣрія.

Проводя съ успѣхомъ эту систему, при помощи заключенія отдѣльныхъ договоровъ, Франція пріобрѣла въ 1801 году первенствующее вліяніе, котораго никогда не имѣла до тѣхъ поръ. Положеніе оставшейся независимой части Европы, казалось, способствовало успѣху плановъ Франціи. Державы держались совершенно обособленно другъ отъ друга; онѣ отказывали другъ другу во взаимной помощи. Всякое довѣріе между ними исчезло; каждая изъ нихъ считала другую винов-

ницей своихъ военныхъ неудачъ и постигшихъ ее бѣдствій; каждая слѣдовала своей особой системѣ и, если только въ чемъ онѣ и сходились, такъ это въ убѣжденіи, что ни одна изъ нихъ не должна разсчитывать на другую и что нужно терпѣливо сносить притѣсненія и униженія, которымъ Франція подвергаетъ Европу. Бонапартъ, зная, что именно въ этой-то раздробленности державъ и заключается его сила, не жалѣлъ ничего, чтобы продлить такое положеніе вещей и старался всевозможными средствами вызывать и поддерживать у нихъ эти страхи и раздоръ. Онъ такъ увѣровалъ въ свой успѣхъ, что вскорѣ сталъ считать всякое предпріятіе для себя возможнымъ и присвоилъ себѣ въ Европѣ верховную власть весьма тяжкую и унизительную для всѣхъ державъ. Желая укрѣпить свою власть произволомъ и жестокими мѣрами и окончательно утвердить взглядъ, что все должно преклоняться передъ его волей, Бонапартъ не сталъ болѣе стѣсняться съ Россіей. Въ началѣ 1804 года полковникъ Вернегъ (французъ-роялистъ)— русскій подданный, былъ по приказанію Бонапарта арестованъ въ Римѣ и выданъ папой французскому правительству. Именно въ это время я вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Ваше Величество, всегда вѣрный своимъ принципамъ умѣренной политики, поручили мнѣ предложить римскому двору принять извѣстныя мѣры для возстановленія попраннаго международнаго права; но римскій дворъ, испуганный угрозами Бонапарта, не осмѣлился выполнить ихъ.

Въ виду этого уполномоченному Вашего Величества было приказано покинуть Римъ. Посланныя ему по этому поводу инструкціи приложены здѣсь подъ литерой А. Вслѣдъ за тѣмъ папскому нунцію намекнули о необходимости покинуть Петербургъ, подъ предлогомъ якобы временнаго его отозванія своимъ дворомъ.

Въ оправданіе римскаго двора можно было бы сказать, что къ этому поступку его принудили и, слѣдовательно, онъ не можетъ быть отвѣтственнымъ за происшедшее. Но не-

смотря на то, что при сношеніяхъ державъ между собою нельзя каждый разъ считаться съ второстепенными обстоятельствами, въ данномъ случаѣ высказанное нами римскому двору недовольство всецѣло относилось къ французскому правительству. Впрочемъ, образъ дѣйствій и римскаго двора не заслуживалъ, конечно, особеннаго одобренія Россіи. Папскій нунцій во время своего пребыванія въ Петербургѣ постоянно не кстати вносилъ затрудненія въ дѣла, касавшіяся устройства римско-католическаго духовенства въ Россіи. Поэтому, по возстановленіи дружественныхъ отношеній между этими двумя дворами необходимо будетъ уговориться на счетъ этого вопроса предварительно.

Французское правительство заставило также курфюрста саксонскаго добиваться у русскаго двора отозванія графа Антрега, временно жившаго въ Дрезденѣ по государственнымъ дѣламъ. Единственная вина графа заключалась въ томъ, что онъ не нравился Бонапарту. Но твердость, проявленная въ этомъ случаѣ Вашимъ Величествомъ, заставила дрезденскій дворъ не возвращаться къ этому вопросу. Въ приложенной здѣсь подъ литерой В нотѣ, переданной нашимъ кабинетомъ саксонскому министру, изложены подробности этого дѣла. Въ ней разоблачаются безразсудныя претензіи французскаго правительства и вполнѣ раскрываются принципы, руководившіе Вашимъ Величествомъ.

Въ началѣ теперешней войны Франціи съ Англіей, Франція заняла своими войсками Неаполитанское королевство, совершенно не считаясь съ тѣмъ, что этимъ нарушался дарованный этой странѣ нейтралитетъ и имѣвшіеся у нея съ Россіей договоры. Ганноверъ постигла та же участь, несмотря на то, что провинція эта входитъ въ составъ Германской имперіи, а независимость послѣдней только что передъ этимъ была гарантирована и Франціей и Россіей. Столь явное нарушеніе самыхъ свѣжихъ договоровъ вынудило нашъ кабинетъ сдѣлать очень настойчивыя, хотя и весьма сдержанныя, представленія,

но они не произвели прежняго дѣйствія. Бонапартъ, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы подчеркнуть свое неуваженіе къ Россіи, въ то же самое время подготовлялъ осуществленіе своей системы захватовъ. Испанія и Португалія стали предметомъ его тайныхъ вожделѣній; Голландію и Швейцарію настраивали такъ, чтобы онѣ помогли ему провести этотъ планъ, а Италію если и оставляли въ невѣдѣніи относительно ея судьбы, то только съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи присоединить ее къ Франціи. Въ то же время агенты французскаго правительства, тайно разсыпанные по всѣмъ частямъ континента, въ особенности же въ Турціи, поднимали народныя массы и подготовляли умы къ принятію французовъ, какъ своихъ освободителей, а въ Константинополѣ тюльерійскій кабинетъ не скупился ни на золото, ни на клевету, ни на всякія обольщенія, стараясь подкупить Диванъ и возстановить его противъ Россіи.

Виды Бонапарта на Италію, грозные непосредственно для Австріи и Турціи, естественно должны были встревожить петербургскій кабинетъ. Ибо если бы Австрія признала владычество Франціи, если бы Порта подпала подъ французское иго, и Бонапартъ получилъ возможность разжигать смуты и мятежи въ этой странѣ,—Россія лишилась бы большей части тѣхъ преимуществъ, какія обезпечиваются ей ея положеніемъ. Нашимъ южнымъ провинціямъ угрожала бы постоянная опасность, и Франція захватила бы исключительно въ свои руки всю торговлю на Черномъ морѣ.

Съ другой стороны, если бы Наполеонъ утвердилъ свое владычество въ Голландіи и, направляя свои притязанія на сѣверъ, ласками или угрозами привлекъ бы на свою сторону Пруссію и Швецію, унизилъ бы Данію, занялъ Любекъ, закрылъ Зундъ, онъ этимъ нанесъ бы самый чувствительный ударъ Россіи. Министерство Вашего Величества сочло нужнымъ напрячь все свое вниманіе для изысканія средствъ, способныхъ предотвратить столь прискорбныя послѣдствія и создать противовѣсъ колоссальному могуществу Франціи, грозившему не-

зависимости всѣхъ государствъ. Лицемѣрное по отношенію къ Россіи поведеніе тюльерійскаго кабинета слишкомъ явно раскрывало тайныя намѣренія, воодушевлявшія французское правительство. Бонапартъ не только не исполнилъ большей части условій, заключенныхъ между Россіей и Франціей, но, продолжая свои захваты и завоеванія, несмотря на многочисленныя замѣчанія, сдѣланныя ему по этому поводу кабинетомъ Вашего Величества, нарушалъ этимъ и существовавшіе между ними договоры, а также и международное право. Никто не могъ сомнѣваться въ томъ, насколько было и вредно и опасно оставаться въ такое время безучастнымъ зрителемъ столь бѣдственныхъ событій или прибѣгать къ мелкимъ средствамъ и играть въ нихъ незначительную роль. Вниманіе, которымъ пользуется держава, довѣріе ко всѣмъ ея дѣйствіямъ и уваженіе, внушаемое ея твердостью и постоянствомъ—увеличиваютъ ея дѣйствительныя силы и составляютъ ея могущество.

Такъ какъ лойяльность и сдержанность Вашего Величества не привели къ желательнымъ результатамъ, то стало совершенно необходимо прибѣгнуть къ мѣрамъ принужденія и заставить Бонапарта держаться принциповъ, болѣе отвѣчающихъ интересамъ остальныхъ державъ. Для этого нужно было добиваться возстановленія полнаго довѣрія между державами, объединить ихъ и сдѣлать способными, въ случаѣ надобности, противопоставить свои соединенныя силы честолюбивымъ замысламъ Франціи.

Едва успѣли начать переговоры въ этомъ направленіи съ главными Дворами Европы, какъ всѣ кабинеты были взволнованы совершенно неожиданнымъ событіемъ. Нарушеніе неприкосновенности территоріи Баденскаго курфюрста и насиліе надъ герцогомъ Энгіенскимъ покрыли трауромъ всю Европу и вызвали повсюду чувство всеобщаго негодованія.

Ваше Величество съ содроганіемъ увидѣли въ этомъ поступкѣ посягательство не только на международныя права, но и на всѣ принципы справедливости и правила, установленныя

между европейскими державами. Совѣтъ, мнѣніе котораго объ этомъ дѣлѣ Вашему Величеству было угодно узнать, большинствомъ голосовъ предложилъ оповѣстить всю Европу о чувствахъ Вашего Величества и указать, насколько опасно для всѣхъ державъ это нарушеніе Бонапартомъ священнѣйшихъ правъ.

Съ того времени политическія сношенія между тюльерійскимъ и петербургскимъ кабинетами прекратились. Уполномоченный Вашего Величества потребовалъ свои паспорта, покинулъ Парижъ, въ то время какъ остальныя державы имѣли слабость признать Бонапарта императоромъ,—угодливость, не принесшая Европѣ никакой пользы. Глава французскаго правительства не ожидалъ, чтобы Россія рѣшилась одна не послѣдовать примѣру остальныхъ державъ. Рейнваль, замѣщавшій въ Петербургѣ уѣхавшаго генерала Гедувиля, получилъ предписаніе, въ которомъ тюльерійскій кабинетъ поручалъ ему въ формѣ весьма неопредѣленныхъ инструкцій отговорить министерство Вашего Величества отъ принятія тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, какихъ требовало достоинство Русской имперіи. Но еще до полученія Рейнвалемъ этихъ инструкцій ему сдѣлали намекъ покинуть Петербургъ, предупредивъ такимъ образомъ его отозваніе Бонапартомъ, которое должно было бы послѣдовать въ случаѣ неудачнаго исхода этой его миссіи передъ нашимъ кабинетомъ. Порвавъ всѣ политическія сношенія съ Франціей, мы избѣжали множества неудобствъ и униженій, которыя претерпѣли остальныя державы, признававшія Бонапарта императоромъ.

Въ приложенномъ здѣсь подъ литерой С прибавленіи представлена вѣрная картина тогдашнихъ событій и ходъ дѣлъ, а также изложены справедливыя требованія Вашего Величества, мѣры, предложенныя нами для избѣжанія разрыва съ Франціей, и уклончивые и обманчивые отвѣты на нихъ французскаго правительства.

Съ того времени наше положеніе по отношенію къ Фран-

ціи совершенно измѣнилось. Съ одной стороны было вполнѣ ясно, что Бонапартъ не намѣревался вновь сблизиться съ Россіей; съ другой—деклараціи, представленныя ему Вашимъ Величествомъ по поводу случившагося, являлись первымъ шагомъ къ разрыву и неминуемо должны были повлечь за собой и болѣе энергичныя мѣры. Недовольство и вражда между двумя правительствами, разростаясь съ каждымъ днемъ, сдѣлали всякое сближеніе окончательно невозможнымъ. Если Бонапартъ раньше только мечталъ уменьшить вліяніе Россіи и,—какъ онъ говорилъ,—загнать Россію въ ея лѣса, то теперь его политика въ этомъ направленіи неминуемо должна была сдѣлаться болѣе активной и энергичной. Такъ какъ война могла вспыхнуть немедленно, то въ виду этого необходимо было принять мѣры предосторожности и внушить всѣмъ остальнымъ дворамъ сознаніе неотложной необходимости объединиться, въ цѣляхъ обезпеченія всеобщаго спокойствія. И вотъ, при такомъ-то положеніи дѣлъ и несмотря на самыя убѣдительныя настоянія Англіи, Ваше Величество не торопились дѣйствовать. Вы уступили только голосу всей Европы, громко заявлявшей, что послѣ шаговъ, сдѣланныхъ петербургскимъ кабинетомъ, шаговъ столь соотвѣтствовавшихъ достоинству великой державы,—Россія не можетъ уже оставаться пассивной. Итакъ, министерство обязано было употребить всѣ средства къ тому, чтобы установить самую тѣсную связь между державами, заставить ихъ проникнуться намѣреніями Россіи и выработать совмѣстно систему, способную оградить Европу отъ всякой возможной попытки нарушить ея спокойствіе и независимость.

Надо было начать съ обезпеченія себѣ довѣрія всѣхъ дворовъ, убѣдить ихъ въ безкорыстіи, лойяльности и твердости рѣшенія Россіи, чтобы у всѣхъ, находящихся въ угнетеніи государствъ, или у тѣхъ, которымъ это грозило, установился взглядъ на нашъ кабинетъ, какъ на своего заступника и покровителя, что дало бы намъ возможность подавить всякій за-

родышъ недовѣрія между государствами и возстановить между ними согласіе и единодушіе

Австрія всегда была самой вѣрной и естественной союзницей Россіи на континентѣ. Она сама крайне нуждалась въ огражденіи своего государства отъ новыхъ бѣдствій; эта личная заинтересованность ея служила, слѣдовательно, для насъ залогомъ ея расположенія къ намъ. Помимо общихъ мѣръ, являвшихся необходимыми для противодѣйствія честолюбивымъ замысламъ французскаго правительства, Ваше Величество и въ частности употребили всѣ усилія для объединенія вѣнскаго, берлинскаго и лондонскаго Дворовъ. При заключеніи между Россіей и Австріей оборонительнаго договора, закрѣпленнаго въ концѣ этого года, предполагалось также оберегать тѣ державы, неприкосновенность и независимость которыхъ была наиболѣе тѣсно связана съ интересами Россіи.

Копія этого договора приложена здѣсь подъ литерой D.

Послѣ Австріи единственной державой, обладавшей возможностью, соединившись съ Россіей, предохранить Европу отъ опасности, являлась Пруссія, или, лучше сказать, изъ континентальныхъ державъ мы только и могли искать союза съ этими двумя, ибо изъ всѣхъ только онѣ и были въ состояніи противопоставить Франціи свои силы, съ нѣкоторой надеждой на успѣхъ.

Участіе Пруссіи въ нашей системѣ было выгоднымъ и для остальныхъ державъ. Ваше Величество пожелали употребить всѣ мѣры, чтобы уничтожить зависть между Австріей и Пруссіей, являющуюся съ давнихъ поръ источникомъ ихъ постоянной вражды въ германскихъ дѣлахъ. Ваше Величество хотѣли даже привлечь берлинскій дворъ къ участію въ общемъ дѣлѣ; но свойственная этому двору склонность къ бездѣйствію и тайныя интриги французскаго правительства породили большую нерѣшительность въ образѣ дѣйствій этой державы. Несмотря на все это, въ маѣ мѣсяцѣ Пруссія все же подписала договоръ (приложенный здѣсь подъ литерой E), по ко-

торому, если и не обѣщала возвратить Ганноверъ и содѣйствовать успѣху общаго дѣла, то все же обязывалась защищать совмѣстно съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ сѣверъ Германіи отъ всякаго вторженія со стороны французовъ.

Было необходимо закрѣпить узы, связывающія насъ съ Портой, усилить Ваше вліяніе въ этой странѣ, и оградить Оттоманскую имперію отъ всѣхъ злостныхъ намѣреній французскаго правительства. Посланникъ Вашъ при константинопольскомъ Дворѣ вполнѣ достигъ этой цѣли. Въ помѣщенномъ здѣсь подъ литерой F приложеніи заключается представленная имъ нота, послѣдствіемъ которой, вопреки всѣмъ интригамъ и самымъ усиленнымъ настояніямъ французскаго правительства, явился отказъ Порты признать Бонапарта императоромъ, въ виду чего французскій посланникъ, генералъ Брунъ, долженъ былъ покинуть Константинополь.

Чтобы лишить Францію возможности вліять на православное населеніе Оттоманской имперіи, во многихъ турецкихъ областяхъ возстановили консульства. Указъ Вашего Величества относительно этого и относительно коммерческихъ сношеній приложенъ здѣсь подъ литерой G. Увѣренная въ намѣреніяхъ Вашего Величества, Порта сама выразила желаніе возобновить союзническій трактатъ съ Россіей и Великобританіей. Предложенія ея были приняты, и для вступленія въ переговоры въ Лондонъ и Константинополь были посланы соотвѣтственныя инструкціи. Договоръ этотъ заключенъ былъ въ 1805 г.

Тогда же Вашему Величеству угодно было послать значительное количество войскъ въ Корфу, какъ съ цѣлью защиты неприкосновенности Іонической республики, такъ и для того, чтобы укрѣпить этотъ пунктъ и получить такимъ образомъ возможность, въ случаѣ надобности, защитить турецкія владѣнія и придти на помощь неаполитанскому королю. Въ видѣ особенной милости Вашего Величества, плата за содержаніе этихъ войскъ, возложенная вначалѣ на Іоническую республику,

была переведена на счетъ нашей государственной казны. Іоническая республика, обязанная своимъ политическимъ существованіемъ Вашему Величеству, приняла это благодѣяніе съ величайшей благодарностью. Ваше Величество довершили это благодѣяніе, обезпечивъ своимъ отеческимъ попеченіемъ благополучіе этой страны и организовавъ правительство этого новаго государства. Конституція, данная ему Россіей совмѣстно съ Портой въ 1800 году, оказалась неудовлетворительной во многихъ отношеніяхъ, поэтому, въ виду спокойствія и блага жителей, пришлось измѣнить и смягчить нѣкоторые ея законы. Работа эта была окончена въ 1804 году. Планъ новой конституціи для Іонической республики былъ предложенъ на благоусмотрѣніе Вашего Величества; Вы изволили его одобрить, Государь, и планъ приведенъ въ исполненіе. Если бы опытъ указалъ на необходимость новыхъ измѣненій въ этой конституціи, то правительство обязалось приступить къ нимъ лишь съ дозволенія Вашего Величества и Порты.

Изъ второстепенныхъ державъ вниманіе Вашего Величества привлекла Данія. Намъ надо было заручиться расположеніемъ копенгагенскаго кабинета, и такъ какъ отъ него нельзя было ожидать особенно дѣятельнаго содѣйствія, то, по крайней мѣрѣ, необходимо было склонить его взять на себя защиту Зунда. Министерство исполнило это желаніе Вашего Величества.

Швеція также была предметомъ особаго вниманія Вашего Величества. Раздѣляя взгляды своего монарха, она одновременно съ Россіей порвала свои политическія сношенія съ французскимъ правительствомъ, чѣмъ навлекла на себя множество непріятностей, какъ со стороны Франціи, такъ и со стороны Пруссіи. Ваше Величество показали тогда все то участіе, какое Вы принимаете въ стокгольмскомъ дворѣ. Наше министерство сдѣлало по этому поводу берлинскому кабинету внушеніе, и этотъ шагъ послужилъ новымъ доказательствомъ желанія Вашего Величества уважать святость договоровъ, что

увеличило уваженіе къ Россіи и окончательно подкупило въ нашу пользу шведскаго короля.

Союзный договоръ съ королевствомъ обѣихъ Сицилій обязывалъ Россію охранять интересы этого государства. Король надѣялся при помощи этого союза оградить себя отъ бѣдствій, которыми постоянно угрожало ему ненасытное честолюбіе Бонапарта. Всѣ свои выступленія неаполитанское королевство дѣлало подъ внушеніемъ Россіи. Политика, принятая въ этомъ случаѣ кабинетомъ Вашего Величества, имѣла цѣлью убѣдить короля избѣгать при помощи всяческихъ любезностей и жертвъ возможности предъявленія къ нему новыхъ требованій Франціей, до тѣхъ поръ, пока болѣе благопріятныя условія не позволятъ его величеству королю сицилійскому обнаружить свои настоящія намѣренія. По нотѣ, переданной нашимъ кабинетомъ аккредитованному неаполитанскому посланнику въ Петербургѣ, а также и по его отвѣтной нотѣ, можно судить о совѣтахъ, которые Вы соблаговолили ему давать въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ, а также и о томъ участіи, какое Ваше Величество проявляли къ судьбѣ Вашего угнетеннаго союзника. Эти ноты приложены здѣсь подъ литерой Н.

Что же касается государствъ, находившихся подъ французскимъ владычествомъ, какъ, напримѣръ, Голландіи, то мы, по возможности, старались увѣрить ихъ, что не смѣшиваемъ ихъ съ Франціей, что сумѣемъ отличить ихъ дѣйствительныя чувства отъ тѣхъ, обнаруживать которыя они были принуждены, и что мы принимаемъ весьма живое и постоянное участіе въ ихъ судьбѣ.

Во всѣхъ своихъ обращеніяхъ къ различнымъ державамъ кабинетъ неуклонно старался убѣдить ихъ держаться въ оборонительномъ положеніи. То была единственная форма, въ которой можно было использовать ихъ для защиты Европы, ибо истощенное состояніе этихъ государствъ и ихъ страхъ передъ Бонапартомъ отымалъ надежду на возможность съ ихъ стороны принять болѣе энергичное участіе.

Тѣмъ временемъ, пока на континентѣ велись эти переговоры, съ каждымъ днемъ все болѣе выяснялась необходимость тѣснаго союза нашего съ Англіей. Опасность, грозившая турецкимъ владѣніямъ, и необходимость защитить ихъ англійскимъ флотомъ отъ нападеній Бонапарта давно уже обсуждалась нашимъ и лондонскимъ кабинетомъ. Помимо этого необходимо было убѣдить Англію, что теперешнія обстоятельства требуютъ отъ нея полнаго объединенія ея интересовъ съ интересами всей Европы; нужно было, на случай возникновенія войны, заручиться ея соучастіемъ въ видѣ субсидіи, безъ которой ни одна держава не могла обойтись, а также убѣдить ее не заключать съ Бонапартомъ отдѣльнаго мира, который отдалъ бы континентъ во власть Бонапарта. Такъ какъ въ намѣренія Вашего Величества вовсе не входило дѣлать исключенія въ пользу Великобританіи, и Вы стремились лишь защищать независимость Европы, то стало необходимымъ посвятить Сентъ-Джемскій кабинетъ въ благожелательныя намѣренія Вашего Величества и побудить его содѣйствовать имъ всѣми средствами, исключивъ всякія частныя соображенія, могущія помѣшать этому. Вы соблаговолили, Государь, возложить это трудное и важное порученіе на Новосильцова, въ настоящее время камергера и товарища министра юстиціи, который и уѣхалъ въ сентябрѣ въ Лондонъ. О результатахъ и успѣхѣ этихъ переговоровъ будетъ изложено въ отчетѣ за 1805 г.

Такимъ образомъ, Ваше Величество, оставаясь всегда вѣрнымъ принципамъ законности, безкорыстія и твердости, употребили всѣ усилія къ тому, чтобы заглушить родившееся недовѣріе между державами, возстановить между ними согласіе и единодушіе, и Россія стала, такъ сказать, средоточіемъ надеждъ и упованій всей Европы.

Теперь перехожу къ дѣламъ въ Азіи. Наибольшаго вниманія изъ нихъ заслуживаютъ дѣла Грузіи.

Дѣла въ Азіи.

Проектъ присоединенія къ Россіи Ганжійскаго ханства и царства Мингрельскаго принадлежитъ скорѣе отчету 1803 г., но такъ какъ взятіе крѣпости Ганжа имѣло мѣсто 3-го января 1804 года и извѣстіе о происшествіяхъ въ Мингреліи было получено нами въ началѣ этого же года, то я считаю себя обязаннымъ представить Вашему Императорскому Величеству краткій обзоръ всѣхъ этихъ событій, тѣмъ болѣе, что, благодаря отъѣзду государственнаго канцлера, въ отчетѣ 1803 г. о нихъ не было совершенно упомянуто.

Князь мингрельскій, Григорій Дадіановъ, притѣсняемый своимъ сосѣдомъ царемъ имеретинскимъ, обратился къ могущественному заступничеству Вашего Императорскаго Величества, прося навсегда присоединить къ Россіи его княжество. Отецъ его находился подъ покровительствомъ Россіи, а его предокъ Левъ Дадіановъ въ 1638 году присягалъ царю Михаилу Феодоровичу. Соображенія эти склонили нашъ кабинетъ согласиться на присоединеніе къ Россіи этого княжества. Въ виду этого были приняты мѣры для устройства этой страны и для защиты ея отъ набѣговъ царя имеретинскаго.

Устройство дѣлъ Мингреліи было закончено 3-го декабря 1803 г. Копія дѣла прилагается при семъ подъ литерой J.

Среди персидскихъ князей самымъ опаснымъ сосѣдомъ Грузіи былъ ганжійскій ханъ Дзиванъ. Съ момента присоединенія Грузіи, ханъ этотъ не переставалъ давать явныя доказательства своего отвращенія къ Россіи. Генералъ отъ инфантеріи князь Циціановъ не могъ привести этого хана, бывшаго вассала Грузіи, къ повиновенію мягкими мѣрами и долженъ былъ въ наказаніе за его дерзость прибѣгнуть къ побѣдоносному оружію войскъ Вашего Императорскаго Величества. 3-го января 1804 года участь этого хана была рѣшена: крѣпость Ганжа взята и названа Елизаветполь.

Царь имеретинскій въ 1803 году также обратился къ Ва-

шему Императорскому Величеству съ просьбой принять его въ русское подданство, отправивъ для этого въ Петербургъ своего посла.

Одинъ изъ его предковъ, князь Александръ, въ 1651 г., въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ вассаломъ Россіи. Послѣ полученія по Кайнарджійскому трактату независимости Имеретія и Мингрелія могли свободно распоряжаться собою; желанія же ихъ давно уже склонялись въ сторону Россіи. Согласно просьбѣ царя имеретинскаго, актомъ 25 япрѣля 1804 г. были установлены отношенія царства имеретинскаго къ Россіи. Копія этого акта прилагается при семъ подъ литерой К.

Принципы, которыми руководились въ данныхъ двухъ случаяхъ, легли въ основаніе и другихъ соглашеній съ азіатскими князьями, желавшими подчиниться Россіи. При этомъ были приняты во вниманіе мѣстныя условія, нравы жителей и законы каждой изъ областей. За основаніе этихъ соглашеній было принято признаніе верховной власти Вашего Императорскаго Величества, со всѣми правами ей принадлежащими; признаніе владѣтельныхъ правъ за существующими мѣстными государями и ихъ потомствомъ; оставленіе прежняго внутренняго управленія съ предоставленіемъ всѣхъ доходовъ въ распоряженіе мѣстныхъ государей или цѣликомъ, или же при условіи уплаты Россіи небольшой дани; введеніе русскихъ гарнизоновъ, на содержаніе которыхъ ассигновывается извѣстная сумма; предоставленіе русскимъ главнокомандующимъ права слѣдить за исполненіемъ договоровъ, а также за дѣйствіями и политикой мѣстныхъ государей.

Въ это время Сердагъ-Баба-Ханъ, такъ называемый ханъ персидскій, подступилъ съ своей арміей къ Адербейджану, угрожая границамъ Грузіи. Намѣреніе этого хана захватить Грузію и его вражда къ Россіи извѣстны съ давнихъ поръ. Чтобы предупредить врага и перенести театръ военныхъ дѣйствій на чужую землю, войска Вашего Императорскаго Величества были посланы впередъ и послѣ нѣсколькихъ схватокъ съ персами

подступили къ эриванской крѣпости. Вѣроломный ханъ эриванскій, страшась наказанія за невыполненіе воли Вашего Императорскаго Величества относительно дѣла съ армянскими патріархами, въ началѣ этого года, предложилъ генералу отъ инфантеріи князю Циціанову сдать ему крѣпость, но слова своего не сдержалъ. Послѣ шестинедѣльной осады русскія войска, которымъ съ большимъ трудомъ приходилось добывать себѣ провіантъ, возвратились въ Грузію. Впрочемъ, походъ этотъ не остался безрезультатнымъ: нападеніе на границы Грузіи было отражено, попытки Бабы-Хана потерпѣли неудачу и успѣхи нашего оружія навели ужасъ на враговъ.

Въ это время Баба-Ханъ успѣлъ возбудить нѣсколько горныхъ племенъ съ цѣлью разорить Грузію, но возвращеніе князя Циціанова разрушило и этотъ его планъ. Опытъ показалъ, что любовь горцевъ къ независимости, ихъ бѣдность и дикій нравъ требовали совершенно особой системы управленія этимъ народомъ. Министерство не оставило безъ вниманія этотъ вопросъ въ своихъ сношеніяхъ съ главнокомандующимъ Кавказской линіи. Чтобы прекратить злоупотребленія, къ которымъ прибѣгали кабардинцы, предложены были нѣкоторые проекты относительно предоставленія разныхъ выгодъ жителямъ этой области, съ цѣлью тѣснѣе привязать ихъ къ Россіи. Предполагалось смягчить ихъ законы, упрочить благосостояніе и внушить имъ любовь къ порядку и правосудію. Но, благодаря войнѣ, планы эти не могли быть выполнены во всемъ ихъ объемѣ.

Какъ бы ни казался, въ общемъ, сомнителенъ успѣхъ эриванской кампаніи, она все же дала чрезвычайно благопріятные результаты. Владѣльцы сосѣднихъ съ Грузіей земель, признавъ необходимость для себя покровительства Россіи, стали искать его. Принять русское подданство и стать вассальными сосѣдями Россіи изъявили согласіе между прочими также и ханъ карабагскій Ибрагимъ и ханъ шекинскій Селимъ. Такъ какъ просьбы ихъ были удовлетворены въ 1805 году, то событіе это войдетъ въ отчетъ этого года.

Дѣла Оренбургской линіи въ 1804 году носили менѣе важный характеръ, но были чрезвычайно сложны.

Духъ грабежей, охватившій недавно маленькую Кайсакскую орду, находящуюся подъ владычествомъ Вашего Императорскаго Величества, увеличилъ волненія и прибавилъ хлопотъ. Въ 1803 году дерзость нѣкоторыхъ членовъ этой орды дошла до того, что они осмѣлились напасть на русскій караванъ, отправлявшійся въ Бухару, и взяли въ плѣнъ двухъ русскихъ чиновниковъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ не замедлило принять нужныя мѣры для раскрытія главныхъ зачинщиковъ этихъ смутъ и для выясненія причинъ, вызвавшихъ эти грабежи. Разслѣдованіе обнаружило, что причиной этихъ безпорядковъ являлась чрезвычайная безхарактерность главаря орды Айчувакъ-хана, не позволявшая ему строго наказывать виновныхъ. Ханъ этотъ не могъ усмирить непокорныхъ, но, благодаря усиліямъ администраціи Оренбургской губерніи, удалось въ 1805 году добиться освобожденія захваченныхъ доктора Большого и поручика Гавердовскаго.

Послѣ многихъ безплодныхъ попытокъ сдержать киргизовъ, князь Волконскій, военный губернаторъ Оренбурга, представилъ на утвержденіе Вашего Императорскаго Величества новый планъ дѣйствій, многіе пункты котораго приведены были въ исполненіе въ 1805 году. Туркмены, населяющіе восточный берегъ Каспійскаго моря и области сосѣднія съ Хивой и Бухарой, держали себя въ прошломъ году спокойно и были прекрасно настроены по отношенію къ Россіи.

Во время преслѣдованія лицъ, обвинявшихся въ изготовленіи фальшивыхъ ассигнацій, и укрывшихся въ земляхъ ханства Бухарскаго, ханство проявило къ нашему двору дружеское расположеніе. Что же касается до попытокъ бухарскаго хана относительно Ташкента, Туркестана и кочевыхъ племенъ караманскихъ, то онѣ не затрагиваютъ политическихъ интересовъ Россіи, въ виду отдаленности этихъ мѣстъ. Необходимо только замѣтить, что Бухара пріобрѣла большое значеніе среди ко-

чевыхъ племенъ, обитающихъ по берегамъ Аральскаго озера, вдоль рѣки Сыръ-Дарья, и имѣетъ большое вліяніе на Хиву. Обстоятельство это заслуживаетъ нѣкотораго вниманія.

Съ другой стороны, набѣги киргизовъ на окрестности Эмбы и на другія части нашихъ границъ можно считать только лишь проявленіемъ дикаго и неукротимаго характера этого народа.

Въ виду привычки къ этимъ ежегодно повторяющимся грабежамъ, на нихъ больше не обращаютъ вниманія, въ особенности, благодаря выгодамъ, получаемымъ отъ торговли съ киргизами. Прилагаются старанія лишь къ тому, чтобы защищаться отъ ихъ набѣговъ и, по возможности, не допускать ихъ повторенія.

Поддержаніе согласія съ Китайской имперіей съ давнихъ поръ было предметомъ заботъ русскаго Двора. Китайское правительство, также находившее для себя чрезвычайно выгоднымъ союзъ съ Россіей, всегда поддерживало въ сношеніяхъ съ нами добро-сосѣдскія отношенія. Но нѣкоторые случаи и недоразумѣнія, имѣвшія мѣсто на русско-китайскихъ границахъ, мало-по-малу испортили эти отношенія и привели къ охлажденію между обоими имперіями.

Продленію такого положенія вещей въ большой мѣрѣ способствовали свойственные этому народу недовѣрчивость и старинные обычаи, къ которымъ китайцы относятся какъ къ чему-то святому.

Ваше Императорское Величество остановили свое вниманіе на этой самой богатой и просвѣщенной изъ азіатскихъ имперій и нашли нужнымъ укрѣпить дружескія съ ней узы, не возобновлявшіяся съ давнихъ поръ, такъ какъ съ 1726 года, т. е. со времени посылки въ Пекинъ графа Владислава Рогузинскаго, Россія болѣе не назначала посольства въ Китай, а послѣдняя китайская миссія въ Россію была прислана въ 1732 году.

На основаніи сдѣланнаго министромъ коммерціи представленія о посылкѣ морской экспедиціи, Ваше Императорское

Величество изволили согласиться на предложеніе послать въ Пекинъ посольскую миссію, съ цѣлью возобновить съ Китаемъ торговыя сношенія и извѣстить китайскаго императора о восшествіи на престолъ Вашего Величества.

Дружественное письмо китайскаго императора, полученное въ іюнѣ 1804 года, въ отвѣтъ на предложеніе русскаго Двора, побудило министерство сдѣлать приготовленія для посылки въ Китай посольства, которое должно было быть блестящимъ во всѣхъ отношеніяхъ.

На основаніи этого департаментъ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ китайскому высшему правительству, что въ виду приготовленій, связанныхъ съ посылкой столь важнаго посольства, отъѣздъ его откладывался до слѣдующаго, 1805 года. Узнавъ объ окончательномъ назначеніи срока прибытія на свои границы русскаго посольства, китайское правительство стало также, съ своей стороны, готовиться къ его принятію и безпрестанно явно доказывало свое дружеское расположеніе къ Россіи, выражая даже нетерпѣливое желаніе скорѣйшаго пріѣзда нашего посольства.

Въ такомъ состояніи находились политическія отношенія Россіи съ азіатскими державами къ концу 1804 года.

Чтобы закончить этотъ обзоръ нашихъ дѣлъ съ Азіей, я думаю, что долженъ обратить вниманіе Вашего Величества на то обстоятельство, что на всемъ протяженіи нашихъ границъ въ Азіи въ нашихъ дѣйствіяхъ нѣтъ, можно сказать, единства, нѣтъ той послѣдовательности, которыя необходимы для хода дѣлъ и которыя безусловно принесли бы намъ большія выгоды, если бы у насъ былъ болѣе совершенный планъ дѣйствій. Но чтобы имѣть возможность составить подобный планъ, надо собрать самыя точныя и вѣрныя свѣдѣнія относительно многихъ кочевыхъ и горныхъ народовъ Азіи; министерство иностранныхъ дѣлъ и старалось, по возможности, выполнить эту задачу.

Денежныя дѣла.

Министръ иностранныхъ дѣлъ употребилъ всѣ усилія, чтобы бережно расходовать суммы, оставшіяся въ его распоряженіи, такъ же какъ и поступавшія въ его кассу. Ниже, въ прилагаемомъ здѣсь подъ лит. L отчетѣ, подробно исчислено количество, назначеніе и употребленіе всѣхъ суммъ, предоставленныхъ въ распоряженіе коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Изъ этого отчета видно, что къ первому января 1804 года остатокъ составлялъ 500 дукатовъ золотомъ и 144,920 руб. и 97 коп. Сумма эта была прибавлена къ доходамъ 1804 года, что составляло вмѣстѣ за этотъ годъ 500 дукатовъ золотомъ; 1,479,845 р. и $44^1/_2$ коп. Изъ этой суммы внесено въ государственный банкъ изъ процентовъ 275,000 рублей, что составляетъ съ процентами за годъ 281,888 руб. $88^1/_2$ коп. Кромѣ того, изъ наличныхъ денегъ, къ первому января 1805 года, оставался остатокъ въ 14,366 руб. $62^1/_2$ коп. Въ Константинополѣ, у посла Италинскаго, также осталось изъ суммъ, отпущенныхъ ему на непредвидѣнные расходы, 10,843 піастра 58 аспровъ. Такимъ образомъ общая сумма остатка въ 1805 году равнялась 10,843 піастрамъ 58 аспрамъ, 296,254 р. и $94^3/_4$ к.

XXIII.

Бесѣда съ Императоромъ.

12 ноября 1809 г. *)

Сегодня я былъ принятъ императоромъ, который слегка извинился, что со дня на день откладывалъ испрошенную мною аудіенцію. Я началъ съ просьбы простить меня за то, что

*) Слѣдуетъ напомнить обстоятельства, имѣющія связь съ бесѣдами, которыя здѣсь излагаются. Князь Адамъ Чарторижскій оставилъ постъ министра съ 1806 года. Въ 1807 году Наполеономъ, послѣ войны съ Пруссіей, было образовано герцогство Варшавское.

всегда вынужденъ докучать ему и говорить о людяхъ, которые страдаютъ или которые имѣютъ основанія на что-либо жаловаться,—тема не особенно пріятная для разговоровъ. Его Величество спросилъ, какое у меня было къ нему дѣло. Я сталъ говорить о секвестрѣ земель тѣхъ поляковъ, которые занимали служебныя должности въ герцогствѣ Варшавскомъ. Императоръ тотчасъ же прервалъ меня, говоря, что обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ, что онъ рѣшился на нихъ только лишь послѣ единогласно высказаннаго въ этомъ смыслѣ мнѣнія министровъ и что, къ тому же, поведеніе самихъ поляковъ принудило его прибѣгнуть къ подобной строгости; что еще недавно онъ получилъ изъ Парижа, отъ своего посланника, сообщенія о находящихся тамъ полякахъ, которые, несмотря на свою принадлежность къ подданнымъ Россіи, позволяли себѣ устраивать всякаго рода демонстраціи противъ русскаго правительства и говорили рѣчи самыя необычайныя, вполнѣ способныя вызвать правительство на суровыя мѣры по отношенію къ нимъ.

Я возразилъ на это, что въ настоящее время не имѣлъ намѣренія обсуждать вопросъ о мѣрахъ, которыя Россія сочтетъ нужнымъ предпринять въ будущемъ, но что я считаю возможнымъ замѣтить Его Величеству, что изданный недавно указъ не согласовался съ принципами строгой справедливости; что, во-первыхъ, существовалъ институтъ двойного подданства, что въ числѣ поступившихъ на иностранную службу и ли-

---

Образованіе этого герцогства побудило князя Адама все болѣе и болѣе удаляться отъ службы въ Россіи. Съ того времени онъ сохранилъ за собой мѣсто, чисто польское,—если такъ можно выразиться,—попечителя Виленскаго учебнаго округа. Мѣсто это онъ получилъ вмѣстѣ съ назначеніемъ его императоромъ Александромъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ 1809 году результатомъ войны Франціи съ Австріей было увеличеніе территоріи герцогства Варшавскаго, за счетъ галиційскихъ земель. Вскорѣ послѣ этого былъ заключенъ миръ въ Вѣнѣ.

пившихся за это своихъ имѣній были лица, принадлежащія именно къ этой категоріи и, слѣдовательно, невозможно было обвинять ихъ за то, что они, живя въ Галиціи или въ Польшѣ, поступали тамъ же на службу, что указъ будетъ имѣть обратное дѣйствіе, ибо наказывали людей, которые не были предупреждены о томъ, что они не могли совершать допущенныхъ ими поступковъ Не слѣдовало ли, прежде чѣмъ наказывать, предупредить объ этомъ, назначить для выполненія приказа срокъ и наказанія, установленныя правительствомъ, примѣнять по истеченіи этого срока? Его Величество отвѣтилъ, что онъ, дѣйствительно, имѣлъ въ виду назначить срокъ для всѣхъ поступившихъ на службу до указа. Я тѣмъ не менѣе настойчиво продолжалъ доказывать императору, поскольку подобныя наказанія являлись чрезмѣрными и даже безполезными, будучи ничѣмъ инымъ, какъ притѣсненіемъ, совершенно не достигающимъ цѣли. Я сказалъ, что въ числѣ правъ, предоставленныхъ всему русскому дворянству, была свобода поступленія на иностранную службу безъ того, чтобы его имѣнія за это подвергались конфискаціи, а если кто-либо и имѣлъ несчастье лишиться своихъ земель, то онѣ переходили къ его наслѣдникамъ. Почему же, спрашиваю я, только одни поляки составляютъ исключеніе? На это императоръ не могъ отвѣтить ничего другого, какъ только то, что бываютъ обстоятельства, когда безопасность государства требуетъ исключительныхъ дѣйствій и что, собственно, мѣра эта была вызвана поведеніемъ самихъ поляковъ. Онъ же, дѣйствуя такимъ образомъ, только сообразовался съ единогласно высказаннымъ мнѣніемъ своихъ министровъ. Я возразилъ, что отнюдь не былъ удивленъ равнодушнымъ отношеніемъ министровъ къ страданіямъ столькихъ семействъ, но что я питалъ надежду, что государь отнесется иначе и прекратитъ эти притѣсненія; что, въ концѣ концовъ, мнѣ было непонятно, въ чемъ собственно можно упрекать поляковъ, которые всѣ поголовно желали ему принадлежать и которые получили въ этомъ рѣшительный отказъ. На

минуту мы отвлеклись отъ этой темы и я старался направить нашъ разговоръ на Новосильцова и на сдѣланный на насъ обоихъ незадолго передъ этимъ доносъ. Но лишь только императоръ замѣтилъ, къ чему клонилась рѣчь, онъ тотчасъ же остановилъ меня, говоря, что это дѣло прошлаго, что я былъ замѣшанъ въ немъ лишь косвеннымъ образомъ, такъ какъ не принималъ участія въ рѣчахъ Новосильцова, столь необычайныхъ по своему содержанію, которыя онъ говорилъ въ такомъ публичномъ мѣстѣ, какъ гостиница. Дѣло шло объ одномъ обѣдѣ, на которомъ Новосильцовъ будто бы говорилъ о недавнемъ письмѣ Наполеона къ Его Величеству. Императоръ былъ чрезвычайно раздраженъ. Я защищалъ Новосильцова, какъ могъ, но все было напрасно . . . . . .
. . . . *)

Такъ какъ императоръ, казалось, не совсѣмъ понялъ, что я говорилъ ему относительно моего разногласія съ Новосильцовымъ по вопросу о письмѣ Наполеона, то я объяснилъ ему, что Новосильцовъ судилъ объ этомъ письмѣ какъ русскій и находилъ его весьма удовлетворительнымъ въ данный моментъ и разсѣивающимъ всякое безпокойство, тогда какъ я по совершенно инымъ причинамъ, и какъ полякъ, былъ этимъ письмомъ очень огорченъ. Въ отвѣтъ на это императоръ спросилъ меня, знаю ли я содержаніе депеши Шампаньи, прибавивъ при этомъ, что она была гораздо энергичнѣе письма. Я возразилъ, что депеши этой не читалъ, но слышалъ о ней и что меня могло только огорчить, что императоръ сдѣлался теперь главнымъ врагомъ и гонителемъ польской націи и даже самаго ея названія; что Польшу покинули и разбили всѣ ея надежды исключительно въ угоду ему, и что его враждебность къ ней доходила до желанія вычеркнуть изъ исторіи даже самое названіе „Польша“.

Въ началѣ императоръ оправдывался, говоря, что не его

---

*) Точки въ оригиналѣ.

слѣдуетъ обвинять въ этомъ; его личныя чувства не измѣнились; они мнѣ были давно извѣстны; къ такого рода дѣйствіямъ его принуждаютъ обязанности, налагаемыя на него его положеніемъ, и кто бы ни стоялъ во главѣ Россійскаго государства, всякій поступилъ бы такъ же. Я отвѣтилъ, что въ этомъ отношеніи не могу отдѣлить человѣка отъ императора, онъ самъ, вѣдь, признавалъ, что возстановленіе Польши не только не причинило бы никакого ущерба интересамъ Россіи, а наоборотъ, соединеніе обѣихъ коронъ во главѣ Его Величества послужило бы только лишь къ большей выгодѣ Россіи. Императоръ возразилъ мнѣ, что присоединенія Польши онъ желалъ, но такъ какъ осуществленіе этого плана являлось невозможнымъ, то образъ дѣйствій пришлось измѣнить. Я отвѣтилъ, что подобное разсужденіе было для меня совершенно непонятно, такъ какъ, если какое-либо предпріятіе считаютъ само по себѣ полезнымъ, то соглашаются на него не для того, чтобы черезъ минуту уже отказаться отъ своей мысли, а наоборотъ, чтобы подготовить къ тому путь и, поскольку возможно, стать во главѣ обстоятельствъ; что я больше и не добивался бы, если бы Россіи не представлялось уже удобныхъ для осуществленія этой идеи случаевъ. Въ виду же того, что случаи эти упущены, теперь дѣло было въ томъ, чтобы выждать новыхъ, еще болѣе благопріятныхъ, лучше подготовить все къ будущему и не портить его; первое же, что слѣдовало бы—это не разорять народъ и не озлоблять его своими жестокостями. Опустивъ глаза и не окончивъ фразу, Императоръ отвѣтилъ: „Если бы можно было, по крайней мѣрѣ, ожидать со стороны поляковъ какого-либо раскаянія и быть увѣреннымъ, что они не всегда будутъ такъ вести себя“...

Я возразилъ, что не знаю, что было сдѣлано для пріобрѣтенія расположенія поляковъ; надо быть справедливымъ, и я обращаюсь къ Его Величеству, чтобы онъ самъ сказалъ, сколько выстрадала эта страна. Было ли что-либо болѣе воз-

мутительное, чѣмъ поведеніе трехъ державъ по отношенію къ Польшѣ! И можно ли удивляться, что мысль видѣть возстановленіе своей родины зажигаетъ сердца поляковъ и объединяетъ ихъ? Теперь питаютъ надежду, что заключеніе мира уменьшитъ этотъ энтузіазмъ. Что касается меня, то я думаю объ этомъ иначе, и торжество, съ которымъ здѣсь было объявлено объ отнятіи у поляковъ всякой надежды, кажется мнѣ способнымъ скорѣе послужить на пользу Наполеону, чѣмъ во вредъ, такъ какъ, благодаря этому, все, что есть въ подобномъ образѣ дѣйствій позорнаго, падетъ всецѣло на русскаго императора. Никто болѣе не будетъ сомнѣваться, что только по настоянію Вашего Величества и во избѣжаніе войны съ Россіей, Наполеонъ уступилъ въ вопросѣ, бывшемъ всегда предметомъ его заботъ, отъ котораго онъ никогда бы не отказался при другихъ обстоятельствахъ. Подобное съ ихъ стороны убѣжденіе только еще болѣе ожесточитъ сердца поляковъ. Суровыя мѣры, которыми ихъ преслѣдуютъ, завершатъ дѣло; онѣ озлобятъ поляковъ болѣе всего еще и потому, что исходятъ отъ имени того самаго Монарха, въ руки котораго они согласны были отдаться. Съ своей стороны, Наполеонъ не будетъ бездѣйствовать и въ то время, какъ здѣсь открываютъ ротъ лишь для того, чтобы изрекать гоненія, онъ всяческими обѣщаніями и лестью постарается загладить въ полякахъ то чувство недовольства, которое на мгновеніе могло у нихъ народиться противъ него.

Не надо воображать себѣ, продолжалъ я, что онъ всѣмъ говоритъ одно и то же. Императоръ знаетъ лучше, чѣмъ кто-либо, какъ ловко Наполеонъ можетъ говорить самыя противорѣчивыя слова. Онъ лучше всего доказываетъ это въ настоящій моментъ, намѣреваясь, какъ говорятъ, послать въ Испанію польскія войска. Если онъ заставитъ поляковъ двинуться туда, онъ сумѣетъ наговорить имъ, что это послѣдняя услуга, которую онъ отъ нихъ требуетъ, что для нихъ это случай закончить свое военное образованіе, что послѣ этого

имъ больше ничто не помѣшаетъ привести въ исполненіе свои желанія, что только необходимость парализовала до сихъ поръ его дѣйствія, что причиной всему только Россія,—этотъ вѣчвый врагъ Польши. Такими-то рѣчами разрушитъ онъ дурное впечатлѣніе своего поведенія, и его словамъ повѣрятъ, потому что они будутъ поддерживать надежду народа, потому что другой стороной не только не предпринимается ничего, чтобы подорвать производимое его словами впечатлѣніе, но, наоборотъ, дѣлается все, чтобы придать имъ вѣсъ. Императоръ сталъ возражать, начавъ съ напоминанія о выраженныхъ имъ мнѣ чувствахъ по поводу поведенія трехъ державъ въ отношеніи Польши. По его мнѣнію, всѣ бѣды Европы начались съ этого момента, но исправить этого уже нельзя; онъ не видитъ никакой возможности выполнить свой планъ относительно Польши, нѣкогда занимавшій его; единственно, что онъ считаетъ возможнымъ, это созданіе особаго управленія въ польскихъ провинціяхъ, принадлежащихъ Россіи, но что и на это можно еще многое возразить, а, главное, что планъ этотъ встрѣтитъ большое противодѣйствіе со стороны русскихъ. Я отвѣтилъ императору, что нисколько не забылъ выраженныхъ имъ мнѣ на счетъ Польши чувствъ, что либеральность его воззрѣній—онъ это помнитъ—и была главной причиной дружеской связи, которой онъ меня удостоилъ, что относительно затрудненій, о которыхъ онъ только что говорилъ, я не въ состояніи судить, что я совершенно не знаю, былъ ли когда-либо между нимъ и Наполеономъ разговоръ объ этомъ планѣ. Возможность сопротивленія со стороны Наполеона, сказалъ я, представляется мнѣ единственнымъ затрудненіемъ, которое можетъ встрѣтиться, и поэтому мнѣ особенно любопытно знать, затрагивалъ ли когда-либо императоръ, въ своихъ многочисленныхъ бесѣдахъ съ Наполеономъ, этотъ вопросъ. Только по отвѣту Наполеона и можно было бы судить о его мнѣніи на этотъ счетъ.

Императоръ отвѣтилъ мнѣ довольно неопредѣленно, что

въ послѣднее время, во время войны Наполеона съ Австріей, подымался вопросъ обо всемъ этомъ, но тотчасъ же, спохватившись, добавилъ, что Наполеонъ никогда не согласится на нѣчто подобное, потому что его единственной мыслью было навсегда сохранить за собой вліяніе на поляковъ, властвовать надъ ними и пользоваться ими для своихъ цѣлей.

Что же касается, добавилъ я, дарованія польскимъ провинціямъ, принадлежащимъ въ настоящее время Россіи, конституціи и самоуправленія, я, право, не знаю, что на это сказать. Конечно, идея это сама по себѣ хороша, но она, весьма возможно, встрѣтитъ протестъ со стороны русскихъ, еще большій, чѣмъ планъ возсоединенія Польши въ полномъ составѣ. Что касается меня, то я, что бы тамъ ни говорили и какимъ бы ни казалось положеніе вещей въ данное время, остаюсь при своемъ мнѣніи. Я вѣрю, и Его Величество вспомнитъ это когда-нибудь, что къ этому средству придется прибѣгнуть, ибо въ немъ заключается безопасность Россіи, но я весьма опасаюсь, что когда убѣдятся въ этомъ, будетъ уже слишкомъ поздно. Императоръ ограничился отвѣтомъ, что, конечно, въ случаѣ войны съ Франціей, было бы кстати объявить себя королемъ польскимъ, чтобы привлечь на свою сторону умы. На это я возразилъ, что тогда-то ужъ будетъ слишкомъ поздно, и видя, что разговоръ черезчуръ уже затянулся, не хотѣлъ продолжать его болѣе.

XXIV.

Бесѣда съ Императоромъ.

26 декабря 1809 года.

Я написалъ императору, прося его удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ, предупредивъ его при этомъ, что мнѣ желательно было бы поговорить съ нимъ о продолженіи моего отпуска,

приходившаго уже къ концу. Нѣсколько дней спустя, послѣ обѣда у императрицы-матери, императоръ подошелъ ко мнѣ сказавъ, что также хотѣлъ со мной поговорить, и велѣлъ придти къ нему на слѣдующій день. Изъ этого я заключилъ, что разговоръ, вѣроятно, будетъ идти о проектируемыхъ въ организаціи Совѣта перемѣнахъ, о которыхъ говорили и при Дворѣ и въ городѣ.

Не будучи въ курсѣ плановъ государя и не зная, что бы такое онъ могъ мнѣ предложить, я немного волновался, такъ какъ не особенно пріятно идти выслушивать предложенія Монарха тогда, когда имѣешь всяческія основанія отклонять ихъ.

На слѣдующій день я отправился во дворецъ; меня провели къ Его Величеству послѣ довольно долгаго ожиданія. Императоръ тотчасъ же спросилъ о моемъ дѣлѣ къ нему. Я заговорилъ сначала о другихъ различныхъ дѣлахъ, а затѣмъ перешелъ къ просьбѣ не отказать продлить мой отпускъ. Императоръ возразилъ, что предполагалъ, что я останусь въ Петербургѣ дольше, и думалъ, что, быть можетъ, я соглашусь заняться работой болѣе активной. Затѣмъ онъ сталъ говорить мнѣ, что Совѣтъ будетъ преобразованъ по новому плану, что дѣятельность его предполагается расширить, и вся его организація будетъ установлена по образцу наилучшихъ подобныхъ же учрежденій другихъ странъ, какъ напр. Англіи и Франціи; предполагалось раздѣлить Совѣтъ на четыре департамента: военный, внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, юстиціи и законовъ, и меня онъ предназначалъ въ этотъ послѣдній. Кромѣ этого учреждались „общія собранія Совѣта“ для обсужденія дѣлъ, уже разсмотрѣнныхъ въ департаментахъ; но работники ему были необходимы, главнымъ образомъ, для департаментовъ. Я отвѣтилъ Его Величеству, что чрезвычайно почтенъ выраженнымъ имъ мнѣ довѣріемъ, но что ему были извѣстны причины, заставляющія меня просить объ отпускѣ: престарѣлый возрастъ моихъ родителей, съ которыми я находился въ долгой разлукѣ, заботы о собственномъ здоровьѣ, для котораго

петербургскій климатъ былъ очень вреденъ; привычки и склонности, образовавшіяся у меня благодаря долгому удаленію отъ дѣлъ. Императоръ отвѣтилъ, что не имѣлъ намѣренія стѣснять меня и разрушать мои планы, при этомъ прибавилъ, что онъ, конечно, ожидалъ моего отъѣзда, но предполагалъ, что я отложу его до лѣта. Я отвѣтилъ, что до лѣта я хотѣлъ поѣхать на нѣкоторое время въ Вильну, гдѣ университетскія дѣла требовали моего присутствія. Тогда императоръ сказалъ, что до тѣхъ поръ Совѣтъ будетъ уже преобразованъ, и мнѣ будетъ виднѣе, какъ поступить. Такъ какъ я выразилъ боязнь, что мой отъѣздъ при подобныхъ обстоятельствахъ можетъ произвести на него непріятное впечатлѣніе, онъ успокоилъ меня, увѣряя, что не придаетъ этому значенія и что я могу продолжить свой отпускъ.

Затѣмъ Его Величество объявилъ мнѣ, что всѣ принятыя относительно поляковъ строгія мѣры будутъ отмѣнены, что это уже было рѣшено, но что онъ объявитъ это не ранѣе какъ черезъ нѣсколько недѣль; причинъ, вызвавшихъ эти мѣры, уже не существуютъ, и теперь онъ можетъ уже быть спокоенъ.

Поблагодаривъ Его Величество, я спросилъ, что могло его успокоить относительно дѣлъ Польши,—только лишь то, что сказалъ въ своей рѣчи Монталивэ, или же еще другое какое-нибудь обстоятельство, какъ напр. обязательство не мечтать больше о возстановленіи Польши *).

*) Мѣсто изъ рѣчи Монталивэ, на которое здѣсь намекается, представляетъ извлеченіе изъ „Изложенія о положеніи имперіи", представленнаго законодательному собранію 1 декабря 1809 года. Содержаніе его было слѣдующее: ..„Территорія герцогства Варшавскаго увеличена прибавленіемъ къ ней части Галиціи. Императоръ легко могъ присоединить къ герцогству и всю Галицію, но онъ не пожелалъ сдѣлать чего-либо могущаго обезпокоить его союзника, русскаго императора. Почти вся Галиція, по старому раздѣлу, осталась во власти Австріи. Его Величество никогда не имѣлъ въ виду возстановленія Польши. Сдѣланное имъ для новой Галиціи было скорѣе

Я, дѣйствительно, узналъ изъ одного разговора съ канцлеромъ, что объ этомъ между французскимъ и русскимъ кабинетами поднятъ былъ вопросъ, поэтому я замѣтилъ императору, что въ такомъ случаѣ и онъ долженъ будетъ взять на себя подобное же обязательство и тогда свяжетъ себѣ руки. Императоръ уклонился отъ отвѣта, сказавъ только, что вопросъ о томъ, на что я намекаю, не подымался.

Мнѣ казалось, что императоръ боялся дать мнѣ проникнуть въ истинное положеніе вещей, потому ли, что его могли обвинить въ этомъ, или быть можетъ недовѣріе взяло верхъ въ вопросѣ, въ которомъ, онъ зналъ, наши интересы расходились.

Послѣдовало небольшое замѣшательство, а затѣмъ разговоръ перешелъ на проектъ о преобразованіи Совѣта и на предстоящій туда выборъ лицъ. И въ этомъ случаѣ, также какъ и во многихъ другихъ, я замѣтилъ, насколько императоръ допускалъ обманывать себя доставлявшимися ему свѣдѣніями, насколько его мнѣнія о лицахъ, которымъ онъ собирался дать назначенія, мало соотвѣтствовали истинѣ.

Въ Его Величествѣ также легко можно было замѣтить желаніе расположить къ себѣ, интересъ къ общественному мнѣнію и потребность въ популярности, разбуженная недавней поѣздкой въ Москву.

Смѣясь, императоръ сказалъ мнѣ, что есть много людей, не разбирающихся въ точномъ значеніи терминовъ и потому видящихъ въ преобразованіи Совѣта якобы уже введеніе народнаго представительства, какъ будто бы возможно народное представительство, не избранное страной и назначавшееся царской властью.

Мое завѣтное желаніе, продолжалъ императоръ, добиться спокойствія во внѣшнихъ дѣлахъ, чтобы получить возможность

внушеніемъ чести, чѣмъ политическимъ соображеніемъ. Онъ не могъ не защитить отъ мести непреклоннаго монарха народъ, такъ горячо помогавшій Франціи въ ея дѣлахъ".

заняться исключительно дѣлами внутренними. То, что предпринималось въ отношенiи Совѣта, только первый шагъ къ другимъ преобразованiямъ, болѣе дѣйствительнымъ, относительно которыхъ мои взгляды ни въ чемъ не измѣнились. Я выразилъ опасенiе по поводу трудности выполненiя всего этого, но Его Величество отвѣтилъ, что время и настойчивость могутъ сильно подвинуть дѣло.

Я не знаю, хотѣлъ ли императоръ, указывая мнѣ этими словами на свою вѣрность прежнимъ воззрѣнiямъ, по поводу которыхъ мы такъ часто бесѣдовали съ нимъ, расположить меня и заставить охотнѣе отдаться тому дѣлу, которое предлагалъ, ибо часто случалось, что, говоря въ такомъ духѣ, онъ дѣлалъ это лишь съ цѣлью каждому подносить его любимое, какъ онъ думалъ, блюдо. Послѣ этого разговоръ какъ бы самъ по себѣ перешелъ на Польшу, и императоръ сталъ меня разспрашивать.

Событiя, сказалъ я Его Величеству, отбросили умы на пятнадцать лѣтъ назадъ; былъ такой перiодъ, когда обстоятельства какъ бы затянули раны отъ нанесенныхъ полякамъ ударовъ и произведенное ими впечатлѣнiе словно немного ослабѣло. Одно мгновенiе надежда на возстановленiе ихъ родины представилась имъ менѣе осуществимой, а ихъ настоящее положенiе болѣе неизбѣжнымъ. Но теперь словно вновь открылась, благодаря какому-то несчастному случаю, наполовину зажившая было рана. Говорятъ, что надежды поляковъ уменьшились послѣ заключенiя послѣдняго мира съ Австрiей, въ виду поведенiя французовъ и послѣднихъ писемъ и депешъ Наполеона, ставшихъ извѣстными обществу. Если бы это было и такъ, въ чемъ я сомнѣваюсь, настроенiе поляковъ все равно стало бы такимъ, какимъ было пятнадцать лѣтъ назадъ. Существованiе герцогства Варшавскаго, значительно увеличеннаго съ послѣдней войной, способствуетъ сохраненiю патрiотическихъ чувствъ. Оно, какъ призракъ старой Польши, стоитъ передъ всѣми, кто считаетъ эту растер-

занную страну своимъ настоящимъ отечествомъ, все равно какъ если бы къ намъ явилась тѣнь дорогого существа, послѣ его смерти, и увѣряла насъ, что скоро вернется и оно само.

„Ваше Величество, продолжалъ я, не должны поэтому удивляться чувству, встрѣчаемому Вами у всѣхъ поляковъ. Я говорю съ Вами не какъ съ государемъ, я прошу Васъ не быть имъ для меня въ настоящую минуту, а быть тѣмъ, кто привязалъ меня къ себѣ съ первой же встрѣчи. Ваше Величество помните, вѣроятно, съ какими чувствами я пріѣхалъ сюда. Вы были такъ милостивы, что одобрили ихъ; Вы могли убѣдиться, что я съ тѣхъ поръ не перемѣнился. По возвращеніи изъ Италіи я, какъ Ваше Величество можете это вспомнить, не имѣлъ ни малѣйшаго помысла поступить на службу, и когда вы пожелали этого, я долго отказывался, и главной причиной моего отказа было мое происхожденіе: какъ полякъ, я могъ попасть въ чрезвычайно трудное и щекотливое положеніе. Я предчувствовалъ возможность такого стеченія обстоятельствъ, когда интересы моей службы станутъ противоположны интересамъ моей родины. Ваше Величество отвѣтили мнѣ, что въ настоящую минуту ничего подобнаго не предвидится, но что если бы это случилось, то все будетъ извѣстно заранѣе, и я буду имѣть право поступить такъ, какъ найду для себя болѣе подходящимъ. Теперь я не скрываю отъ Вашего Величества, что впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ моихъ соотечественниковъ различными обстоятельствами, а также возникновеніемъ герцогства Варшавскаго, не могло не коснуться и меня. Я не могу не принять самаго живѣйшаго участія въ дѣлахъ моей родины. По моему, продолжалъ я, человѣкъ, не питающій привязанности къ своему отечеству — презрѣнный человѣкъ. Отрекаться отъ религіи, отъ родителей или отъ родины — въ моихъ глазахъ одинаково гнусно. Чувства эти во мнѣ врождены, воспитаніе еще больше укрѣпило ихъ, и они останутся во мнѣ навсегда неизмѣнными. Болѣе того, въ этой новой странѣ живутъ мой братъ, мои сестры, вся моя семья и я

откровенно скажу Вашему Величеству, что въ этомъ одна изъ причинъ, заставляющихъ меня не желать брать на себя здѣсь какое бы то ни было дѣло. Мнѣ недостаточно быть чистымъ, прямымъ и честнымъ въ моихъ поступкахъ, я хочу быть таковымъ и въ моихъ чувствахъ, даже въ моихъ помыслахъ. Я счастливъ поэтому, что могъ говорить съ Вашимъ Величествомъ и объясниться вполнѣ откровенно. Для меня главное— сохранить уваженіе къ самому себѣ, во-вторыхъ, сохранить къ себѣ уваженіе тѣхъ, кого я привыкъ любить и почитать. Я охотно соглашаюсь, если дѣло дойдетъ до этого, чтобы Вы, Ваше Величество, конфисковали мое имущество, а меня разстрѣляли. Мнѣ это будетъ вполнѣ безразлично, лишь бы Ваше Величество, давая этотъ приказъ, отдали мнѣ должную дань справедливости и думали бы, что все же я былъ человѣкомъ порядочнымъ, всегда говорившимъ Вамъ правду и никогда асъ ни въ чемъ не обманувшимъ“.

Мои слова, повидимому, произвели на императора хорошее впечатлѣніе; онъ отвѣтилъ, что всегда цѣнилъ меня и отдавалъ мнѣ должную справедливость, что и теперь онъ цѣнитъ все, только что сказанное мною, и мнѣ дѣлаетъ честь, что я говорю съ нимъ именно въ такомъ духѣ. Минуту онъ оставался погруженнымъ въ размышленіе, но затѣмъ вдругъ, словно пробудившись, сказалъ: „Нѣтъ другого способа все это устроить, какъ выполнить нашъ старый планъ—дать конституцію и самостоятельное существованіе царству польскому, взявъ на себя титулъ короля польскаго. Надо подождать, пока Австрія не сдѣлаетъ какой-нибудь глупости, которая вызоветъ новый ея разрывъ съ Франціей; тогда можно будетъ найти средство столковаться съ Наполеономъ и дать вознагражденіе королю саксонскому“. Затѣмъ онъ прибавилъ, что тѣмъ временемъ хорошо было бы начать дѣйствовать въ этомъ духѣ по отношенію къ польскимъ провинціямъ, принадлежащимъ теперь Россіи, и назваться великимъ герцогомъ литовскимъ, но что, имѣя столь искуснаго противника, какъ Наполеонъ, онъ

боится возбудить его подозрѣнія и этимъ заставить его перехватить эту мысль у Россіи; что въ виду необычайной ловкости этого человѣка, можно подвергнуться риску остаться со своими планами позади.

Такъ какъ разговоръ объ этомъ продолжался, то я спросилъ у Его Величества, не случалось ли ему затрагивать эту струну при его частыхъ бесѣдахъ съ Наполеономъ? Я часто ставилъ этотъ вопросъ, чтобы разобраться въ доходившихъ до меня разныхъ слухахъ. Обыкновенно императоръ всегда уклонялся отъ опредѣленнаго отвѣта, но въ этотъ разъ сказалъ мнѣ очень ясно, что такого разговора между нимъ и Наполеономъ никогда не было; что при свиданіи въ Тильзитѣ Наполеонъ весьма легкомысленно отнесся къ польскому вопросу, въ Эрфуртѣ же и заниматься Польшей не было времени, такъ какъ и безъ того было слишкомъ много дѣла. Я выразилъ Его Величеству сожалѣніе, что ему не представилось случая позондировать взглядъ Наполеона на подобный вопросъ, и сказалъ, что въ концѣ концовъ не могу не удивляться искусству, съ какимъ Наполеонъ распространялъ свои самыя противорѣчивыя мнѣнія и намѣренія и заставлялъ имъ вѣрить. Ибо достовѣрно то, что и высказываясь о Польшѣ такъ, какъ передавалъ мнѣ только что Его Величество, и посылая депеши, и произнося рѣчи, способныя возмутить и привести въ отчаяніе поляковъ, онъ тѣмъ не менѣе сумѣлъ распространить среди насъ убѣжденіе, что онъ не только принималъ къ сердцу интересы Польши, но чувствовалъ даже особую привязанность къ нашему народу. И въ то время, какъ въ немъ отрицали присутствіе какого бы то ни было чувства доброжелательности къ другимъ, считая его способнымъ воспринимать лишь то, что могло служить его честолюбивымъ замысламъ, онъ сумѣлъ, несмотря на это, убѣдить поляковъ, что любитъ ихъ, желаетъ имъ добра, что только лишь въ нихъ видитъ своихъ истинныхъ друзей.

Чтобы пробудить энтузіазмъ поляковъ, ему стоитъ только

напечатать въ газетахъ какую-нибудь статью и послать въ Варшаву одного изъ своихъ адъютантовъ,—поляка, который, передастъ польскому обществу, будучи вездѣ принятъ, нѣкоторыя слова Наполеона, поразскажетъ какіе-нибудь анекдоты, подбодряющіе патріотизмъ поляковъ. Этимъ будутъ жить въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; затѣмъ, когда понадобится вновь поднять настроеніе умовъ, онъ пришлетъ новаго гонца.

Его Величество, какъ бы въ довершеніе доказательствъ, прервалъ меня слѣдующими словами: „Ахъ, что вы мнѣ говорите! Всего этого еще очень мало; мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ то время, когда Монталивэ произносилъ продиктованную ему Наполеономъ рѣчь, самъ Наполеонъ вашимъ соотечественникамъ говорилъ совершенно обратное, стараясь уничтожить то дурное впечатлѣніе, которое должна была произвести на нихъ извѣстная часть этой рѣчи, и всяческими обѣщаніями и объясненіями возродить ихъ надежды“.

Въ разговорѣ Его Величество сказалъ, что Наполеонъ—это человѣкъ, для котораго всѣ средства хороши, лишь бы они вели къ цѣли.

Такъ какъ въ Петербургѣ съ нѣкотораго времени стали говорить о грозящемъ будто бы Наполеону умственномъ разстройствѣ и о томъ, будто онъ подверженъ эпилептическимъ припадкамъ, то я спросилъ объ этомъ императора. Но онъ отвѣтилъ: „Никогда Наполеонъ не сойдетъ съ ума, этого быть не можетъ, и тѣ, кто этому вѣритъ, совершенно его не знаютъ. Это человѣкъ, у котораго въ минуту самыхъ ужасныхъ волненій, голова остается холодной и спокойной. Всѣ его вспышки отзываются только на другихъ и чаще всего бываютъ разсчитаны. Ничего онъ не дѣлаетъ не предусмотрѣвъ, не взвѣсивъ заранѣе, и даже тѣ его поступки, которые казались наиболѣе отважными или совершонными въ припадкѣ крайней ярости, и тѣ также всегда были продуктомъ холоднаго разсудка. Любимая его поговорка—что во всемъ прежде всего нужна система; что ничего не существуетъ такого, чего нельзя

было бы добиться, если находятъ настоящій способъ дѣйствій; что разъ это найдено, остальное уже ничто; и наоборотъ— какъ бы ни было просто дѣло, не надо его начинать, если не найденъ способъ дѣйствій, ибо тогда все будетъ испорчено. Что же касается его здоровья, то все, что разсказываютъ—это сказки. Никто не обладаетъ лучшимъ здоровьемъ; онъ никогда не бываетъ боленъ, и единственный недугъ, которымъ онъ страдаетъ и отъ котораго лѣчится это—чесотка. Никто лучше его не переноситъ трудъ, усталость, и единственно, что для него необходимо—это сонъ, хоть онъ и можетъ спать не въ опредѣленные часы, а лишь бы только ему удавалось поспать часовъ восемь въ сутки. Онъ не краснорѣчивъ, плохо и говоритъ и пишетъ. Я слыхалъ какъ онъ диктовалъ письма — несвязно, отрывистыми, некрасивыми выраженіями"...

Его Величество разсказалъ мнѣ о разводѣ Наполеона и объ испанскихъ дѣлахъ. Послѣднія, по его мнѣнію, были хорошимъ урокомъ для Наполеона, но что онъ въ концѣ концовъ и изъ нихъ выпутается. По поводу же развода онъ замѣтилъ, съ какимъ талантомъ Франція умѣетъ придать всему наиболѣе подходящую форму и наиболѣе соотвѣтствующее направленіе.

Раздумывая по поводу всего этого разговора, я пришелъ къ заключенію, что императоръ еще и теперь сохранилъ ко мнѣ нѣкоторую благосклонность, но безъ особаго желанія удержать меня подлѣ себя. То, что я ему говорилъ, не вызвало въ отвѣтъ, съ его стороны, особенно искреннихъ изліяній; онъ кажется всегда скрытнымъ и раздраженнымъ. Мнѣ думается, что помимо всякихъ особыхъ обстоятельствъ, могущихъ ставить его въ затруднительное положеніе по отношенію ко мнѣ, подобное настроеніе стало у него въ настоящее время постояннымъ. Я сомнѣваюсь, чтобы теперь онъ могъ еще когда-либо отдаться какому-нибудь сильному чувству, въ чемъ, онъ по натурѣ, не имѣетъ потребности.

Относительно Наполеона ясно, что Александръ знаетъ его

лучше, чѣмъ кто бы то ни было; онъ увѣренъ, что на него ни въ чемъ совершенно нельзя полагаться. Ясно также, что Наполеонъ сохранилъ замѣтное на него вліяніе, и что Александръ его очень боится. Императоръ пріучилъ своихъ приближенныхъ во всѣхъ его рѣшеніяхъ доискиваться совершенно иныхъ причинъ, чѣмъ тѣ, на которыя онъ ссылается. Я также не могу поступить иначе, обдумывая высказанныя имъ мнѣ, въ общихъ чертахъ, его рѣшенія относительно поляковъ. Ибо мнѣ кажется весьма удивительнымъ, почему послѣ того, какъ онъ совершенно не обращалъ вниманія на мои мнѣнія, во время нашихъ предыдущихъ разговоровъ, теперь онъ вдругъ, измѣнилъ свой взглядъ; вѣдь, у него было столько же основаній быть великодушнымъ тогда, какъ и въ настоящее время. Кромѣ того, тогда я выставлялъ ему именно тѣ же мотивы, на которые онъ ссылается теперь и которые выдаетъ теперь за собственные взгляды. Поэтому у меня и является подозрѣніе, что принять относительно поляковъ смягчающія мѣры его побуждаетъ не увѣренность въ наступленіи полнаго успокоенія умовъ, а скорѣе появленіе какихъ-либо новыхъ встревожившихъ его причинъ, съ которыми, онъ думалъ, послѣ вѣнскаго мира было уже покончено. Указаніемъ для этого мнѣ послужило сорвавшееся у него по поводу рѣчи Монталивэ слово; кромѣ того, я узналъ, что французскій посланникъ, остававшійся прежде абсолютно равнодушнымъ къ тому, какъ называла Россія лицъ, поступившихъ на службу Варшавскаго герцогства, сталъ вдругъ этимъ интересоваться и объяснялся даже съ русскимъ правительствомъ, что, должно быть, было вызвано полученіемъ имъ какихъ-либо новыхъ инструкцій. Возможно также, что этотъ благопріятный поворотъ въ умѣ Александра по отношенію къ полякамъ вызванъ былъ его пребываніемъ въ Москвѣ, гдѣ онъ увидѣлъ, что общественное мнѣніе не такъ уже враждебно къ нимъ настроено, какъ ему казалось. Императора, вѣроятно, удивили переданныя ему слова стараго канцлера и графа Мор-

кова, въ особенности послѣдняго, державшагося до сихъ поръ совершенно противоположнаго мнѣнія.

Правду говоря, въ этихъ разговорахъ императора по поводу польскаго вопроса и тѣхъ выгодъ, какія Россія извлекла бы, устроивъ дѣла Польши, не было высказано ничего новаго. Въ этомъ отношеніи у Его Величества было вполнѣ сложившееся убѣжденіе. Но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ, потому что, если обстоятельства сами по себѣ не сложатся такъ, чтобы русскому правительству оставалось только дать свое согласіе, то дѣло дальше не подвинется ни на іоту. При малѣйшемъ же препятствіи самое твердое съ виду рѣшеніе будетъ отмѣнено. Что въ этомъ дѣлѣ болѣе всего затрудняетъ и дѣлаетъ его опаснымъ—это невозможность положиться на того, кто долженъ былъ бы играть въ немъ главную роль.

XXV.

Бесѣда съ Императоромъ

5 апрѣля 1810 года.

Приблизительно три недѣли назадъ Его Величество, котораго я давно уже не видѣлъ, неожиданно велѣлъ позвать меня къ себѣ. Въ разговорѣ я напомнилъ ему о нѣкоторыхъ частныхъ дѣлахъ и между прочимъ о его обѣщаніи помиловать тѣхъ поляковъ, противъ которыхъ въ польскихъ провинціяхъ были воздвигнуты гоненія. Относительно дѣлъ Его Величество оказался весьма сговорчивымъ, что же касается амнистіи, то на это онъ сказалъ мнѣ, что и это обѣщаніе также приведетъ въ исполненіе, что остановка была только за нѣкоторыми отвѣтами изъ Парижа. Послѣ этихъ словъ я сразу увидѣлъ, что онъ позвалъ меня къ себѣ съ намѣреніемъ начать опять разговоръ на тему, столько разъ уже нами обсуждавшуюся, и всегда безъ всякаго результата. Его Величество скоро пере-

велъ разговоръ на Польшу и сказалъ, что дать амнистію,— это значило вернуть въ страну людей совершенно ненадежныхъ, что онъ всегда стремился заслужить любовь польскаго народа, но что мудрено было угадать, какъ этого добиться, ибо легкомысліе поляковъ столь велико, что чтобы для нихъ ни дѣлали, на нихъ ни въ чемъ невозможно положиться. Я возразилъ, что, быть можетъ, въ этихъ словахъ и была доля правды, но что приведенное имъ основаніе не вѣрно; если поляки выражали столь мало готовности идти навстрѣчу тѣмъ авансамъ, которые дѣлало имъ русское правительство, то это проистекало вовсе не изъ легкомыслія, а наоборотъ, изъ прочности ихъ привязанности къ родинѣ и изъ желанія видѣть ее вновь объединенной. На это императоръ сталъ говорить о своемъ проектѣ объединить подъ особымъ управленіемъ принадлежащія Россіи восемь польскихъ губерній, спрашивая, что я объ этомъ думаю и можно ли положиться на ихъ жителей. Я сказалъ, что не могу тотчасъ дать на это никакого отвѣта, что мнѣ надо объ этомъ подумать, но вмѣстѣ съ тѣмъ выразилъ свое удивленіе, что Его Величество интересуютъ еще эти вопросы, въ виду переговоровъ съ Франціей о конвенціи.

Зная достовѣрно, что цѣлью этой конвенціи было окончательное разрушеніе всѣхъ польскихъ надеждъ, я спросилъ — не отказался ли Наполеонъ утвердить ее? Съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ императоръ возразилъ, что дѣло обстояло совсѣмъ не такъ, что Шампаньи включилъ въ договоръ выраженія и статьи, клонящіяся къ уничтоженію самаго названія поляковъ, но что онъ измѣнилъ эти статьи и отослалъ договоръ въ такомъ измѣненномъ видѣ опять въ Парижъ.

Я хорошо видѣлъ, что императоръ не желалъ дать мнѣ по этому поводу какихъ-либо объясненій. Онъ отпустилъ меня, спросивъ, когда я буду въ состояніи отвѣтить на его вопросъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, было не такъ легко. Съ одной стороны, чѣмъ можно было обнадежить императора въ томъ, что предлагаемыя имъ мѣры окажутся дѣйствительными? Съ другой—

сколько неудобствъ и опасностей сулило бы мнѣ участіе въ разработкѣ какихъ-либо плановъ въ этомъ направленіи! Это значило противопоставлять кумиръ кумиру и рисковать возбужденіемъ въ нашей странѣ гражданской войны. Допуская возможность поддержать эти запоздалыя слабыя попытки императора, я видѣлъ со всѣхъ сторонъ одни лишь затрудненія, препятствія и никакой надежды. Но, однако, необходимо было дать ему отвѣтъ, какъ изъ приличія, такъ и потому, что въ виду всегда сомнительнаго будущаго, нельзя было рвать нить, могущую еще, при иныхъ обстоятельствахъ, стать для насъ весьма цѣнной.

Итакъ, пропустивъ нѣсколько недѣль, я опять отправился къ императору и передалъ ему записку, въ которой высказалъ, насколько былъ въ состояніи, свои взгляды на этотъ вопросъ. Я не скрылъ отъ Его Величества, насколько мнѣ это было трудно, въ виду моей полной неосвѣдомленности о происходившемъ или готовившемся въ политическихъ кругахъ. Я сказалъ ему, что не торопился повторять свой визитъ, предполагая, что за этотъ промежутокъ времени получатся, быть можетъ, какія-либо извѣстія изъ Парижа; наконецъ, мнѣ такъ часто случалось видѣть, какъ императоръ мѣнялъ свои мнѣнія о дѣлахъ Польши, сообразно съ обстоятельствами, особенно въ мой пріѣздъ сюда послѣ заключенія мира, что меня не удивитъ, если то же случится и теперь. Императоръ возразилъ, что если и казалось, что онъ мѣнялъ свои мнѣнія, то только лишь потому, что съ дѣлами Польши онъ всегда связывалъ одну весьма важную и трудно осуществимую идею, что эта то трудность ея осуществленія всегда его и останавливала. Онъ не прибавилъ ничего опредѣленнаго относительно договора, но сказалъ, что получилъ его изъ Парижа въ измѣненной редакціи. Говоря это, онъ съ какимъ-то разсѣяннымъ видомъ развернулъ находившуюся на столѣ депешу, не зная, давать ли мнѣ ее читать или нѣтъ, и хорошо сознавая, что содержаніе ея, не имѣвшее никакой связи съ нашимъ разго-

воромъ, могло дать мнѣ лишь весьма поверхностное представленіе объ отношеніяхъ къ нему императора французовъ. Я вмѣстѣ съ нимъ пробѣгалъ глазами эту бумагу. Это была, дѣйствительно, депеша отъ Шампаньи къ Коленкуру; въ ней министръ сообщалъ посланнику, что имъ исполнено возложенное на него порученіе передать поздравленія русскаго императора Наполеону, по случаю его бракосочетанія; Наполеонъ благодарилъ своего союзника и друга за эту память и заявилъ, что въ Россію немедленно будетъ посланъ офицеръ съ возвѣщеніемъ объ этомъ событіи.

Здѣсь императоръ, какъ будто бы немного смущенный, остановился и сложилъ депешу, говоря, что она не заключаетъ въ себѣ ничего важнаго, что были другія депеши Шампаньи, содержащія повторенія его прежнихъ всяческихъ увѣреній относительно Польши, но что всѣмъ хорошо извѣстно, насколько можно вѣрить его словамъ, и что это не помѣшаетъ ему, Александру, преслѣдовать тѣ свои идеи, которыя онъ мнѣ довѣрилъ.

Тогда я началъ читать ему мою записку. Императоръ, съ первыхъ же словъ, прервалъ меня, говоря, что если онъ и хотѣлъ что-либо сдѣлать для поляковъ, то вовсе не только на случай какой-либо войны, но вообще, чтобы пріобрѣсть ихъ расположеніе. Затѣмъ онъ продолжалъ меня слушать молча, но очень внимательно. Только въ концѣ уже, въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорилось, что самое благопріятное время сдѣлать что-либо для поляковъ было пропущено, онъ заговорилъ: „Когда вы это писали, вы, вѣроятно, думали о 1805 г., о времени моего пребыванія въ Пулавахъ. Я самъ теперь вижу, что тогда это былъ удобный моментъ, быть можетъ, даже единственный. Тогда легко можно было сдѣлать то, что теперь достигнется только при помощи величайшихъ усилій. Но не надо забывать, что тогда вся прусская армія была бы выставлена противъ насъ“.

Такъ какъ императоръ нѣсколько разъ въ продолженіе

разговора признавалъ сдѣланную имъ ошибку, мнѣ не было болѣе надобности настаивать на этомъ. Я ограничился только замѣчаніемъ, что вторымъ столь же удобнымъ случаемъ являлась война съ Австріей; тогда Россія легко могла потребовать возстановленія Польши. „Это окончательно погубило бы Австрію“, отвѣтилъ императоръ. Но, однако, добавилъ я, тогдашнее поведеніе русскихъ было самымъ неудачнымъ, такъ какъ отнюдь не спасло Австрію, которую бросили на произволъ Наполеона, а между тѣмъ вызвало и его неудовольствіе и не дало Россіи никакой серьезной выгоды. Окончивъ читать свою записку, я извинился еще разъ, что не могъ высказать мнѣнія болѣе яснаго и опредѣленнаго, не могъ сказать въ настоящій моментъ большаго, потому что совершенно не былъ освѣдомленъ о томъ, что происходило въ польскихъ провинціяхъ, совершенно не зналъ преобладающаго тамъ настроенія. Только на мѣстѣ можно было бы выяснить себѣ, какой пріемъ встрѣтятъ русскія предложенія и какимъ образомъ удалось бы подавить всемогущее вліяніе Наполеона. „Ну“, сказалъ императоръ, „и не будучи тамъ, не трудно знать, что думаютъ въ провинціяхъ и въ герцогствѣ; это можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ. Поляки пойдутъ даже за дьяволомъ, если онъ поведетъ ихъ къ возстановленію родины. Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я доволенъ тѣмъ, что вы написали; это поможетъ мнѣ обдумать одинъ такъ давно уже занимающій меня вопросъ. Я всячески старался осуществить мои желанія, но не пришелъ ни къ какому удовлетворительному результату. Самое трудное—это вопросъ о вознагражденіи саксонскаго короля; возможно это только лишь при условіи отобранія еще нѣкоторой части земель у этого бѣдняги короля прусскаго“. Я замѣтилъ Его Величеству, что, собственно говоря, наиболѣе труднымъ являлось получить согласіе на это Франціи, все же остальное легко бы устроилось. Императоръ отвѣтилъ, что именно въ полученіи этого согласія и заключалась вся трудность, такъ какъ Наполеонъ,

гораздо болѣе занятый мыслью сдѣлать изъ Польши орудіе своихъ цѣлей, на случай, если бы ему вздумалось воевать съ Россіей, чѣмъ желаніемъ сдѣлать добро полякамъ, заинтересованъ въ сохраненіи настоящаго положенія вещей съ тѣмъ, чтобы на случай необходимости имѣть въ рукахъ заготовленныя имъ себѣ средства.

Что же касается чувствъ населенія герцогства Варшавскаго, то императоръ признавалъ, что, въ концѣ концовъ, было вполнѣ естественно, что поляки, взвѣшивая силы обѣихъ державъ, талантъ и опытность ихъ генераловъ и войскъ, огромную вѣроятность успѣха Наполеона во всякой войнѣ, не захотѣли прибѣгнуть къ покровительству Россіи, изъ страха лишиться плодовъ своихъ многолѣтнихъ усилій. Я вполнѣ согласился съ такимъ взглядомъ. Тогда императоръ подробно изложилъ свои мысли. Онъ спросилъ меня, нельзя ли, помимо остальныхъ проектовъ, начать фиктивно войну съ герцогствомъ, при чемъ, по взаимному уговору, русскія войска могли бы занять такія позиціи, съ которыхъ, по присоединеніи къ нимъ польскихъ войскъ, могли бы противостоять французамъ; при такихъ условіяхъ всѣ желанія Польши были бы исполнены.

Трудность выполненія подобнаго проекта была слишкомъ очевидна, не говоря уже о томъ, насколько онъ былъ химериченъ; кромѣ того, дѣло все-таки сводилось къ войнѣ съ Наполеономъ съ ея чрезвычайно шаткими для насъ шансами на успѣхъ.

Высказывая всѣ эти мысли, императоръ вдругъ спросилъ меня, не достиглась ли бы желанная цѣль, если перестать препятствовать образованію польскаго королевства изъ герцогства Варшавскаго и Галиціи и предоставить жителямъ польскихъ провинцій Россіи свободно поступать туда на службу, какъ въ ихъ собственной странѣ?

Видя, что мысль эта меня весьма удивила, онъ добавилъ, что удовлетворенные такимъ образомъ поляки не будутъ имѣть никакого основанія враждебно относиться къ Россіи и

успокоятся; у Франціи же не будетъ больше повода къ войнѣ съ Россіей, такъ какъ между нею и Россіей не будетъ болѣе этого вѣчнаго яблока раздора; словомъ, это значило бы избавиться отъ болѣзни оперативнымъ путемъ вмѣсто того, чтобы разсчитывать на силу лѣкарствъ. Тонъ, какимъ императоръ говорилъ это, навелъ меня на мысль, что подобная идея была, быть можетъ, внушена ему французскимъ посланникомъ, или что, во всякомъ случаѣ, объ этомъ у нихъ былъ разговоръ, и императоръ, изъ боязни худшаго, склонялся къ согласію на это предложеніе, думая прикрыться благовидными причинами. Впрочемъ, съ моей стороны это была только догадка. Въ заключеніе императоръ сказалъ, что подумаетъ еще обо всемъ, но желаетъ, чтобы и я, съ своей стороны, искалъ нить, которая привела бы къ цѣли. Я возразилъ, что далеко не желая расхолаживать его въ его добрыхъ намѣреніяхъ, долженъ былъ признаться, что совершенно не знаю, какъ подойти къ этому вопросу; по моему мнѣнію, предлагаемыя въ моей запискѣ мѣры слѣдовало выполнить немедленно; текущій годъ въ моихъ глазахъ былъ годомъ, который долженъ составить эпоху; въ этомъ году должны разыграться важныя событія, болѣе важныя и имѣющія болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ всѣ, видѣнныя нами до сихъ поръ. Императоръ прервалъ меня и тономъ глубокой увѣренности сказалъ, что не думаетъ, что это случится уже въ этомъ году, такъ какъ Наполеонъ всецѣло занятъ вопросомъ о своемъ бракѣ; въ будущемъ же году онъ ждетъ кризиса. „Теперь у насъ апрѣль, продолжалъ онъ, значитъ это будетъ черезъ девять мѣсяцевъ“. Произнося эти слова, и вообще въ продолженіе всего этого разговора, онъ имѣлъ какой-то строгій, неподвижный взглядъ, напомнившій мнѣ то выраженіе оцѣпенѣнія въ его глазахъ, какое я видѣлъ у него во времена Аустерлица. Видъ у него былъ совершенно обезкураженный, полный отчаянья. Я замѣтилъ, что онъ былъ чрезвычайно обезпокоенъ и очень желалъ сдѣлать съ своей стороны все, чтобы тѣмъ или инымъ способомъ

устроить дѣла Польши. Нѣсколько разъ онъ какъ бы каялся передо мной, возвращаясь безъ всякаго съ моей стороны на это вызова къ той темѣ, что 1805 годъ дѣйствительно былъ наиболѣе удобенъ для выполненія его плана о Польшѣ. Не знаю, былъ ли онъ въ этомъ убѣжденъ, или же говорилъ лишь съ цѣлью успокоить меня. Итакъ, я покинулъ Его Величество въ полной неизвѣстности относительно предстоящихъ событій.

XXVI.

Князь Адамъ Чарторижскій — Императору.

Вильно, 12 января 1810 года.

Государь!

Съ пріѣзда моего въ Вильну я не переставалъ заниматься дѣлами университета и всѣмъ тѣмъ, что могло бы способствовать усовершенствованію преподаванія по всѣмъ отраслямъ наукъ.

Вашему Величеству извѣстно, что Правленіемъ Училищъ выработанъ проектъ окончательнаго выясненія вопроса о завѣдываніи капиталомъ, опредѣленнымъ на нужды университета и его округа. Проектъ этотъ представленъ уже болѣе шести мѣсяцевъ, но до сихъ поръ остается безъ движенія. Онъ переданъ уже Совѣту и находится въ департаментѣ финансовъ. Одно слово Вашего Величества можетъ положить конецъ этому дѣлу и разрѣшить его въ благопріятномъ для насъ духѣ.

Соблаговолите вспомнить, Ваше Величество, что вопросъ этотъ былъ включенъ въ число вопросовъ, могущихъ произвести здѣсь благотворное впечатлѣніе.

За время моего пребыванія здѣсь, я еще сильнѣе убѣ-

дился въ цѣлесообразности этой мѣры и въ томъ, что если надежды на удовлетвореніе этого общаго желанія будутъ обмануты, то это вызоветъ весьма дурныя послѣдствія. Капиталъ, на который содержится виленскій университетъ и школы его округа, образовался изъ прежнихъ и нынѣшнихъ пожертвованій мѣстнаго дворянства. Ваше Величество также строго опредѣлили этотъ капиталъ на тѣ же общественныя нужды. Только на основаніи подобной гарантіи и были сдѣланы еще новые вклады. Но если вышеуказанный проектъ будетъ отвергнутъ, это станетъ въ противорѣчіе съ Вашими благими намѣреніями и разрушитъ ихъ, и все дѣло народнаго образованія въ этихъ провинціяхъ и его развитіе скоро погибнетъ со всѣми связанными съ нимъ полезными учрежденіями.

Я только что получилъ отъ министра народнаго просвѣщенія письмо, въ которомъ онъ сообщаетъ, что министръ финансовъ хочетъ выплатить слѣдуемыя университету суммы ассигнаціями. Подобная мѣра, если она дѣйствительно пройдетъ, будетъ настоящимъ бѣдствіемъ, которое разоритъ всѣхъ профессоровъ и гибельно отзовется на всей провинціи. Огромное количество бумажныхъ денегъ, которыми будетъ наводненъ университетъ и городъ, значительно понизятъ ихъ теперешнюю стоимость. Остальныя деньги исчезнутъ изъ обращенія. Употребленіе ихъ и такъ въ настоящее время поддерживается почти исключительно звонкой монетой, расходуемой университетомъ.

Актъ, подписанный Вашимъ Величествомъ, утвержденные Вами статуты гарантируютъ всякому служащему въ университетѣ выплату ему жалованья звонкой монетой, а не ассигнаціями. Соотвѣтственно этому были заключены контракты съ профессорами, которые приняли предложенія имѣя въ виду именно эти условія. Бумажныя деньги здѣсь совершенно не принимаются въ уплату мелкихъ, необходимыхъ въ повседневной жизни покупокъ, и на рынкѣ можно покупать лишь только на звонкую монету. Къ тому же весьма трудно было

бы и установить на нихъ курсъ, такъ какъ онъ падалъ бы съ каждой уплатой ассигнаціями. И такъ терять станутъ постепенно, и все въ большихъ и большихъ размѣрахъ, сначала отдѣльныя лица, затѣмъ весь край, затѣмъ казна, не считая уже того, что университетъ безспорно погибнетъ, благодаря такой мѣрѣ.

И въ то время, какъ этотъ край хотятъ наводнить ассигнаціями, казна требуетъ, чтобы всѣ налоги уплачивались звонкой монетой. Откуда же ее взять? Я могу засвидѣтельствовать передъ Вашимъ Величествомъ, что есть уже помѣщики, продающіе свои земли, не будучи въ состояніи вынести налоговъ, втрое или вчетверо превышающихъ налоги въ другихъ частяхъ государства. Имѣнія многихъ другихъ собственниковъ секвестрированы за недоимки; по отношенію къ этимъ лицамъ дѣйствуютъ въ высшей степени сурово.

Всѣ налоги, включая и косвенный, какъ, напримѣръ, почтовая оплата писемъ, гербовая бумага, расходы по рекрутскому набору и другіе, взимаются, считая деньги не по курсовой ихъ стоимости, а по номинальной, что увеличиваетъ бремя налоговъ почти въ той же пропорціи, въ какой падаютъ въ курсѣ ассигнаціи и уменьшаются рессурсы. Злоупотребленія, въ особенности при рекрутскихъ наборахъ, надо полагать, для населенія весьма тяжелы. Чтобы былъ выбранъ одинъ человѣкъ, требуется привести шесть, семь, до десяти, что значительно увеличиваетъ расходы. Чиновники никого не примутъ, не получивъ большой взятки.

По имѣющимся даннымъ, сумма налоговъ превышаетъ сумму находящихся въ обращеніи въ краѣ денегъ. Достовѣрно то, что Литва въ весьма печальномъ положеніи и неотложно требуетъ, чтобы Ваше Величество обратили на нее свои отеческіе взоры.

Порядокъ взиманія налоговъ стоитъ на такомъ же уровнѣ, какъ и все остальное въ государствѣ. Что же касается народнаго образованія, то все, о чемъ я смѣю просить—это защиты

Вашего Величества противъ рѣшенія министра финансовъ, которое сведетъ къ нулю всѣ Ваши благодѣянія и данныя Вами привилегіи, а также утвержденія проекта, представленнаго Правленіемъ Училищъ.

Соблаговолите, Ваше Величество, стать защитникомъ этой страны передъ Вашимъ правительствомъ, ибо, навѣрно, никто не защититъ ея интересовъ, наоборотъ, явятся многіе, желающіе вредить ей и угнетать ее. А между тѣмъ, отъ какихъ бы принциповъ ни исходили и какія предсказанія ни дѣлали бы о будущемъ, я не думаю, чтобы совѣты Вашему Величеству, слѣдуя которымъ можно разорить страну, составляющую значительную часть Вашего государства, и отторгнуть отъ Васъ сердца ея жителей, можно было бы назвать добрымъ служеніемъ Вашему Величеству. Въ послѣднемъ разговорѣ, который я имѣлъ счастье вести съ Вашимъ Величествомъ, я забылъ сообщить Вамъ, что изъ Пулавъ мнѣ, вѣроятно, придется поѣхать въ Варшаву.

Не оставляйте меня, Ваше Величество, по-прежнему Вашими милостями и вѣрьте моей непоколебимой преданности, которую я столь давно питаю къ Особѣ Вашего Величества, и моимъ постояннымъ мольбамъ о Вашемъ счастьи.

XXVII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Пулавы, 15/27 ноября 1810 года.

Я только что получилъ извѣстіе о назначеніи Вашимъ Величествомъ комиссіи для кременецкой гимназіи. Вы легко поймете, какъ глубоко я этимъ огорченъ. Мѣра эта, повидимому, направлена противъ Чацкаго, заботами котораго было создано это заведеніе и благодаря которымъ оно процвѣтаетъ. Но для меня совершенно ясно, что въ дѣйствительности она направлена въ такой же степени и противъ меня, ибо я, какъ попечитель, долженъ вѣдать и отвѣчать за все, что дѣлается

въ моемъ округѣ. Къ тому же я постоянно поддерживалъ Чацкаго въ его дѣятельности, способствовалъ одобренію ея Вашимъ Величествомъ и всегда отдавалъ ей должное *).

Мнѣ не извѣстны тѣ лица, которыя въ своемъ доносѣ могли назвать себя волынскими дворянами, но вѣрно то, что трудно предположить, чтобы ими руководили намѣренія чистыя и любовь къ добру и правдѣ. Честность характера Чацкаго слишкомъ уже общеизвѣстна, чтобы ее могли въ какомъ бы

---

*) Графъ Өаддей Чацкій вмѣстѣ съ княземъ Адамомъ Чарторижскимъ наиболѣе способствовалъ въ то время посредствомъ распространенія народнаго образованія поддержанію и развитію національнаго чувства въ польскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ къ Россіи. Это былъ, въ то же время, извѣстный ученый, съ настоящей эрудиціей, авторъ книги, сдѣлавшейся классической, „Законы Литвы и Славоніи", являющейся сокровищемъ науки, здравой справедливой критики; ему принадлежитъ также много различныхъ другихъ работъ по исторіи, по политической экономіи, далеко выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ. Онъ родился въ 1765 г. въ одной старинной семьѣ изъ Волыни. Еще въ молодыхъ годахъ онъ былъ назначенъ польскимъ Сеймомъ финансовымъ коммиссаромъ и Новгородскимъ старостой; въ 1788 году онъ вмѣстѣ съ Мостовскимъ, Коллонтаемъ, Игнатіемъ Потоцкимъ и Нѣмцевичемъ былъ главнымъ составителемъ конституціи 3 мая 1791 г. Послѣ послѣдняго раздѣла Польши, въ 1796 году, онъ всецѣло отдался дѣлу поднятія торговли, наукъ и образованія въ Польшѣ и основалъ много школъ въ Славоніи (Волынь, Подолія и Украйна). Кременецкая гимназія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, была основана имъ въ 1809 году и представляла изъ себя учебное заведеніе высшаго разряда, нѣчто въ родѣ университета. Для Литвы она стала очагомъ науки и патріотизма. Русскіе часто приписывали упорному и конечно дѣйствительному вліянію этихъ учрежденій по народному образованію ту трудность, съ какой поддавались польскія провинціи руссификаціи. Почти излишне говорить, о томъ, что кременецкая гимназія и виленскій университетъ впослѣдствіи прекратили свое существованіе. Уничтожены они были Николаемъ I, послѣ 1831 года. Изъ помѣщенной здѣсь переписки князя Адама Чарторижскаго съ императоромъ Александромъ можно видѣть, какъ Чарторижскій защищалъ дѣятельность графа Чацкаго, имя котораго осталось любимымъ и уважаемымъ въ Польшѣ.

то ни было отношенiи опорочить. Его неусыпныя старанiя увѣнчались изумительнымъ успѣхомъ. Добиться полученiя столь значительныхъ суммъ и создать учрежденiе, которое, благодаря своимъ богатымъ коллекцiямъ, своимъ профессорамъ, различнымъ связаннымъ съ нимъ учрежденiямъ и количеству своихъ студентовъ, можетъ считаться лучшей школой въ странѣ,— сдѣлать это все въ столь короткое время было, дѣйствительно, чудомъ. Осуществить это могъ только Чацкiй, благодаря своему постоянству, своей необычайной настойчивости, глубокой преданности этому огромнѣйшему дѣлу и тому довѣрiю, которое всюду проявляютъ къ нему самому и его знанiямъ.

Ваше Императорское Величество увидите, что Волынь не только не желаетъ, чтобы эта клевета исходила отъ ея имени, а, наоборотъ, хочетъ смыть съ себя пятно, могущее остаться за ней, и поспѣшить наилучшимъ образомъ выразить свои чувства соотечественнику, заслуги котораго она хотѣла отмѣтить, выбивъ въ его честь разрѣшенную Вашимъ Величествомъ медаль.

Я не сомнѣваюсь, что Чацкiй со славою опровергнетъ всѣ тѣ обвиненiя, которыми собираются поразить его. Факты слишкомъ очевидны и сами говорятъ въ его пользу. Но, Государь, сердце Ваше способно почувствовать, какъ больно видѣть, что человѣкъ, думавшiй только о благѣ ближнихъ, отдавшiй имъ свое существованiе, въ ущербъ собственнымъ дѣламъ, настолько, что даже терпитъ благодаря этому большiе убытки, что такой человѣкъ подвергается вдругъ доносамъ и получаетъ огорченiя и непрiятности за дѣйствiя, составляющiя его заслуги, и долженъ давать въ нихъ отчетъ передъ комиссiей, составленной изъ людей совершенно чуждыхъ тому дѣлу, о которомъ они должны будутъ судить, и предсѣдатель которой давно уже дурно настроенъ противъ него и ищетъ возможности препятствовать его дѣятельности.

Справедливость и намѣренiя Вашего Величества извѣстны мнѣ лучше, чѣмъ кому бы то ни было. Но повѣрьте, Госу-

дарь, что въ этотъ разъ Вы были обмануты и поступили противно Вашимъ отеческимъ взглядамъ. Основаніе въ Кременцѣ Волынской гимназіи было разрѣшено Вашимъ Величествомъ, на что имѣется грамота за собственноручной подписью Вашего Величества. Это прекратило всякіе споры о томъ, въ какомъ мѣстѣ предпочтительнѣе ее основать, а дарованіе Вашимъ Величествомъ этой гимназіи Кременецкаго староства, съ приказомъ устроить тамъ со временемъ опытную ферму, сдѣлало возвращеніе къ этому вопросу окончательно невозможнымъ. Деньги первыхъ пожертвованій израсходованы на поправку старыхъ учебныхъ заведеній въ Кременцѣ, но если гимназію переведутъ въ другое мѣсто, то и передѣланныя и вновь выстроенныя съ большими затратами зданія окажутся ни къ чему. Гдѣ же достать новыя средства, чтобы начинать то же самое сызнова, опять терять на это время, и къ чему это, если все уже налажено и идетъ хорошо? Какъ могутъ учебныя заведенія достичь извѣстнаго совершенства, если имъ не даютъ времени окрѣпнуть и мѣняютъ ихъ организацію въ тотъ моментъ, когда они едва только начинаютъ развиваться?

Будьте увѣрены, Ваше Величество, что какъ только кременецкая гимназія будетъ перенесена въ другое мѣсто, или же изъ нея удалятъ теперешняго директора, заведеніе это придетъ въ упадокъ и не будетъ болѣе въ состояніи продолжать свою дѣятельность. По всей вѣроятности, и въ томъ и въ другомъ случаѣ большая часть жертвователей потребуетъ обратно свои пожертвованія, которыя были сдѣланы только подъ непремѣннымъ условіемъ, что гимназія будетъ устроена въ Кременцѣ, и что этими деньгами распоряжаться будетъ Чацкій.

Что касается меня лично, то я не могу оставаться равнодушнымъ къ тому, что безъ всякаго участія въ этомъ попечителя назначается комиссія для ревизіи главнаго послѣ университета въ Виленскомъ округѣ учебнаго заведенія, что ей ввѣряются организація и разслѣдованіе всей постановки дѣла

въ гимназіи, предоставляется выясненіе вопроса, удаченъ ли выборъ Кременца, мѣсто для него, хорошо ли ведется въ гимназіи преподаваніе, предоставляется право рѣшать вопросъ о полицейской, объ учебной части, разбираться въ отчетахъ—предметахъ, подлежащихъ непосредственному вѣдѣнію попечителя, имъ лично организованныхъ и принятыхъ къ утвержденію на основаніи его представленій, и которыми онъ особенно занимался со всѣмъ усердіемъ и вниманіемъ, какое они заслуживаютъ; что, наконецъ, я еще недавно, послѣ личнаго посѣщенія гимназіи, представилъ отчетъ о самомъ цвѣтущемъ состояніи этой школы, теперь же мой отчетъ, о которомъ говорилось въ мѣстныхъ газетахъ, мѣрой этой оказывается опровергнутымъ и потерявшимъ всякую цѣну.

Со времени учрежденія министерства народнаго просвѣщенія это первый случай назначенія подобной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго губернатора, для ревизіи и переустройства учебнаго заведенія.

Всѣ эти сопоставленія необходимо приводятъ къ заключенію, что попечитель Виленскаго округа имѣлъ несчастье лишиться довѣрія правительства, и это желали даже дать ему почувствовать. Позвольте мнѣ, Государь, въ подтвержденіе этого, напомнить здѣсь объ отмѣнѣ указа о базиліанцахъ и то, какъ мало успѣха имѣли мои различные позднѣйшіе проекты, представить которые я взялъ на себя смѣлость и которые до сихъ поръ не привели ни къ какимъ результатамъ. Поэтому я думаю, что поступаю правильно, умоляя, въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, Ваше Величество уволить меня отъ службы окончательно.

Быть можетъ, Ваше Величество найдете, что я придаю слишкомъ большое значеніе вопросу, на который обыкновенно всѣ смотрятъ, какъ на вопросъ второстепенный, но Вы знаете, что для меня онъ былъ всегда вопросомъ чрезвычайно важнымъ, къ тому же въ моей службѣ это единственная отрасль, въ которой я принимаю активное участіе. Совокупность

многихъ причинъ, мое здоровье, не поправляющееся до сихъ поръ, привязанность моя къ семьѣ, ея чрезвычайно разстроенныя дѣла, направленіе политики, осложненій въ которой я всегда опасался, давно уже заставляли меня желать удалиться со службы, на которую я согласился только лишь благодаря моей личной преданности Вашему Величеству. Вамъ одному думалъ я служить. Чувства, побудившія меня на это, не исчезнутъ никогда. Я питаю увѣренность, что и Вы, Ваше Величество, соблаговолите также сохранить ко мнѣ, въ нашихъ частныхъ отношеніяхъ, частичку тѣхъ добрыхъ чувствъ, которыми Вы удостаивали меня въ прежнее время. Что же касается моей общественной службы, то я слишкомъ глубоко убѣжденъ, что въ этомъ отношеніи совершенно безполезенъ Вашему Величеству. Поэтому, долженъ стремиться вернуться къ моему прежнему образу жизни, мѣнять который у меня никогда не было желанія. И Вы, Ваше Величество, только лишь довершите Ваши благодѣянія, которыми Вы всегда меня осыпали, если, не лишая меня Вашего милостиваго расположенія, утвердите мнѣ мою отставку. Простите мнѣ, Ваше Величество, это длинное письмо и ту непріятность, которую оно доставитъ Вашему Величеству. Въ продолженіе столькихъ лѣтъ Вы не отказывались проникать въ самые глубокіе тайники моего сердца. Я не могу удержаться сегодня отъ того, чтобы не раскрыть передъ Вами своего душевнаго волненія и дѣйствительнаго образа мыслей со всею искренностью, которая, благодаря моимъ неизмѣннымъ къ Вамъ чувствамъ и многолѣтней привычкѣ, стала для меня потребностью и долгомъ.

Если Ваше Величество окажете мнѣ величайшую милость и снизойдете къ моей просьбѣ о полной отставкѣ, я осмѣлюсь прибавить къ этому еще и другую просьбу относительно выбора моего замѣстителя на должности попечителя Виленскаго округа. Нѣтъ человѣка болѣе подходящаго къ этой должности, нежели тотъ же Чацкій. Если онъ опровергнетъ взводимыя на него обвиненія, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то един-

ственно, что могло бы загладить совершонную по отношенію къ нему несправедливость,—это именно назначеніе его попечителемъ.

Если же мѣсто это, по всѣмъ правамъ принадлежащее Чацкому за его заслуги по округу, не можетъ быть ему предоставлено, то я предложилъ бы тогда дать это мѣсто Огинскому, которымъ Ваше Величество, кажется, были довольны, и къ которому были милостивы.

Три мѣсяца назадъ я писалъ Вашему Величеству, умоляя продолжить мнѣ отпускъ. Хотя я и до сихъ поръ не получилъ еще никакого на это отвѣта, но, полагаясь на слово, которое Ваше Величество соблаговолили мнѣ дать, я продолжалъ оставаться здѣсь, приготовляясь къ предполагаемому путешествію за границу, которое желалъ бы осуществить не откладывая. Если бы Ваше Величество не желали продолжить мой отпускъ, Вы, конечно, предупредили бы меня объ этомъ, зная хорошо, что данное Вами мнѣ передъ моимъ отъѣздомъ обѣщаніе въ наибольшей мѣрѣ гарантировало мнѣ это продолженіе отпуска и заставило меня считать этотъ вопросъ вполнѣ рѣшеннымъ, даже до полученія оффиціальнаго на это разрѣшенія.

Соблаговолите, Ваше Величество, увѣдомить меня о Вашемъ рѣшеніи, чтобы я по неосвѣдомленности не сдѣлалъ чего-либо противъ Вашего желанія. Исполнивъ мою просьбу, повергаемую нынѣ къ стопамъ Вашего Величества, Вы сразу положите конецъ всѣмъ моимъ тревогамъ.

Я буду въ отчаяніи, если просьба эта будетъ непріятна Вашему Величеству. Я, дѣйствительно, былъ глубоко огорченъ Вашимъ рескриптомъ по поводу Кременца. Вы сами обвинили бы меня, если бы я оказался способенъ отнестись къ этому равнодушно. Но въ настоящую минуту соблаговолите, Ваше Величество, не смотрѣть на мою просьбу, какъ на проеніе дурного настроенія,—этого я не могъ бы себѣ простить.

Примите во вниманіе совокупность всѣхъ высказанныхъ мною выше основаній, а также настоянія родителей на моей женитьбѣ, мое одиночество въ Петербургѣ и многія другія причины, извѣстныя Вашему Величеству. Ваше Величество увидите тогда мою просьбу въ ея настоящемъ свѣтѣ, увидите, что она есть слѣдствіе всѣхъ условій и соображеній частнаго характера и имѣющейся кромѣ того у меня глубокой увѣренности, что во мнѣ нѣтъ болѣе надобности и что я не могу ничѣмъ быть полезенъ по службѣ.

Тотчасъ по полученіи увѣдомленія о рѣшеніи Вашего Величества, которое, надѣюсь, будетъ для меня благопріятнымъ, я прямо отсюда уѣду путешествовать по Швейцаріи и той части Италіи, которая мнѣ еще не знакома, и буду лѣчиться водами и купаньемъ, что для меня необходимо и что въ послѣдніе три года мнѣ не удавалось. Дней десять тому назадъ я возвратился изъ Варшавы, гдѣ провелъ около трехъ недѣль. Тамъ весьма бѣдны деньгами и новостями. Будущее покрыто полной неизвѣстностью, живутъ изо дня въ день, терпя недостатокъ въ звонкой монетѣ, и въ ожиданіи перемѣны къ лучшему, не зная, въ чемъ она выразится и когда послѣдуетъ.

Герцогъ Людвигъ Вюртембергскій чрезвычайно неосторожно и вопреки совѣтамъ всѣхъ остановился въ Варшавѣ, чтобы подождать тамъ возвращенія сына, ѣздившаго со своей матерью на нѣсколько дней въ Пулавы. Собравшіеся кредиторы его потребовали отъ него уплаты долговъ; съ нимъ поступили по закону и, несмотря на всѣ старанья и хлопоты, герцога не выпустили изъ Варшавы. Сынъ его выѣхалъ въ Дрезденъ и Штутгартъ, чтобы устроить это несчастное, непріятное дѣло.

Заканчивая это письмо, я не стану говорить Вашему Величеству о чувствахъ, привязывающихъ меня къ Вамъ. Если бы я сталъ высказывать все, что я чувствую, это завлекло бы меня весьма далеко, письмо же и такъ слишкомъ длинно. Чувства мои таковы, каковыми Ваше Величество зна-

ли ихъ съ перваго же момента, когда я имѣлъ счастье приблизиться къ Вамъ, и они навсегда останутся неизмѣнными. Благоволите, Ваше Величество, милостиво принять мое въ нихъ увѣреніе.

XXVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору

1810 г.

Государь!

Назначенная для ревизіи кременецкой гимназіи комиссія закончила свое слѣдствіе. Заключенія ея благопріятны для гимназіи и почетны для Чацкаго. Проектъ переноса гимназіи въ другое мѣсто, который комиссія не совсѣмъ, повидимому, отрицала, все же признанъ ею невыполнимымъ. Это, безъ всякаго сомнѣнія, такъ и есть, и чтобы слѣдовать этому плану, нужно быть врагомъ и разрушителемъ всего, что было до сихъ поръ сдѣлано на пользу народнаго просвѣщенія въ польскихъ провинціяхъ. Отчетъ объ этой дѣятельности, по всей вѣроятности, будетъ представленъ Вашему Величеству. Благоволите, Ваше Величество, принять ее во вниманіе и проявить во всей полнотѣ Ваши чувства, извѣстныя своей справедливостью и добротою. Благоволите выразить ихъ укрѣпленіемъ существованія этого прекраснаго учебнаго заведенія, которое составитъ эпоху въ жизни той провинціи, гдѣ оно основалось, и наградите добродѣтельнаго человѣка, несправедливо оклеветаннаго, заслуживающаго заступничества и поощренія Вашего Величества.

Какой-либо знакъ милостиваго расположенія Вашего Величества, всегда драгоцѣнный, въ данномъ случаѣ былъ бы особенно цѣненъ, какъ вознагражденіе Чацкому за желаніе другихъ опорочить его въ Вашихъ глазахъ, и разсѣялъ бы

страхъ общества за жизнь заведенія, которое стоило ему столькихъ дорогихъ жертвъ.

Я знаю, насколько Ваше Величество должны быть бережливы въ расходованіи пожертвованныхъ суммъ, но все же, если бы было возможно помочь Чацкому, разорившемуся благодаря постояннымъ заботамъ только о благѣ основанныхъ имъ школъ и полному игнорированію своихъ личныхъ дѣлъ, то настоящій моментъ является для правительства наиболѣе удобнымъ, чтобы совершить этотъ актъ справедливости и вмѣстѣ съ тѣмъ дать возможность обществу выразить ему свою признательность. Назвать это актомъ справедливости даетъ мнѣ право то обстоятельство, что имѣнія его были секвестрированы, Острогъ конфискованъ, и онъ даже не былъ освобожденъ отъ уплаты по этому имуществу налоговъ, благодаря чему понесъ большіе убытки.

Разрѣшите мнѣ, Ваше Величество, напомнить здѣсь Вамъ о капиталѣ, предназначенномъ для народнаго образованія. Дѣло объ этомъ капиталѣ давно уже лежитъ безъ движенія въ Совѣтѣ; необходимо учрежденіе особаго управленія по завѣдыванію этимъ капиталомъ, если хотятъ, чтобы онъ былъ сохраненъ, чтобы поступали новыя пожертвованія и чтобы онъ употреблялся на предназначенныя цѣли. Въ одной изъ записокъ, представленныхъ мною по этому предмету, я доказывалъ, что безъ этого особаго управленія въ дѣлѣ завѣдыванія этими суммами никогда не будетъ ни порядка, ни добросовѣстнаго отношенія, ни возможности удовлетворять нужды школъ и производить въ нихъ требуемыя улучшенія. Вся провинція умоляетъ Ваше Величество объ этомъ, въ этомъ она хочетъ видѣть мѣрило къ себѣ чувствъ правительства. Помѣщики получатъ благодаря этому увѣренность въ правильномъ употребленіи пожертвованій, сдѣланныхъ какъ ихъ предками, такъ и внесенныхъ въ недавнее время, и тѣхъ, которыя будутъ еще сдѣланы на благо поколѣнію теперешнему, а также и грядущему.

Благоволите, Ваше Величество, уступить передъ столькими доводами въ пользу этого же ходатайства, въ которыхъ сплелись вопросы общественной пользы, добраго дѣла, справедливости, вплоть до политики.

Вотъ уже болѣе полутора года, какъ дѣло это лежитъ безъ движенія. Скоро также минетъ годъ, какъ я изъ Вильно послалъ министру проектъ спеціальныхъ установленій для университета, составленный здѣсь, на мѣстѣ, съ большой тщательностью и вниманіемъ. Другіе вопросы о полезныхъ и необходимыхъ вещахъ, какъ, напримѣръ, вопросъ о библіотекѣ, объ учрежденіи коллегіи для бѣдныхъ студентовъ Вильно и Кременца, также все еще остаются нерѣшенными.

Я никогда не осмѣлился бы говорить Вашему Величеству объ этихъ подробностяхъ, если бы не страхъ, что мое отсутствіе можетъ повредить дѣламъ округа, попечителемъ котораго я имѣю честь состоять.

Страхъ этотъ вынуждаетъ меня простереть мою смѣлость вплоть до мольбы Вашему Величеству взять дѣла эти, если возможно, подъ свое особое покровительство, благами котораго дерптскій университетъ имѣлъ счастье пользоваться долгое время.

XXIX.

Императоръ—князю Адаму Чарторижскому.

Петербургъ, 25 декабря 1810 года *).

Я получилъ Ваше письмо отъ 15/27 ноября, мой дорогой другъ, и не скрою отъ Васъ, что оно меня очень огорчило. Вы хотите прервать единственную связь на почвѣ обществен-

---

*) Чтобы выяснить себѣ важное значеніе этого письма, также и послѣдующихъ, надо вспомнить обстоятельства 1810 г. Наружно между Франціей и Россіей, или, вѣрнѣе, Наполеономъ и Александромъ,

ной службы, которая существуетъ между нами и, послѣ искренней задушевной связи, длившейся болѣе пятнадцати лѣтъ, которую не могли измѣнить никакія обстоятельства, мы станемъ далекими другъ другу, если не въ нашихъ чувствахъ, то въ нашей общественной дѣятельности. Вотъ та мысль, на которой мнѣ тяжело останавливаться, въ особенности, въ то время, когда я думалъ, что наша близость и наши отношенія достигли ихъ истинной силы. Но не хочу смѣшивать этотъ вопросъ съ другими и поговорю съ Вами объ этомъ потомъ. Хочу прежде всего покончить съ этимъ несчастнымъ дѣломъ о гимназіи. Никогда не было у меня и малѣйшаго намѣренія огорчать Васъ, и все это дѣло представилось Вамъ совершенно не въ томъ видѣ, какимъ оно въ сущности является. Возбудили его исключительно сами Ваши соотечественники, жалуясь, что выборъ Кременца мѣстомъ для учебнаго заведенія былъ неудаченъ, въ виду близости австрійской границы, позволявшей студентамъ легко убѣгать и устраивать всякія другія безразсудства. Среди недовольныхъ были и предводители дворянства, и всѣ они просили разслѣдовать этотъ вопросъ. Комиссія и была назначена только благодаря этимъ просьбамъ, съ которыми они обращались нѣсколько разъ.

И вообще, я былъ далекъ отъ мысли перемѣщать эту гимназію и производить перемѣны всей организаціи. Я намѣревался, по полученіи отчета комиссіи, до принятія какихъ-либо мѣръ, обо всемъ посовѣтоваться съ Вами. Итакъ, Вы видите теперь, что все это дѣло не стоило того, чтобы Вы огорчались и принимали рѣшеніе, такъ мало подходящее къ усло-

---

царилъ миръ. Но обѣ стороны подъ покровомъ дружескихъ изліяній, съ момента войны съ Австріей и Вѣнскаго мира, предчувствовали будущее столкновеніе между Франціей и Россіей, и каждая изъ нихъ, какъ это увидятъ, къ этому готовилась. Письма эти доказываютъ, что Александръ не былъ послѣднимъ въ этихъ готовившихся въ самой строжайшей тайнѣ сборахъ къ борьбѣ.

віямъ даннаго момента. Теперь мы опять подходимъ къ вопросу, затронутому мною выше.

Обстоятельства настоящаго времени представляются мнѣ весьма важными. Я думаю, что теперь время полякамъ доказать, что Россія не врагъ ихъ,—вѣрнѣе—она ихъ настоящій искренній другъ, и что, несмотря на желаніе другихъ выставить въ ихъ глазахъ Россію единственнымъ препятствіемъ къ возстановленію Польши, весьма возможно, именно она осуществитъ его. Мои слова, быть можетъ, удивятъ Васъ, но повторяю, нѣтъ ничего вѣроятнѣе этого; къ тому же обстоятельства мнѣ кажутся въ настоящее время наиболѣе благопріятными для выполненія этой когда-то любимой моей мечты, которую я два раза былъ вынужденъ отложить подъ давленіемъ обстоятельствъ, но которая, тѣмъ не менѣе, всегда оставалась въ глубинѣ моей души. Никогда еще не было болѣе подходящаго для этого момента. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ подробнѣе, я хотѣлъ бы, чтобы Вы отвѣтили мнѣ, пунктъ за пунктомъ, и подробнѣйшимъ образомъ на тѣ вопросы, которые, по моему мнѣнію, я долженъ задать Вамъ раньше, чѣмъ приступить къ выполненію моего плана.

1. Имѣются ли у Васъ вѣрныя свѣдѣнія о настроеніи умовъ жителей герцогства Варшавскаго и если имѣются, то:

2. есть ли у Васъ основаніе думать, что варшавяне горячо откликнутся, если представить имъ основанія не къ надеждѣ только, а къ полной увѣренности въ возможность возстановленія ихъ отчизны?

3. Пойдутъ ли они за всякимъ, кто первый дастъ имъ гарантіи къ такой увѣренности, и примкнутъ ли они безразлично къ какой бы то ни было державѣ, которая искренно пожелаетъ поддержать ихъ интересы? Само собой разумѣется, что въ доказательство искренности намѣреній относительно Польши провозглашеніе возстановленія ея независимости должно будетъ предшествовать такому объединенію; или же:

4. у Васъ имѣется болѣе основаній предполагать, что существуютъ различныя партіи, и что поэтому:

5. нельзя разсчитывать на то, что всѣ будутъ согласны и ухватятся за первую представившуюся возможность возстановленія Польши.

6. Каковы эти партіи? Въ одинаковой ли степени онѣ вліятельны и кто ихъ руководители?

7. Существуютъ ли партіи и въ арміи, или же она въ своихъ чувствахъ и взглядахъ болѣе солидарна?

8. Кто среди военныхъ пользуется наиболѣе сильнымъ вліяніемъ?

Вотъ пока тѣ важнѣйшіе вопросы, которые я долженъ задать Вамъ.

Получивъ отъ Васъ отвѣты на нихъ, я подробнѣе выскажу Вамъ свои планы.

Что касается этого письма, то если Вы будете думать, что оно написано съ намѣреніемъ повліять на умы и съ тѣмъ, чтобы Вы частнымъ образомъ огласили его содержаніе, Вы совершенно уклонитесь отъ имѣющейся у меня въ виду цѣли, ибо его содержаніе, наоборотъ, должно сохраниться въ строжайшей тайнѣ. Я достаточно знаю Ваши чувства ко мнѣ, чтобы спокойно положиться на Вашу осмотрительность. Къ тому же, Вы слишкомъ заинтересованы въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, чтобы я не могъ быть увѣреннымъ, что Вы приложите всѣ усилія не испортить дѣло, которому Ваша родина будетъ обязана своимъ возстановленіемъ, Европа—освобожденіемъ, а Вы лично—славой и радостью за участіе въ немъ и за то, что этимъ докажете всю послѣдовательность Вашего поведенія и оправдаете ожиданія тѣхъ, которые разсчитывали въ прежнее время на Васъ. Если Вы будете помогать мнѣ, или если тѣ свѣдѣнія, какія Вы мнѣ сообщите, подадутъ мнѣ надежду на возможность единства въ желаніяхъ варшавянъ, въ особенности арміи, относительно возстановленія ихъ родины, независимо отъ того, кто его осуществитъ, то тогда въ успѣхѣ

нельзя сомнѣваться; мы добьемся его съ Божьей помощью, ибо онъ основанъ не на надеждѣ сравняться въ талантахъ съ Наполеономъ, но исключительно на томъ недостаткѣ въ силахъ, который онъ будетъ испытывать, въ связи съ царящимъ противъ него раздраженіемъ умовъ во всей Германіи. Я прилагаю здѣсь небольшую таблицу съ вычисленіемъ вспомогательныхъ военныхъ силъ, которыми будутъ располагать какъ одна сторона, такъ и другая.

Вотъ то, что я имѣю Вамъ сказать. Вдумайтесь спокойно въ важность значенія этого. Подобные моменты бываютъ только однажды, всякая иная комбинація поведетъ только къ нескончаемой, на жизнь или смерть, войнѣ между Россіей и Франціей, несчастнымъ театромъ которой будетъ Ваше отечество.

А такъ какъ единственную поддержку, на которую поляки могутъ разсчитывать, они имѣютъ лишь въ лицѣ Наполеона, который, однако, не вѣченъ, то если его не станетъ, послѣдствія для нихъ могутъ быть плачевными; тогда какъ, если Вы будете дѣйствовать совмѣстно съ Россіей и державами, которыя примкнутъ къ намъ, существованіе Вашего отечества установится незыблемо. Тогда моральная сила Франціи будетъ сокрушена, а Европа—освобождена отъ ея ига.

Въ настоящій моментъ я прошу Васъ только о слѣдующемъ:

1. Подробно и немедленно отвѣтить мнѣ на мое письмо.

2. Если высказанныя мною мысли кажутся Вамъ заслуживающими вниманія, то, быть можетъ, Вы можете *поговорить* съ тѣми вліятельными въ Польшѣ лицами, съ которыми Вы близки, и которыхъ Вы знаете, какъ искренно преданныхъ своему отечеству и которыхъ не подкупятъ никакія предложенія чужестранцевъ.

3. Обратить особенное вниманіе, чтобы *выбрать для этой цѣли только лицъ,* содѣйствіе которыхъ *абсолютно необходимо.*

Съ этой цѣлью Вы можете:

1. Сказать, какъ бы между прочимъ, что Россія дала Вамъ безсрочный отпускъ для путешествія и поправки Вашего здоровья.

2. Что путешествіе Вы совершите лѣтомъ.

3. Что для приготовленій къ нему Вы отправляетесь въ Варшаву. Тамъ Вамъ будетъ виднѣе, какое дѣйствіе Вы можете оказать на вліятельныхъ лицъ Вашей администраціи.

Все то, что я говорю Вамъ въ этомъ письмѣ, немного важнѣе гимназіи и отставки, о которой Вы просите. Вотъ моментъ, когда Вы, дѣйствительно, можете оказать услугу Вашей родинѣ. Жду Вашего отвѣта съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Чтобы не возбудить никакихъ подозрѣній, Вы можете переслать его черезъ Пулавы къ гродненскому губернатору Ланскому, которому будетъ данъ приказъ сохранять все, что будетъ получено для меня отъ Васъ, или же пошлите его любымъ путемъ, который Вы найдете наиболѣе вѣрнымъ.

Весь Вашъ сердцемъ и душой.

Шлю тысячу пожеланій Вашимъ родителямъ, сестрамъ, а также и Вашему брату.

Александръ.

Таблица наличныхъ военныхъ силъ, которыя могутъ быть выставлены

одной стороной:

100,000 русскихъ.
50,000 поляковъ.
50,000 пруссаковъ.
30,000 датчанъ.

Всего 230,000 человѣкъ, въ подкрѣпленіе которымъ немедленно можетъ быть выставлено еще 100,000 русскихъ.

Другой стороной:

60,000 французовъ (ихъ даже всего въ Германіи находится только 46,000 человѣкъ, но я считаю здѣсь и тѣ французскія войска, какія могутъ быть призваны изъ Голландіи и изъ Франціи).

30,000 саксонцевъ.
30,000 баварцевъ.
20,000 вюртембергцевъ.
15,000 вестфальцевъ и другихъ нѣмецкихъ войскъ.

Всего 155,000 человѣкъ.

Но вѣроятнѣе всего, что примѣру поляковъ послѣдуютъ и нѣмцы, и тогда у Наполеона останется только лишь 60.000 французовъ. Если же Австрія, за предложенныя ей выгоды, также выступитъ противъ Франціи, то мы можемъ выставить противъ Наполеона еще на 200,000 человѣкъ больше.

XXX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

18—30 января 1811 года.

Государь!

Ваше Величество легко вообразите себѣ, съ какимъ чрезвычайнымъ вниманіемъ и интересомъ читалъ я и перечитывалъ письмо, отъ 25 декабря, которое Вы соблаговолили написать мнѣ и которое дошло ко мнѣ безъ всякихъ случайностей.

Тонъ Вашего письма, съ какимъ Ваше Величество благоволите говорить со мной о дѣлѣ кременецкой гимназіи, сковываетъ мнѣ уста, заставляя не подымать больше вопроса на эту тему, и если я позволю себѣ говорить, то лишь съ тѣмъ, чтобы высказать Вамъ, Государь, какъ глубоко я тронутъ, столь дорогими для меня чувствами, выраженными мнѣ Вами. Мнѣ такъ пріятно, такъ утѣшительно думать, что что бы ни случилось и въ какомъ бы положеніи я ни очутился, мнѣ лучше всего всецѣло положиться на Вашу справедливость и на Ваше доброе отношеніе ко мнѣ. Но поспѣшу приступить къ главной цѣли моего письма.

Позвольте, Государь, прежде всего повергнуть къ Вашимъ

стопамъ мою глубокую благодарность за Ваши благія намѣренія въ отношеніи моей родины, за то, что въ Вашихъ политическихъ планахъ Вы также не забыли и ея интересовъ, а также и за то особенное доказательство довѣрія, которое Вы даете мнѣ въ данномъ случаѣ. Постараюсь заслужить его, исполнивъ повелѣнія Вашего Величества со всѣмъ тѣмъ усердіемъ и осторожностью, на какія только я способенъ, и настолько хорошо, насколько это позволятъ мнѣ обстоятельства.

Я понимаю Государь, все важное, значеніе настоящаго момента, но что особенно мнѣ ясно, такъ это то, что осуществленіе плановъ, повидимому, интересующихъ Ваше Величество, будетъ имѣть огромныя и рѣшительныя послѣдствія для Россіи, для всей Европы, а еще важнѣе будутъ они для моей несчастной родины, для ея жителей, какъ всѣхъ вообще, такъ и для отдѣльныхъ лицъ въ частности. Ваше Величество въ своемъ письмѣ, столь же хорошо обдуманномъ, какъ и изложенномъ, уже такъ мудро разобрали главный вопросъ, которымъ намъ предстоитъ заняться, что я считаю совершенно лишнимъ возвращаться къ нему, и, чтобы не терять времени, приступлю прямо къ отвѣту на частные вопросы Вашего Величества, которые разобраны Вами со столь замѣчательной ясностью и предусмотрительностью. Въ данный моментъ отвѣтъ мой, какъ Ваше Величество это вполнѣ и предвидѣли, можетъ быть только лишь предварительнымъ.

Насколько я могъ замѣтить по господствующему въ этой странѣ расположенію умовъ,—какъ армія, такъ и жители Варшавскаго герцогства единодушны въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ. Ихъ единственное желаніе, единственная цѣль— возстановленіе Польши, объединеніе всѣхъ ея частей въ одно національное тѣло, съ національнымъ, конституціоннымъ управленіемъ. Въ замѣчающемся же разногласіи во мнѣніяхъ относительно большей или меньшей степени довѣрія къ тому или другому генералу, или къ какому-либо иному извѣстному

въ странѣ лицу, или относительно его талантовъ и патріотизма, нельзя усматривать существованія партій. Если бы рѣчь зашла о важнѣйшихъ интересахъ отечества, то всѣ эти оттѣнки исчезли бы, или же, въ крайнемъ случаѣ, имѣли бы чрезвычайно ничтожное вліяніе.

Итакъ, единодушіе существуетъ; но дѣло въ томъ, что нужно убѣдить поляковъ герцогства, что спасеніе ихъ отечества, полученіе ими большихъ выгодъ—выгодъ болѣе прочныхъ и болѣе вѣрныхъ, требуетъ полной перемѣны въ поведеніи и окончательнаго отказа герцогства отъ той единственной его поддержки, какую оно имѣло до сихъ поръ.

Съ какой бы стороны ни шли увѣренія въ возстановленіи Польши, они будутъ приняты поляками, какъ мнѣ кажется, съ радостью и признательностью, лишь бы только это дѣйствительно имѣло подъ собою реальную почву, я хочу сказать, лишь бы только наши предложенія осуществляли въ большихъ размѣрахъ надежды поляковъ, внушали бы имъ больше довѣрія и больше бы гарантировали успѣхъ, чѣмъ тѣ надежды и та безопасность, какія даетъ или какія жители герцогства Варшавскаго думаютъ, что имъ даетъ ихъ союзъ съ Франціей.

Я думаю, что долженъ прежде всего,—ибо считаю это корнемъ вопроса,—упомянуть о тѣхъ затрудненіяхъ, какія предвижу на пути осуществленія плана Вашего Величества; о томъ, насколько трудно будетъ вызвать вдругъ, въ правительствѣ, въ арміи и у жителей герцогства ту искреннюю убѣжденность, о которой я только что говорилъ.

Какъ бы ни были справедливы жалобы, имѣющіяся у поляковъ противъ Наполеона, онъ все же, однако, сумѣлъ создать у нихъ убѣжденіе, что не недостатокъ желанія, а лишь полнѣйшая невозможность помѣшала ему двинуть дальше дѣло ихъ возрожденія; что публичныя и дипломатическія завѣренія, шедшія совершенно въ разрѣзъ съ ихъ надеждами, были даны имъ лишь съ цѣлью лучше скрыть свою игру, но что при

первомъ же разрывѣ съ Россіей Польша обязательно будетъ возстановлена.

Къ этому убѣжденію присоединяется еще также и чувство признательности къ Наполеону за все сдѣланное имъ до сихъ поръ, за созданіе герцогства, творцомъ котораго онъ является; хотя самъ по себѣ, безъ дальнѣйшихъ шаговъ и усилій, этотъ успѣхъ и непроченъ, все же онъ составляетъ крупный шагъ впередъ. Поэтому слѣдуетъ быть готовымъ къ тому, что въ силу долга благодарности и въ силу чувства лойяльности люди, быть можетъ, наиболѣе честные и здравомыслящіе отвергнутъ мысль о выступленіи противъ Наполеона съ помощью тѣхъ средствъ, которыя отъ него же были и получены и объ оставленіи его въ тотъ моментъ, когда онъ болѣе всего будетъ увѣренъ въ содѣйствіи герцогства Варшавскаго. Прибавимъ къ этому установившіяся братскія отношенія между польскими и французскими войсками, среди которыхъ не мало такихъ лицъ, всѣхъ чиновъ, которыя сражались на войнѣ бокъ-о-бокъ, а также и мнѣніе, что французы—друзья поляковъ, русскіе же, наоборотъ, ихъ злѣйшіе враги, столько же изъ политическихъ соображеній, какъ и изъ личной вражды,—мнѣніе слишкомъ утвердившееся, слишкомъ распространившееся, чтобы не вызвать и въ арміи аналогичныхъ же чувствъ, въ которыхъ событія послѣдней войны и всѣ послѣдующія могли только утвердить ее.

Мнѣ приходитъ на мысль и четвертое затрудненіе—это нахожденіе теперь въ Испаніи гвардіи и двадцати тысячъ польскаго войска; тамъ каждый полякъ имѣетъ нѣсколькихъ друзей или родственниковъ, которыхъ побоится принести въ жертву гнѣву Наполеона.

Въ виду постояннаго ожиданія войны съ Россіей, многія даже изъ лучшихъ семей рѣшились послать своихъ дѣтей на воспитаніе въ Парижъ, гдѣ—по общему мнѣнію—жить всего безопаснѣе и гдѣ воспитаніе молодого человѣка рѣже всего можетъ быть прервано непредвидѣнными случайностями;

всѣ они являются заложниками въ рукахъ Наполеона. Наконецъ, послѣднее и самое большое затрудненіе заключается въ необыкновенныхъ талантахъ Наполеона и въ составившемся о нихъ мнѣніи. Такъ какъ до сихъ поръ его геній всегда помогалъ ему выходить побѣдителемъ изъ всѣхъ затруднительныхъ положеній, въ которыя онъ попадалъ, всѣ убѣждены, что такъ будетъ и всегда, и что какъ бы несчастливо, казалось, ни сложились для него обстоятельства, онъ, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ возьметъ верхъ.

Вотъ тѣ главныя затрудненія, которыя, мнѣ думается, должны встрѣтиться на пути осуществленія плана Вашего Величества. Они не являются слѣдствіемъ какой-либо предубѣжденности противъ русскихъ, которой собственно въ народной массѣ нѣтъ, вѣрнѣе, они вызываются чувствами лойяльности и самосохраненія, которыя Ваше Величество, хотя они и препятствуютъ Вашимъ видамъ, все же признаете чувствами разумными и достойными уваженія. Чтобы преодолѣть подобныя препятствія, нужно для этого имѣть на своей сторонѣ весьма вѣскія основанія и располагать весьма могущественными средствами. Я хочу бѣгло перечислить тѣ изъ нихъ, которыя приходятъ мнѣ на мысль.

Одного лишь сохраненія преимуществъ, какими уже пользуется герцогство, въ виду всего только что мною сказаннаго, недостаточно для того, чтобы склонить правительство и вождей арміи, за которыми послѣдуютъ жители и войска, покинуть ихъ союзника, являющагося въ настоящее время ихъ опорой, которому они обязаны своимъ существованіемъ и который до сихъ поръ былъ единственнымъ, протянувшимъ имъ руку помощи и выведшимъ ихъ изъ могилы. Чтобы они могли найти себѣ оправданіе въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ страны и считали бы себя не заслуживающими упрека въ легкомысліи и непослѣдовательности, въ недостаткѣ лойяльности и въ неблагодарности, для этого, судя по всему, нужно, чтобы

предложенія наши слишкомъ отвѣчали интересамъ государства, чтобы благо родины являлось бы для нихъ уже какъ нѣчто осуществленное, а не въ формѣ лишь сомнительныхъ обѣщаній. Поэтому я считаю гарантію конституціи, законовъ, автономнаго управленія, національной арміи и назначенія должностными лицами поляковъ, необходимой для этого предварительной мѣрой, потому что преимуществами этими герцогство уже пользуется и потому что каждая нація дорожитъ такими преимуществами болѣе всего. Перспектива управляться чужестранцами, не чувствующими ни привязанности, ни расположенія къ тѣмъ, кѣмъ они управляютъ, держащими себя какъ побѣдители съ побѣжденными, высокомѣрно и сурово,—такая перспектива является самой нестерпимой для поляковъ, какъ она была бы нестерпима и для всякой другой націи.

При желаніи же еще болѣе повысить для поляковъ преимущества ихъ нынѣшняго положенія, которыя удовлетворили бы правительство, армію и народъ, слѣдовало бы выдвинуть еще три пункта, которые, по моему мнѣнію, всего болѣе способствовали бы полученію желаемаго результата: 1) Конституція 3 мая 1791 г. неизгладимо запечатлѣна въ сердцѣ всѣхъ поляковъ, поэтому только именно ея возстановленіемъ и можно было бы надѣяться объединить всѣ желанія и стремленія. 2) Соединеніе всѣхъ частей Польши подъ однимъ скипетромъ, для прекращенія тяжелаго положенія вещей, благодаря которому родственники, братья, люди, считающіеся соотечественниками, являются какъ бы чужестранцами по отношенію другъ къ другу и даже одно и то же лицо, владѣя имѣніями въ частяхъ Польши, принадлежащихъ различнымъ державамъ, дѣлается такимъ образомъ подвѣдомственнымъ одновременно разнымъ государствамъ. Въ виду необходимости повиноваться одновременно волѣ нѣсколькихъ монарховъ, выполнять противорѣчащія другъ другу обязательства, представляя въ то же время часть одного и того же народа, а часто и членовъ одной и той же семьи,—раздѣленіе это падаетъ на нихъ еще болѣе тяжелымъ об-

разомъ, чѣмъ если бы между ними лежали моря и горы. Повѣрьте, Государь, что подать полякамъ, находящимся подъ верховною властью различныхъ державъ, надежду быть соединенными навсегда и гарантировать устройство ихъ судьбы всѣхъ вмѣстѣ, было бы средствомъ, могущимъ наиболѣе повліять на убѣжденія поляковъ герцогства. 3) Дать и обезпечить выходы для торговли, безъ которыхъ эта истощенная теперь и обѣднѣвшая страна никогда не будетъ въ состояніи подняться.

Я не стану разбирать болѣе подробно этихъ пунктовъ, достаточно пока указать ихъ Вашему Величеству. Когда хотятъ добиться осуществленія своихъ плановъ, должны стараться использовать имѣющіяся для этого средства. А чтобы это дало благопріятные результаты, средства должны быть указаны знаніемъ того дѣла, которому они должны будутъ содѣйствовать. Кто пожелаетъ извлечь изъ поляковъ всю ту пользу, какую они способны принесть, долженъ удовлетворить желаніе, къ которому не перестаетъ единодушно стремиться вся нація, и которое стало еще болѣе горячимъ подъ вліяніемъ прошлыхъ несчастій и нѣкоторыхъ недавнихъ успѣховъ. Нужно дѣйствовать по отношенію къ этой націи съ благородствомъ и великодушіемъ, ибо поляки, несмотря на имѣющіеся у нихъ, конечно, недостатки, обладаютъ всѣми качествами, при помощи которыхъ можно дѣйствовать на ихъ сердца и на ихъ воображеніе. Они способны на чувство и могутъ заслуживать самыхъ великодушныхъ по отношенію къ себѣ поступковъ. Чѣмъ болѣе они будутъ видѣть, что имъ желаютъ добра, тѣмъ болѣе они будутъ способны пожертвовать собою для блага того, кто имъ его будетъ оказывать. Чтобы привязать къ себѣ поляковъ, съ ними слѣдуетъ обращаться какъ съ націей, отъ которой ждутъ огромнѣйшихъ непосредственныхъ услугъ и которой въ будущемъ желаютъ довѣрить неприкосновенность и защиту первой оборонительной линіи у границъ имперіи.

Словомъ, добиться этого вещь не легкая, и не полу-мѣра-

ми, не различными умышленными упущеніями можно надѣяться сразу, какъ бы при помощи волшебной палочки, превратить недовѣріе и вражду въ энтузіазмъ и привязанность. Чтобы достичь результата, столь неотвѣчающаго настоящему положенію вещей, столь противнаго всѣмъ впитаннымъ идеямъ, всѣмъ усвоеннымъ привычнымъ чувствамъ, чтобы преодолѣть опасеніе совершить что-либо противное чувству лойяльности, поколебать вѣру въ обѣщанія Наполеона и въ то счастье, какое онъ сулитъ, и страхъ передъ его могуществомъ и превосходствомъ надъ всѣми,—необходимо употребить сразу всѣ средства, способныя покорить разумъ, тронуть сердце и возбудить воображеніе.

Помимо этого расположить въ нашу пользу общественное мнѣніе герцогства Варшавскаго могла бы вѣра въ возможность нашего успѣха въ войнѣ съ Бонапартомъ. Вашему Величеству слѣдовало бы, если возможно, пополнить имѣющіяся у Васъ свѣдѣнія относительно наличнаго количества боевыхъ силъ, которыя могутъ быть выставлены въ различные моменты выполненія Вашего плана враждующими сторонами. Вы, быть можетъ, опредѣлите это, узнавъ болѣе положительнымъ образомъ о намѣреніяхъ европейскихъ націй и кабинетовъ. При недостаткѣ точныхъ и вполнѣ выясненныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ, особенно будетъ необходимо сдѣлать полякамъ такія предложенія, которыя могли бы сами по себѣ оказать благопріятное воздѣйствіе на ихъ умы. Въ этомъ случаѣ только огромная вѣра въ искренность Вашего Величества и въ тѣ намѣренія, о которыхъ будутъ свидѣтельствовать Ваши обращенія къ народу и поведеніе Вашихъ войскъ, будетъ въ состояніи изгладить впечатлѣніе, произведенное событіями послѣднихъ войнъ и ихъ исходомъ. Не знаю, ошибаюсь ли я, но мнѣ кажется, что по странному стеченію обстоятельствъ будущее рѣшеніе правительства и арміи герцогства можетъ сильно повліять на успѣхъ всякаго предпріятія и значительно измѣнить положеніе дѣла. Если это такъ, то это доказываетъ,

насколько важно и цѣлесообразно употребить всѣ средства чтобы склонить ихъ на свою сторону.

Ваше Величество были правы, говоря, что примѣръ, который покажутъ поляки съ самаго начала военныхъ операцій, можетъ оказаться рѣшающимъ и что, смотря по ихъ образу дѣйствій, онъ можетъ повлечь за собою цѣлый рядъ разныхъ событій, могущихъ или очень затруднить или очень помочь. Если бы увидѣли, что нація, которая считалась въ Европѣ единственной націей, привязанной къ Наполеону, и которая была дѣйствительно единственной, способной быть привязанной и добровольно оказывать ему тѣ услуги, какія онъ вымогалъ отъ всѣхъ своихъ данниковъ насильно, что она, наконецъ, покинула его, какъ человѣка, ищущаго своей собственной погибели, не исполняющаго своихъ обѣщаній, и въ цѣляхъ спасенія присоединилась къ остальной Европѣ, ставъ подъ знамя союзниковъ, это несомнѣнно произвело бы сильнѣйшее впечатлѣніе, какъ въ Германіи, такъ и во всѣхъ другихъ государствахъ.

Кромѣ того, благоволите, Государь, обратить вниманіе на то, что въ приложенной Вами къ письму маленькой таблицѣ военныхъ силъ Россіи и Франціи, 50000 поляковъ наличнаго въ герцогствѣ войска и составляютъ перевѣсъ въ сравнительномъ балансѣ войскъ обѣихъ сторонъ.—Если отнять у одной стороны эти 50000 и прибавить ихъ къ другой, то у союзниковъ будетъ въ началѣ только 180000, а у французовъ 205000. Прибавимъ къ этому, что крѣпости въ Силезіи также охраняются польскими войсками. Такъ какъ слѣдуетъ также имѣть въ виду и возможность въ общемъ удачнаго выполненія задуманнаго Вами плана, я осмѣливаюсь предложить Вамъ, Государь, слѣдующіе вопросы:

Вполнѣ ли Ваше Величество увѣрены, что приближающаяся столь важная перемѣна системы ускользнула отъ вниманія Коленкура? Въ виду имѣющагося у него ежедневно столь легкаго доступа къ Вашему Величеству и къ близкимъ Вамъ

лицамъ и возможности со сцены, гдѣ онъ находится, постоянно видѣть, что дѣлается, такъ сказать, за кулисами, нужно принимать чрезвычайно искусныя мѣры предосторожности, чтобы надѣяться скрыть отъ него подобнаго рода тайну, тѣмъ болѣе, что на эту мысль его должны были бы навести начавшіяся военныя приготовленія и передвиженіе войскъ. Не находится ли самъ Наполеонъ въ такомъ положеніи, что ему былъ бы желателенъ разрывъ на континентѣ, какъ предлогъ вызвать свои войска изъ Испаніи и воодушевить ихъ надеждой на болѣе легкій успѣхъ? Не потому ли онъ притворился мертвымъ, чтобы вызвать этотъ разрывъ, который всегда и каждый разъ до сихъ поръ былъ для него благопріятенъ?

Я только, такъ сказать, пытаюсь бросить вскользь эту мысль, не придавая ей опредѣленнаго значенія, ибо на это у меня нѣтъ никакихъ данныхъ, но скажу откровенно, что мнѣ съ трудомъ вѣрится, чтобы онъ, имѣя на сѣверѣ Германіи 16000 войска, могъ бы разсчитывать набрать со всей Франціи, включая и Голландію, всего только 15000. На этотъ счетъ Ваше Величество должны добиться самыхъ точныхъ свѣдѣній. Если же Вы имѣете ихъ только черезъ берлинскій кабинетъ, то я полагалъ бы, что ихъ слѣдуетъ провѣрить какимъ-нибудь болѣе вѣрнымъ путемъ, ибо, Государь, Вамъ извѣстно, по многимъ опытамъ, что прусскія сообщенія не всегда очень точны, и что французы иногда скрываютъ дѣйствительную численность своихъ войскъ. Куда же дѣвались 115000 только что набранныхъ рекрутовъ? Вашему Величеству извѣстно искусство и способность французовъ организовывать новые корпуса съ необычайной быстротой

На основаніи того, какъ я понимаю задуманный Вашимъ Величествомъ планъ, я представляю себѣ, что, если начало будетъ удачнымъ, то союзники получатъ возможность безъ кровопролитія перейти Одеръ и дойти даже до Эльбы. Пока они дойдутъ туда, пройдетъ мѣсяца два. Но къ концу этихъ двухъ мѣсяцевъ Наполеонъ, разбуженный отъ летаргическаго

сна, въ который онъ якобы погрузился, уже успѣетъ собрать армію, отозвать изъ Испаніи большую часть своихъ боевыхъ силъ и, по своему обыкновенію, форсированнымъ маршемъ явиться въ избранномъ имъ мѣстѣ съ арміей, численностью своей равняющейся численности арміи союзниковъ. Этотъ-то именно моментъ и слѣдуетъ, главнымъ образомъ, предвидѣть и быть къ нему готовымъ, ибо онъ можетъ все перевернуть, какъ это и случалось до сихъ поръ. Изъ этого я заключаю, что для насъ чрезвычайно важно содѣйствіе Австріи и что, судя по естественному ходу вещей, благодаря именно ея содѣйствію, превосходство наше по истеченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ будетъ уже не сомнительнымъ, а дѣйствительнымъ.

Если же Австрія, по распространенному среди державъ обыкновенію переходить то на ту, то на другую сторону, не примкнетъ во-время къ союзникамъ, это сильно уменьшитъ возможность рѣшительнаго успѣха. Благоволите, Государь, если возможно, дать мнѣ точныя объ этомъ свѣдѣнія. Вполнѣ ли Ваше Величество увѣрены, что въ самомъ же началѣ будете располагать 100000 войска? Я такъ часто видѣлъ въ Россіи на бумагѣ 100000 войска, котораго въ наличности, по словамъ всѣхъ, было только 60000!

Вполнѣ ли Ваше Величество увѣрены въ возможности имѣть тотчасъ же 100000? Точно ли вычислено время, нужное для передвиженія? Вполнѣ ли выяснена возможность войскамъ обойти угрожающія мѣста, а также возможность ихъ прибытія къ назначенному дню и мѣсту?

Ваше Величество будете имѣть дѣло съ человѣкомъ, по отношенію къ которому ошибаются не безнаказанно. Но что еще важнѣе, это вопросъ о томъ, будутъ ли вполнѣ тверды рѣшенія Вашего Величества, если дѣло дойдетъ до осуществленія плана? Будутъ ли они непоколебимы, какъ въ отношеніи вообще всего предпріятія, такъ въ равной мѣрѣ и въ отношеніи намѣренія поступать искренно, великодушно и бла-

городно съ цѣлой націей, которая должна посвятить себя служенію Вамъ?

Простите, Государь, если я увлекся этими различными волнующими меня заботами. Быть можетъ, я уклонился отъ прямого предмета моего обсужденія,—возвращаюсь къ нему.

Мнѣ кажется, что на главный вопросъ я отвѣтилъ настолько обстоятельно, насколько могъ это сдѣлать въ данный моментъ.

Ваше Величество спрашиваете еще, кто среди военныхъ наиболѣе извѣстенъ и имѣетъ наиболѣе сильное вліяніе въ арміи? Такимъ человѣкомъ безусловно является князь Понятовскій. Онъ совмѣщаетъ должности главнокомандующаго и военнаго министра. Помимо этого, благодаря личнымъ свойствамъ своего характера, онъ пользуется такимъ вліяніемъ у своихъ подчиненныхъ, что ни одинъ начальникъ не могъ бы въ этомъ съ нимъ поспорить.

Теперь мнѣ остается еще сказать Вашему Величеству о томъ, что я намѣренъ предпринять. Шесть дней назадъ пріѣхалъ мой секретарь; мнѣ надо переждать еще дней пять или шесть, чтобы не возбудить вниманія. Затѣмъ я поѣду въ Варшаву и, только пробывъ тамъ нѣкоторое время, буду въ состояніи сказать Вашему Величеству что-либо болѣе опредѣленное. Ваше Величество уполномочиваете меня поговорить обо всемъ съ лицами, съ которыми я нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ. Я слишкомъ хорошо понимаю важное значеніе тайны; помимо этого, я самъ слишкомъ заинтересованъ въ сохраненіи ея, въ виду опасностей, угрожающихъ какъ лично мнѣ, такъ и всей моей семьѣ, чтобы не быть чрезвычайно осмотрительнымъ въ выборѣ лицъ, не прибѣгать къ этому лишь въ случаяхъ самой крайней необходимости и не принимать всевозможныхъ предосторожностей. Тѣмъ не менѣе необходимость вынуждаетъ начать говорить, ибо если я буду держать все про себя, у меня не будетъ возможности приба-

вить что-либо новое къ тѣмъ неопредѣленнымъ мнѣніямъ, какія высказываю въ сегодняшнемъ моемъ письмѣ.

Вотъ все, что я могу сказать пока. Только побывавъ на мѣстѣ и изслѣдовавъ почву, я буду въ состояніи рѣшить, чѣмъ руководствоваться дальше. Не скрою отъ Вашего Величества чрезвычайнаго сожалѣнія, что Вы не сообщили мнѣ Вашего плана болѣе обстоятельно и болѣе подробно, я хочу сказать,— не указали тѣхъ выгодъ, на какія поляки могутъ разсчитывать безусловно, и въ какой формѣ планъ этого предпріятія будетъ осуществленъ, ибо, имѣя болѣе положительныя данныя, я также могъ бы отвѣтить Вашему Величеству болѣе опредѣленно. Быть можетъ, у Васъ, Государь, имѣется планъ, о которомъ я уже впередъ могъ бы Вамъ сказать, что онъ неосуществимъ, ибо можно быть заранѣе увѣреннымъ, что принятъ онъ не будетъ. Ваше Величество, между прочимъ, вскользь упоминаете о нѣкоторой державѣ, которая предложитъ Польшѣ возстановленіе, не объясняя точно, что держава эта—Россія.

Благоволите, Государь, выяснить мнѣ это, но благоволите также вспомнить, что объединеніе всѣхъ частей Польши является необходимѣйшимъ условіемъ для расположенія въ свою пользу общественнаго мнѣнія въ герцогствѣ, и въ этомъ отношеніи необходимо своевременно вспомнить и объ остальной части Галиціи. Благоволите также, Государь, если находите это умѣстнымъ, сообщить мнѣ всѣ тѣ данныя, какія могутъ способствовать успѣху. Мнѣ желательно имѣть эти дальнѣйшія разъясненія, и я прошу Ваше Величество дать ихъ мнѣ, какъ можно скорѣе, не изъ нескромнаго любопытства, а потому, что они явятся, быть можетъ, единственнымъ неотразимымъ доводомъ, способнымъ склонить на нашу сторону мнѣніе тѣхъ, кто будетъ рѣшать за или противъ насъ. Во всякомъ случаѣ, только вполнѣ ясно и опредѣленно выраженныя и вполнѣ обезпечивающія условія будутъ въ состояніи разсѣять сомнѣнія и ускорить окончательный отвѣтъ.

Если дѣлу этому суждено осуществиться, я хотѣлъ бы,

чтобы все было заранѣе предусмотрѣно, достовѣрно выяснено, чтобы сговорились обо всемъ заблаговременно, дабы Польша положительно знала, чего она можетъ ждать отъ Вашего Величества, и чтобы Ваше Величество, съ своей стороны, также знали, какія требованія можете предъявлять къ полякамъ; чтобы во всемъ этомъ не было никакого обмана, никакихъ пробѣловъ или чего-либо несоотвѣтствующаго ожиданіямъ той или другой стороны.

Я не упомянулъ еще о саксонскомъ королѣ. Монарха этого уважаютъ и могли бы его любить, если бы онъ болѣе интересовался страной и ея судьбою, и если бы не были увѣрены въ томъ, что герцогство отдано ему лишь на храненіе. Тѣмъ не менѣе обстоятельство это является также нѣкотораго рода путами, въ виду признаваемыхъ поляками по отношенію къ нему обязанностей. Если бы возможно было предложить ему желаемое вознагражденіе, и если бы предложеніе это сдѣлать своевременно, съ вѣдома варшавскаго правительства или даже черезъ его посредство, то препятствіе это было бы устранено.

Вообще, чтобы намѣреніе Ваше было вполнѣ оцѣнено, оно должно быть облечено въ форму наиболѣе лойяльную. Что касается лично меня, то если не будетъ возможности привести въ исполненіе благодѣтельныя намѣренія Вашего Величества относительно Польши, и если политика Ваша потребуетъ суроваго отношенія къ этой странѣ,—отношенія врага, то Вы легко поймете, какъ мало въ случаѣ осуществленія этого столь тягостнаго для меня предположенія могу быть я Вамъ полезенъ и насколько я долженъ буду желать уйти со службы государства, которое будетъ, хотя бы даже и невольно, разорять и вести къ окончательной гибели мою родину. Съ другой стороны, если планъ Вашего Величества осуществится, мнѣ кажется, я принесу больше пользы общему дѣлу, какъ полякъ, чѣмъ какъ служащій русскаго правительства. Я умоляю Ваше Величество, чтобы Вы, зная мои чувства и мое по-

ложеніе, зная лучше, чѣмъ кто бы то ни было, какъ разрѣшится будущее, соблаговолили принять во вниманіе оба эти обстоятельства. Я забылъ спросить Ваше Величество, не пожелали ли бы Вы, приступая къ дальнѣйшему развитію своего плана, сдѣлать сначала попытку ко всеобщему умиротворенію и испробовать, нѣтъ ли возможности добиться желанныхъ результатовъ, не прибѣгая къ войнѣ?

Не могу передать Вашему Величеству все, что дѣлается въ моей душѣ, сколько надеждъ и сколько страховъ все время волнуютъ меня. Какое счастье было бы трудиться одновременно для освобожденія столькихъ страждущихъ націй, для блага своей отчизны и для славы Вашего Величества! Какое было бы счастье увидѣть объединеніе всѣхъ этихъ различныхъ интересовъ, навсегда, казалось, противопоставленныхъ другъ другу судьбою! Но часто это примиреніе интересовъ представляется мнѣ слишкомъ великимъ и прекраснымъ счастьемъ, чтобы можно было надѣяться на его осуществленіе, и мнѣ начинаетъ казаться, что Духъ Зла, всегда стремящійся къ разрушенію наиболѣе благодѣтельныхъ для человѣчества плановъ, сумѣетъ разбить также и этотъ планъ.

Согласно Вашему приказанію посылаю это письмо Ланскому. Если всѣ мои сужденія вызовутъ въ Вашемъ Величествѣ желаніе продолжать это дѣло, я льщу себя надеждой, что Ваше Величество соблаговолите какъ можно скорѣе увѣдомить меня о Вашихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ. Я, съ своей стороны, буду ожидать Вашихъ указаній съ величайшимъ нетерпѣніемъ. Ваше Величество благоволите приказать, чтобы курьеръ, который будетъ везти Ваше письмо ко мнѣ, ѣхалъ до заставы Рупъ, противъ города Влодавы, лежащаго въ десяти верстахъ отъ Бреста, вверхъ по Бугу, и вызвавъ къ себѣ судью этого города, Завадскаго, приходящагося мнѣ родственникомъ, передалъ ему Ваше ко мнѣ письмо.

Помимо этого пути, предлагаю еще одинъ, столь же надежный, ибо всегда хорошо имѣть выборъ и возможность

мѣнять средства: пусть курьеръ ѣдетъ до Устьлуга и велитъ сборщику таможенныхъ пошлинъ Грознову послать въ Порыцкъ за Голембіовскимъ, которому пусть и отдастъ письмо. Завадскій и Голембіовскій — вѣрные люди. Оба они будутъ предупреждены заранѣе, что пакеты эти должны быть пересланы въ Пулавы какъ можно скорѣе и черезъ вѣрнѣйшія руки. Курьеръ не долженъ говорить, что это письмо Вашего Величества. Лучше было бы, чтобы онъ былъ одѣтъ въ штатское платье и привлекалъ какъ можно меньше вниманія.

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и т. д.

P. S. Только что прибывшіе изъ Варшавы лица передаютъ, что тамъ много говорятъ о войнѣ и что, по свѣдѣніямъ изъ Россіи, тамъ будутъ сооружены военные склады, что внутри Россіи среди войскъ происходитъ броженіе, и это безпокоитъ поляковъ.

XXXI.

Императоръ—князю Адаму Чарторижскому.

Петербургъ, 31 января 1811 г.

Позавчера вечеромъ я получилъ, дорогой мой другъ, Ваше интересное письмо, отъ 18—30 января, и спѣшу немедленно отвѣтить Вамъ.

Затрудненія, о которыхъ Вы говорите, очень велики, я съ этимъ согласенъ, но такъ какъ большую часть изъ нихъ я предвидѣлъ и такъ какъ это дѣло обѣщаетъ столь важныя послѣдствія, то останавливаться на полъ-дорогѣ было бы наиболѣе пагубно.

Обдумавъ хорошо содержаніе Вашего письма, мнѣ кажется, я могу вывести изъ Вашего образа мыслей главнымъ образомъ слѣдующія заключенія:

1. Вы находитесь въ неизвѣстности относительно того, какой державой будетъ осуществлено возстановленіе Польши.

2. Въ такой же неизвѣстности Вы находитесь и относительно формы осуществленія этого возстановленія; Вы также боитесь, что не согласятся возстановить Польшу въ ея прежнихъ границахъ.

3. Вы находите необходимымъ для склоненія поляковъ въ нашу пользу увѣрить ихъ, что мы дадимъ имъ больше того, что они имѣютъ.

4. Вы опасаетесь, что количество боевыхъ силъ, которыя предполагается выставить противъ Наполеона, будетъ недостаточно.

Таковы пункты, съ которыхъ, мнѣ думается, я долженъ начать свой отвѣтъ; остальныхъ пунктовъ я коснусь въ дальнѣйшемъ изложеніи письма.

1. Держава, о которой я хотѣлъ съ Вами говорить и которая желаетъ взять на себя возстановленіе Польши— Россія.

2. Подъ возстановленіемъ я имѣю въ виду соединеніе всѣхъ бывшихъ частей Польши, включая и области, отошедшія къ Россіи, кромѣ Бѣлоруссіи, такъ, чтобы границами Польши явились: Двина, Березина и Днѣпръ.

3. Правительственные чиновники, всѣ установленныя власти, такъ же какъ и армія, должны быть чисто національными, польскими.

4. Не помня хорошо положеній конституціи 3-го мая, я не могу ничего рѣшить, не справившись съ ними, поэтому прошу Васъ прислать мнѣ ихъ. Во всякомъ случаѣ, Польшѣ будетъ предложена конституція либеральная, способная удовлетворить желанія населенія.

5. Чтобы убѣдить поляковъ въ искренности дѣлаемыхъ мною предложеній, прежде всего должно быть провозглашено возстановленіе Польши; съ этого собственно должно быть начато выполненіе плана.

6. Но при этомъ я ставлю слѣдующія условія sine qua non:

1. Царство Польское навсегда присоединится къ Россіи.

Русскій Императоръ съ этихъ поръ будетъ называться Императоромъ Россійскимъ и Царемъ Польскимъ.

2. Формальное и положительное удостовѣреніе въ томъ, что всѣ жители герцогства единодушно желаютъ и стремятся къ достиженію этого, гарантированное подписями наиболѣе извѣстныхъ лицъ въ Польшѣ.

Теперь попробую уменьшить Ваши страхи относительно недостаточности имѣющихся въ нашемъ распоряженіи военныхъ силъ.

Составъ главной дѣйствующей арміи, которая будетъ сражаться совмѣстно съ поляками, уже вполнѣ сформированъ; эта армія состоитъ изъ восьми дивизій пѣхоты, каждая въ полныхъ 10.000 человѣкъ,—это дивизіи: №№ 2, 3, 4, 5, 14, 17, 23,—и одной дивизіи гренадеръ; изъ 4-хъ дивизій кавалеріи, по 4000 лошадей въ каждой,—это дивизіи №№ 1, 2, 3, и 2-я дивизія кирасировъ. Вмѣстѣ это составитъ 96.000 человѣкъ. Кромѣ того, еще пятнадцать казачьихъ полковъ, составляющихъ 7.500 лошадей, а всего 106.500 человѣкъ.

Я перечисляю здѣсь только солдатъ безъ новобранцевъ. Въ помощь этой арміи пойдетъ другая, состоящая изъ одиннадцати дивизій пѣхоты №№ 1, 7, 9, 11, 12, 15, 18, 24, 26; одной дивизіи гренадеръ и одной гвардейской дивизіи, и изъ четырехъ дивизій кавалеріи, а именно: №№ 4, 5, 1-й кирасирской и одной—гвардейской кавалеріи. Кромѣ того семнадцать казачьихъ полковъ. Всего—134.000 человѣкъ.

Наконецъ, еще третья армія, состоящая изъ резервныхъ батальоновъ и эскадроновъ, располагаетъ 44.000 солдатъ и и 80.000 рекрутовъ, обучавшихся въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ при гарнизонахъ. Всѣ рекруты обмундированы.

Въ случаѣ необходимости, можно будетъ взять нѣсколько дивизій изъ арміи, стоящей въ Молдавіи, что не помѣшаетъ ей продолжать выполнять свою оборонительную миссію. Арміи же финляндская, грузинская, такъ же какъ и крымскій корпусъ, остаются цѣликомъ нетронутыми.

Прежде всего представляются два затрудненія.

1) Вопросъ о присоединеніи Галиціи, затруднительный по отношенію къ Австріи. Крайне необходимо поступать съ Австріей осторожно и избѣгать въ чемъ бы то ни было задѣвать ее. Въ виду этого, я рѣшилъ предложить ей, взамѣнъ Галиціи, Валахію и Молдавію, до рѣки Серетъ. Но необходимо отложить присоединеніе Галиціи до полученія на это согласія Австріи, чтобы доказать ей, что у насъ совершенно не имѣется враждебныхъ ей видовъ.

Слѣдовательно, Польское королевство будетъ вначалѣ образовано только изъ герцогства Варшавскаго и русско-польскихъ провинцій.

2) Второе затрудненіе, представляющее еще большую помѣху, касается вознагражденія саксонскаго короля. Хотя, впрочемъ, я буду считать себя обязаннымъ вознаградить его лишь въ томъ случаѣ, если онъ станетъ на мою сторону.

Установивъ эти факты, перехожу теперь къ обсужденію наиболѣе интересующаго меня вопроса.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ старается вызвать Россію на разрывъ съ нимъ, въ надеждѣ, что я сдѣлаю ошибку и открою наступленіе. При существующихъ обстоятельствахъ это дѣйствительно была бы ошибка, и я рѣшилъ ее не дѣлать. Но все положеніе вещей измѣнится, если поляки захотятъ соединиться со мной. Подкрѣпленный тогда 50.000 польскаго войска, 50.000 пруссаковъ, которые тогда также могутъ присоединиться безъ всякаго риска, и кромѣ того еще и тѣмъ моральнымъ переворотомъ, который безусловно вызовется въ Европѣ этимъ событіемъ, я могу тогда дойти до самаго Одера безъ всякихъ кровопролитій.

Согласенъ съ Вами, что предложить миръ слѣдуетъ. Предположимъ, что предложеніе это не будетъ принято и война станетъ неизбѣжной, и разсмотримъ внимательно и безпристрастно оба случая, насколько то и другое выгодно для поляковъ.

Первый случай. поляки привязаны къ Франціи и дѣйствуютъ заодно съ ней.

Подраздѣлимъ его на двое.

1) Возможно, что Наполеонъ, видя, что Россія рѣшила не дѣлать нападеній, также не захочетъ начинать первымъ; по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока его занимаютъ дѣла Испаніи и пока тамъ находятся значительныя массы его военныхъ силъ. Въ такомъ случаѣ все останется въ томъ же положеніи, какъ и теперь, и, слѣдовательно, и возстановленіе Польши будетъ отложено на болѣе долгій и весьма неопредѣленный срокъ.

2) Наоборотъ, если Наполеонъ нападетъ на Россію и въ то же время провозгласитъ возстановленіе Польши, Польша эта составится только изъ герцогства Варшавскаго, ибо вырвать у Россіи польскія провинціи прійдется силою оружія. Тѣмъ временемъ герцогство Варшавское и польскія провинціи сдѣлаются театромъ войны и всевозможныхъ грабежей. Такимъ образомъ можно съ увѣренностью утверждать, что послѣ подобной войны, каковы бы ни были результаты, Польша превратится только лишь въ огромнѣйшую пустыню, а ея жители явятся несчастнѣйшими жертвами послѣдствій этой войны.

Таковъ возможный результатъ возстановленія Польши Франціей.

Второй случай: Поляки соединяются и дѣйствуютъ совмѣстно съ Россіей.

Вѣрнѣйшіе результаты этого слѣдующіе:

1-е. Возстановленіе Польши не откладывается, а наоборотъ совершается немедленно.

2-е. Въ эту Польшу войдутъ герцогство Варшавское совмѣстно съ ея русскими провинціями. Кромѣ того можно будетъ довольно положительно надѣяться на присоединеніе къ ней и Галиціи.

3-е. Театръ военныхъ дѣйствій, вмѣсто центра Польши, перенесется на берега Одера.

Это результаты вѣрнѣйшіе, а вотъ результаты возможные:

1-е. Полнѣйшій переворотъ европейскаго общественнаго мнѣнія.

2-е. Весьма замѣтное уменьшеніе боевыхъ силъ Наполеона, а, слѣдовательно, увеличеніе для насъ шансовъ на успѣхъ, ибо ему будетъ очень трудно отозвать свои войска изъ Испаніи, имѣя тамъ дѣло съ разъяреннымъ противъ него народомъ, имѣющимъ болѣе 300,000 войска. Испанцы не удовольствуются его отступленіемъ, а проникнутъ во Францію, воспользовавшись новой войной, которая очутится на рукахъ у Наполеона.

3-е. Освобожденіе Европы отъ ига, подъ которымъ она томится.

4-е. Польша становится царствомъ, государствомъ, присоединеннымъ къ могущественной имперіи, силы которой, въ виду собственныхъ интересовъ, всегда будутъ готовы къ его защитѣ.

5-е. Торговля возстановится, нужда исчезнетъ, будетъ введена конституція на либеральныхъ основахъ, налоги будутъ приведены въ соотвѣтствіе съ расходами на нужды страны, и не будутъ, какъ теперь, вымогаться исключительно на содержаніе слишкомъ многочисленнаго войска, предназначеннаго на служеніе честолюбивымъ планамъ Наполеона.

6-е. И наконецъ, даже Ваши опасенія относительно 20000 поляковъ, состоящихъ на службѣ у Наполеона, не кажутся мнѣ обоснованными, ибо худшее, что могло бы съ ними случиться, это оставленіе ихъ тамъ на нѣкоторое время какъ бы въ качествѣ военноплѣнныхъ. Не будетъ ли у насъ основаній ко всѣмъ этимъ разсужденіямъ прибавить еще и то соображеніе, что такъ какъ успѣхъ Франціи связанъ исключительно съ личностью Наполеона, то если его не станетъ, интересъ Франціи къ Польшѣ рушится вмѣстѣ съ нимъ. Тогда какъ, наоборотъ,

тѣ войны съ Россіей, какія вызоветъ возстановленіе Польши Франціей, будутъ длиться безконечно и, послѣ смерти Наполеона, они станутъ еще интенсивнѣе. Какой источникъ бѣдствій для несчастнаго человѣчества, для потомства!

Такова картина, рисующаяся моимъ глазамъ, и вотъ мой изъ этого выводъ.

1-е. Я рѣшилъ не начинать войны съ Франціей, пока я не буду увѣренъ въ содѣйствіи поляковъ.

2-е. Если совмѣстныя дѣйствія поляковъ съ Россіей окажутся возможными, мнѣ необходимо будетъ получить несомнѣнныя удостовѣренія и доказательства этого, тогда только я буду въ состояніи дѣйствовать вышеуказаннымъ образомъ. Въ этомъ случаѣ Вамъ нужно будетъ прислать мнѣ всѣ необходимыя для этой цѣли бумаги, какъ напр. тексты воззваній, текстъ конституціи, и всѣ остальные необходимые акты. Они могутъ быть составленными только въ герцогствѣ Варшавскомъ, въ виду необходимости включенія туда многихъ мелкихъ деталей, которыхъ здѣсь не могутъ знать.

Мнѣ остается еще только сказать по поводу выраженной Вами боязни, что Коленкуръ проникъ въ нашу тайну. Узнать о ней было немыслимо, ибо даже канцлеръ ничего не знаетъ о нашей перепискѣ. Вопросъ этотъ обсуждался между нимъ и мной нѣсколько разъ, но я не желалъ, чтобы кто-либо зналъ о моихъ приготовленіяхъ къ этимъ мѣропріятіямъ. Что же касается военныхъ приготовленій, то я придалъ нимъ характеръ оборонительный и совершенно открытый. Сама Франція подала мнѣ къ этому поводъ послѣдовательнымъ увеличеніемъ своей арміи на сѣверѣ. Я говорилъ объ этомъ Коленкуру, а также черезъ Чернышева отправилъ въ Парижъ къ императору письмо, въ которомъ заявилъ о томъ же, утверждая, что мои планы заставляютъ меня принять мѣры предосторожности, но что я твердо рѣшилъ оставаться вѣрнымъ моей системѣ и никакихъ нападеній дѣлать не думаю.

Но вотъ въ чемъ я долженъ Вамъ признаться. Въ петер-

бургскомъ обществѣ все болѣе распространяется и укрѣпляется идея, что я долженъ принять титулъ царя Польши. Если съ одной стороны обстоятельство это даетъ увѣренность въ томъ, что эта мѣра будетъ встрѣчена всеобщимъ одобреніемъ, то съ другой—всѣ эти разговоры въ настоящій моментъ скорѣе вредны, чѣмъ полезны. Поэтому я, по возможности, стараюсь прекратить ихъ, утверждая, что это вещь невозможная и неосуществимая.

Я также долженъ предупредить Васъ, что мнѣ извѣстно изъ вѣрныхъ источниковъ, что за Вами слѣдитъ французская полиція, поэтому удвойте Вашу бдительность и осторожность, даже въ отношеніи людей близкихъ Вамъ. Назначеніе Биньона вмѣсто Серры создаетъ намъ лишнюю заботу, его считаютъ человѣкомъ чрезвычайно неспокойнымъ.

Буду для нашей переписки пользоваться указанными Вами путями. Прилагаю здѣсь два подписанныхъ бланка для пропуска на нашихъ границахъ, на случай, если бы Вамъ понадобилось послать мнѣ экстренныхъ курьеровъ.

Буду ждать Вашего отвѣта съ величайшимъ нетерпѣніемъ.

Весь Вашъ навсегда душой и сердцемъ.

Прошу Васъ передать тысячу пожеланій отъ меня Вашимъ родителямъ и Вашимъ братьямъ и сестрамъ.

XXXII.

Императоръ къ князю Адаму Чарторижскому.

С.-Петербургъ, 1 апрѣля 1812 г.

Не знаю, дорогой другъ, поняли ли Вы причину моего молчанія.

Ваши предыдущія письма дали мнѣ слишкомъ малую надежду на возможность успѣха, чтобы я имѣлъ право дѣйствовать. Я могъ бы рѣшиться на это только лишь при условіи

какой-либо надежды на успѣхъ. Итакъ, поэтому я долженъ былъ покориться и ждать дальнѣйшихъ событій и не вызывать борьбы, всю важность и опасность которой я сознаю, хотя и не думаю, что этимъ избѣгну ея.

Была еще у меня и другая причина: я узналъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, что за каждымъ Вашимъ шагомъ слѣдятъ, и что вокругъ Васъ было организовано самое ловкое шпіонство. Поэтому я не желалъ подвергать Васъ ни малѣйшей опасности и полагалъ, что полное прекращеніе на значительный промежутокъ времени нашихъ сношеній успокоитъ имѣвшіяся на Вашъ счетъ подозрѣнія, и что затѣмъ, усиливъ еще болѣе нашу осторожность и осмотрительность, мы будемъ имѣть возможность возобновить нашу переписку безопасно для Васъ.

Все же, въ концѣ концовъ, въ силу ли того, что мысль о возможности осуществленія нашихъ плановъ не могла не зародиться сама по себѣ въ умахъ мыслящихъ людей, или же по нескромности кого-либо изъ Вашихъ соотечественниковъ, которые, съ добрыми намѣреніями, распространили свои собственныя идеи, планы эти стали извѣстны въ обществѣ, что могло намъ только повредить. Такъ напр. о нихъ даже былъ уже разговоръ въ Дрезденѣ и Парижѣ. Всѣ эти соображенія и заставили меня молчать такъ долго. Но ни мой интересъ къ занимавшимъ насъ идеямъ, ни мое рѣшеніе привести ихъ въ исполненіе, когда обстоятельства будутъ тому способствовать, не покидали меня ни на минуту. Прилагаемыя при семъ бумаги могутъ доказать Вамъ это лучше всякихъ моихъ словъ.

Разрывъ съ Франціей, повидимому, неизбѣженъ. Цѣль Наполеона—уничтожить или, по крайней мѣрѣ, унизить послѣднюю стоящую еще на ногахъ державу въ Европѣ, и чтобы достичь этого, онъ выдвигаетъ требованія совершенно непріемлемыя и несовмѣстимыя съ честью Россіи:

1. Онъ требуетъ закрыть доступъ въ Россію нейтральнымъ

судамъ. Это значитъ лишить себя единственныхъ оставшихся у насъ путей для сбыта произведеній своей страны.

2. Въ то же время онъ желаетъ, чтобы мы, лишенные всякой возможности вывоза нашихъ собственныхъ продуктовъ, не ставили никакихъ препятствій ко ввозу въ Россію французскихъ предметовъ роскоши, къ чему нами были приняты запретительныя мѣры, такъ какъ мы не такъ богаты, чтобы оплачивать ихъ.

Такъ какъ я ни въ какомъ случаѣ не соглашусь на подобнаго рода предложенія, то, вѣроятно, въ результатѣ явится война, несмотря на всѣ старанія Россіи избѣжать ея. Еще прольются потоки крови, и бѣдное человѣчество еще разъ будетъ принесено въ жертву ненасытному честолюбію человѣка, созданнаго, повидимому, на его несчастье. Вы человѣкъ слишкомъ просвѣщенный для того чтобы не понимать, насколько ему чужды либеральныя идеи въ отношеніи Вашего отечества. Наполеонъ имѣлъ по этому поводу конфиденціальные разговоры съ посланниками Австріи и Пруссіи, и тонъ этихъ его бесѣдъ прекрасно рисуетъ и его личный характеръ, и то, какъ мало у него уваженія къ Вашимъ соотечественникамъ, на которыхъ онъ смотритъ, какъ на орудіе своей ненависти къ Россіи.

Война эта, которой, какъ мнѣ кажется, я не могу уже избѣжать, освобождаетъ меня отъ обязанности относиться съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ я до сихъ поръ относился, къ интересамъ Франціи и даетъ мнѣ право отдаться осуществленію моей завѣтной мечты о возстановленіи Вашего отечества.

Итакъ, теперь надо только рѣшить, какого пути наиболѣе выгодно держаться, чтобы обезпечить успѣхъ нашимъ планамъ. Чтобы Вы имѣли больше возможности обосновать свое мнѣніе, считаю полезнымъ дать Вамъ нѣкоторыя указанія относительно военныхъ операцій.

Хотя перемѣщеніе всѣхъ нашихъ боевыхъ силъ до Вислы и даже за нее и обезпеченіе себѣ такимъ образомъ возможности

войти въ Варшаву и не является для насъ дѣломъ неосуществимымъ, все же будетъ осторожнѣе не строить нашихъ разсчетовъ на предположеніи столь благопріятныхъ шансовъ. Отсюда вытекаетъ необходимость направлять наши дѣйствія, независимо отъ разсчета на тѣ средства и на тѣ результаты, какіе получились бы для насъ отъ занятія Варшавы. Поэтому намъ придется сосредоточить наши дѣйствія въ нашихъ провинціяхъ.

Теперь является необходимость разрѣшить нѣсколько чрезвычайно важныхъ вопросовъ:

Когда удобнѣе всего объявить возстановленіе Польши?

Въ самый ли моментъ разрыва съ Франціей?

Или позже, когда военныя дѣйствія принесутъ уже намъ нѣкоторыя важныя выгоды?

Если второе предпочтительнѣе, будетъ ли полезно для успѣха нашихъ плановъ организовать—какъ предварительную мѣру—Великое Герцогство Литовское, давъ ему одну изъ двухъ приготовленныхъ конституцій?

Или же отложить эту мѣру и сдѣлать это одновременно съ возстановленіемъ всей Польши?

Относительно этихъ именно вопросовъ я прошу Васъ высказать мнѣ откровенно Ваше мнѣніе; я хотѣлъ бы также знать его и относительно прилагаемыхъ здѣсь двухъ проектовъ и какой изъ нихъ Вы предпочитаете. Быть можетъ, Вы найдете болѣе полезнымъ изъ этихъ двухъ проектовъ скомбинировать новый, третій? Предоставляю Вамъ руководиться въ этомъ Вашимъ собственнымъ убѣжденіемъ.

Не буду болѣе говорить здѣсь о тѣхъ двухъ шансахъ, какіе можно предвидѣть въ этой борьбѣ для Россіи. Мнѣ кажется, что я уже исчерпалъ этотъ вопросъ въ моихъ предыдущихъ письмахъ. Я удовольствуюсь лишь напоминаніемъ, что русская армія имѣетъ за собой безконечное пространство для отступленія съ тѣмъ, чтобы не дать себя разбить. Для Наполеона же затрудненія будутъ возрастать, по мѣрѣ его удале-

нія отъ источниковъ своихъ средствъ и силъ. Если война начнется, здѣсь рѣшено не складывать болѣе оружія. Собранныя военныя силы очень велики; общественное настроеніе прекрасно и совершенно не походитъ на то, какое Вы наблюдали первые два раза. Нѣтъ болѣе того чванства, порождавшаго презрѣніе къ врагу.

Напротивъ, всѣ хорошо сознаютъ всю силу врага, считаютъ весьма возможными всякія для насъ несчастья, но несмотря на это всѣ твердо настроены до послѣдней возможности поддерживать честь страны.

Какое впечатлѣніе могло бы произвесть въ подобныхъ обстоятельствахъ сліяніе съ поляками! Какъ огромно было бы оно! И вся эта масса нѣмцевъ, уступая силѣ, безъ сомнѣнія, послѣдовала бы ихъ примѣру. Неужели же невозможно добиться осуществленія этого важнаго дѣла?

Швеція заключила съ нами наступательный и оборонительный договоръ. Наслѣдный принцъ горитъ желаніемъ стать противникомъ Наполеона, противъ котораго имѣетъ старую личную вражду и, идя по слѣдамъ Густава Адольфа, онъ только и желаетъ быть полезнымъ дѣлу, ставшему дѣломъ угнетенной Европы.

Вы, который всегда были такъ преданы этому самому дѣлу, Вы, я не сомнѣваюсь въ этомъ, поймете, какимъ неизмѣримымъ благомъ будетъ для Европы и для всего человѣчества вообще побѣда надъ Наполеономъ. А какъ полякъ, Вы не можете обманываться на счетъ всѣхъ тѣхъ несчастій, какимъ подвергнетъ себя Ваша родина, если, пойдя подъ знаменами Франціи, она тѣмъ самымъ дастъ Россіи право отмстить ей за все зло, какое будетъ ей этимъ причинено.

Я хочу, чтобы Вы прислали мнѣ списокъ лицъ, на содѣйствіе которыхъ мы можемъ разсчитывать. Было бы весьма хорошо, если бы среди нихъ находились военные изъ арміи герцогства.

Слѣдуя Вашимъ совѣтамъ, я былъ до сихъ поръ чрезвы-

чайно умѣреннымъ по отношенію къ тѣмъ Вашимъ соотечественникамъ изъ нашихъ провинцій, которые у насъ находятся на счету людей, весьма плохо настроенныхъ къ Россіи, надѣясь, что подобное мое отношеніе будетъ оцѣнено. Однако, это скорѣе было принято за доказательство притворства, внушаемаго нѣкоторымъ страхомъ. Но разъ начнется война, крайне необходимо будетъ опредѣлить образъ своего поведенія по отношенію къ этимъ людямъ. Отъ этого зависитъ общая безопасность, и я очень желаю знать Ваше объ этомъ мнѣніе.

Прошу Васъ, мой дорогой другъ, послать Вашъ отвѣтъ мнѣ въ Вильно черезъ гродненскаго губернатора Ланского, или же какимъ-либо инымъ путемъ, какой Вамъ покажется наиболѣе вѣрнымъ и скорымъ. Это письмо къ Вамъ везетъ Ключинскій,

Я вспоминаю, что не отвѣтилъ на Вашу приписку въ послѣднемъ письмѣ, отъ 25 января. Мысль заставить Наполеона добровольно возстановить Польшу, отдавъ ее подъ суверенитетъ короля —Императора Россіи—химерична. Никогда онъ не согласится на столь выгодный для Россіи шагъ, а въ особенности въ такой моментъ, когда онъ только и занятъ составленіемъ плановъ для ея разрушенія. То, что Россія не помѣшала ему захватить Пруссію, благодаря невозможности сдѣлать это, никогда не объяснитъ онъ любезностью съ ея стороны. Причиной же этой невозможности было полное отсутствіе энергіи у прусскаго короля, который въ своемъ дворцѣ и въ Берлинѣ хотѣлъ видѣть все свое государство.

До свиданія, дорогой другъ мой. Только одному Провидѣнію извѣстенъ конецъ, уготованный всѣмъ надвигающимся великимъ событіямъ. Мнѣ было бы очень пріятно хотя бы на короткое время видѣться съ Вами въ столь интересный моментъ, въ Вильно, куда я ѣду черезъ три дня. Но я не смѣю предлагать Вамъ этого, прекрасно сознавая всю опасность для Васъ подобной поѣздки. Руководитесь во всемъ только лишь

Вашей осторожностью и считайте меня вѣчно всей душой и сердцемъ преданнымъ Вамъ.

Засвидѣтельствуйте мое глубочайшее почтеніе всей Вашей семьѣ, которую я искренно люблю.

XXXIII

Князь Адамъ Чарторижскій къ Императору.

4 іюля (22 іюня) 1812 года. *)

Съ первой же минуты, когда я имѣлъ счастье приблизиться къ Вашему Императорскому Величеству, Вамъ стала извѣстна вся моя глубокая привязанность къ отечеству, и въ

*) Не трудно замѣтить, что между этимъ письмомъ и предыдущими событія уже подвинулись впередъ. Война между Россіей и Франціей была уже не возможной случайностью, къ которой обѣ стороны готовились; это былъ фактъ совершившійся. Кампанія уже началась. 26 іюня 1812 г. въ Варшавѣ собрался Сеймъ, подъ предсѣдательствомъ князя Адама-Казимира Чарторижскаго, отца князя Адама, объявившій возстановленіе Царства Польскаго, созвавшій повсюду сеймики и провозгласившій образованіе общенаціональной конфедераціи.

Всѣмъ полякамъ, находившимся на службѣ у русскаго правительства, было предложено оставить ее. Изъ этого видно, въ какомъ тяжеломъ и щекотливомъ положеніи очутился благодаря этому князь Адамъ Чарторижскій, поставленный между своими обязанностями патріота, которыя онъ ставилъ выше всего, и близостью, связывавшею его съ императоромъ Александромъ, близостью, еще болѣе усилившеюся, благодаря недавнимъ сообщеніямъ ему Императоромъ своихъ плановъ относительно Польши.

Чтобы дать вполнѣ законченную характеристику поведенія, въ этихъ условіяхъ, князя Адама, слѣдовало бы наряду съ этими его письмами къ Императору помѣстить и его прекрасное письмо къ Матушевичу, министру герцогства Варшавскаго, въ которомъ онъ объясняетъ причины, не позволявшія ему пріѣхать въ Варшаву. Письмо это было опубликовано въ „Очеркѣ политическаго положенія Царства Польскаго подъ владычествомъ Россіи“. Парижъ, 1832 года.

теченіе длиннаго ряда лѣтъ, проведенныхъ мною въ Россіи, мои неизмѣнныя въ этомъ отношеніи чувства всегда были открыты передъ Вами, и Вы могли даже во многихъ случаяхъ слѣдить за ихъ развитіемъ.

Полякъ по происхожденію, воспитанный въ принципахъ самаго искренняго патріотизма, свидѣтель того счастья, которое слишкомъ краткими мгновеніями, казалось, улыбалось моей несчастной отчизнѣ, я раздѣлялъ энтузіазмъ, охватившій въ то время всѣ сердца, и сражался, защищая ее въ дѣлѣ, настолько же справедливомъ, насколько она была несчастна.

Эти впечатлѣнія моей юности неизгладимыми буквами начертали въ моей душѣ тѣ обязанности, какія каждый человѣкъ беретъ на себя въ отношеніи своего отечества отъ рожденія.

Когда Ваше Императорское Величество пожелали, чтобы я принялъ активное участіе въ государственныхъ дѣлахъ, вначалѣ я умолялъ Васъ освободить меня отъ этого, напоминая Вамъ, что благодаря возможнымъ случайностямъ въ будущемъ упованія Польши и мои извѣстныя Вамъ на этотъ счетъ чувства могутъ поставить меня въ противорѣчіе съ честнымъ выполненіемъ моего служебнаго долга, и что поэтому я долженъ избѣгать ставить себя въ столь опасное и затруднительное положеніе въ отношеніи моихъ обязанностей.

Когда же, въ концѣ концовъ, я подчинился Вашей волѣ и принялъ мѣсто въ министерствѣ, то съ Вашего согласія, условіемъ, ограничивавшимъ мою службу, мною были поставлены именно эти соображенія, эти главнѣйшія мои обязанности. Желая слить ихъ съ тѣми, которыя возлагались на меня моей личной привязанностью къ особѣ Вашего Императорскаго Величества, и тѣмъ довѣріемъ, какимъ я имѣлъ честь у Васъ пользоваться, я предлагалъ Вамъ семь лѣтъ назадъ первому сдѣлать шагъ къ устройству дѣлъ Польши и навсегда привязать къ себѣ желанія и стремленія моихъ соотечественниковъ, сливъ дѣло ихъ жизни съ дѣлами Вашей славы.

Излишне разсуждать здѣсь, насколько Вашему Императорскому Величеству слѣдовало тогда держаться этого плана. Я также не считаю себя въ правѣ распространяться о причинахъ, помѣшавшихъ его осуществленію. Въ позднѣйшее время было нѣсколько моментовъ, которые могли оказаться благопріятными для его выполненія, но ими не воспользовались, они ускользнули, а тѣмъ временемъ препятствія дѣйствовать въ этомъ направленіи пропорціонально возрастали. Ваше Императорское Величество были добры и снизошли къ моимъ убѣдительнѣйшимъ просьбамъ, разрѣшивъ мнѣ съ лѣта 1806 года оставить мѣсто въ министерствѣ, которое Вы благоволили довѣрить мнѣ. То, что въ началѣ моей общественной карьеры въ Россіи было для меня лишь неяснымъ, тревожнымъ предчувствіемъ, превратилось затѣмъ въ вполнѣ справедливое опасеніе. Опасеніе это росло ежедневно по мѣрѣ смѣнявшихъ другъ друга политическихъ событій, по которымъ можно было видѣть, чего предстояло еще ожидать въ будущемъ; эти опасенія разростались благодаря образованію герцогства Варшавскаго, въ которомъ каждый полякъ призналъ первый признакъ возрожденія своего отечества; благодаря войнѣ 1806 года, въ которой мои соотечественники, принадлежащіе двумъ различнымъ державамъ, соединились и показали безграничную преданность своей общей родинѣ, въ герцогство перебрались всѣ члены моей семьи, и оно стало ея постояннымъ мѣстожительствомъ.

Я уже тогда сталъ чувствовать, что во многихъ обстоятельствахъ не могу болѣе примирять своихъ необходимо сталкивавшихся обязательствъ, и предвидѣлъ, что наступаетъ моментъ, когда они и вовсе станутъ въ прямое противорѣчіе другъ другу.

Ваше Императорское Величество часто имѣли случай видѣть мою тревогу. Ненавидя всякое двусмысленное поведеніе, неспособный на него, я старался держаться вдали отъ Петербурга; я даже просилъ, - этому скоро будетъ два года,—моей

окончательной отставки, позволивъ себѣ, Государь, напоминать Вамъ объ этой просьбѣ въ двухъ письмахъ подрядъ.

Отказавъ мнѣ въ отставкѣ, Ваше Величество были все же такъ добры, что разрѣшили мнѣ продолжать пребываніе въ семьѣ, въ этомъ единственно желательномъ мнѣ убѣжищѣ, гдѣ я могъ временно укрыться отъ устрашавшихъ меня конфликтовъ. Событія, непосредственно предшествовавшія настоящему кризису, заставили меня рѣшиться въ моихъ послѣднихъ письмахъ, отъ 22 мая—4-го іюня и отъ 1—13 іюня—повторить мою просьбу объ окончательной отставкѣ съ тѣмъ большей настойчивостью, чѣмъ сильнѣе возростала затруднительность моего положенія.

Насталъ моментъ, Ваше Величество, когда я не могу болѣе совмѣщать мои различныя обязательства. Какъ бы я ни былъ преданъ моему отечеству, какъ бы я ни желалъ его счастья, съ тревогой и тяжелымъ сердцемъ, я все же сообщаю Вашему Величеству, что пришелъ къ этому убѣжденію. Сдѣлать тотъ или иной выборъ становится необходимымъ. Я глубоко чувствую, какъ трудно и тяжело въ моемъ положеніи сдѣлать его. Но разъ это неизбѣжно, то можно ли сомнѣваться въ томъ, каковъ онъ будетъ, если онъ долженъ быть сдѣланъ предъ наиболѣе строгимъ судомъ человѣческимъ, тщательно взвѣшивающимъ и сопоставляющимъ всѣ обязанности,—судомъ совѣсти, приговоры котораго Ваша благородная душа не можетъ не чувствовать и не признавать. Возстановленіе Польши было торжественно провозглашено конфедераціей, во главѣ которой поставленъ мой отецъ. Имя Польши, исходящее изъ его устъ, и разъ оно уже имъ произнесено, становится для меня закономъ. Начавшіяся уже, къ сожалѣнію, жестокости и всякаго рода бѣдствія, гибельное развитіе которыхъ не можетъ быть остановлено даже и Вашимъ великодушіемъ, доведутъ до крайности закоренѣлую вражду между обѣими націями, которыя должны были бы считать себя сестрами. Кровопролитная война или упрочитъ существованіе

моей родины, или же покроетъ ее трауромъ, превратитъ въ пустыню, довершитъ ея несчастья.

Но какова бы ни была уготовлена ей судьба, я долженъ ее раздѣлить.

Уже мся семья, мои друзья, съ моимъ отцомъ во главѣ, послѣдовали призыву, обращенному къ нимъ отъ ея имени. Лишь одинъ я отказался. Въ силу глубокаго сознанія обязанностей чести и безпрестанныхъ милостей Вашего Императорскаго Величества, я даже и въ настоящее время отдаляюсь отъ мѣста сихъ дѣйствій, гдѣ рѣшается судьба всего того, что привязываетъ меня къ жизни. Я уѣзжаю для лѣченія на воды въ Венгрію и Богемію. Но, уѣзжая, я вынужденъ вернуться вновь къ моимъ настояніямъ и еще разъ повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества просьбу о моей формальной отставкѣ.

По 6-й статьѣ конфедераціи всѣ поляки, находившіеся на гражданской или военной службѣ въ Россіи, должны перестать служить этой державѣ.

Я думаю, Государь, что привязанность мою къ Вамъ доказалъ; мои лучшіе годы были посвящены Вамъ. Пока я былъ у Васъ на службѣ, я служилъ Вашему Величеству съ самымъ ревностнымъ стараніемъ. По удаленіи отъ нея я также на всѣ Ваши вопросы отвѣчалъ по совѣсти; я всегда говорилъ только лишь правду, часто даже навлекая на себя этимъ Ваше неудовольствіе. Упрекнуть меня ни въ чемъ не могутъ. Ни одно частное горе, ни горе общественное не можетъ быть приписано мнѣ. Я честно и усердно, насколько могъ, исполнялъ мои обязанности не только въ отношеніи Вашего Величества, но даже и въ отношеніи Вашего государства. Всегда и во всѣхъ обстоятельствахъ моимъ единственнымъ желаніемъ было выполнить долгъ, и въ настоящій моментъ онъ предписываетъ мнѣ порвать узы, удерживавшія меня на службѣ у Россіи. Слѣдуя ему и заклиная Ваше Императорское Величество не отказать дать мнѣ окончательную отставку, я долженъ ска-

зать, что сердце мое, болѣе чѣмъ когда-либо, переполнено тѣми чувствами, какія я къ Вамъ питалъ. Но я не былъ бы способенъ оставаться столь вѣрнымъ своимъ чувствамъ, такъ вести себя, чтобы не заслужить ни одного упрека, какъ до сихъ поръ, если бы могъ въ настоящій моментъ молчать и забыть свои главныя обязанности.

Благоволите, Государь, на минуту поставить себя на мое мѣсто; подумайте о томъ, что дѣлается въ моей душѣ, и соизвольте увѣдомить меня о своихъ рѣшеніяхъ.

Если мое поведеніе вызоветъ гнѣвъ Вашего Императорскаго Величества, я не прошу у Васъ никакого къ себѣ снисхожденія, какъ у Монарха, который долженъ руководиться государственными соображеніями. Я прошу Васъ только вспомнить, каковъ всегда былъ мой образъ мыслей, какія побужденія руководили всегда моими дѣйствіями, и не лишать меня Вашихъ личныхъ чувствъ ко мнѣ, которыя я цѣню наиболѣе высоко.

Я никогда не забуду милостей, которыми Ваше Величество меня осыпали. Благоволите принять увѣреніе въ моей преданности, предѣлъ безграничности которой могъ положить только долгъ.

Остаюсь съ глубочайшимъ уваженіемъ и проч.

XXXIV.

Князь Адамъ Чарторижскій къ Императору.

Карлсбадъ 4—16 августа 1812 года.

Не получая отвѣта на мое послѣднее письмо, отъ 4-го іюля, которое я позволилъ себѣ написать Вашему Императорскому Величеству, умоляя Васъ объ окончательной моей отставкѣ, о которой я просилъ уже въ прежнихъ моихъ письмахъ, я вынужденъ теперь довести до свѣдѣнія Вашего Импе-

раторскаго Величества, что, потерявъ надежду получить этотъ отвѣтъ, я буду поставленъ въ необходимость не откладывать далѣе извѣстнаго срока мое вступленіе въ польскую конфедерацію. Давъ на это согласіе, я признаю себя полякомъ и тѣмъ заявлю, что не отдѣляюсь отъ союза, въ которомъ единодушно слилась вся нація. Мнѣ невозможно будетъ не сдѣлать подобнаго заявленія.

Будущее до сихъ поръ весьма неясно, но, что бы тамъ ни было, всякая нація теперь можетъ возлагать надежды только на тѣсную связь между собой своихъ членовъ; и что ждетъ того человѣка, который въ подобныхъ обстоятельствахъ отдѣлился бы отъ своей націи и оказался бы безъ отечества?

Вотъ уже въ третій разъ, въ теченіе весьма короткаго времени, я отвергаю и не поддаюсь настояніямъ, все болѣе и болѣе возрастающимъ, съ которыми не перестаютъ обращаться ко мнѣ по этому поводу. Я предвижу, что настоянія эти скоро усилятся. Никакое путешествіе, никакое удаленіе не могутъ укрыть меня отъ нихъ. Отдѣляю ли я особу Вашего Императорскаго Величества отъ русскаго правительства, или же бываю вынужденъ слить ихъ воедино, мнѣ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ выставляются разнаго рода основанія и побужденія, наиболѣе способныя произвести впечатлѣніе, и чтобы не дать мнѣ никакой возможности увернуться.

Поляка, конечно, никто не можетъ заставить,—для него это было бы неизвинительно,—жертвовать собой для русскаго правительства, которое было главнымъ виновникомъ несчастій и разрушенія его родины, и которое, покинувъ на произволъ судьбы большую часть польскихъ провинцій и учинивъ при отступленіи всякія жестокости, дало право этимъ провинціямъ снять съ себя временныя оковы, съ самаго начала несправедливо на нихъ наложенныя.

Когда подобнаго рода причина уничтожается, немедленно прекращаются также и ея слѣдствія, и разъ провинціи стали независимыми, независимы стали и отдѣльныя личности. Всякій

свободный человѣкъ, какъ только онъ подалъ въ отставку, считается получившимъ ее. Упорствовать въ ожиданіи формальной отставки, которую, быть можетъ, русское правительство никогда не захочетъ дать, значило бы искать предлога укрыться на случай неблагопріятныхъ шансовъ, а затѣмъ явиться и воспользоваться результатами, добытыми всей націей цѣною усилій и опасностей. Что же касается привязанности и благодарности, то если чувства эти сильны въ одномъ случаѣ, они также не менѣе сильны и въ другомъ, когда столько старыхъ друзей, уважаемыхъ родственниковъ и горячо любимая семья предъявляютъ на нихъ свои права. Къ тому же всѣми признано, что личныя чувства, какъ бы они ни были достойны уваженія, должны всюду и всегда уступать мѣсто тѣмъ, въ какихъ нуждается родина. Вотъ то, что мнѣ постоянно говорятъ и напоминаютъ наши и на что я не знаю какъ отвѣчать. Къ этому прибавляются еще и другія основанія, которыя, хотя и важны по-своему, но все же второстепенны, и о которыхъ я не буду упоминать, ибо, во всѣхъ другихъ условіяхъ, они не могли бы повліять на меня.

Нѣтъ сомнѣнія, что важнѣйшимъ долгомъ является долгъ по отношенію къ родинѣ, и что наибольшее для человѣка несчастье,—навлечь на себя неуваженіе, пренебреженіе своихъ соотечественниковъ и не имѣть возможности прямо смотрѣть всѣмъ въ глаза въ своей собственной отчизнѣ. Я не въ состояніи, признаюсь въ этомъ, перенести мысль о возможности такого для меня несчастья, точно также не могу я стать и эмигрантомъ. Сдѣлать это въ настоящее время для поляка и не имѣетъ никакого смысла, и не заключаетъ въ себѣ ничего доблестнаго. Итакъ, я вынужденъ буду рѣшиться. Требованія самыхъ глубокихъ узъ, и еще болѣе могущественный голосъ долга, предписываютъ мнѣ это, а настоятельнѣйшая въ этомъ необходимость дѣлаетъ это для меня закономъ.

Я льстилъ себя надеждой, что Ваше Императорское Величество, зная мое положеніе и мой всегдашній образъ мыслей,

и въ силу своего прежняго благосклоннаго ко мнѣ отношенія, благоволите прислать мнѣ нѣсколько словъ въ отвѣтъ, ранѣе, чѣмъ я буду доведенъ до необходимости принять столь крайнее рѣшеніе. Но какъ бы тамъ ни было, я долженъ буду Ваше молчаніе признать за согласіе. Объ этомъ я и хотѣлъ заранѣе освѣдомить Ваше Императорское Величество.

Можетъ ли быть у меня, въ томъ тяжеломъ положеніи, въ какомъ я нахожусь, какое-либо иное желаніе, кромѣ того, чтобы ничего не упустить и выполнить все, что должно и что слѣдуетъ, и что можетъ даже и теперь, Государь, послужить Вамъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ, которыми я проникнутъ.

Остаюсь и проч.

XXXV.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Вѣна 9 октября 1912 года.

Поручивъ мои оба письма къ Вашему Императорскому Величеству, отъ 22 іюня (4 іюля) и отъ 4—16 августа минувшаго лѣта, людямъ весьма вѣрнымъ, я не могу сомнѣваться въ томъ, что письма эти давно уже получены Вами. Въ первомъ изъ нихъ я умоляю Васъ, Ваше Величество, дать мнѣ формальную отставку, о которой просилъ еще раньше, и позволилъ себѣ высказать причины, побуждающія меня повторить эту просьбу. Во второмъ письмѣ я осмѣлился изложить Вашему Величеству, что если я не получу никакого отъ Васъ отвѣта, то въ виду неожиданно сложившихся обстоятельствъ, я вынужденъ буду въ концѣ концовъ принять Ваше молчаніе, Государь, за согласіе. Но я утѣшалъ себя надеждой, что прежде чѣмъ я буду поставленъ въ подобное положеніе, Вы соблаговолите увѣдомить меня о Вашихъ благопріятныхъ для меня рѣшеніяхъ. Но отвѣта нѣтъ и до сихъ поръ.

Я понимаю, что у Вашего Императорскаго Величества есть

много другихъ заботъ помимо отвѣтовъ на мои письма. Тѣмъ не менѣе, если Ваше Величество не окончательно еще лишили меня той благосклонности, какой я имѣлъ честь пользоваться въ прежнее время, если Вы еще хотя немного интересуетесь мной, благоволите обратить вниманіе, что единственно возможное для меня счастье въ жизни—это вернуться на родину и соединиться съ моей семьей (не говоря уже о долгѣ, который меня къ тому обязываетъ). Счастье это было бы жестоко отравлено, если бы воспользоваться имъ я долженъ былъ бы противъ воли Вашего Императорскаго Величества, навлекая на себя этимъ Вашъ гнѣвъ, или же былъ бы вынужденъ удовольствоваться только лишь предполагаемымъ или молчаливымъ согласіемъ. Въ настоящее время единственное мое желаніе— сидѣть спокойно, но только не разлучаться болѣе со своими. Какія бы событія ни готовило намъ будущее, почему Вашему Императорскому Величеству не удовлетворить просьбу, вновь повергаемую мною къ Вашимъ стопамъ съ величайшей и почтительнѣйшей настойчивостью? Развѣ, рѣшившись обратиться къ Вашему Величеству съ этой просьбой, я преувеличивалъ Ваше къ себѣ великодушное расположеніе? Является ли это съ моей стороны притязаніемъ на милость, на которую я не имѣю никакого права и которая явилась бы слишкомъ большимъ исключеніемъ изъ общаго правила, усвоеннаго Вашимъ правительствомъ? Но даже и въ этомъ случаѣ у меня нашлись бы основанія, говорящія въ мою пользу и въ пользу того, чтобы для меня Вами было сдѣлано это исключеніе,—чтобы Вы дали мнѣ свое согласіе, которому я придаю несказанную цѣну въ силу тѣхъ чувствъ, какія питалъ къ Вамъ въ теченіе столькихъ лѣтъ.

Съ другой стороны, рѣшительный отказъ принять отставку, такъ давно уже просимую, лишая меня всякой надежды добиться ея, не даетъ ли онъ мнѣ право считать себя свободнымъ? Меня увѣряли, что въ одномъ изъ писемъ Вашего Величества, адресованномъ мнѣ, заключался именно такой отказъ.

Но этого письма я никогда не получалъ, а если оно и существуетъ, то мнѣ совершенно неизвѣстно его содержаніе.

Какъ бы тамъ ни было, если я, по прошествіи еще шести недѣль не получу никакого отвѣта, то могу ли я не принять этого долгаго молчанія за доказательство того, что Ваше Величество не думаете болѣе обо мнѣ, что съ этихъ поръ Вамъ будетъ безразлично, какова бы ни была моя судьба, и что, предавъ меня забвенію, Вы даете мнѣ право слѣдовать тому образу дѣйствій, какой потребуютъ отъ меня обстоятельства и обязанности? Впрочемъ, даже и по прошествіи этого срока, который я постараюсь отодвинуть насколько мнѣ это позволятъ вышесказанныя обязанности, получить отвѣтъ отъ Васъ, Ваше Величество, будетъ предметомъ всѣхъ моихъ желаній. Если отвѣтъ этотъ будетъ благопріятнымъ,—онъ явится самымъ драгоцѣннымъ благодѣяніемъ, какое только Вы могли для меня сдѣлать, если же онъ будетъ неблагопріятнымъ,—буду смотрѣть на это, какъ на одно изъ несчастій моей жизни.

Если не будетъ никакой возможности отложить необходимый шагъ, и я увижу себя вынужденнымъ примкнуть къ польской конфедераціи, я буду всегда повторять моимъ соотечественникамъ то, что Ваше Императорское Величество всегда знали о моихъ чувствахъ,—то, о чемъ я поспѣшилъ заявить въ моихъ двухъ письмахъ, которыя я осмѣлился написать Вамъ. Изъ нихъ Вамъ уже извѣстно мое согласіе вступить въ конфедерацію и признать себя полякомъ. Я считалъ своею обязанностью сообщить его прежде всего Вамъ, полагаясь всецѣло на Ваше справедливое рѣшеніе, готовый заранѣе принять всѣ послѣдствія, какія рѣшеніе это могло бы повлечь за собой въ этотъ моментъ полной неизвѣстности относительно исхода войны. Собственно говоря, въ настоящій моментъ, я ничего не имѣлъ добавить къ тѣмъ двумъ письмамъ, но я не хотѣлъ пропустить представившагося случая написать въ Россію, и воспользоваться имъ, чтобы напомнить о томъ, о чемъ просилъ въ прежнихъ письмахъ, и послать Вашему Величеству эти

строки, которыя пишу съ грустью и тревогой. Въ такомъ состояніи я нахожусь уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но среди всяческихъ огорченій, обрушивающихся на меня, болѣе всего меня постоянно тревожитъ мысль о Васъ, Ваше Величество, о Вашей безопасности. Поставленный, къ несчастью, между столькими противорѣчивыми побужденіями и обязанностями, вынужденный, въ силу необходимости, поступиться одними въ пользу другихъ, я все же глубоко вѣренъ тѣмъ изъ нихъ, которыми долженъ жертвовать, и они попрежнему чрезвычайно меня волнуютъ!

Остаюсь и проч.

P. S. Если бы Ваше Величество когда-либо пришли къ мысли о заключеніи мира, и это было бы сопряжено съ большими для Васъ жертвами, то блестящее и прочное положеніе въ Польшѣ самаго младшаго изъ великихъ князей, не явилось ли бы облегчающимъ осуществленіе мира средствомъ и не сдѣлало ли бы оно его болѣе почетнымъ и даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ это можетъ казаться съ перваго взгляда? Я думаю также, что общій миръ въ эту минуту будетъ заключить легче, чѣмъ миръ частный. При заключеніи общаго мира, благодѣтельныя послѣдствія котораго, даже если онъ и будетъ только временнымъ, были бы неисчислимы, затруднительный для континента вопросъ съ закрытіемъ портовъ, разрѣшеніе котораго кажется мнѣ дѣломъ наиболѣе труднымъ, палъ бы самъ собой.

Въ случаѣ, если бы Ваше Императорское Величество пожелали удостоить меня своимъ отвѣтомъ, прошу Васъ послать письмо Бьенковскому въ Меджибожъ, приказавъ найти возможность передать мнѣ его надежнымъ путемъ. Или же, если есть вѣрные пути изъ Россіи въ Вѣну, то пошлите его туда на имя моей тетки, княгини Любомирской, наказавъ ей передать мнѣ это письмо при вѣрномъ случаѣ.

XXXVI

Князь Адамъ Чарторижскій къ Императору.

6 декабря 1812 года.

Повидимому, усилія Вашего Императорскаго Величества дѣйствительно увѣнчаются успѣхомъ. Если Вы вступите въ Польшу побѣдителемъ, вернетесь ли Вы, Государь, къ Вашимъ прежнимъ планамъ, относительно этой страны? Покоривъ ее, будетъ ли у Васъ еще желаніе покорить себѣ также и сердца? Захотите ли Вы связать двѣ націи неразрывными узами, сдѣлавъ ихъ добровольными, и установить порядокъ вещей, который не могли бы подорвать никакія превратности судьбы, ибо въ немъ осуществились бы всѣ желанія и счастье покоренной націи? Если Ваше Величество не измѣнили своего прежняго намѣренія, благоволите извѣстить меня объ этомъ и сообщить мнѣ Ваши планы. Присланныя мнѣ Вами бумаги можно использовать, взявъ ихъ за основу. Быть можетъ, мы приближаемся къ моменту, когда Ваши военные успѣхи позволятъ, наконецъ, приступить къ осуществленію этого дѣла? Если это вѣрно, то я осмѣлюсь умолять Ваше Величество немедленно увѣдомить меня объ этомъ. Я опасаюсь, чтобы Австрія и Пруссія своими внушеніями не отговорили Васъ отъ Вашихъ прежнихъ идей. Но у Васъ, вѣдь, нѣтъ болѣе никакихъ основаній щадить эти державы, нѣтъ никакихъ обязательствъ по отношенію къ нимъ, поэтому тѣ же самыя политическія соображенія, то же желаніе сдѣлать что-либо достойное славы, тѣ же добрыя побужденія Ваши, все, благодаря чему Вы приняли этотъ планъ, можетъ теперь только склонить Васъ привести его въ исполненіе, какъ только найдете это возможнымъ. Для этого надо будетъ обратиться къ генеральной конфедераціи и съ ней условиться относительно этихъ шаговъ. Это единственный вѣрный путь,

чтобы прійти прямо къ цѣли, хорошо выполнить эту задачу и объединить всѣ умы и всѣ желанія. Еще разъ прошу Ваше Величество, извѣстите меня, какія у Васъ будутъ, сообразно съ исходомъ военныхъ операцій, на этотъ счетъ намѣренія и желанія, ибо я предвижу въ данномъ случаѣ для себя возможность быть полезнымъ и моей родинѣ и Вамъ.

Но это все же не мѣшаетъ мнѣ еще разъ настоятельно повторить мою величайшую просьбу о формальной отставкѣ, съ которой я уже три раза обращался къ Вашему Императорскому Величеству.

Благоволите Ваше Величество простить мнѣ внѣшній видъ этого письма. Я не рѣшаюсь поставить подъ нимъ своей подписи, въ виду того необычайнаго положенія, въ которомъ находятся арміи.

XXXVII.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

15/27 декабря 1812 г.

6-го сего мѣсяца я послалъ Вашему Императорскому Величеству письмо безъ подписи, которое, вѣроятно, Вами получено, но съ котораго тѣмъ не менѣе прилагаю здѣсь копію.

Въ виду того, повидимому, рѣшительнаго оборота, который приняли военныя событія, я опасаюсь, что теперь никто не захочетъ встать на защиту интересовъ моей родины, поэтому я рѣшился послать М. К... съ прилагаемыми здѣсь бумагами. Да помогутъ онѣ убѣдить Васъ, Государь!

Съ одной стороны, я опасаюсь внушеній со стороны континентальныхъ державъ, которыя захотятъ отговорить Васъ отъ этой мысли, могущей вызвать у нихъ нѣкоторое подозрѣніе и къ тому же слишкомъ прекрасной, чтобы быть по-

нятой ихъ кабинетами. Единственное, что меня успокаиваетъ, это то, что Англія въ силу яснаго пониманія ею своихъ интересовъ и въ виду образа мыслей принца-регента, не можетъ ее не одобрить. Съ другой стороны—я боюсь совѣтовъ окружающихъ Васъ лицъ, которыя, быть можетъ, въ силу различныхъ своихъ соображеній будутъ противиться Вашему плану, или же, воодушевленные Вашими успѣхами, забудутъ, что это наиболѣе выгодный и наиболѣе славный способъ укрѣпить ихъ за Вами.

Въ сущности, вся моя надежда, Государь, на Ваши собственныя чувства. Вы болѣе, чѣмъ кто-либо другой освѣдомлены объ этомъ вопросѣ. Поэтому безполезно вдаваться здѣсь въ большія подробности, предугадывать возможныя возраженія и отвѣчать здѣсь на нихъ. Не могу представить себѣ, чтобы Вы, Ваше Императорское Величество, всегда желавшій этого тогда, когда это было невозможно, отказались бы отъ этой мысли теперь, когда явилась возможность сдѣлать все, что пожелаете. Подобныя минуты въ жизни не повторяются.

Если Ваше Императорское Величество въ моментъ, когда польскій народъ ожидаетъ отъ Васъ мщенія побѣдителя, протянете ему руку и добровольно предложите то, за что онъ боролся, это произведетъ магическое впечатлѣніе, въ этомъ, Ваше Величество, я Вамъ ручаюсь: оно превзойдетъ Ваши ожиданія, Вы будете удивлены и тронуты.

Если Вы согласны осуществить мою мысль относительно великаго князя Михаила, я беру на себя, чтобы все было подписано немедленно, а также и отвѣтственность за то, чтобы все, что Вы пожелаете, было выполнено.

Считаю своимъ долгомъ не скрывать отъ Вашего Императорскаго Величества, что постояннымъ источникомъ безпокойства и страха для поляковъ является мысль о великомъ князѣ Константинѣ, какъ Вашемъ явномъ преемникѣ. Поэтому именно они предпочитали бы иную вѣтвь Вашего дома.

И въ самомъ дѣлѣ, польскій король, въ распоряженіи

котораго будетъ 300000 русскаго войска, можетъ при первомъ желаніи разрушить все установленія своего предшественника. Поэтому, если поляки и будутъ весьма настаивать на точно выработанной конституціи, то именно въ виду такой возможности въ будущемъ. Хотя, въ сущности, наилучшія мѣры предосторожности не могутъ въ такихъ случаяхъ гарантировать отъ насилія, если захотятъ таковое учинить, ни даже отъ перемѣнъ въ принципахъ и волѣ будущаго Императора Россіи.

Какъ бы, впрочемъ, Ваше Величество ни рѣшили устроить судьбу Польши, руководствуясь представленными Вамъ мною основами, я думаю, что не беру на себя слишкомъ много, увѣряя, что все окончится къ Вашему полному удовлетворенію.

Теперь, Ваше Императорское Величество, Вы должны первый дать толчекъ, объявить свои желанія, указать средства сговориться,—словомъ, привести къ концу это дѣло. Полагаю, что я, какъ полякъ, сдѣлалъ все, что могъ для его подготовки.

Что же касается меня, лично, то въ ожиданіи отвѣта Вашего Величества я до сихъ поръ отказывался послать мое заявленіе о вступленіи въ конфедерацію. Но тѣмъ не менѣе, я вступилъ въ нее всѣми моими чувствами, всѣми моими пожеланіями родинѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ три мои письма, посланныя Вашему Императорскому Величеству. Конечно, не теперь, въ то время, какъ мои соотечественники полагаютъ, что наступаетъ моментъ, когда за ихъ намѣренія, самыя справедливыя, за ихъ самыя героическія жертвы, за ихъ самыя чувствительныя потери, на нихъ обрушатся еще большія несчастья, не теперь, когда, повидимому, всѣмъ надеждамъ моей родины грозитъ опасность, я отступлюсь отъ нея и отрекусь передъ Вашимъ Величествомъ отъ дѣла, являющагося святымъ для каждаго поляка,—которое останется таковымъ, останется въ его глазахъ справедливымъ, если даже и придется страдать за него всегда.

Если Вы, Ваше Величество, протянете намъ руку, я испытаю всецѣло ту же радость, что и мои соотечественники; если же Вы оттолкнете насъ, я раздѣлю съ ними ихъ скорбь и отчаянье.

Я вновь умоляю Ваше Императорское Величество принять мою отставку, о чемъ я просилъ еще задолго до войны, по причинамъ частнаго характера, и чего заставляютъ меня просить теперь опять всѣ имѣющіяся у меня для этого причины, вмѣстѣ взятыя.

У Вашего Императорскаго Величества не можетъ быть болѣе никакихъ основаній отказывать мнѣ, какой бы оборотъ Вы ни придали дѣламъ.

Тѣмъ не менѣе, если я долженъ явиться къ Вамъ, Ваше Величество, чтобы защищать передъ Вами дѣло моей родины, если Вы полагаете, что мое присутствіе можетъ оказать ему пользу, я готовъ предпринять это путешествіе.

Ваше Величество не разсчитываете ли пріѣхать ближе къ мѣсту военныхъ дѣйствій, чтобы имѣть болѣе возможности руководить ими? Не желаете ли Вы, чтобы я сдѣлалъ представленія конфедераціи и Варшавскому Правительству? Хотите ли уполномочить на это кого-либо другого? Не согласились ли бы Вы, чтобы я былъ ими уполномоченъ на заключеніе соглашенія? Тогда я тотчасъ же послалъ бы мое согласіе на присоединеніе къ конфедераціи и, облеченный ихъ довѣріемъ, я скоро добился бы его для нихъ и съ Вашей стороны.

Если намѣренія Вашего Величества благопріятны для поляковъ, благоволите немедленно сообщить мнѣ, но, главнымъ образомъ и прежде всего, дайте въ этомъ случаѣ соотвѣтствующія распоряженія Вашимъ генераламъ.

Я посовѣтовалъ бы Вашему Императорскому Величеству дать, по возможности скорѣе, Вашей арміи инструкціи, подобныя указаннымъ въ приложеніи подъ литерой А, а также прислать мнѣ съ Вашей подписью предварительныя статьи относительно того, что Вы считаете возможнымъ дать полякамъ.

Остальные пункты, которые потребовали бы дальнѣйшихъ обсужденій, могли бы быть установлены потомъ.

Я всегда далекъ отъ того, чтобы брать на себя что-либо сверхъ своихъ силъ, но въ данномъ случаѣ, полагаю, что никто не будетъ въ состояніи лучше меня обсудить всѣ эти вещи и поскорѣе окончить все, согласно желаніямъ обѣихъ сторонъ. Благоволите только сообщить мнѣ Ваши желанія. Если Ваше Величество потребуете къ себѣ подателя этого пакета, онъ можетъ отвѣтить Вамъ на Ваши вопросы и дать разъясненія по многимъ пунктамъ.

XXXVIII.

Императоръ князю Адаму Чарторижскому.

Лейпуны, 13 января 1813 года.

Два дня назадъ я получилъ Ваше интересное письмо отъ 15 декабря 1812 года и копію, отъ 6-го, со всѣми приложенными Вами бумагами. Ключевскій передалъ мнѣ ихъ въ Мезельшѣ. Но самаго письма, отъ 6-го, я не получилъ еще и до сихъ поръ.

Сегодня, черезъ корпусъ Чичагова, я получилъ бумагу за подписью: министръ внутреннихъ дѣлъ Мостовскій, въ конвертѣ, адресованномъ мнѣ. Прилагаю здѣсь ея копію.

Отвѣчаю Вамъ, не теряя ни минуты, и этотъ отвѣтъ будетъ также отвѣтомъ и на бумагу Мостовскаго.

Дѣлаемыя въ этихъ бумагахъ предложенія и выражаемыя мнѣ чувства чрезвычайно тронули меня. Успѣхи, которыми Провидѣніе благословило мои усилія и настойчивость, нисколько не измѣнили ни моихъ чувствъ, ни моихъ намѣреній въ отношеніи Польши. Пусть же Ваши соотечественники будутъ спокойны на счетъ могущихъ быть у нихъ опасеній. Месть— чувство мнѣ незнакомое; для меня наибольшее наслажденіе—

платить за зло добромъ. Моимъ генераламъ отданы строжайшіе приказы поступать сообразно распоряженіямъ и обращаться съ поляками дружески и по-братски.

Буду говорить съ Вами вполнѣ откровенно. Чтобы осуществить мои любимыя мечты относительно Польши, мнѣ, несмотря на блескъ теперешняго моего положенія, предстоитъ побѣдить нѣкоторыя затрудненія.

Прежде всего—общественное мнѣніе въ Россіи. Образъ поведенія у насъ польской арміи, грабежи въ Смоленскѣ, въ Москвѣ, опустошеніе всей страны воскресили прежнюю ненависть. Второе—это то, что разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши бросило бы всецѣло Австрію и Пруссію въ объятія Франціи; результатъ, воспрепятствовать которому весьма важно, тѣмъ болѣе потому, что державы эти уже высказываютъ ко мнѣ наилучшее расположеніе. Затрудненія эти, при благоразуміи и осторожности, будутъ побѣждены. Но чтобы достичь этого, надо, чтобы Вы и Ваши соотечественники содѣйствовали мнѣ. Надо, чтобы Вы сами помогли мнѣ расположить русскихъ къ моимъ планамъ и чтобы Вы оправдали мое, извѣстное всѣмъ, особое расположеніе къ полякамъ и ко всему, что касается ихъ любимыхъ идей.

Имѣйте нѣкоторое довѣріе ко мнѣ, къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ, и надежды Ваши не будутъ болѣе обмануты. По мѣрѣ выясненія результатовъ военныхъ дѣйствій, Вы будете видѣть, насколько мнѣ дороги интересы Вашего отечества и насколько я вѣренъ моимъ прежнимъ мечтамъ.

Что же касается формъ правленія, то Вы знаете, что я всегда отдавалъ предпочтеніе формамъ либеральнымъ.

Я долженъ, однако, предупредить Васъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ, что мысль о моемъ братѣ Михаилѣ не можетъ быть допущена. Не забывайте, что Литва, Подолія и Волынь до сихъ поръ считаютъ себя провинціями русскими, и никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы они могли быть не подъ владычествомъ Государя Россіи, а подъ какимъ-либо инымъ.

Что же касается того, подъ какимъ наименованіемъ онѣ будутъ входить въ составъ Имперіи, то затрудненіе это устранить легче. Итакъ, я прошу Васъ, чтобы Вы съ своей стороны сообщили изъ этого письма то, что сочтете удобнымъ, лицамъ, содѣйствіе которыхъ признаете для себя необходимымъ. Вы должны убѣдить Вашихъ соотечественниковъ выказывать къ Россіи и къ русскимъ добрыя чувства, чтобы изгладить впечатлѣнія этой кампаніи и этимъ облегчить мнѣ мой трудъ... Я же, съ своей стороны, для доказательства полякамъ искренности моихъ намѣреній въ отношеніи ихъ, отдалъ приказъ по арміи не занимать Варшавы. Но для того, чтобы насъ не безпокоила мысль, что въ тылу у насъ имѣется непріятельскій станъ, необходимо, чтобы оттуда удалились всѣ иностранныя арміи, а также осталось поменьше и польской. Убѣдите отъ моего имени членовъ конфедераціи и правительства смирно сидѣть въ Варшавѣ, пообѣщавъ имъ, что они въ этомъ не будутъ раскаиваться.

Перехожу теперь къ вопросу о военныхъ дѣйствіяхъ и имѣющихся у меня боевыхъ силахъ. Кромѣ армій, находящихся въ настоящее время въ дѣйствіи, въ тылу сформированъ резервъ изъ 1000 человѣкъ отъ каждаго пѣхотнаго полка и по два эскадрона отъ каждаго полка кавалеріи, вполнѣ экипированнаго и сформированнаго войска, снабженнаго артиллеріей, которое пойдетъ въ дѣйствующую армію весной. Независимо отъ этого резерва, въ настоящую минуту заканчивается наборъ рекрутовъ, давшій 180.000 человѣкъ, который пойдетъ на замѣщеніе полковыхъ резервовъ, какъ только тѣ причислятся къ дѣйствующимъ арміямъ. Помимо этого, изъ различныхъ губерній будутъ созваны ополченцы, пѣхотинцы, кавалеристы и артиллеристы. 75.000 ихъ, подъ начальствомъ графа Петра Толстого, идутъ на Волынь для развѣдки.

Подъемъ въ народѣ выше всякихъ похвалъ, и я рѣшилъ продолжать войну не только всю зиму, но до тѣхъ поръ, пока

не будетъ возможно заключить миръ прочный и вообще такой, какой необходимъ для безопасности Россіи и Европы.

Что же касается Васъ лично, я, не откладывая, выполнилъ бы Ваше желаніе получить отставку, но меня удерживаютъ два соображенія: одно изъ нихъ—чтобы въ глазахъ народныхъ массъ, которыхъ, конечно, невозможно посвятить въ суть дѣла, это не показалось признакомъ измѣненія моихъ взглядовъ на Польшу; второе, что будучи освобождены отъ сношеній со мною, Вы можете принять самостоятельныя рѣшенія, которыя произведутъ самое дурное впечатлѣніе въ Россіи и лишатъ Васъ возможности оказать мнѣ то безконечно полезное содѣйствіе, которое Вы можете оказать въ успѣшномъ проведеніи моихъ плановъ относительно Вашей родины

Я также точно, какъ и Вы, считаю, что Ваше присутствіе тамъ, гдѣ Вы теперь находитесь, безконечно полезнѣе, чѣмъ если бы Вы пріѣхали ко мнѣ, несмотря на мое величайшее нетерпѣніе видѣть Васъ и радость, какую бы это мнѣ доставило, въ особенности въ настоящихъ условіяхъ.

Итакъ, вотъ вкратцѣ какой выводъ я могу сообщить Вамъ: Польшѣ и полякамъ нечего опасаться отъ меня какой бы то ни было мести.

Мои намѣренія по отношенію къ нимъ все тѣ же. Въ доказательство этого, въ герцогствѣ повсюду у власти оставлены тѣ же лица. Конфедераціи и правительству предложено оставаться спокойно въ Варшавѣ. Варшава не будетъ занята моими войсками, но только оттуда должны выступить всѣ иностранныя арміи, и количество польскихъ войскъ должно быть доведено тамъ до минимума. Всѣмъ русскимъ генераламъ отданъ приказъ обращаться съ поляками, какъ съ братьями и друзьями. По мѣрѣ возрастанія и укрѣпленія успѣховъ русской арміи, также будетъ дѣйствительнѣе и осуществленіе моихъ намѣреній и плановъ относительно Польши. Какъ и наоборотъ, если мнѣ что-либо и помѣшаетъ въ этомъ, то только неудачи.

Итакъ, все, чѣмъ поляки помогутъ моимъ успѣхамъ, послужитъ въ то же время къ осуществленію и ихъ надеждъ.

Но что болѣе всего укрѣпило бы неразрывныя узы между поляками и мною, это заключеніе, послѣ занятія страны, союзнаго договора между мною и правительствомъ герцогства. Съ того времени я считалъ бы себя въ правѣ взять на себя отъ имени Русской Имперіи, священное обязательство не класть оружія до тѣхъ поръ, пока надежды поляковъ не осуществятся, ибо поляки доказали бы передъ Россіей и Европой, что они мнѣ всецѣло довѣряютъ, а на мою честность никто никогда не полагался напрасно. Въ концѣ концовъ, Вы являетесь во всѣхъ отношеніяхъ наиболѣе желательнымъ мнѣ посредникомъ въ виду питаемаго мною къ Вамъ довѣрія. Мое чувство привязанности къ Вамъ навсегда неизмѣнно.

Александръ.

Краснополь, 3 января 1813 г.

P. S. Письмо это я писалъ въ теченіе двухъ дней, ибо у меня не было достаточно времени, благодаря дѣламъ по арміи и еще разнымъ другимъ.

Письмо мое написано нѣкоторымъ образомъ въ оффиціальномъ тонѣ, и я не могу послать его, мой дорогой другъ, не сказавъ Вамъ нѣсколько дружескихъ словъ.

Успѣхи не измѣнили ни моихъ идей относительно Вашего отечества, ни моихъ принциповъ вообще, и Вы всегда найдете меня такимъ, какимъ Вы меня знали. Передайте мой сердечный привѣтъ Вашимъ родителямъ и Вашимъ любезнымъ сестрамъ.

Если по окончаніи всѣхъ этихъ событій я могъ бы на минуту очутиться среди Вашей семьи, это доставило бы мнѣ безумную радость.

Весь Вашъ душой и сердцемъ.

XXXIX.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

27 марта (8 апрѣля) 1813 г. Калишъ.

Я только что узналъ, что Ченстоховъ сдался, и позволяю себѣ замѣтить вновь, что, если Ваше Императорское Величество не прикажете остановить военныя дѣйствія противъ польскаго корпуса, то это насильственнымъ образомъ приведетъ къ тому, что предполагающаяся въ Краковѣ отправка къ Вамъ депутаціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, заключеніе соглашенія, которое должно было за этимъ послѣдовать, или запоздаютъ, или явятся совершенно безполезными. Это будетъ имѣть такой видъ, какъ будто хотѣли обмануть, руководились не честными и открытыми намѣреніями. Я лично предполагаю, что Ваше Императорское Величество не измѣнили своихъ намѣреній, а просто отложили ихъ исполненіе, что поэтому хотите въ этотъ промежутокъ времени избѣжать всякихъ катастрофъ, всякаго несчастья, всякихъ лишнихъ кровопролитій, и что Вы желаете—лишь бы только Вамъ удалось не вызвать тревоги у сосѣднихъ державъ—дѣйствовать такъ, чтобы вызвать къ себѣ довѣріе и привязанность поляковъ и заставить ихъ угадывать, предвидѣть ту счастливую судьбу, которую Вы имъ готовите.

Такъ я объясняю себѣ Вашъ образъ дѣйствій. Но Вы совершенно не достигнете этой цѣли, если Ваши войска будутъ бить поляковъ, въ то время, какъ съ другой стороны, полякамъ будутъ твердить о желаніи покончить съ ними миромъ. Можетъ ли у нихъ при такихъ условіяхъ явиться довѣріе? Вѣдь, между словами и поступками будетъ огромнѣйшее противорѣчіе.

Если разобьютъ польскій корпусъ, то, по существу, въ смыслѣ военныхъ успѣховъ это будетъ имѣть чрезвычайно

малое значеніе, въ политическомъ же отношеніи, на мой взглядъ, будетъ ошибкой и весьма значительнымъ зломъ.

Невозможность достать лошадей удерживаетъ меня еще здѣсь.

Остаюсь и проч.

P. S. Не получивъ отъ Вашего Императорскаго Величества никакого отвѣта на мою записку, отправленную Вамъ наканунѣ Вашего отъѣзда изъ Калиша, я думаю, что не ошибся и вѣрно понялъ Ваши намѣренія, подавъ надежду княгинѣ Р..., что имѣнія ея сына не будутъ конфискованы, а г-жѣ П..., что ея племяннику будетъ разрѣшено вернуться въ свою семью.

XL.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 23 апрѣля (4 мая) 1813 г.

Ваше Величество!

Здѣсь распространились тревожные слухи, что будто бы въ Польшѣ повсемѣстно готовится на дняхъ возстаніе, главнымъ же образомъ въ Варшавѣ. Я думаю, что Ваше Величество уже объ этомъ увѣдомлены. Мы всѣ здѣсь завѣрили Ланского въ ложности этихъ слуховъ. Ланской проявилъ чрезвычайную умѣренность и мягкость въ принятыхъ имъ мѣрахъ предосторожности, и его примѣру должны были бы, въ интересахъ Вашей службы, послѣдовать повсюду и въ другихъ мѣстахъ. И въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, меня поразила очевидность огромнѣйшей необходимости выйти разъ навсегда изъ положенія, которое все время, пока оно будетъ длиться, будетъ источникомъ безпрестанно возобновляющихся тревогъ. Вызывающая ихъ причина слишкомъ глубоко врѣзалась въ сердца всѣхъ поляковъ, и будетъ переда-

ваться отъ поколѣнія къ поколѣнію. Если бы даже и было возможно допустить, что чувство это когда-либо у нихъ охладѣетъ, то принципы, проповѣдуемые теперь нѣмцамъ и заставляющіе всѣхъ ихъ въ настоящее время вооружаться, являются прекраснымъ средствомъ придать этому чувству новыя силы.

Возвращаясь изъ Калиша, въ Неборовѣ я встрѣтилъ князя Антона Радзивилла. Отъ него я узналъ подробности, которыя слѣдуетъ знать и Вашему Императорскому Величеству. Прусскій король совершенно ничего не имѣетъ противъ существованія Польши. Онъ чувствуетъ необходимость удовлетворить желанія этой націи, считая ихъ справедливыми и разумными. Онъ былъ удивленъ, что Ваше Императорское Величество не сдѣлали для поляковъ еще ничего опредѣленнаго. Онъ жаловался, что каждый разъ, при его желаніи завести объ этомъ рѣчь, Вы казались чрезвычайно смущеннымъ и мѣняли разговоръ. Онъ совѣтовалъ князю Антону отправиться въ Варшаву, чтобы позондировать тамъ общественное мнѣніе и поговорить со мной. Итакъ, Ваше Величество, судя по этимъ даннымъ, прусскій король, повидимому, согласится на всѣ мѣры, какія бы Вы ни нашли для себя удобнымъ предпринять въ этомъ направленіи.

Не могли ли бы оба Монарха обратиться съ совмѣстнымъ воззваніемъ къ полякамъ, какъ они обратились къ нѣмцамъ? Подпись прусскаго короля заставила бы замолчать Вашихъ генераловъ и Петербургъ. Воззваніе это можно было бы составить пока въ довольно неопредѣленной формѣ, чтобы всѣ заинтересованныя партіи, безъ различія, могли найти въ нихъ то, что имъ желательно. Оно нейтрализовало бы наиболѣе мятежные умы въ Польшѣ и, смотря по содержанію, быть можетъ, могло бы даже склонить къ участію и армію. Результатъ получился бы достаточно выгодный для того, чтобы онъ могъ взять верхъ надъ многими другими соображеніями. Чтобы вѣрнѣе добиться его, слѣдовало бы предупредить моментъ

возможныхъ успѣховъ Наполеона. Именно тревога за исходъ войны и заставляетъ прусскаго короля сознавать важное значеніе шага, который привлекъ бы поляковъ къ участію въ общей защитѣ.

Вообще Ваше Императорское Величество, повидимому, преувеличиваете себѣ возможныя со стороны прусскаго короля въ этомъ отношеніи препятствія; таковыхъ совершенно не существуетъ. Наоборотъ, монархъ этотъ можетъ еще весьма помочь въ устраненіи такихъ препятствій и со стороны русской арміи, настроеніе которой всегда будетъ имѣть преобладающее значеніе сравнительно съ настроеніями петербургскаго общества. Такимъ образомъ, мнѣ кажется, что вопросъ о препятствіяхъ улаживается. Я знаю, что находящіеся здѣсь русскіе офицеры большею частью высказываются въ этомъ смыслѣ, по убѣжденію, или, быть можетъ, чтобы обнадежить жителей. Князь Антонъ передавалъ мнѣ, что генералъ Витгенштейнъ высказалъ свое мнѣніе очень рѣшительно и не давалъ ему покоя, заставляя поскорѣе отправиться хлопотать въ главную квартиру, въ виду того, что въ настоящій моментъ Ваше Императорское Величество должны высказать свое рѣшеніе. Что же до Австріи, то, вѣдь, она уже допустила однажды Наполеона создать Польшу, и если Ваше Величество, совмѣстно съ королемъ прусскимъ, обратитесь теперь съ воззваніемъ къ полякамъ, то Австріи это легко можно было бы объяснить Вашимъ желаніемъ успокоить, въ моментъ Вашего удаленія отъ своихъ границъ со всѣми боевыми силами, столь многочисленные въ Польшѣ мятежные умы. Изъ этихъ объясненій должны будутъ угадать, что мѣра эта лишь временная, и что оставшись хозяевами этой страны, три монарха условятся затѣмъ, какъ съ ней поступить.

Спустя нѣсколько дней по моемъ пріѣздѣ сюда были разосланы циркуляры для созыва депутатовъ изъ округовъ. Но пока циркуляры дойдутъ до мѣста назначенія и пока депутаты соберутся сюда, пройдетъ не менѣе двухъ недѣль. Я весьма

удрученъ такой, хотя и неизбѣжной, медлительностью, благодаря которой задерживается посылка депутаціи въ армію и въ главную квартиру.

Соблаговолите Ваше Императорское Величество принять во вниманіе причины этой задержки и не заставьте пострадать за это польскій корпусъ или тѣхъ, кто стоитъ за него и за націю.

Въ виду того, что общественное настроеніе въ пользу Вашего Императорскаго Величества слѣдуетъ поддерживать не только здѣсь, но и въ Литвѣ и Украинѣ, мнѣ приходитъ на мысль слѣдующее: нельзя ли было бы созвать также и въ Вильнѣ предводителей дворянства, отъ каждой губерніи, для совѣщаній по вопросамъ о налогахъ и нуждахъ страны и о томъ, какъ ей помочь? Собраніе это, подобное существующему въ герцогствѣ, могло бы держаться желаемаго направленія и служило бы Вашимъ планамъ, по мѣрѣ ихъ развитія. Тѣмъ же временемъ это держало бы умы въ состояніи ожиданія и отвлекало бы отъ всякихъ иныхъ мыслей. Все происшедшее до войны, обѣщанія поляковъ, посѣтившихъ Петербургъ, попытки Чичагова, подали столько надеждъ относительно Вашихъ намѣреній, что въ возможности появленія Вашего воззванія къ полякамъ сначала въ Минскѣ, а затѣмъ въ Вильно никто почти уже не сомнѣвался.

Но ожиданія эти не оправдались, и иллюзія смѣнилась у нихъ отчаяньемъ, упадкомъ духа и недовѣріемъ. Поэтому теперь было бы весьма своевременно вселить въ сердца надежду, тѣмъ болѣе еще и потому, что поляки въ тѣхъ мѣстностяхъ подвергались всякаго рода злоупотребленіямъ и самымъ тягостнымъ притѣсненіямъ. Губернаторы, вмѣсто того, чтобы дѣйствовать сообразно съ Вашими намѣреніями, вмѣсто того, чтобы слѣдовать примѣру тѣхъ, кого Вы поставили здѣсь, наоборотъ, усвоили себѣ систему дѣйствій, наиболѣе жестокую и мучительную и стараются примѣнять безполезныя и преувеличенныя строгости. Въ этомъ отношеніи восемь прежнихъ

польскихъ провинцій далеко не пользуются милостью, дарованною Вами герцогству Варшавскому. Положеніе ихъ весьма достойно сожалѣнія и должно было бы обратить на себя Ваше вниманіе.

Что же касается высказанной мною Вамъ идеи, то если она невыполнима въ настоящій моментъ, она могла бы быть осуществлена въ будущемъ. Во всякомъ случаѣ, она заслуживаетъ быть, по крайней мѣрѣ, принятой во вниманіе. Сожалѣю что среди массы вещей, которыми я Вамъ надоѣдаю, я позабылъ упомянуть Вамъ объ этомъ. Я также упустилъ изъ виду спросить Вашихъ распоряженій на случай, если бы мнѣ пришлось вернуться въ главную квартиру, съ какими-либо важными извѣстіями къ Вамъ, въ виду которыхъ потребовалось бы принятіе нѣкоторыхъ рѣшеній, или же съ предложеніями и планами, нуждающимися въ серьезномъ обсужденіи. Долго ли еще сохранитъ свою силу Ваше рѣшеніе относительно меня? Единственно, въ чемъ я нуждаюсь и физически, и морально, это въ покоѣ, но я такъ убѣжденъ въ справедливости дѣла моей родины, въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ для человѣчества, что не перенесу такого положенія, если мнѣ придется упрекать себя въ томъ, что я упустилъ сдѣлать что-либо, могущее принесть ей пользу. Соблаговолите, Ваше Величество, освѣдомить меня, что мнѣ дѣлать, и разрѣшить мнѣ что-нибудь предпринять, если Вы увидите, что моя попытка можетъ имѣть успѣхъ и достигнуть благого результата.

Я съ огорченіемъ узналъ, что главной квартирой отданъ приказъ конфисковать имущество всѣхъ поляковъ, служащихъ въ польской арміи. Приказъ этотъ я считаю совершенно безцѣльнымъ и несправедливымъ; нельзя наказывать людей за то, что они служатъ своей родинѣ и повинуются приказамъ своихъ монарховъ, признанныхъ за таковыхъ и Вашимъ Величествомъ. Центральный административный совѣтъ хотѣлъ внести нѣкоторыя смягченія при выполненіи этого приказа, и, кажется, Ланской сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ донесеніе князю Кутузову.

Опасаясь, что фельдмаршалъ можетъ постановить свое рѣшеніе, не представивъ этого дѣла на усмотрѣніе Вашего Величества, я осмѣливаюсь предупредить Васъ объ этомъ и умоляю Васъ потребовать къ себѣ эти бумаги. Скажу откровенно, что я испытываю величайшее огорченіе при видѣ подобныхъ поступковъ, противорѣчащихъ тому духу великодушія и справедливости, которымъ Вы были преисполнены, который есть наилучшее и наиполезнѣйшее, чѣмъ только можно руководиться, даже и въ цѣляхъ разсчета, и который столь достойно Вашего Императорскаго Величества поддерживать во всей его неприкосновенности. Ваше Величество убѣдитесь, что подобная мѣра, въ тотъ моментъ, когда здѣсь должно собраться въ нѣкоторомъ родѣ народное представительство, для выраженія Вамъ отъ имени всей страны благодарности и уваженія, является крайне несоотвѣтственной и весьма прискорбной.

Разрѣшите мнѣ, Ваше Императорское Величество, напомнить о представленной мною Вамъ запискѣ относительно лицъ смѣшаннаго подданства, къ которымъ приказанныя Вами суровыя мѣры не должны были бы примѣняться, ибо служить въ герцогствѣ, считающемся ихъ мѣстомъ жительства, имъ никогда не запрещалось. Осмѣливаюсь также повторить мое усерднѣйшее ходатайство за польскихъ военно-плѣнныхъ. Несправедливо, что не дѣлается никакой разницы между людьми легкомысленными, сумасбродами и того хуже, и тѣми, кто ведетъ себя благоразумно и прилично. Позволяю себѣ приложить здѣсь проектъ распоряженія по этому поводу, составленный согласно предлагавшемуся мною плану въ Калишѣ. Изъ него Вамъ яснѣе будетъ моя мысль. Такимъ способомъ уменьшатся затрудненія и расходы по перевозкѣ и содержанію и увеличится число лицъ и семействъ, благословляющихъ Ваши благодѣянія.

Напоминаю также Вашему Императорскому Величеству о князѣ Людвигѣ Радзивиллѣ и объ Альфредѣ Потоцкомъ. Первому Ваше Величество обѣщали, что имѣнія его не будутъ

конфискованы, а второму —что ему разрѣшатъ вернуться къ семьѣ.

XLI.

Князь Адамъ Чарторижскій Императору.

Варшава, 27 апрѣля 1813 г.

Послѣ того, какъ я имѣлъ счастье отправить Вашему Императорскому Величеству письмо, я получилъ непосредственно изъ Литвы извѣстія, между прочимъ, и отъ Вавржецкаго. Его сообщенія, подтверждаемыя людьми достойными, повергли меня въ глубочайшую грусть и налагаютъ на меня обязанность болѣе опредѣленно уговориться относительно пунктовъ, на которые въ предыдущемъ письмѣ я только указалъ.

Кто знаетъ Васъ, Ваше Величество, ближе, тотъ никогда не допуститъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно лойяльности Вашихъ чувствъ и ни на минуту не побоится, что Вы, давая полякамъ надежду на болѣе счастливое будущее, въ дѣйствительности не имѣли намѣренія осуществить ее. Но каковы бы ни были Ваши на этотъ счетъ идеи, глубиной которыхъ общество не въ состояніи проникнуться, несомнѣнно то, что Ваше желаніе въ данный моментъ—обнадежить польскій народъ, расположить его къ себѣ не только справедливымъ отношеніемъ къ нему Вашего правительства, но и великодушіемъ и милосердіемъ, и даже подать ему надежду на возможность удовлетворенія его желаній. Вы, Ваше Величество, поступили такъ, какъ въ Вашемъ положеніи поступилъ бы монархъ, руководствующійся не моральными побужденіями, а исключительно политическими соображеніями: такова усвоенная Вами, Государь, система, таково изъявленное Вами желаніе. Но это столь разумное желаніе остается безплоднымъ, ибо его губятъ та неправильность и то недоброжелательство, съ какими

оно выполняется. Тѣ, кому поручено выполненіе Вашей воли, преступаютъ ее самымъ возмутительнымъ образомъ.

Пять литовскихъ губерній, вмѣсто того, чтобы наслаждаться Вашими милостями, какъ Вы этого хотѣли и хотите, наоборотъ, стонутъ подъ бременемъ тягостнаго и несправедливаго режима, отличающагося еще небывалымъ до сихъ поръ произволомъ. Никто тамъ не въ состояніи поручиться за свое имущество, за свою честь и жизнь. Первый попавшійся проходимецъ—а въ таковыхъ нигдѣ недостатка нѣтъ—всякій еврей, всякій человѣкъ, изъ мести или наживы, можетъ сдѣлать несчастнымъ самаго невиннаго гражданина и всю его семью. Система доносовъ дѣйствуетъ тамъ въ полной силѣ. Допустимо ли, чтобы такая система, считавшаяся главнымъ источникомъ самыхъ тяжелыхъ несчастій, постигшихъ Римъ въ царствованіе тамъ императоровъ наиболѣе жестокихъ, могла найти себѣ мѣсто и въ царствованіе Вашего Императорскаго Величества? Поведеніе русскихъ чиновниковъ, по существу своему, обнаруживаетъ какое-то слѣпое ожесточеніе, котораго они даже не даютъ себѣ труда скрывать, оскорбительное презрѣніе, съ примѣсью самой язвительной насмѣшки; они всяческими ябедами стараются увеличить число конфискацій. Словомъ, вмѣсто защиты и охраны находящихся на ихъ попеченіи жителей правительство и власти полагаютъ, что ихъ назначеніе—мучить ихъ, унижать, устраивать имъ ловушки, грабить и губить. Вы не имѣете представленія, Ваше Величество, обо всемъ томъ злѣ, которое творится Вашимъ именемъ, иначе Вы прекратили бы его.

Если поведеніе мародеровъ, слѣдовавшихъ за французской арміей, содѣйствовало Вамъ, то русскія власти въ Литвѣ, если ихъ не остановить и позволить идти тѣмъ же путемъ, въ концѣ концовъ, будутъ Вамъ противодѣйствовать.

Силы и терпѣніе у всѣхъ истощаются, отчаяніе смерти овладѣло жителями. До сихъ поръ въ этой странѣ не было признаковъ какого-либо волненія, но возможно, что теперь

они прибѣгнутъ къ возстанію, не въ силу убѣжденія или надежды на успѣхъ, но исключительно благодаря переполнившему мѣру отчаянію, предпочитая скорѣе погибнуть, чѣмъ продолжать смотрѣть на подобное положеніе вещей. Я не удивился бы, если бы мнѣ сказали, что русскіе чиновники на самомъ дѣлѣ имѣютъ въ виду эту цѣль. Большинство несомнѣнно будетъ радоваться столь пагубному результату, чтобы отъ мелкихъ возстаній увеличились несчастья всей страны, а Ваше Величество утомились защищать ее отъ чиновничьяго лихоимства и отказались отъ своихъ благосклонныхъ плановъ.

Въ концѣ концовъ, если эти ужасныя послѣдствія суроваго режима должны проявиться, никакія строгости не помѣшаютъ этому, такъ какъ и безъ того онѣ доведены уже до послѣдней степени. Нужно предупреждать зло управленіемъ мудрымъ, справедливымъ, мягкимъ, дѣйствующимъ на умы успокоительно и дающимъ возможность народу свободно дышать и возрождаться. Русскія войска, зараженныя тѣмъ же духомъ, также позволяютъ себѣ насилія и жестокости, строго воспрещенныя имъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, чѣмъ увеличиваютъ смуту и отчаяніе. Пылъ ихъ стихаетъ лишь по переходѣ границы. Подобные факты требуютъ самаго серьезнаго вниманія и немедленнаго искорененія. Я могу только въ одномъ, если смѣю такъ выразиться, обвинять Ваше Величество: это въ томъ, что Ваше Величество дѣлаете не всегда хорошій выборъ и часто останавливаете его на лицахъ, недостатки и неспособность которыхъ Вамъ были уже раньше извѣстны.

Однимъ изъ главнѣйшихъ виновниковъ всѣхъ описываемыхъ мною Вашему Величеству бѣдъ является Эртель. Человѣкъ этотъ, не имѣющій ни души, ни здраваго смысла, представляющій изъ себя какого-то изступленнаго, безъ всякаго представленія о томъ, что справедливо, что должно, что необходимо въ настоящій моментъ,—господствуетъ надъ жизнью, благополучіемъ и добрымъ именемъ каждаго несчастнаго поляка. Несчастная нація, покинутая на такія руки! Онъ имѣетъ власть

каждаго схватить, выслать его, куда ему заблагоразсудится безъ суда, безъ допроса ибо что такое допросъ, учиненный Эртелемъ! Гражданъ выхватываютъ изъ ихъ семьей, они исчезаютъ неизвѣстно куда и неизвѣстно за что. Эртель имѣетъ въ своемъ распоряженіи множество офицеровъ, рыскающихъ по всей странѣ, чтобы доставлять къ нему жертвы, и Ваше Императорское Величество легко поймете, что они, чтобы придать себѣ значеніе и угодить своимъ начальникамъ, не стѣсняются доносами, заключеніями въ тюрьмы и побоями, къ которымъ прибѣгаютъ, чтобы вынудить признаніе въ преступленіи. Если бы имя Эртеля поставить на голосованіе, то на этомъ вопросѣ русскіе и поляки сошлись бы одинаково. Всѣ единогласно вотировали бы противъ него и этимъ подтвердили бы набросанный мною портретъ. Всюду, гдѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать, онъ причинялъ лишь зло и вообще по своей природѣ онъ только на это и способенъ. Подобный человѣкъ не достоинъ быть слугой Вашего Величества.

Вторая причина плачевнаго положенія Литвы, о которомъ я не долженъ умалчивать передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ—это назначеніе губернаторомъ Ловинскаго, извѣстнаго установившейся за нимъ репутаціей человѣка, питающаго къ полякамъ вражду, для удовлетворенія которой онъ обладаетъ всякими средствами и возможностями. Зачѣмъ Вашему Величеству назначать лицъ, умѣющихъ дѣлать лишь обратное Вашей волѣ, извращающихъ и губящихъ насаждаемое Вами добро, лицъ, которыя, вмѣсто того, чтобы проникнуться Вашимъ духомъ, постичь Вашъ характеръ, благодаря своимъ недостаткамъ или своему нежеланію, совершенно разрушаютъ ихъ дѣйствіе? Князь Корсаковъ, обладающій тысячей добрыхъ качествъ, также увлеченъ на тотъ же путь; онъ не вѣдаетъ, что идти по немъ не слѣдуетъ. Не найдете ли Вы, Ваше Императорское Величество, умѣстнымъ предписать ему, такъ же какъ и другимъ генералъ-губернаторамъ, держаться образа дѣйствій умиротворяющаго, справедливаго, умѣреннаго, способнаго успо-

каивать и располагать въ свою пользу умы; строго подавлять учиняемые войсками безпорядки, словомъ—дать ему такія же инструкціи, какія были даны Вашимъ Величествомъ Ланскому и генераламъ, начальствующимъ въ герцогствѣ? Если бы литовскіе губернаторы или Эртель находились въ Варшавѣ, то при всѣхъ тѣхъ слухахъ, волненіяхъ и доносахъ, совершенно неосновательныхъ, смѣнявшихъ здѣсь въ послѣдніе дни другъ друга, мы были бы свидѣтелями экзекуцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и волненій, которыя вызвались бы чрезмѣрной и вредной строгостью. Повелите, Государь, не прислушиваться къ доносамъ, не имѣя для этого дѣйствительныхъ основаній и не сдѣлавъ прежде вполнѣ безпристрастнаго разслѣдованія. Никто не станетъ укорять за наказаніе какого-либо смутьяна или человѣка виновнаго, но пусть его судятъ законнымъ порядкомъ и публично. Предоставьте гражданамъ участіе въ этомъ судѣ; они первые будутъ стоять за наказаніе тѣхъ, кто захотѣлъ бы нарушать общественный покой и оскорблять добрыя чувства къ намъ Вашего Императорскаго Величества. Но надо, чтобы и доносчикъ, играющій слезами и гибелью невиннаго человѣка, въ свою очередь былъ бы также наказанъ съ примѣрной строгостью. Все, что было до амнистіи и на что наброшенъ ея покровъ, не можетъ быть болѣе предметомъ какихъ-либо розысковъ или преслѣдованій, ибо амнистія собою все загладила.

Права супруговъ и кредиторовъ на секвестрированныя имѣнія, о чемъ я бесѣдовалъ съ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и что князь Кутузовъ призналъ въ моемъ же присутствіи, должны были бы быть поручены обсужденію безпристрастной комиссіи, составленной изъ уважаемыхъ гражданъ. Такъ какъ всѣ чиновники, при ихъ враждѣ къ полякамъ, могутъ совершить лишь массу зла, въ которомъ они не только нисколько не раскаиваются, но признаютъ его дозволеннымъ и вмѣняютъ себѣ даже это въ заслугу, то противъ нихъ слѣдуетъ принять строжайшія мѣры предосторожности, если хотятъ, чтобы справедливость восторжествовала. Нужно постоянно ставить

какія-либо преграды непрерывно проявляемымъ ими ненависти и жадности. . . . .

Я только что узналъ, что Ваше Императорское Величество возстановили въ Вильнѣ центральный комитетъ для распредѣленія налоговъ. Чтобы дѣятельность его была полезной, въ возможной степени, слѣдовало бы, чтобы каждая изъ пяти губерній, несущихъ то же бремя, прислала кого-либо отъ себя. Комитетъ этотъ, если дать ему вѣсъ и значеніе, расширить его права и обязанности, соотвѣтствовалъ бы идеѣ, высказанной мною Вашему Императорскому Величеству въ моемъ послѣднемъ письмѣ. Три южныя губерніи находятся въ менѣе печальномъ положеніи, ибо судьба избавила ихъ отъ ужасныхъ сценъ войны. Но со стороны начальствующихъ лицъ, поскольку послѣднія могутъ дать себѣ волю, они также отъ всего страдаютъ. Необходимо было бы учредить и тамъ такой же комитетъ, какъ и въ Вильнѣ. Въ случаѣ необходимости они соединились бы въ одинъ.

Напоминаю Вашему Императорскому Величеству то, что я говорилъ Вамъ по поводу Комбурлея, и считаю, что для Вашего Величества совершенно невыгодно управлять подчиненными Вамъ народами при посредствѣ лицъ, ненавидящихъ и ненавидимыхъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Излишне помѣщать въ этомъ и безъ того уже длинномъ письмѣ еще новыя подробности; дошедшія до меня свѣдѣнія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ правдивости изложенныхъ мною Вашему Императорскому Величеству фактовъ. Прилагаемый при семъ переводъ отрывка изъ письма Вавржецкаго подтвердитъ мои увѣренія. Прикажите ему, Ваше Величество, представить Вамъ подробный и вполнѣ правдивый докладъ о положеніи провинціи. Пусть литовскому комитету и тому который Вы, быть можетъ, учредите на Волыни, поручатъ изложить Вамъ ихъ требованія и ихъ мнѣнія. Повторяю, Вашему Величеству крайне необходимо убѣдиться въ дѣйствительномъ существованіи столь многочисленныхъ бѣдствій и помочь этому

скорѣйшимъ образомъ. Я весьма опасаюсь, что подобныя несчастья уже готовы обрушиться и на герцогство Варшавское; зло начинаетъ мало-по-малу проникать и туда.

Если Ваше Императорское Величество желаете обратить на это вниманіе, то Вамъ надо поспѣшить повелѣть, чтобы какъ полицейская часть, такъ и продовольственная, находились только въ вѣдѣніи главнаго совѣта; люди, изъ которыхъ Ваше Императорское Величество составили этотъ совѣтъ, заслуживаютъ Вашего довѣрія. Учрежденіе его явится совершенно безполезнымъ, если въ его обязанности будутъ вмѣшиваться другія лица, другая власть, и будутъ произвольно и безтолково распоряжаться въ странѣ. Соблаговолите не забыть, Ваше Величество, что изъ всѣхъ, имѣющихъ вліяніе на дѣйствія правительства лицъ единственно Вы немного расположены къ полякамъ. Ваша мысль, Государь, Ваше слово мѣняютъ свой смыслъ и дѣйствіе по мѣрѣ ихъ удаленія, по мѣрѣ перехода къ исполненію. Вотъ причина той крайней безалаберности и постоянныхъ противорѣчій, замѣчающихся въ предпринимаемыхъ противъ поляковъ мѣрахъ. Въ то время, какъ Ваше Императорское Величество, повидимому, желаете ихъ успокоить, обнадежить, расположить къ себѣ, большая часть губернаторовъ старается ожесточить ихъ, оттолкнуть, вывести изъ терпѣнія. Нельзя ли было бы назначить при главной квартирѣ на опредѣленную должность кого-либо изъ поляковъ, который былъ бы какъ бы „защитникомъ", представителемъ народа и которому поручено было бы завѣдываніе дѣлами, бы относящимися къ странѣ. Мнѣ кажется, я самъ могъ бы занять это мѣсто, но обязанность эту съ такимъ же успѣхомъ можетъ выполнять и всякій другой депутатъ, котораго могутъ прислать изъ Вильны, по выбору Вашего Императорскаго Величества; лишь бы Вы согласились на это, выбрать же будетъ не трудно.

Девять милліоновъ людей должны были бы заслуживать особаго вниманія. Въ настоящій моментъ нѣтъ никого, кто

стоялъ бы за насъ, кто отвѣчалъ бы на тѣ тысячи обвинен и тѣ смутныя предположенія, которыя часто заставляютъ прибѣгать къ неправильнымъ мѣрамъ; никого, кто бы зналъ страну и людей, кто могъ бы дать вѣрныя свѣдѣнія, предложить какую-либо идею, зная мѣстныя условія; нѣтъ такого лица, присутствіе котораго подлѣ Вашего Императорскаго Величества, внушало бы народу довѣріе и надежду. Всѣ окружающіе Ваше Императорское Величество или совершенно не знаютъ дѣлъ Польши, или относятся къ нимъ небрежно или враждебно. Выводъ изъ всего, что я осмѣлился изложить здѣсь Вашему Императорскому Величеству таковъ, что данный моментъ требуетъ отъ Вашего Императорскаго Величества рѣшиться на какую-либо мѣру, какой-либо актъ, благопріятный для поляковъ, который или положилъ бы конецъ угнетающимъ насъ бѣдамъ, или хотя бы облегчилъ наше положеніе. Общественное мнѣніе и настроеніе мѣняются и не могутъ взаимно поддерживаться, если ими не интересуются и если все происходящее способно только раздражать ихъ. Если Ваше Императорское Величество не можете еще объявить своихъ намѣреній, то сдѣлайте, по крайней мѣрѣ, хоть что - нибудь, что могло бы ободрить умы, вновь вызвать привязанность къ Вамъ. Средства для этого я предлагаю и въ этомъ письмѣ и въ предыдущемъ.

Я только что перечиталъ написанное и боюсь, что изъ-за моего слишкомъ большого желанія убѣдить Ваше Императорское Величество я рискую оскорбить Васъ. Тѣмъ не менѣе, все, о чемъ я писалъ—правда, и пусть Вашему Величеству это будетъ извѣстно, разъ я уже написалъ объ этомъ. Пока Ваше Императорское Величество будете разрѣшать мнѣ писать Вамъ, до тѣхъ поръ я буду говорить все, что мнѣ будетъ диктовать совѣсть и сердце, не считаясь ни съ какими иными соображеніями. Если бы я и не былъ полякомъ, то и тогда изъ человѣколюбія, изъ любви къ справедливости, я также старался бы привлечь Ваше вниманіе, затронуть въ Васъ

чувство справедливости, вызвать интересъ къ страданіямъ страны, прекратить которыя, или въ значительной мѣрѣ ослабить ихъ, вполнѣ зависить отъ Васъ. Заклинаю Ваше Императорское Величество не оставлять безъ вниманія все, что я сказалъ Вамъ изъ привязанности и отъ полноты усердія и откровенности. Если Вы не обратите на это никакого вниманія, переживаемыя нынѣ страданія, все возрастая, отзовутся самымъ печальнымъ образомъ на странѣ, на жителяхъ и на ихъ службѣ Вашему Величеству.

Генералъ Эртель вступилъ на дняхъ въ городъ, совершенно неожиданно, окруженный многочисленной свитой, со всей обстановкой великаго инквизитора. Петербургская знать прислала сюда цѣлую кучу чиновниковъ всѣхъ классовъ. Для нихъ спеціально будутъ созданы должности въ различныхъ уѣздахъ и губерніяхъ.

Ваше Императорское Величество можете отгадать, какое впечатлѣніе производятъ на общество такія появленія, такія мѣры, и какъ должна слабѣть и гибнуть у него надежда на возможность счастья въ будущемъ. Генералъ Зайончекъ, 70-тилѣтній старикъ, безъ ногъ, и генералъ Дзевановскій, приблизительно тѣхъ же лѣтъ, переведены изъ Вильны во внутрь Россіи. Что могли предпринять эти два старца-калѣки, и къ чему понадобилось заставлять ихъ продѣлывать это путешествіе? Множество плѣнниковъ-калѣкъ, на вѣки уже не способныхъ къ службѣ, которыхъ держатъ въ Россіи и которые даютъ честное слово, съ ручательствомъ своихъ родственниковъ, слѣдовало бы освободить и отпустить на родину, къ семьямъ. За это говорятъ человѣколюбіе и экономическія соображенія.

XLII.

Памятная записка о разговорѣ съ Его Императорскимъ Величествомъ 13—25 іюня 1813 г.

Его Императорское Величество сказалъ, что иныхъ инструкцій дать генералу Сакену было невозможно; тѣ же, ко-

торыя ему были даны, не привели ни къ какому результату. Желательнѣе всего было бы, чтобы надежды подавались только на то, что хотѣли и что могли дать.

Бѣжать и складывать оружіе—подобное предложеніе не имѣло смысла; оно было непріемлемо, а слѣдовательно, и безполезно; оно было вредно, ибо подрывало все вліяніе и довѣріе.

Главной причиной ухода польскихъ войскъ являются австрійцы, преградившіе имъ всѣ пути сообщенія и не брезгавшіе никакими средствами для введенія ихъ въ заблужденіе. Другая причина—въ томъ, что русскіе проявили мало послѣдовательности и дѣйствительнаго желанія, въ виду чего трудно было угадать ихъ настоящія намѣренія. Чтобы расположить въ свою пользу какое-нибудь кавказское племя, или какого-либо персидскаго хана, прикладываютъ больше старанія, чѣмъ это сдѣлали для завоеванія симпатіи Понятовскаго и его арміи. Окруженные и обманутые австрійцами, не имѣвшіе никакой возможности довѣрять русскимъ, совершенно объ этомъ не заботившимся, поляки, тѣмъ не менѣе, сдѣлали все, что было въ силахъ, единственно, чтобы угодить Вашему Императорскому Величеству. Они вели себя смирно; они безпрестанно умоляли объ объявленіи имъ Вашихъ намѣреній; они предлагали перемиріе. Каковы бы ни были тѣ условія, какія Россія находила для себя удобнымъ требовать, эту просьбу о перемиріи Сакенъ не долженъ былъ отвергать, ибо это было обѣщано и это было единственнымъ средствомъ начать переговоры о какомъ-либо соглашеніи, подходящемъ для обѣихъ сторонъ.

Князя Понятовскаго упрекаютъ въ недостаткѣ искусства, въ томъ, что онъ не сумѣлъ воспользоваться моментомъ напасть на генерала Сакена и пройти къ Модлину и Замостью; но никто не подозрѣваетъ, что бездѣйствіе его было главнымъ образомъ вызвано мыслью о намѣреніяхъ Его Императорскаго Величества въ пользу поляковъ, постояннымъ ожиданіемъ ихъ проявленія и увѣренностью, что генералу Сакену было предписано согласиться на перемиріе.

Если бы у русскихъ былъ планъ ввести князя Понятовскаго въ заблужденіе прекрасными обѣщаніями, то они не могли бы достичь этого лучше; тѣмъ не менѣе, на этотъ разъ это совершенно не повредитъ имени Понятовскаго, но безусловно вредно отзовется на вѣрѣ въ обѣщанія русскихъ. Русскіе должны были бы признать причины, вызвавшія бездѣйствіе поляковъ, и быть имъ за это благодарны.

Чѣмъ австрійцы объясняютъ, въ этомъ случаѣ, свое поведеніе и то, что они пропустили весь корпусъ, присоединившійся къ французской и саксонской арміямъ? Это трудно связать съ той дружбой, какую они съ тѣхъ поръ стали выказывать русскимъ, ибо нельзя было оказать лучшей въ данномъ случаѣ услуги Наполеону, какъ сохранивъ и доставивъ ему цѣлый корпусъ свѣжихъ войскъ, прервавъ сношенія русскихъ съ поляками и помѣшавъ имъ соединиться.

Члены конфедераціи и правительства послѣдовали за арміей и не возвратились въ Варшаву потому, что никто не звалъ ихъ туда отъ имени Его Императорскаго Величества, никто также не гарантировалъ имъ безопасность личности, и потому еще, что у нихъ не было никакой уважительной или благовидной причины отдать себя во власть наводнившаго страну непріятеля. Его Императорское Величество достигъ того, что въ значительной мѣрѣ парализовалъ, нейтрализовалъ дѣйствія поляковъ противъ Россіи; этимъ она обязана исключительно Императору. Если бы тронъ принадлежалъ другому Монарху и если бы мнѣніе о характерѣ и намѣреніяхъ Его Императорскаго Величества измѣнилось, положеніе дѣла, навѣрное, было бы иное, и все шло бы иначе. Безпорядки, несправедливости и все зло творятся отъ имени генераловъ и чиновниковъ. Всюду думаютъ, что они совершаются безъ вѣдома Его Императорскаго Величества. Вѣрятъ въ искренность намѣреній Императора; оплакиваютъ, что намѣренія эти безсильны, и боятся, чтобы они не остались всегда таковыми. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ общественное настроеніе по всей Польшѣ.

Я повторяю, надежда, которую поляки привыкли возлагать на Его Императорское Величество, къ которому они всегда возвращаются и котораго не могутъ забыть, во всякомъ обстоятельствѣ, останавливаетъ ихъ дѣйствія, совершенно ихъ парализуетъ или же во многомъ ослабляетъ. Но чтобы склонить ихъ на сторону русскихъ, надо, чтобы надежды ихъ стали осуществляться, чтобы дѣйствительность отвѣчала словамъ. Если Его Императорское Величество уступитъ Велички Австріи, а Торнъ и Познань—Пруссіи, то этимъ онъ лишитъ свое будущее королевство наиболѣе обработанной его части, его наибольшихъ богатствъ, заключающихся въ соляныхъ копяхъ, лишитъ его цѣлаго края, заполненнаго прекрасными суконными фабриками. Предположить, чтобы Австрія и Пруссія не догадывались о желаніи Его Императорскаго Величества оставить герцогство за собой, невозможно. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что они покорились этому и рѣшили на это согласиться. Къ чему же скрывать не представляющій ни для кого тайны проектъ и почему не стараться увеличить свои силы, если война будетъ продолжаться?

Его Императорское Величество не желаетъ пріѣзда варшавской депутаціи въ главную квартиру. Во всякомъ случаѣ, поляки сдѣлали все отъ нихъ зависящее. Каждую минуту представляются основанія повторять эти слова. Русскіе язвительно упрекаютъ поляковъ, что они ничѣмъ не показали своей готовности стать на защиту государства, а между тѣмъ, каждый разъ при желаніи поляковъ сдѣлать какой-либо шагъ въ этомъ направленіи ихъ отталкиваютъ. Всѣ ихъ попытки остаются никому неизвѣстными, если же о нихъ и узнаютъ, то это совершенно не только не принимается во вниманіе, а даже, наоборотъ, истолковывается въ дурную сторону. Императоръ отдастъ имъ, по крайней мѣрѣ, должную справедливость и не забудетъ, что съ 1805 г. они неизмѣнно обращались съ тѣми же просьбами, и что имъ можно поставить въ нѣкоторую заслугу, что малый успѣхъ, какимъ до сихъ поръ увѣнчивались

многократныя обращенія, несмотря на ихъ хлопоты, не разочаровалъ ихъ.

Замѣтка по поводу разговора, имѣвшаго мѣсто 3 іюля 1813 г.

Его Императорское Величество не желаетъ, чтобы должностныя лица предпринимали какія бы то ни было дѣйствія касательно саксонскаго короля. Его Величество приводитъ въ примѣръ поведеніе русскихъ въ Финляндіи и французовъ въ Ганноверѣ. Послѣдній примѣръ, какъ и вообще всѣ имѣющіеся у французовъ, никогда не должно было бы приводить, ибо постановлено какъ принципъ навсегда осудить ихъ поведеніе и ихъ дѣла и поступать иначе и лучше. Какъ частный примѣръ, можно привести тотъ фактъ, что въ Ганноверѣ всѣ порядочные люди оставляли службу и избѣгали ея. Такъ будетъ всюду, гдѣ захотятъ запретить должностнымъ лицамъ дѣйствовать въ отношеніи монарха по совѣсти.

Если бы русскіе переполнили страну въ такомъ же количествѣ, какъ и французы, они не могли бы думать, что въ завоеваніи общественнаго мнѣнія въ Польшѣ имъ не придется бороться съ французами, ибо французы подавали полякамъ недежды, облегчавшія настоящее бремя, дѣйствовали на ихъ самолюбіе и національный энтузіазмъ, русскіе же не захотѣли воспользоваться этими средствами, и ихъ военные и чиновники, поступая всегда наоборотъ, разрушаютъ надежду, оскорбляютъ самолюбіе, возстаютъ противъ выраженія патріотическихъ чувствъ, скорби и т. п.

XLIII

Императоръ—князю Адаму Чарторижскому[1]).

Вѣна, 13/25 мая 1815 г.

Во время Вашего пребыванія при мнѣ Вы имѣли возможность узнать мои намѣренія относительно учрежденій, какія я хочу установить въ Польшѣ, и относительно тѣхъ улучшеній, какія я желаю ввести въ этой странѣ. Старайтесь никогда не упускать ихъ изъ виду во время работъ Совѣта и обращайте на нихъ все вниманіе Вашихъ коллегъ, чтобы направленіе правительства и тѣ преобразованія, какія ему поручено произвести, соотвѣтствовали моимъ взглядамъ.

Если представится къ тому надобность, Вы постараетесь взять на себя въ этомъ инціативу, чтобы поторопить съ результатами и представить проекты, соотвѣтствующіе принятой системѣ.

---

[1]) Записка эта была написана императоромъ Александромъ князю Адаму Чарторижскому во время Вѣнскаго конгресса. Успѣшный, можетъ быть, и неожиданный исходъ этой ужасной кампаніи 1812—1813 года, тайная сторона которой вырисовывается изъ предыдущихъ писемъ, не измѣнила, до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ, съ виду, благосклонныхъ намѣреній Александра въ отношеніи Польши. Правда, мирные вѣнскіе договоры приносили полякамъ довольно мало удовлетворенія. О первой статьѣ заключительнаго договора, 1815 года, слишкомъ часто говорили, чтобы повторять ее и здѣсь.

Тѣмъ не менѣе, въ этихъ договорахъ, подтверждавшихъ или измѣнявшихъ прежніе раздѣлы, различнымъ частямъ Польши, доставшимся тремъ участвовавшимъ въ раздѣлѣ государствамъ, были даны гарантіи признанія національности и отдѣльнаго управленія. Кромѣ того, прежнее герцогство Варшавское, возведенное подъ русскимъ скипетромъ въ царство, должно было быть поставлено въ условія такъ называемой личной уніи при наличности свободныхъ учрежденій.

Такъ какъ Вамъ точно также хорошо извѣстенъ и мой взглядъ относительно выбора разнаго рода должностныхъ лицъ, Вы постараетесь слѣдить, чтобы выборъ этотъ сдѣланъ былъ въ желаемомъ мною духѣ. Въ странѣ, столь продолжительное время расшатываемой безпорядками и революціями, самое важное—держаться одного хорошо обдуманнаго направленія. Вотъ то, о чемъ я хотѣлъ напомнить Вамъ этимъ письмомъ, которое я разрѣшаю Вамъ даже показывать, чтобы придать болѣе вѣры тому, что Вамъ придется говорить въ цѣляхъ выполненія моихъ намѣреній.

Александръ.

XLIV.

Князь Адамъ Чарторижскій къ Императору.

1815 г.

Такъ какъ, по основамъ конституціи, военное министерство входитъ въ число отраслей управленія, которыя, находясь подъ общимъ центральнымъ надзоромъ, составляютъ

Чтобы выполнить это условіе, императоръ Александръ въ манифестѣ 13—25 мая 1815 года начерталъ основы новаго существованія царства Польскаго, обѣщая полякамъ конституцію, употребленіе родного языка во всѣхъ оффиціальныхъ актахъ, полную автономію, національную армію, всѣ средства къ усовершенствованію законовъ, свободу слова и пр. Конституція 15 ноября 1815 г. была дѣйствительно установлена на такихъ основахъ. Пока же въ Варшавѣ было учреждено временное правительство. Князь Адамъ Чарторижскій, не оставлявшій императора во все время переговоровъ въ Вѣнѣ и являвшійся передъ нимъ защитникомъ интересовъ Польши, былъ посланъ въ Варшаву членомъ этого временнаго правительства, чтобы руководить новымъ устройствомъ страны. Инструкціи императора Чарторижскому связаны съ возложенной на него миссіей, которую никто не былъ въ состояніи выполнить лучше его, и которая въ данный моментъ составляла послѣднюю надежду поляковъ... Далѣе увидимъ, что миссія эта была не безъ затрудненій, и что князь Чарторижскій, насколько могъ, боролся за то, чтобы обѣщанія эти оправдались на дѣлѣ.

объединенное правительство, мы считаемъ своею обязанностью получить по этому предмету указанія Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.

Благодаря присутствію въ странѣ Его Высочества, великаго князя, и особымъ полномочіямъ, даннымъ Его Высочеству Вашимъ Императорскимъ и Царскимъ Величествомъ, временное правительство совершенно устранено отъ сношеній съ военной администраціей. Военныя дѣла находятся въ исключительномъ вѣдѣніи спеціальнаго комитета. Это полное отдѣленіе гражданской администраціи отъ администраціи военной создаетъ серьезнѣйшія затрудненія.

Благодаря этому, правительство лишено возможности представить Вашему Величеству общій докладъ о положеніи и о будущихъ потребностяхъ страны, въ которой армія является важнѣйшимъ элементомъ. Пока обширнѣйшая и наиболѣе дорого обходящаяся отрасль управленія будетъ оставаться совершенно обособленной и независимой, до тѣхъ поръ ее нельзя подчинить никакому контролю, и расходы страны невозможно свести къ уровню имѣющихся у нея средствъ.

Правительство, будучи постоянно останавливаемо во всемъ, что имѣетъ хотя какое-либо отношеніе къ военной сферѣ, часто вынуждено отказываться отъ полезныхъ мѣропріятій, выполненіе которыхъ возможно только при постоянномъ и усердномъ содѣйствіи военной администраціи.

Экономія, которую съ такимъ трудомъ ввели въ странѣ, главнымъ образомъ, въ области гражданскаго управленія, уменьшивъ до послѣдней возможности число служащихъ и сведя ихъ вознагражденіе лишь къ самому необходимому, не послужитъ ни къ чему, и ее невозможно будетъ поддерживать, если военной администраціей не будетъ руководить тотъ же духъ строгой бережливости и если между окладомъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ не установится нѣкотораго рода соотношеніе. И вообще, администрація арміи имѣетъ столько точекъ соприкосновенія съ гражданской администраціей страны,

что ни та, ни другая не могутъ быть ни организованы, ни управляемы иначе, какъ по одной общей системѣ. Эти основанія, увѣренность, что армія скоро должна будетъ перейти на содержаніе страны, и твердое убѣжденіе, что въ этомъ случаѣ средства страны будутъ недостаточны для теперешней администраціи арміи, побуждаютъ временное правительство повергнуть на усмотрѣніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества, не найдете ли Ваше Величество нужнымъ повелѣть учредить на мѣсто военнаго комитета—военное министерство, организовавъ его на тѣхъ же принципахъ и съ такимъ же положеніемъ, какъ и остальныя два существующія министерства. Первымъ дѣломъ этого министерства было бы представить проектъ собственнаго внутренняго устройства. Если на это получится соизволеніе Вашего Императорскаго и Царскаго Величества, то правительство беретъ на себя позже представить Вашему Величеству свой докладъ по поводу работы, представленной военнымъ комитетомъ, и тѣхъ сокращеній расходовъ, какія можно будетъ ввести въ арміи.

XLV.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, іюнь 1815 года.

День 21-го іюня *) можетъ считаться однимъ изъ тѣхъ дней, память о которыхъ является для великодушнаго сердца Вашего Императорскаго Величества наградой за труды Ваши, Государь, на благо человѣчества.

Торжества, какъ гражданскія, такъ и военныя, прошли одинаково хорошо. Рапорты, которые везетъ графъ Ожаровскій, а также и тотъ, который онъ представитъ Вашему Императорскому и Царскому Величеству словесно, дадутъ Вамъ возможность судить о происшедшемъ.

---

*) День провозглашенія Царства Польскаго.

Ограничусь лишь замѣчаніемъ, что у всѣхъ это вызвало такое чувство, какого и можно было ожидать: безграничную благодарность за столько благодѣяній, на которыя уже не разсчитывали, преданность, привязывающую къ Вамъ сердца Вашихъ новыхъ подданныхъ, какъ клятва въ вѣрности. Самое сильное дѣйствіе на всѣ сердца произвели основныя положенія конституціи. Но чтобы послѣ столь долгихъ ожиданій, надеждъ часто обманутыхъ и поведенія великаго князя, произвести такое впечатлѣніе, они были необходимы.

Сожалѣли о перемѣнѣ герба; новая форма гербовъ и включеніе русскихъ лицъ въ составъ правительства встрѣчено было съ огорченіемъ; но основы дарованной конституціи заставили забыть про все. Присутствовавшіе въ этой странѣ на многихъ прежнихъ торжествахъ замѣтили, что въ этотъ разъ оно носило совершенно иной характеръ,—что-то спокойное, неподдѣльное, ничего театральнаго, дутаго. Можно было сказать, что народъ этотъ, послѣ столькихъ страданій, не имѣлъ болѣе достаточно силъ предаться какой-либо безумной радости. Глубокое впечатлѣніе и убѣжденность отражались на всѣхъ лицахъ и придавали этому дню поразительный отпечатокъ.

XLVI.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 1-го іюля 1815 г.

Правительство начинаетъ съорганизовываться; въ первое время, прежде, чѣмъ каждый узнаетъ свое мѣсто и свою работу, машинѣ нѣсколько трудно дѣйствовать; затрудненія эти постепенно устраняются; первая наша забота—чтобы ни въ чемъ не было задержки. Я надѣюсь, что послѣ преодолѣнія первыхъ затрудненій, управленіе начнетъ совершенствоваться

во всѣхъ своихъ отрасляхъ, примѣняясь къ основнымъ положеніямъ конституціи.

Страна эта будетъ обязана Вашему Императорскому Величеству тѣмъ, что имѣетъ такую форму и такой образъ правленія, которые постепенно будутъ идти къ совершенствованію. Общественное настроеніе благопріятно и съ каждымъ днемъ дѣлается все лучше. Русскіе и польскіе гвардейцы устраивали взаимныя чествованія; между ними царитъ наилучшее согласіе. Его Высочество, великій князь, весьма любезно способствуетъ этому. Войска, повидимому, довольны Его Императорскимъ Высочествомъ. Въ виду того, что еще не во всѣхъ округахъ успѣли принести присягу, задерживается посылка депутаціи, которую страна желаетъ послать своему Монарху и благодѣтелю, для изъявленія благодарности и вѣрноподданническихъ чувствъ.

Самый трудный и важный вопросъ для разрѣшенія—это Варшава. Существующее тамъ управленіе дѣлаетъ всякій порядокъ и контроль невозможными. Связи, которая должна существовать между правительствомъ и военной администраціей, совершенно нѣтъ, и ее весьма трудно будетъ и установить, съ русскимъ великимъ княземъ; поэтому и до сихъ поръ той связи, создать которую поручено Его Императорскому Высочеству указомъ отъ......*), нѣтъ абсолютно.

Говорятъ, что гвардейцы уже подходятъ къ Вильно. Если Ваше Императорское Величество не измѣнили своего прежняго рѣшенія, чтобы великій князь шелъ во главѣ своего корпуса на Рейнъ, Ваше Величество, вѣроятно, сдѣлаете распоряженіе, кому будетъ поручено командованіе и какъ оно будетъ регулировано. Это будетъ удобный для его организаціи моментъ. Первое, что нужно рѣшить—это русскій ли генералъ будетъ командовать польскими войсками? Его Высочество, великій князь, кажется, уже высказался по этому вопросу.

---

*) Точки въ подлинникѣ.

Кажется, польскій командующій могъ бы во всемъ сговариваться съ генераломъ Мюллеромъ. Когда генералъ Костюшко будетъ здѣсь, Ваше Императорское Величество назначите ли его главнокомандующимъ?

XLVII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 17 - 29 іюля 1815 г.

Организація министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, а также юстиціи, подходитъ къ концу; въ результатѣ это дастъ значительныя сбереженія. Нашей первой заботой было—не останавливать работъ правительства; второй—ввести, съ самаго же начала, возможные порядокъ и экономію. Затѣмъ, правительство тотчасъ же начнетъ постепенно вводить послѣдующія реформы и учрежденія, требуемыя основными положеніями конституціи. Мы стараемся, по мѣрѣ нашихъ силъ, вложить въ наши труды всю энергію, всю разсудительность. Вновь назначенныя по администраціи лица воодушевлены такимъ же усердіемъ, и я, благодаря благодѣтельному началу, данному Вашимъ Императорскимъ Величествомъ, не сомнѣвался бы въ наилучшихъ результатахъ, если бы одно только обстоятельство не нарушало дѣйствій, наилучше разсчитанныхъ: это существованіе независимой военной власти, съ которой правительство бороться не въ состояніи. Я никогда бы не осмѣлился коснуться этого щекотливаго вопроса, если бы къ этому меня не вынуждали крайнія обстоятельства. Итакъ, я буду говорить, рискуя даже навлечь на себя неудовольствіе Вашего Императорскаго Величества, ибо успѣхъ Вашего дѣла касательно Польши представляется мнѣ постольку же связаннымъ съ Вашей славой, Государь, поскольку и со счастьемъ этой страны. Его Высочество съ отъѣздомъ Ожаровскаго вновь со-

вершенно измѣнился. Никакое усердіе, никакое подчиненіе не могутъ его смягчить. Онъ словно возненавидѣлъ эту страну и все происходящее въ ней, и ненависть эта растетъ съ устрашающей быстротой. Онъ ежедневно говоритъ всѣмъ объ этомъ. Армія, народъ, частныя лица—ничто въ его глазахъ не достойно милости. Конституція, въ особенности, является предметомъ постоянныхъ злобныхъ насмѣшекъ. Всѣ правила, формы, законы—все осмѣивается, все выставляется въ смѣшномъ видѣ, и, къ несчастью, за словами уже послѣдовали поступки. Его Высочество, великій князь, не выполняетъ даже и военныхъ законовъ, которые самъ же утвердилъ. Онъ непремѣнно хочетъ ввести въ арміи тѣлесныя наказанія и вчера онъ велѣлъ уже примѣнить ихъ, несмотря на единодушное представленіе комитета. И безъ того уже значительное дезертирство приметъ теперь повальный характеръ. Въ сентябрѣ большая часть офицеровъ подаетъ въ отставку. Можно подумать, что существуетъ обдуманный планъ препятствовать видамъ Вашего Величества, сдѣлать призрачными Ваши благодѣянія и погубить предпринятое Вами дѣло въ самомъ его началѣ. Его Императорское Высочество является въ данномъ случаѣ, не подозрѣвая этого, безсознательнымъ орудіемъ этого гибельнаго взгляда, первые шаги котораго способны довести до отчаянья одинаково и русскихъ и поляковъ и обратить въ ничто самыя торжественныя слова Вашего Величества.

Вполнѣ несомнѣнно, что нѣкоторые приближенные Его Высочества, какъ явные, такъ и тайные, во многомъ способствуютъ поддержанію въ немъ его мрачнаго настроенія и горячности.

Чего бы я только не далъ, чтобы полякамъ удалось заслужить расположеніе его Высочества, великаго князя, и этимъ осуществить желанія Вашего Величества. Но это совершенно невозможно и, если онъ останется здѣсь, я, наоборотъ, опасаюсь самыхъ печальныхъ результатовъ. Уже въ моихъ предыдущихъ письмахъ я позволилъ себѣ говорить съ Вашимъ

Величествомъ о необходимости ввести такіе же порядокъ и бережливость въ администрацію арміи, какъ и въ другихъ отрасляхъ правительства. Въ настоящее время убѣжденіе мое на счетъ этого еще болѣе окрѣпло. Отозваніе въ главную квартиру Его Высочества, великаго князя, который, не переставая, горько жалуется, что его сюда забросили, и открыто требуетъ снять, какъ онъ говоритъ, наложенное Вашимъ Величествомъ на него наказаніе; учрежденіе на мѣсто комитета военнаго министерства и назначеніе въ странѣ главнокомандующимъ Витгенштейна—вотъ мѣры, которыя, по-моему, являются наиболѣе легкими для осуществленія и наиболѣе подходящими, которыя слѣдуетъ предпринять какъ можно скорѣе. Государь, время не терпитъ, каждый часъ можетъ принести съ собой какой-либо скандалъ, какую-либо катастрофу, мысль о которыхъ бросаетъ меня въ дрожь.

Его Высочество кажется человѣкомъ, задавшимся цѣлью ничего не щадить и, судя по его дѣйствіямъ, можно подумать, что у него есть намѣреніе довести дѣло до крайности. Врагъ не могъ бы вредить Вашему Императорскому Величеству болѣе. Ваше Величество найдете здѣсь прилагаемый мною проектъ указа, составленный соотвѣтственно высказанной выше мысли, и списокъ лицъ, изъ которыхъ можно сдѣлать выборъ для военнаго министерства. Если даже Ваше Императорское Величество найдете необходимымъ присутствіе великаго князя въ этой странѣ, то пусть онъ возвратится сюда только лишь въ качествѣ главнокомандующаго войсками, а не какъ администраторъ и судья.

Въ другомъ письмѣ я подробно описалъ нѣсколько фактовъ, которые, по мнѣнію моихъ коллегъ, правительство обязано было сообщить. Въ этомъ письмѣ я сказалъ болѣе. Если я поступилъ дурно, я буду въ отчаяніи, но мнѣ не въ чемъ будетъ упрекать себя, а Ваше Императорское Величество будете знать правду. Государь, сжальтесь надъ Крюковецкимъ; уже три мѣсяца, какъ онъ арестованъ, военный совѣтъ для

суда надъ нимъ созванъ не былъ, а теперь это явилось бы излишнимъ, ибо онъ уже наказанъ столь долгимъ заключеніемъ. Онъ проситъ только своего освобожденія и чтобы дѣло его съ Соколмскимъ разбиралось по законамъ того времени, когда преступленіе было совершено и когда онъ заявилъ протестъ. Я весьма опасаюсь, чтобы на этотъ разъ правосудіе не было нарушено, ибо Его Высочество, великій князь, полагаетъ, что правосудіемъ можно распоряжаться по произволу и что постановлять приговоры можно по приказу.

Проектъ указа, предложенный Его Императорскому Величеству.

Въ виду оставленія великимъ княземъ Константиномъ командованія арміей и назначенія его шефомъ нашей гвардіи, согласно его представленію, повелѣваю слѣдующеее:

Командованіе арміей временно поручается старѣйшему изъ генераловъ въ военномъ комитетѣ.

Предсѣдатель военнаго комитета условится съ генераломъ Мюллеромъ относительно движенія войскъ и военной полиціи.

Комитетъ войдетъ въ непосредственное сношеніе съ нашими намѣстниками для учрежденія военнаго министерства, входящаго соотвѣтственно основнымъ положеніямъ конституціи въ составъ правительства. Если между ними не будетъ соглашенія, мнѣ долженъ быть представленъ окончательный проектъ въ теченіе шести недѣль.

XLVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

31-е іюля 1815 г.

Ваше Величество!

Положеніе правительства Вашего Императорскаго Величества въ этой странѣ стало, съ нѣкоторыхъ поръ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, безконечно труднымъ и тягостнымъ. Чтобы снять съ себя отвѣтственность, я вынужденъ довести до Вашего, Государь, свѣдѣнія подробности, о которыхъ желалъ бы никогда не имѣть надобности говорить. Много офицеровъ всѣхъ чиновъ, вышедшихъ въ отставку подъ видомъ безсрочнаго отпуска, считали себя вошедшими въ составъ обыкновенныхъ гражданъ, съ тѣмъ большимъ основаніемъ, что они не сохранили за собой въ арміи ни жалованья, ни обязанностей, ни даже кандидатуры. Тѣмъ не менѣе, Его Высочество, великій князь, неоднократно высказывался и поступалъ въ отношеніи этихъ лицъ такъ, словно они находились еще на военной службѣ. Напримѣръ, Его Императорское Высочество велѣлъ предать военному суду отставного капитана Стамировскаго. Судъ дважды призналъ себя не властнымъ судить человѣка, не состоящаго болѣе на военной службѣ. Тогда Его Высочество, безъ всякаго суда, приговорилъ его къ шестимѣсячному заключенію въ крѣпости Замостьѣ. Что въ такихъ случаяхъ должно дѣлать, чтобы не заслужить упрека, Ваше правительство, которому поручена охрана гражданъ и выполненіе повелѣній Вашего Императорскаго Величества? Соблаговолите, Государь, освѣдомить его о Вашемъ Высочайшемъ рѣшеніи, должны ли бывшіе военные, находящіеся въ безсрочномъ отпускѣ, которыхъ великій князь самъ призналъ отставными, оставаться подчиненными военной власти?

Его Высочество уже неоднократно давалъ правительству предписаніе вызывать къ нему гражданскихъ чиновниковъ: подпрефектовъ, старостъ и т. д. Недавно Его Высочество посадилъ подъ арестъ президента Варшавы.

Нѣсколько дней назадъ, должно быть, въ связи съ дѣломъ Стамировскаго, было опубликовано одно постановленіе, не проведенное черезъ военный комитетъ. По этому постановленію Его Высочество, великій князь, имѣетъ право предавать военному суду каждое лицо, кто бы это ни былъ, и судъ надъ нимъ долженъ состояться тотчасъ же вслѣдъ за его приказаніемъ. Какъ бы временное правительство ни уважало Его Императорское Высочество, можетъ ли оно не признавать, что подобнаго рода поступки и постановленія противорѣчатъ правиламъ, установленнымъ во всей странѣ для поддержанія порядка и общественной безопасности, а главнымъ образомъ, что они находятся въ прямомъ противорѣчіи какъ съ прежними предписаніями полиціи, такъ и съ основными положеніями конституціи, дарованной этой странѣ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ. Печальныя послѣдствія, какія неминуемо должны вызываться столь явнымъ противорѣчіемъ между священными словами Вашего Величества, только что лишь произнесенными, и тотчасъ же послѣдовавшими за ними дѣйствіями, не могли не поразить и не встревожить временное правительство. Поставленные между нашимъ долгомъ въ отношеніи Вашего Императорскаго Величества и нашимъ уваженіемъ къ Вашему Августѣйшему брату, мы не имѣемъ иного способа помочь всему этому, какъ довести все до Вашего свѣдѣнія и умолять Васъ, Государь, дать Вашему правительству возможность поддерживать все, что будетъ признано за Вашу Высочайшую волю.

Всѣ члены правительства вполнѣ раздѣляютъ это мнѣніе и уполномочили меня довести его до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества. Но они побоялись, что сдѣлать по такому поводу оффиціальный докладъ будетъ неумѣстно, и я

взялъ на себя тяжелую обязанность замѣнить его этимъ письмомъ. Соблаговолите, Ваше Величество, поспѣшить помочь положенію вещей, неудобства котораго все возростаютъ. Каждый день оно можетъ вызвать еще болѣе серьезныя послѣдствія, которыя нельзя будетъ ни учесть, ни предупредить.

Остаюсь и т. д.

XLIX.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 14 октября 1815 г.

Временное правительство представляетъ отчетъ Вашему Императорскому Величеству о положеніи дѣла по организаціи Царства Польскаго. Почтенный особымъ довѣріемъ Вашего Императорскаго Величества и въ виду особо на меня возложенной обязанности выполнить Ваши благосклонныя намѣренія относительно Царства Польскаго, считаю своимъ долгомъ представить Вашему Величеству краткое объясненіе причинъ, замедлившихъ эту организацію и затрудняющихъ ее и въ данный моментъ.

1. Недовѣріе къ правительству. Того довѣрія, какое нація питаетъ къ особѣ Вашего Императорскаго Величества, Ваше здѣшнее правительство еще не достигло, ибо Ваша воля не подтверждается дѣйствіями. Присутствіе здѣсь русскихъ войскъ и чиновниковъ порождаетъ множество злоупотребленій и притѣсненій. До сихъ поръ это разсѣивало всякую иллюзію о признаніи національности.

2. Присутствіе Его Высочества, великаго князя, поведеніе котораго въ состояніи отнять всякую надежду на возможность будущаго у этой страны. Благодаря ему, многія реформы и улучшенія, которыя желало ввести правительство, стали невыполнимыми, ибо оно не смѣетъ ихъ предпринять.

3. Всеобщая бѣдность народа. Разоренные, обезкураженные, дошедшіе до отчаянья люди неохотно оставляютъ свои деревни. Они съ трудомъ рѣшаются пріѣхать въ городъ, откуда убѣгаютъ при первой возможности.

4. Бѣдность правительства, не позволяющая ему платить хорошіе оклады жалованья нужнымъ ему лицамъ, благодаря чему оно вынуждено переобременять служащихъ слишкомъ большимъ количествомъ разной работы. Это, конечно, сокращаетъ расходы, но весьма вредно отзывается на быстротѣ, а въ особенности, на качествѣ работы.

5. Раздѣленіе власти между пятью лицами, которымъ поручена эта организація, облеченіе этихъ лицъ, въ большей части расходящихся въ своихъ побужденіяхъ, принципахъ и чувствахъ, одинаковыми правами. Это представляетъ столь важное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, постоянное затрудненіе, что благодаря ему дѣло совершенно не можетъ двигаться впередъ.

6. Трудность доставки всего требуемаго для прокорма войска и ихъ постояннаго передвиженія, а также многочисленныя работы и расходы, необходимо вызываемые выполненіемъ Вѣнскаго трактата. Все это увеличиваетъ заботы и поглощаетъ всѣ тѣ минуты, какія правительство желало бы посвятить работѣ по организаціи страны. Несмотря на ежедневныя и весьма продолжительныя засѣданія, правительство едва успѣваетъ справляться съ текущими дѣлами, подлежащими его вѣдѣнію. Не нужно забывать, что независимо отъ столькихъ препятствій, работа по реформамъ во всѣхъ отрасляхъ общественнаго управленія требуетъ также тщательнаго обдумыванія, постоянныхъ совѣщаній и значительнаго количества работниковъ, очень трудолюбивыхъ и искусныхъ. Дѣла этого нельзя было начинать, не выработавъ предварительно строго обдуманной системы и постепеннаго введенія реформъ. Одна эта подготовительная работа заняла нѣсколько недѣль, прежде чѣмъ достигла необходимой степени зрѣлости.

Наконецъ, народъ, привыкшій издавна видѣть эту столь

важную часть связанной во всемъ съ центральнымъ управленіемъ и особенно интересующійся этой связью, относится съ безконечной скорбью къ раздѣленію этихъ двухъ составныхъ частей государства (гражданской и военной) и охотно прислушивается ко всѣмъ злымъ толкамъ, для которыхъ подобное положеніе вещей доставляетъ матеріала больше, чѣмъ нужно.

L.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 1815 г.

Правительство представляетъ Вашему Императорскому и Царскому Величеству объясненіе причинъ, побудившихъ его послать графа Льва Потоцкаго въ Парижъ. Франція должна намъ весьма значительныя суммы, и мы тѣмъ болѣе заинтересованы въ томъ, чтобы добиться обезпеченія за собой этого долга, что въ него входятъ и капиталы Байоннскіе, изъ которыхъ часть мы должны выплатить Пруссіи. Вѣнскій договоръ обременилъ страну долгами. Финансы ея въ самомъ печальномъ состояніи. Правительство старается сократить расходы по гражданской администраціи, но экономія эта не приведетъ ни къ чему, если порядокъ и бережливость не будутъ господствовать и въ управленіи арміи. Только министерство, входящее въ составъ правительства, и можетъ ввести ихъ въ военную администрацію; это то именно, о чемъ я уже передъ этимъ осмѣлился дѣлать представленіе Вашему Императорскому Величеству.

Позволю себѣ повторить это и теперь, ибо если Ваше Императорское Величество желаете, чтобы національная армія содержалась на счетъ страны, то это неосуществимо, если въ ней останутся тѣ же порядки и та же система управленія, что и теперь, требующіе расходовъ, далеко превосходящихъ наши средства.

Большая часть русскихъ чиновниковъ, по приказу Вашего Императорскаго Величества, уже получила предписанія и подъемныя для возвращенія въ Россію. Однако, ихъ осталось еще вполнѣ достаточное количество, чтобы ихъ оклады, гораздо большіе, чѣмъ оклады мѣстныхъ чиновниковъ, производили значительное опустошеніе въ нашихъ средствахъ. Хотя, несомнѣнно, многіе русскіе чиновники со временемъ могутъ найти здѣсь службу, однако, я не скрою отъ Вашего Императорскаго Величества, что въ настоящее время вся страна ждетъ, настойчиво это повторяя, момента, когда, согласно конституціи, русскіе чиновники покинутъ страну, всѣ безъ исключенія. Только этотъ день страна будетъ считать началомъ своего настоящаго существованія; пока же они здѣсь, никто не вѣритъ въ освобожденіе отъ надзора, который всегда даетъ себя чувствовать несмотря ни на что.

Я думаю, что Ланской и Новосильцовъ сообщили уже Вашему Императорскому Величеству тѣ основанія, по которымъ они оставляютъ еще здѣсь этихъ чиновниковъ. Сила этихъ основаній уменьшается съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ стремленія Европы къ покою.

Это обстоятельство, въ связи съ вопросомъ объ управленіи въ арміи, заставляетъ меня упомянуть о военныхъ постояхъ. Въ этомъ отношеніи царятъ такія злоупотребленія, что несмотря на уменьшеніе количества войскъ и отсутствіе фельдмаршала, городъ переобремененъ болѣе, чѣмъ когда-либо, и никто не можетъ найти себѣ помѣщенія. Необходимо, чтобы оффиціальные приказы Вашего Императорскаго Величества Его Высочеству, касающіеся постановленій правительства о военныхъ постояхъ, и постановленія фельдмаршала были вновь введены въ дѣйствіе и строго выполнялись русскими военными или польскими.

Дѣла здѣсь не подвигаются такъ быстро, какъ этого хотѣлось бы. Я не хочу утруждать сегодня Вашего Императорскаго Величества изложеніемъ вызывающихъ это явленіе причинъ.

Многія изъ нихъ уже извѣстны Вашему Императорскому Величеству. Я постараюсь представить Вамъ и остальныя, ибо опасаюсь, что во время Вашего пріѣзда сюда, въ особенности, если Ваше пребываніе здѣсь будетъ весьма непродолжительнымъ, работа эта не настолько подвинется, насколько это нужно было бы для того, чтобы Ваше присутствіе здѣсь положило для страны начало эпохи счастья.

Комиссары для опредѣленія тарифа, посланные Гурьевымъ, уже прибыли. Проектъ данныхъ имъ Гурьевымъ инструкцій былъ уже представленъ Вашему Императорскому и Царскому Величеству. Мы заняты составленіемъ инструкцій для польскихъ комиссаровъ и по окончаніи немедленно представимъ ихъ на утвержденіе Вашему Величеству. Такъ какъ принципы, установленные на Вѣнскомъ конгрессѣ для торговли въ польскихъ областяхъ, разнятся отъ установленныхъ для внутренней Россіи, то не найдете ли Ваше Императорское и Царское Величество удобнымъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и установить таможенную линію или контроль на той окраинѣ, которая Вашей верховной волей будетъ въ будущемъ признана границей между Россіей и Польшей? Во всякомъ случаѣ инымъ способомъ нельзя будетъ выполнять предустановленныя на Вѣнскомъ конгрессѣ торговыя сношенія, и совершенно необходимо будетъ установить на границахъ собственной Россіи извѣстный надзоръ за ввозомъ и вывозомъ товаровъ и, можетъ быть, также и за полицейской службой.

LI,

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 1815 г.

Чего болѣе всего опасались, то и случилось. Со времени отправки моего послѣдняго письма произошли новыя событія. Его Высочество поймалъ польскихъ солдатъ, воровавшихъ въ

саду картофель. Онъ велѣлъ забрать ихъ и наказать палками, что и было выполнено призванными для этой экзекуціи русскими солдатами. Въ тотъ же день, на парадѣ, генералъ Корнатовскій и полковникъ того полка были осыпаны самыми обидными и унизительными упреками. Офицеры эти сказались больными. Если они и остаются еще на службѣ, то только изъ боязни, чтобы Ваше Величество не истолковали ошибочно причинъ ихъ отставки, и потому еще, что армія все еще надѣется, что великій князь будетъ отозванъ. Я недавно убѣдился, что въ Петербургѣ образовалось общество, преимущественно изъ военныхъ, главная цѣль котораго препятствовать благосклоннымъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества относительно Польши. Общество это прислало сюда своихъ членовъ и, повидимому, Его Высочеству былъ внушенъ тотъ образъ дѣйствій, который онъ себѣ усвоилъ, преимущественно въ томъ предположеніи, что это доставитъ ему популярность. Общество это уже приготовилось было послать Вашему Императорскому Величеству предостереженіе на счетъ Польши, но наступившая война, занявшая этихъ бунтовщиковъ, а также совѣты нѣкоторыхъ благоразумныхъ людей помѣшали выполненію этого плана.

LII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 16/28 января 1816 г.

Ваше Величество!

Полагая, что генералъ Зайончекъ и Новосильцовъ, по обязанности службы, увѣдомляютъ Ваше Императорское Величество обо всемъ происходящемъ въ странѣ, что достойно Вашего вниманія, я не хотѣлъ утруждать Васъ своими письмами. Тѣмъ не менѣе, я намѣревался при первомъ удобномъ слу-

чаѣ дать о теперешнемъ правительствѣ отзывъ, услышать который отъ меня Вашему Величеству, быть можетъ, было бы пріятно. Я хотѣлъ доложить Вамъ, Государь, что, судя по началу, дѣятельность генерала Зайончека въ будущемъ обѣщала очень много; что его чувства и мнѣнія благоразумны и почтенны, и что, несмотря на существованіе у довольно многихъ людей на счетъ его опасеній и предубѣжденій, результаты скоро докажутъ правильность сдѣланнаго Вашимъ Величествомъ выбора. Подобное заключеніе можно было бы сдѣлать, если бы вещи шли здѣсь естественнымъ и предусмотрѣннымъ порядкомъ. Къ сожалѣнію, предметъ моего сегодняшняго письма расходится съ моими желаніями и моими первоначальными ожиданіями.

Готовятся три нарушенія конституціонной хартіи. Первое — это предложеніе русскихъ комиссаровъ относительно таможенъ между имперіей и царствомъ.

Объ этомъ Вашему Величеству будетъ представленъ оффиціальный докладъ *). Второе нарушеніе—уже находится въ Вашихъ рукахъ. Это проектъ организаціи военной комиссіи, посланный Вамъ лично Его Императорскимъ Высочествомъ, безъ внесенія въ Государственный Совѣтъ и безъ обсужденій, требуемыхъ хартіей. Проектъ этотъ, составленный единолично Его

---

*) Императоръ Александръ даровалъ царству Польскому конституціонную хартію, датированную 15/27 ноября 1815 г. Она была весьма либеральна. Въ ней заключалось все то, чѣмъ обусловливается либеральный строй: двѣ палаты, царь или его намѣстникъ, окруженный Государственнымъ Совѣтомъ, пять отвѣтственныхъ министровъ.

Каждые два года должна была происходить сессія палатъ. Была гарантирована свобода печати и личности. Конфискаціи были уничтожены. Всякая собственность провозглашалась священной. Дѣлопроизводство устанавливалось на польскомъ языкѣ, должностныя мѣста постановлено ввѣрять только полякамъ. Всѣ преемники Государя должны были короноваться царями польскими въ Варшавѣ и т. д. и т. д.

Императоръ удовольствовалъ себя, осуществивъ свою мечту на

Высочествомъ, не можетъ не грѣшить различными упущеніями и статьями, не согласующимися съ другими отраслями управленія. Возстановите, Ваше Величество, правильный порядокъ, отославъ проектъ этотъ, какъ и надлежитъ по закону, въ Государственный Совѣтъ, съ тѣмъ, чтобы проектъ этотъ былъ представленъ на Ваше усмотрѣніе, предварительно подвергнувшись установленному обсужденію. Одинъ такой поступокъ со стороны Вашего Величества покажетъ тѣмъ, кто въ этомъ сомнѣвается, что конституція дана Вами для того, чтобы ей подчинялись. Третье нарушеніе касается вопроса о военномъ министрѣ. Вопросъ этотъ подробно обсуждается въ отдѣльной запискѣ; въ ней же предлагается способъ примирить совмѣщеніе обязанностей главнокомандующаго, исполняемыхъ Его Высочествомъ, великимъ княземъ, съ требованіями конституціи. Предлагаемое разграниченіе можно будетъ ввести тѣмъ болѣе легко, что лица, занимающія въ настоящее время должности намѣстника и военнаго министра, будутъ не только сговариваться во всемъ съ Его Высочествомъ, но даже навѣрное постараются, по возможности, идти навстрѣчу его желаніямъ. Только Вы сами, Ваше Величество, можете поддержать свое дѣло. Оно рухнуло бы, не завершившись, если бы Вы, Государь, съ самаго его зачатка, дали волю совершать столь чувствительныя и существенныя уклоненія отъ закона. Что пред-

бумагѣ. Одно лишь было плохо: лишь только конституція была введена, какъ ее стали безпрерывно нарушать и искажать на практикѣ, Иначе и не могло быть при такомъ представителѣ императора, какъ великій князь Константинъ. Нельзя не прибавить, что было нѣчто несообразное въ этомъ совмѣщеніи въ особѣ одного монарха самодержавнаго и всемогущаго повелителя Россіи и конституціоннаго короля Польши. Первоначально на основаніи хартіи 15/27 ноября 1815 г. Новосильцовъ былъ назначенъ уполномоченнымъ комиссаромъ, а генералъ Зайончекъ—намѣстникомъ подъ властью великаго князя Константина.

Письма кн. Адама Чарторижскаго являются важными документами для мало извѣстной исторіи этого плачевнаго конституціоннаго опыта въ Польшѣ.

ставляла бы изъ себя конституція, данная столь торжественно и тотчасъ же нарушенная въ своихъ главныхъ статьяхъ? Лишь бы намъ удалось добиться той поддержки, о какой мы имѣемъ право молить Ваше Императорское и Царское Величество, тогда все въ этой странѣ пойдетъ хорошо. Я съ радостью замѣтилъ, что въ этомъ мы достигли уже той желанной ступени, когда главную роль играетъ и сосредоточиваетъ на себѣ вниманіе дѣло, а не люди.

Наши учрежденія, хотя еще непрочны и находятся въ хаосѣ общаго сооруженія, все же достаточны, чтобы съ этихъ уже поръ двигать машину впередъ. Наилучшее согласіе царитъ между членами конституціоннаго правительства съ момента его учрежденія. Каждый думаетъ только о томъ, чтобы оправдать Ваше довѣріе. Всѣ они проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, желательнымъ Вашему Величеству,—духомъ разума, усердія и постоянства. Намѣстникъ также. Но я не долженъ скрывать отъ Васъ, Государь, что его добрыя намѣренія парализуются настолько, что мнѣ дѣлается страшно за возможныя послѣдствія, если Ваше Величество не положите немедленно конецъ этому.

Съ нѣкоторыхъ поръ административный Совѣтъ убѣдился въ томъ, что генералъ Зайончекъ, несмотря на свои просвѣщенные и достойные взгляды, дѣлается совершенно безвольнымъ, утрачиваетъ вполнѣ собственное мнѣніе, лишь только дѣло коснется Его Высочества, великаго князя. Происходитъ ли это потому, что считая себя его твореніемъ, его созданіемъ, онъ находитъ, что благодарность его къ великому князю должна быть безгранична, или потому, что онъ думаетъ, что всѣ желанія Его Высочества, безъ различія, бываютъ всегда желаніями и Вашего Величества. Достовѣрно то, что генералъ Зайончекъ, если дать ему волю, доведетъ свое подчиненіе приказамъ и идеямъ Его Императорскаго Высочества до рабства.

Интересы страны и службы не являются для него доста-

точнымъ основаніемъ, могущимъ склонить его хотя бы къ малѣйшему противодѣйствію; онъ готовъ ежедневно нарушать конституцію, по первому желанію Его Высочества. Въ концѣ концовъ, генералъ въ Совѣтѣ открыто заявилъ свои чувства и съ тѣхъ поръ находитъ удовольствіе съ аффектаціей повторять объ этомъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ даже воздерживается прибѣгать къ вмѣшательству Новосильцова въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ участвуетъ великій князь. Доведенное до такой крайности подчиненіе высшаго должностного лица, намѣстника Вашего Величества, погубитъ всякій зародышъ добродѣтели, всякую идею правосудія и справедливости, всякую возможность добра и превратитъ дарованную Вами конституцію въ тяжелую и безполезную комедію.

Намѣстникъ не понялъ своихъ обязанностей, не понялъ Вашихъ намѣреній, Государь. Нѣтъ ничего необходимѣе и легче какъ разъяснить ему это. Пусть онъ знаетъ, что Вы желаете сами уважать и заставить уважать дѣло своихъ рукъ; что первой его обязанностью является выполненіе Вашихъ намѣреній, и то, что составляетъ его долгъ передъ монархомъ, страной, данной имъ присягой, можетъ прекрасно сочетаться съ его обязанностями передъ Его Высочествомъ, великимъ княземъ, но не можетъ быть ни въ коемъ случаѣ подчинено имъ. Достаточно будетъ сказать ему объ этомъ нѣсколько словъ даже окольнымъ путемъ.

Призванный къ порядку и ясно освѣдомленный на счетъ Вашихъ дѣйствительныхъ намѣреній, генералъ Зайончекъ будетъ выполнять все прекрасно. Если это устроить и упрочить, я убѣжденъ, что генералъ этотъ окажется вполнѣ на своемъ мѣстѣ и будетъ въ этой должности весьма полезенъ, и что по всѣмъ соображеніямъ ее слѣдуетъ оставить за нимъ. Съ другой стороны, вопросъ этотъ настолько важенъ, что если Ваше Императорское Величество не пожелаете направить какъ можно скорѣе на истинный путь идеи Вашего намѣстника, то я буду считать, что общественное благо подверглось большой опасности, чтобы не сказать—полной гибели.

Ваше Величество можете мнѣ въ этомъ повѣрить; проникнутый Вашими внушеніями, я постоянно проповѣдывалъ довѣріе и надежду и, пока буду имѣть возможность, никогда не перестану дѣлать этого. Теперь же, когда все, чего мы ждали, достигнуто, когда дѣло идетъ лишь о сохраненіи всего въ неприкосновенномъ видѣ, если, погруженный въ другія заботы, Вы не соблаговолите, въ особенности въ самомъ началѣ, даровать намъ свою помощь, не возьмете насъ подъ свое постоянное покровительство, то, разъ только начнутъ сомнѣваться въ святости, въ дѣйствительности конституціоннаго режима, всѣми непреодолимо овладѣетъ отчаяніе.

Наша единственная надежда, Государь, въ Вашемъ желаніи упрочить счастье этой страны, не только въ теченіе Вашего долгаго царствованія, но и на будущее время.

Пусть это Ваше желаніе останется непоколебимымъ, тогда мы будемъ спасены, иначе мы не избѣгнемъ судьбы, все еще преслѣдующей насъ. Вы, Государь, наша судьба; намъ ясно, что единственная наша помощь, единственная надежда—это Вы, Ваше Величество, и что только Вы одни можете упрочить и удолговѣчить созданныя Вами учрежденія. Я высказалъ безъ утайки полную правду; разрѣшите мнѣ, Государь, заканчивая это письмо, представить Вамъ еще разъ то, что является безусловной и неотложной необходимостью:

1. Оставляя за Его Высочествомъ большую свободу дѣйствій, все же точно опредѣлить его власть и ограничить ее, согласно конституціонной хартіи.

2. Дать намѣстнику распоряженія, которыя направили бы его вновь на путь его обязанностей.

3. Вашими собственными постановленіями показать примѣръ строгаго уваженія законовъ и учрежденій, установленныхъ Вашимъ Величествомъ.

4. Въ случаѣ, если бы Вы въ этомъ усумнились, Государь, отложите всякое Ваше рѣшеніе до пріѣзда Соболевскаго, выѣзжающаго немедленно теперь же.

Письмо мое везетъ въ Петербургъ камеръ-юнкеръ Матушевичъ, служащій въ статсъ-секретаріатѣ. Соболевскій отправляетъ его впередъ съ Тымовскимъ, тоже камеръ-юнкеромъ Вашего Величества, служащимъ въ томъ же бюро.

Остаюсь и проч.

LIII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору

Варшава, 6 февраля 1816 г.

Ваше Величество.

Недавно я написалъ Вашему Величеству очень длинное письмо и потому я воздержусь отъ того, чтобы вновь удручать Васъ тѣмъ же, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ Соболевскаго дѣлаетъ это излишнимъ. Я ограничусь лишь тѣмъ, что представлю Вамъ, Государь, нѣкоторые плоды моихъ наблюденій.

Прежде всего да будетъ мнѣ дозволено еще разъ напомнить о непререкаемой необходимости свято придерживаться конституціи и дать на этотъ счетъ самыя опредѣленныя приказанія намѣстнику.

Этими двумя замѣчаніями охватывается все. Пусть жители царства почувствуютъ себя въ дѣйствительности поляками; пусть они получатъ самоуправленіе, пусть имъ будетъ предоставлена возможность свободно и мирно трудиться надъ улучшеніемъ своего внутренняго положенія. При этихъ условіяхъ они будутъ счастливы и довольны. Правительство Вамъ предано, Государь, нація любитъ Васъ. Но Вамъ нужно большаго. При вышеуказанныхъ условіяхъ нація привяжется силою неразрывныхъ чувствъ къ своему единенію съ Россіей, лишь бы это была связь націи съ націей; лишь бы для нея было сохранено существованіе, лишь бы не была разбита мечта подлинной конституціонной Польши.

Эта страстная любовь къ выраженной въ полнотѣ національности есть единственный источникъ возможнаго между двумя народами соревнованія и борьбы. Въ этомъ пунктѣ натискъ со стороны русскихъ и оборона со стороны поляковъ снова вызовутъ тренія, огорченія, страхи, химерическіе планы и плохо сдерживаемое озлобленіе, которые могутъ быть успокоены и разсѣяны единственно мудростью Вашего Императорскаго и Царскаго Величества.

Новосильцовъ очень желаетъ отправиться въ Петербургъ. Здѣсь онъ не при дѣлѣ, а тамъ онъ надѣется быть гораздо полезнѣе Вашему Величеству. Тѣмъ болѣе, что онъ не получаетъ вознагражденія и принужденъ жить на собственныя средства.

Когда я вспоминаю бесѣды, которыми Ваше Императорское и Царское Величество меня осчастливливали, и тѣ чудныя слова, которыя я слышалъ отъ Васъ и съ которыми Вы обращались здѣсь къ своимъ министрамъ, я чувствую себя полнымъ надеждъ. Но часто опасенія невольно берутъ верхъ. Бываютъ несчастные люди; бываютъ точно также и несчастныя націи... Хотя мы имѣемъ въ Вашемъ лицѣ, Государь, лучшаго изъ монарховъ, но Вы далеки отъ насъ,—Вы заняты важными заботами. Возможно ли утѣшаться надеждой, что правила, характеръ, пріемы Его Высочества, великаго князя, когда-нибудь измѣнятся такъ, чтобы онъ сталъ благорасположеннымъ къ нашему теперешнему и будущему счастью? То преобладающее, непосредственное и непрерывное вліяніе на судьбы нашей страны, которое принадлежало и продолжаетъ принадлежать ему, убѣждаетъ меня въ томъ, что еще не разсѣяны тѣ бѣды, которыя въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ преслѣдуютъ мою несчастную родину.

Быть можетъ, мои опасенія преувеличены. Я выражаю ихъ такъ, какъ я ихъ чувствую.

Остаюсь и проч.

LIV.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору

24 марта/5 апрѣля 1816 г.

Ваше Величество.

Новосильцовъ пишетъ сегодня Вашему Императорскому Величеству, ссылаясь на мое письмо отъ 17 (29) іюля, копію котораго я приложилъ бы здѣсь, если бы не былъ увѣренъ, что Вы его уже получили. Новосильцовъ подтверждаетъ все высказанное мною, и его свидѣтельство можетъ быть болѣе вѣскимъ, чѣмъ мое.

Въ случаѣ, если бы у Вашего Императорскаго Величества остались еще сомнѣнія относительно указываемыхъ нами фактовъ, если бы Вы не пожелали, для предупрежденія зла, примѣнить средство самое простое, Ваше Величество можете удостовѣриться въ истинномъ положеніи вещей, вызвавъ къ себѣ въ главную квартиру самого Новосильцова. Ежедневно какая-либо новая сцена наводитъ ужасъ и уныніе на жителей. Третьяго дня, напримѣръ, Его Высочество приказалъ привести къ себѣ одного мѣщанина, обвинявшагося въ укрывательствѣ человѣка, совершившаго кражу у генерала Куруты. Безъ всякаго разбирательства, великій князь приказалъ дать ему, тутъ же во дворцѣ, пятьсотъ палокъ, обрить голову и брови.

Я счелъ бы преступнымъ для себя скрывать отъ Вашего Императорскаго Величества факты, совершенно нарушающіе общественную безопасность и сводящіе къ нулю всѣ Ваши благодѣянія.

Впрочемъ, вліяютъ ли на поведеніе Его Высочества ближайшіе факты или причины болѣе отдаленныя, очевидно, что онъ разсуждаетъ и дѣйствуетъ въ направленіи совершенно противоположномъ Вашему. Можетъ быть, это объясняется

настоящимъ политическимъ моментомъ, но люди, къ мнѣнію которыхъ прислушивается Его Императорское Высочество, поддерживаютъ его и убѣждаютъ, что за него вся родовая русская знать.

Кто знаеть, быть можетъ, эти же чувства у него разжигаетъ и какая-либо переписка съ Петербургомъ?

Вѣрьте, Государь, что преданный слуга не можетъ дать Вамъ лучшаго совѣта, какъ отозвать отсюда великаго князя. У него не будетъ основаній жаловаться на это, ибо онъ постоянно открыто говоритъ объ этомъ, какъ о своемъ единственномъ желаніи. Это возродитъ страну, возстановитъ въ ней возможные порядокъ и законность, будетъ уничтоженіемъ необычайнаго очага критики и оппозиціи.

Не знаю, быть можетъ, Ваше Императорское Величество осудите мою смѣлость. Если за мои разоблаченія того, что вижу, мнѣ грозитъ это—пусть за меня ходатайствуютъ руководящія мною побужденія; что же касается остального, пусть Ваша мудрость разрубитъ этотъ узелъ. Беннигсенъ говоритъ, что не находитъ неудобства въ соединеніи на Днѣстрѣ русскихъ и польскихъ войскъ, и, кажется, даже не прочь принять надъ ними начальство.

Остаюсь и проч.

LV.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

17 апрѣля 1816 г.

Ваше Величество.

Съ нѣкоторыхъ поръ среди поляковъ—военныхъ стали очень часто повторяться самоубійства. Прилагаемая въ переводѣ копія письма, оригиналъ котораго находится у Его Высочества, великаго князя, дастъ возможность судить о главной

причинѣ этого печальнаго явленія и о томъ, какъ оно отражается въ общественномъ сознаніи. Адъютантъ генерала Красинскаго, Вильчекъ, написавшій передъ самоубійствомъ это письмо, былъ молодой отличный офицеръ, пользовавшійся всеобщей любовью. Говорятъ еще объ одномъ письмѣ, написанномъ въ томъ же духѣ другимъ офицеромъ, Безекирскимъ, также лишившимъ себя жизни. Этому примѣру послѣдовалъ и одинъ унтеръ-офицеръ, и смерть его не преминули объяснить тѣмъ, что онъ не могъ пережить оскорбительнаго отношенія и позора наказаній, введенныхъ въ войскахъ. Быть можетъ, Ваше Императорское Величество найдете это движеніе среди военныхъ заслуживающимъ осужденія, но признаете тотъ благородный принципъ, изъ котораго оно исходитъ. Да произведутъ эти печальныя событія желаемое впечатлѣніе на Его Императорское Высочество и привлекутъ на минуту Ваше вниманіе, Государь.

Для войска крайне необходимъ опредѣленный уставъ и сводъ военныхъ законовъ; существующій же режимъ лишенъ какихъ бы то ни было правилъ. Вопросъ не въ излишней строгости, а въ произволѣ и униженіяхъ.

Тысячу разъ я уже опасался какой-нибудь выходки по отношенію Его Высочества, или даже катастрофы, отъ которыхъ трудно его оградить, такъ какъ совершить это можетъ только человѣкъ, доведенный отчаяніемъ до невмѣняемаго состоянія. Какъ бы ни было неопредѣленно мое безпокойство, я очень радъ, что рѣшился высказать его Вашему Величеству; на сердцѣ одной тяжестью меньше; Вы разсудите это Вашей мудростью.

Вообще съ нѣкотораго времени здѣсь царитъ не волненіе, а наоборотъ, какое-то чрезвычайно угнетенное настроеніе. Это очень заразительная нравственная болѣзнь, которой особенно болѣютъ порядочные люди. Они боятся, что наше правительство, всегда здѣсь притѣсняемое, всегда находящееся подъ страхомъ быть оклеветаннымъ въ Петербургѣ, имѣющее

весьма мало возможности творить добро и еще меньше поддерживать его, потеряетъ всякую энергію, вліяніе и самое уваженіе.

Я знаю, что все это происходитъ не по желанію Вашего Императорскаго Величества, но дѣла, несмотря на Вашу волю, дѣйствующую издалека, повидимому, не принимаютъ благопріятнаго для страны оборота.

Всѣ, навѣрное, спѣшатъ довести до свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества только хорошее; я же думаю, что не нужно скрывать и дурного, и что только такимъ образомъ я и могу еще принести какую-либо пользу общественному дѣлу.

Эта печальная обязанность очень тяжела и непріятна; я не знаю, не оскорбляю ли этимъ Ваше Императорское Величество и будетъ ли мнѣ дозволено и далѣе говорить съ Вами столь откровенно.

Это и заставляетъ меня съ тѣмъ большимъ нетерпѣніемъ ждать минуты, когда благодаря Вашей добротѣ, Государь, я получу возможность дышать деревенскимъ воздухомъ и буду избавленъ отъ необходимости надоѣдать Вашему Величеству размышленіями о вещахъ, представляющихся мнѣ быть можетъ, въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ.

Письмо Вильчека, адъютанта генерала Красинскаго, къ сестрѣ.

Дорогая сестра.

Мой сплинъ, за который Вы такъ часто меня упрекали, сейчасъ кончится.—Это его послѣднее проявленіе.

Несмотря на мою любовь и преданность родинѣ, мнѣ не суждено умереть, какъ мои братья, покрывшіе насъ своею славою.

Мое настоящее положеніе лишило меня всякаго спокойствія. Я вижу, какъ унижаютъ моихъ братьевъ по оружію и моихъ согражданъ, какъ попирается ногами слава нашихъ от-

цовъ и какъ ежедневно нарушаются законы лучшаго изъ монарховъ. Словомъ, я оставляю мою бѣдную родину въ опасности безъ средствъ защиты, отданную во власть каприза одного человѣка. . . . .

Сколько разъ я былъ близокъ къ тому, чтобы стать убійцей.—Какимъ ударомъ это было бы для Васъ, дорогая сестра.—Да, я хотѣлъ пожертвовать собой, чтобы освободить насъ отъ этихъ позорныхъ цѣпей, наложенныхъ на насъ противно волѣ лучшаго изъ монарховъ. . . . .

Но въ виду того, что результатъ, быть можетъ, не оправдалъ бы моихъ надеждъ, я предпочитаю прекратить свое существованіе, которое могло бы стать для страны роковымъ; мое единственное желаніе было посвятить себя ея счастью.

Я знаю, что меня обвинятъ въ малодушіи. Если бы наша святая религія и любовь къ Вамъ не удерживали меня, я совершилъ бы это тотчасъ по „его" пріѣздѣ сюда.—Теперь, убѣдившись, что не могу больше быть полезенъ родинѣ, я и нѣсколько моихъ друзей рѣшили покинуть этотъ міръ.—Я покидаю его съ презрѣніемъ, а Васъ, дорогая сестра, и Васъ, мои родители, со скорбью. . . . .

В.

Саблю мою передайте Вашему сыну; пусть онъ носитъ ее, какъ носилъ я, на защиту родной земли и друзей.

LVI.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 1/13 марта 1816 г.

Ваше Величество.

Прежде чѣмъ уѣхать изъ Варшавы въ отпускъ, который Вашему Императорскому и Царскому Величеству угодно было разрѣшить мнѣ и за который повергаю къ Вашимъ стопамъ

горячую благодарность, я считаю своимъ долгомъ сообщить Вамъ нѣкоторыя подробности относительно всего происходящаго здѣсь.

Не сомнѣваюсь, что споры, недавно происходившіе въ средѣ правительства, были представлены Вашему Величеству очень бурными, какъ доказательство нашего безпокойнаго нрава и царящей у насъ партійности.

На засѣданіяхъ совѣта каждый ревностно высказываетъ свое мнѣніе и защищаетъ его, какъ подсказываетъ ему совѣсть; можно ли требовать, чтобы въ собраніи, состоящемъ почти изъ двадцати человѣкъ, не было разногласій?—Это даже желательно, такъ какъ только при этомъ условіи возможно обсужденіе; какая была бы польза совѣта, если бы вопросы не подвергались преніямъ? Этого-то и не съумѣлъ понять намѣстникъ; между тѣмъ, имѣя власть лично рѣшать или представлять на Ваше Высочайшее усмотрѣніе, онъ долженъ былъ уважать свободу голосованія и изъ преній стараться выяснить себѣ положеніе дѣла.

Дѣло въ томъ, что по существеннымъ вопросамъ законодательства и управленія генералъ Зайончекъ имѣетъ свои убѣжденія или предубѣжденія, совершенно противоположныя взглядамъ остальныхъ членовъ правительства. Проведя всю жизнь внѣ страны и на военной службѣ, онъ мало понимаетъ въ вопросахъ органическаго законодательства, вслѣдствіе чего ему часто приходится оставаться при особомъ мнѣніи. Онъ объясняетъ это партійнымъ духомъ и якобы недоброжелательствомъ, вовсе не существующими. Мнѣніе это, къ сожалѣнію раздѣляетъ и Его Высочество, великій князь.

Въ началѣ было полное основаніе надѣяться, что между намѣстникомъ и членами правительства установятся связь и довѣріе, что казалось бы очень естественнымъ. Между тѣмъ, и до настоящей минуты положеніе вещей въ этомъ отношеніи не измѣнилось къ лучшему. Повидимому, намѣстникъ поддается вліянію дурныхъ совѣтовъ; задѣтый очень невинной

оппозиціей, которую онъ вызвалъ противъ себя, онъ выказываетъ по отношенію другихъ членовъ правительства холодность, недовѣріе и нерасположеніе. Онъ всѣмъ недоволенъ; все, по его мнѣнію, идетъ дурно и медленно. Каждое предложеніе кажется ему подозрительнымъ, и онъ обращается съ жалобами къ Его Императорскому Высочеству, который и безъ того мало расположенъ къ штатскимъ; онъ ищетъ поддержки у Новосильцова.—Все это вмѣстѣ даетъ почву для мелкихъ доносовъ, придирокъ, очень вредящихъ дѣламъ, но въ особенности крайне тяжелыхъ для тѣхъ, кто имѣетъ несчастіе быть страдающимъ лицомъ.

Очень была бы желательна извѣстная доля согласія въ принципахъ и стремленіяхъ членовъ администраціи; привести къ этому могутъ, по-моему, двѣ мѣры: первая—собственноручное письмо Вашего Величества намѣстнику, которое доказало бы ему, что Вы удовлетворены дѣйствіями Вашихъ министровъ, и дало бы ему понять, что въ незнакомыхъ ему вопросахъ онъ долженъ больше считаться съ ихъ мнѣніемъ и съ мнѣніемъ совѣта. Есть и другое средство: замѣнить тѣхъ изъ министровъ, которыми Ваше Величество не вполнѣ довольны, новыми, угодными намѣстнику.

Организація правительственныхъ комиссій не кстати задержала занятія Совѣта, которыя шли бы гораздо успѣшнѣе, если бы держались точнаго смысла и духа Хартіи. — Какое бы рѣшеніе ни угодно было принять Вашему Величеству, я не предвижу больше подобныхъ затрудненій въ работахъ правительства, которыя съ этихъ поръ пойдутъ гладко. Умоляю Ваше Императорское Величество повелѣть представить Вамъ изложенное мною мнѣніе по вопросу о коллегіальности въ министерствахъ; быть можетъ, Государь, Вы встрѣтите тамъ мысли, которыя повліяютъ на образованіе нашего мнѣнія по этому вопросу.

Впрочемъ, дѣла, въ сущности, идутъ далеко не плохо; много прекраснаго уже сдѣлано, многое начато.

Среди мѣръ правительства нельзя указать неудачныхъ, все идетъ къ порядку и къ лучшему, въ предѣлахъ имѣющейся возможности,—но тѣмъ не менѣе настроеніе падаетъ, общество замѣтно теряетъ бодрость. Мнѣ хотѣлось найти причину этого неоправдываемаго положительными фактами явленія, и, мнѣ кажется, что она кроется въ противорѣчіяхъ обстоятельствъ момента, противорѣчіяхъ, не позволяющихъ вѣрить и спокойно наслаждаться. Все, что исходитъ отъ Вашего Величества, дышитъ только добротою, великодушіемъ, либеральностью принциповъ,—слова же и дѣйствія Его Императорскаго Высочества совершенно иного направленія. Намѣстникъ, съ своей стороны, не переставая твердитъ, что конституція—сводъ анархическихъ идей и что ее слѣдуетъ измѣнить. Нѣтъ никого, вплоть до Новосильцова, кто бы не смущалъ общество и не убивалъ его настроенія. На Новосильцова смотрятъ какъ на надсмотрщика за правительствомъ, который обязанъ не допускать его мирно пользоваться предоставленными ему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ правами.—Словомъ, куда ни обратись, всюду найдешь обстоятельства, являющіяся для общества гасильниками его энергіи и расшатывающія два наиболѣе драгоцѣнныхъ условія счастія: увѣренность и надежду.

Къ моей великой радости, Новосильцовъ приглашенъ присутствовать, по желанію, во всѣхъ засѣданіяхъ административнаго совѣта; я думаю, что это единственное средство избѣжать многихъ недоразумѣній, столь же вредныхъ, какъ и мало основательныхъ.

Прошу Ваше Императорское Величество не думать, что я не отдаю должнаго качествамъ великаго князя и не сознаю, что съ его точки зрѣнія общія и болѣе важныя соображенія должны имѣть предпочтеніе передъ тѣми, которыя мы выдвигаемъ. Я только беру на себя смѣлость утверждать, что постоянное присутствіе и окончательное устройство Его Высочества въ Польшѣ—одно изъ важныхъ препятствій къ тому,

чтобы дѣло Вашего Величества могло преуспѣвать и приносить желанные плоды.

Генералъ Зайончекъ, который былъ бы вполнѣ годенъ для своего поста, не будь здѣсь великаго князя, при немъ гораздо менѣе отвѣчаетъ своему назначенію; но такъ какъ на этомъ мѣстѣ никто другой не будетъ въ состояніи удержаться, то высказанная выше мысль объ установленіи большаго согласія между намѣстникомъ и правительствомъ кажется, при настоящихъ затрудненіяхъ, единственно возможнымъ палліативомъ. Но единственное вѣрное средство—это пріѣздъ Вашего Императорскаго Величества. Всѣ горячо этого желаютъ. Пусть посѣщенія Ваши чаще повторяются—только въ этомъ надежда націи.

Глубокое благоговѣніе, безконечная преданность Вашей Особѣ, высшая степень довѣрія, внушаемая Вашей личностью,—чувства эти непоколебимы въ сердцахъ поляковъ; если рѣшенія будутъ исходить отъ Вашего Величества, поляки всегда будутъ покорны и довольны.

Прежде чѣмъ окончить, я позволю себѣ, быть можетъ, рискуя своимъ усердіемъ вызвать Ваше неудовольствіе, высказать нѣсколько соображеній, касающихся военной части. Соблаговолите простить за намѣреніе напомнить Вамъ, Государь, что когда имѣешь надъ всѣмъ власть, нужно все выслушивать, все знать, чтобы не сдѣлать ошибочнаго шага.

Единственный двигатель, къ установленію котораго стремится существующій въ арміи режимъ—это страхъ. Если такой режимъ будетъ продолжаться, всѣ другія побужденія, которыя также должны одушевлять истиннаго военнаго, какъ чувство чести, долга, любви къ родинѣ, будутъ постепенно заглушаться и когда понадобятся—окажутся безсильными; ихъ замѣнитъ страхъ и корысть, что со временемъ приведетъ къ позорнымъ и роковымъ послѣдствіямъ.

Сомнѣваюсь, чтобы внимательный наблюдатель нашелъ установившійся въ нашей арміи духъ способнымъ удовлетво-

рить Ваше Величество. Военное образованіе не поощряется, и къ нему не стремятся; страхъ держитъ каждаго настороже; нѣтъ настоящей преданности дѣлу; люди обезпеченные, ссылаясь на здоровье, оставляютъ службу или стремятся ее оставить.

Впечатлѣніе, произведенное самоубійствами, кажется, уже почти совершенно изгладилось изъ памяти. Вотъ обратная сторона медали; лицевая, по всей вѣроятности, была достаточно описана Вашему Величеству, и я не отрицаю, что и для нея могло найтись достаточно матеріала.

Что касается меня, Государь, то помимо здоровья и личныхъ дѣлъ, заставляющихъ желать отставки и отдыха, я очень радъ уѣхать отсюда еще и благодаря постоянно слышащемуся здѣсь припѣву о партіяхъ, запутывающихъ и задерживающихъ ходъ дѣлъ.

Польза отъ всякаго обстоятельства, могущаго способствовать уничтоженію этой несчастной предвзятой мысли и доказать ея неосновательность и ложь, должна быть поставлена выше всѣхъ другихъ соображеній. Я страстно желаю счастья моей родинѣ, но думаю, что буду счастливъ вдвойнѣ, если и другіе также будутъ работать для этого. Это вовсе не легкая задача въ настоящее время. Когда миновали первые дни образованія конституціоннаго правительства, когда самыя спѣшныя работы по общей организаціи были подготовлены, я сталъ находить свое присутствіе въ Варшавѣ еще менѣе необходимымъ, чѣмъ вначалѣ. Никогда въ жизни не занимавшись аккуратно и не интересовавшись собственными дѣлами и всѣмъ, что имѣетъ отношеніе къ моему личному будущему, я чувствую, что именно объ этомъ нужно теперь подумать, и что въ этомъ отношеніи мнѣ времени терять нельзя.

Мое единственное желаніе—устроить себѣ спокойное существованіе; я желалъ-бы даже, наконецъ, поселиться гдѣ-нибудь навсегда, если представится возможность.

Всегда готовый повиноваться, какъ и обязанъ, приказа-

ніямъ Вашего Величества, сознаюсь, что самыми пріятными и благодѣтельными для меня будутъ тѣ изъ нихъ, которыя позволятъ мнѣ пользоваться свободой.

Соблаговолите простить мнѣ, что говорю только о себѣ; я обращаюсь не къ Государю, а къ тому, кто съ давнихъ лѣтъ далъ мнѣ право не скрывать отъ него ни одной моей мысли и всегда надѣяться на дружбу, этотъ его драгоцѣнный для меня даръ, которымъ онъ наградилъ меня въ своей ранней молодости.

Остаюсь и т. д.

LVII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Вильна, 12/24 іюля 1817 г,

Ваше Величество.

Едва общество узнало, что Вашему Императорскому и Царскому Величеству угодно было не только милостиво разрѣшить, но и одобрить идею постановки памятника покойному князю Понятовскому на одной изъ площадей Варшавы, какъ уже стали поступать многочисленныя пожертвованія.—Собрано 270,861 флоринъ, и цифра будетъ еще расти.—Лица, которымъ поручено это дѣло,—я въ ихъ числѣ,—готовы были уже представить Вашему Величеству чертежи конныхъ статуй и проекты относительно мѣста для памятника, какъ вдругъ всѣ мы были встревожены извѣстіемъ, что будто бы Ваше Величество измѣнили свою мысль, берете обратно милостивыя обѣщанія, данныя Вами роднымъ покойнаго князя и его товарищамъ по оружію. Я получилъ отъ нихъ по этому поводу письмо и спѣшу повергнуть къ подножію престола ихъ заботу объ этомъ и мольбы.—Государь, будьте непоколебимы въ Вашемъ великодушіи. Надежда почтить блестящимъ образомъ память

князя Понятовскаго была такъ сладка всей странѣ, что необходимость отказаться отъ нея будетъ принята, какъ наиболѣе прискорбное доказательство уменьшенія Вашего отеческаго къ намъ расположенія.

Остаюсь и проч.

LVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Варшава, 9/21 октября 1817 г.

Ваше Величество.

Я подалъ намѣстнику Вашего Императорскаго и Царскаго Величества прошеніе, которое онъ повергнетъ къ стопамъ Вашимъ, о разрѣшеніи мнѣ уѣхать. Сдѣлать это я считаю своимъ долгомъ, въ виду здоровья моего брата, внушающаго серьезныя опасенія, и его желанія видѣться со мной. Онъ настаиваетъ на моемъ пріѣздѣ. Какъ я уже позволилъ себѣ писать Вашему Величеству, я недавно женился. Я безконечно счастливъ своимъ выборомъ, и эти новыя отношенія являются также одной изъ причинъ, побуждающей меня отправиться заграницу.

Нѣкоторыя странныя обстоятельства, случившіяся недавно со мной, о чемъ, безъ сомнѣнія, будетъ сообщено Вашему Величеству, также въ свою очередь вызываютъ во мнѣ сильное желаніе полѣчиться и отдохнуть въ болѣе мягкомъ климатѣ.

Умоляю Ваше Величество не отказать мнѣ въ просимой милости; это не помѣшаетъ мнѣ всегда быть готовымъ, когда только Ваше Величество соблаговолите признать, что я могу къ чему-нибудь быть пригоднымъ, исполнить тѣ обязанности, какія Вы на меня возложите, и доказать Вамъ мои неизмѣнныя усердіе и преданность.

LIX.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

1818 г.

Ваше Величество.

Возвращеніе въ Варшаву, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсутствія, дало мнѣ возможность сдѣлать нѣкоторыя сопоставленія съ моими прошлогодними докладами Вашему Императорскому и Царскому Величеству.

Когда не живешь постоянно въ одномъ мѣстѣ, происходящія тамъ перемѣны поражаютъ сильнѣе.—То, что я вижу теперь, убѣждаетъ меня въ справедливости взглядовъ, которые я имѣлъ смѣлость высказать Вашему Величеству въ прошломъ году по поводу общественнаго настроенія, настроенія въ войскѣ, по поводу направленія гражданскихъ и военныхъ дѣлъ. Результаты, которыхъ я такъ боялся, кажутся мнѣ все болѣе и болѣе очевидными.

Будучи убѣжденъ, что Ваше Величество по-прежнему искренно желаете общаго блага, боюсь, что Вы избрали для этого не тотъ путь, и что великодушіе, проявляемое Вами въ дѣлахъ внутренняго устройства, и Ваша внѣшняя политика удалились отъ той дѣйствительно высокой и гуманной цѣли, которая была себѣ Вами поставлена. Зная хорошо, что самое важное для монарха—знать правду, и что это возможно только въ томъ случаѣ, если въ поискахъ за ней онъ готовъ услышать ее, откуда бы она ни шла,—я рѣшился прервать молчаніе и довести до Вашего престола еще одинъ голосъ.

Не могу умолчать также объ одномъ важномъ нарушеніи конституціи: указы Вашего Величества выходятъ не скрѣпленные подписью перваго министра, что противно конституціи и основнымъ законамъ. Министръ, государственный секретарь, свидѣтельствуетъ только подлинность Вашей подписи. Такимъ

образомъ, съ правительства снимается отвѣтственность въ наиболѣе важныхъ актахъ государственнаго управленія.

Я указываю на это Вашему Величеству, считая Васъ однимъ изъ тѣхъ высшихъ существъ, которые хотятъ, чтобы ихъ дѣла пережили ихъ.

Въ мартѣ разсчитываю отправиться въ Вильну, а оттуда въ Кременецъ, для посѣщенія общественныхъ учебныхъ заведеній.– Затѣмъ, мои личныя дѣла требуютъ моего присутствія въ моихъ украинскихъ имѣніяхъ.

LX.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

4/16 мая, 1818 г.

Ваше Величество.

Такъ какъ сегодня мнѣ все равно предстоитъ утрудить Ваше Императорское и Царское Величество, да будетъ мнѣ позволено просить Васъ потребовать представить себѣ мнѣніе двухъ палатъ по поводу доклада Государственнаго Совѣта и петиціи палаты пословъ. Ваше Величество найдете тамъ много основательныхъ жалобъ и полезныхъ взглядовъ, а также узнаете и истинное мнѣніе націи и ея желанія.

Есть еще одинъ вопросъ спеціальнаго характера, который я не могу обойти молчаніемъ; я имѣю въ виду государственныя земли и судьбу живущихъ на нихъ крестьянъ. Государь, это вопіющая несправедливость, что правительство не считаетъ нужнымъ заняться ими.

Нужно устроить и улучшить положеніе государственныхъ крестьянъ, дать имъ въ безсрочную аренду большія фермы (фольварки), съ тѣмъ, чтобы арендная плата устанавливалась каждыя двадцать пять лѣтъ. Эта операція (ея подробное обсужденіе не относится къ компетенціи настоящаго сейма) въ

отношеніяхъ нравственномъ, административномъ и финансовомъ была бы въ высшей степени выгодна.

Такъ какъ слишкомъ многіе заинтересованы въ томъ, чтобы отложить этотъ вопросъ и вообще помѣшать успѣшному его разрѣшенію, то я считаю своей обязанностью обратить на него все вниманіе Вашего Императорскаго Величества.

LXI.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Сѣнява, 2/14 августа 1819 г.

Ваше Величество.

Съ чувствомъ глубочайшаго сожалѣнія я долженъ уѣхать отсюда какъ разъ въ то время, когда намъ обѣщаютъ на осень пріѣздъ Вашего Императорскаго Величества.

Здоровье жены не позволяетъ мнѣ выбирать. Врачи торопятъ ее съ отъѣздомъ, такъ какъ она должна успѣть еще этимъ лѣтомъ начать брать ванны въ Баденѣ, и потеря сезона можетъ имѣть очень тяжелыя для нея послѣдствія. Я долженъ сопровождать ее. Итакъ, на этотъ разъ приходится отказаться отъ счастья, теперь такого рѣдкаго и мимолетнаго, лично повергнуть къ Вашимъ стопамъ выраженіе моей старинной привязанности.

Я оставилъ Варшаву погруженной въ тяжелую скорбь. Чувство это охватило всѣхъ, лишь только стало извѣстно, что страна навлекла на себя Ваше неудовольствіе.

Вы приказали объявить, что обѣщанныя благодѣянія могутъ быть не выполнены и даже дарованныя раньше могутъ быть отняты. Ахъ, Государь, не знаю, смѣю ли я сказать Вамъ это, но какимъ образомъ Ваши учрежденія и начатое Вами дѣло могутъ пріобрѣсти дѣйствительный и прочный ха-

рактеръ,—что составляетъ ихъ достоинство и охраняетъ ихъ,—если Вы сами объявляете, что они могутъ быть уничтожены? И эта тяжкая угроза поколѣніямъ—настоящему и будущему была произнесена въ наказаніе лишь за минутное заблужденіе двухъ или трехъ лицъ! Справедливо ли сдѣлать всю націю отвѣтственной за неблагоразуміе нѣсколькихъ молодыхъ людей? Можно ли, основываясь на ихъ словахъ и на разговорахъ нѣсколькихъ легкомысленныхъ женщинъ, судить объ общественномъ настроеніи, которое далеко не возбуждено, а скорѣе, наоборотъ, грѣшитъ слишкомъ большой подавленностью.

Сами эти молодые люди, такъ навредившіе своимъ безразсудствомъ, не имѣли преступнаго намѣренія. Ихъ ввело въ заблужденіе очень основательное, безъ сомнѣнія, но ложно понятое убѣжденіе, что Ваше Величество желаете поддержать и упрочить конституцію, и что напоминать объ этомъ правительству каждый разъ, какъ оно уклонится въ сторону,—значитъ дѣйствовать въ одномъ направленіи съ Вашимъ Величествомъ.

Да, Государь, при ощущеніи малѣйшаго зла, первая мысль каждаго въ отдѣльности и всѣхъ вмѣстѣ—апеллировать къ монарху, отъ котораго ждутъ только милостей и искорененія злоупотребленій.—Неужели же это общее мнѣніе столь заслуживаетъ порицанія?—Невозможно отрицать, что существуетъ очень замѣтный оттѣнокъ между образомъ дѣйствій Вашего Императорскаго Величества и представляющаго Васъ правительства.—Все, что исходитъ отъ Вашего Императорскаго и Царскаго Величества,—Ваши приказы, инструкціи, замѣчанія,—всегда носитъ печать уваженія къ установленнымъ законамъ и желаніе сдѣлать конституцію священной, показывая собственнымъ примѣромъ, какъ нужно уважать ея формы. Но подобная умѣренность, подобная справедливость и мудрость не всегда являются отличительной чертой дѣятельности мѣстнаго правительства. Если Ваши приказанія суровы, они выполняются быстро и точно, но если они благопріятны

конституціонному порядку, тогда всегда находится предлогъ оставить ихъ безъ послѣдствій или задержать ихъ выполненіе. Соблаговолите, Государь, не черпать только изъ одного источника данныя о положеніи страны, о господствующемъ тамъ настроеніи, о дѣйствіяхъ администраціи и ихъ послѣдствіяхъ.

Сносясь и выслушивая лишь немногихъ, Ваше Величество рискуете не знать правды. Если мое желаніе довести ее до Васъ излишне, Ваше Императорское Величество по крайней мѣрѣ увидите изъ этого, насколько я привязанъ къ Вашей Особѣ, насколько горячо я желаю Вашей славы и счастья моей родины.

LXII.

Князь Адамъ Чарторижскій — Императору.

Генуя, 10 августа 1820 г.

Ваше Величество.

Я надѣялся имѣть счастье представиться Вашему Императорскому и Царскому Величеству во время настоящаго Вашего пребыванія въ Варшавѣ, но здоровье жены, нисколько пока не поправившееся, лишило меня возможности сдѣлать это, и я принужденъ просить Ваше Императорское и Царское Величество извинить мое отсутствіе на открывшемся сеймѣ. Я глубоко сожалѣю объ этомъ, вспоминая, какъ давно уже я не имѣлъ счастья видѣть Ваше Величество, и при мысли о тѣхъ важныхъ вопросахъ, которые будутъ обсуждаться сеймомъ.

Въ подобныхъ случаяхъ, каждый,—справедливо или нѣтъ — надѣется быть извѣстнымъ образомъ полезнымъ. Когда наше убѣжденіе искренно и глубоко, мы склонны придавать ему больше значенія, чѣмъ оно заслуживаетъ. Но да будетъ мнѣ позволено, хотя я и рискую проявить такой же недостатокъ, письменно, и по возможности кратко, высказать нѣкоторыя

мысли, которыя мнѣ не дано, Государь, изложить Вамъ устно и подробнѣе.

Первый вопросъ, которымъ Ваше Величество займетесь—это уничтоженіе дефицита.—Я думаю, что нужно остерегаться сложныхъ и всегда невѣрныхъ операцій займа и выпуска ассигнацій и т. п.

Какъ причины зла, такъ и средства борьбы съ нимъ совершенно ясны: нужно понизить государственные расходы соотвѣтственно рессурсамъ страны и найти новые источники доходовъ, не истощая населеніе налогами, покровительствуя торговлѣ и облегчая сбытъ. Съ нѣкоторыхъ же поръ, кажется, происходило какъ разъ противоположное, благодаря дѣйствующему въ царствѣ тарифу и принятымъ недавно мѣрамъ относительно военныхъ силъ Варшавы.

Какъ бы то ни было, я убѣжденъ, что сокращеніе расходовъ можетъ быть произведено легко и съ выгодой. Нашъ государственный совѣтъ и министерства представляютъ удобную для этого почву; они значительно расширились со времени введенія конституціи, а между тѣмъ теперь, шесть лѣтъ спустя, работы должно бы быть меньше, чѣмъ въ то время, когда приходилось все начинать. Въ Палатинатѣ можно добиться экономіи еще легче и, быть можетъ, даже болѣе значительной; стоитъ только взять за образецъ польскія провинціи, до сихъ поръ входящія въ составъ Имперіи.

Тамъ, въ уѣздахъ и губерніяхъ, содержаніе администраціи ничего почти не стоитъ государственному казначейству. Полезно было бы приспособить существующія тамъ учрежденія, къ дѣйствующему въ царствѣ управленію. Затрудненія, испытываемыя казной въ настоящее время, доказываютъ, насколько непріятнымъ сочли бы введеніе конституціоннаго принципа въ финансовую сферу; это приводитъ меня ко второму вопросу, который долженъ привлечь особенное вниманіе Вашего Величества; я имѣю въ виду частныя и всевозможныя нарушенія конституціи. Мѣстное правительство, не много раздумывая надъ

этимъ и, большею частію, съ лучшими намѣреніями, издало множество постановленій, превышающихъ его полномочія. Только неусыпная и отеческая мудрость Вашего Величества можетъ положить конецъ недоразумѣнію, печальныя послѣдствія котораго уже даютъ себя знать.

Если Богу угодно будетъ, чтобы великодушною волею Вашего Величества мы дѣйствительно пользовались когда-нибудь конституціоннымъ правленіемъ, которое Вы пожелали намъ даровать, мѣстное правительство скоро пойметъ, насколько оно само будетъ въ выигрышѣ, дѣйствуя всегда правильно.

Есть слухи, будто этотъ сеймъ будетъ очень бурнымъ, но я этого не думаю...

LXIII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Парижъ, 9/21 ноября 1820 г.

Ваше Величество.

Вашему Императорскому Величеству угодно было преобразовать Кременецкую гимназію въ лицей. Вы приказали поручить попечителю Виленскаго университета представить проектъ устава для этого заведенія.

Я исполнилъ это порученіе до отъѣзда изъ Польши.

Будучи принужденъ оставаться за границей гораздо долѣе, чѣмъ ожидалъ и желалъ этого, узнаю теперь, что моя работа должна подвергнуться измѣненіямъ, какъ мнѣ кажется, не въ ея пользу. Могу ли я умолять Ваше Величество отложить окончательное рѣшеніе относительно устава Кременецкаго лицея до моего возвращенія, до весны, когда я буду имѣть возможность представить въ министерство народнаго просвѣщенія объясненія къ тѣмъ статьямъ, которыя оно захочетъ измѣнить, и приложить всѣ усилія къ тому, чтобы сдѣлать эти поправки возможно болѣе отвѣчающими цѣли и благосостоянію этого заведенія.

Остаюсь и т. д.

LXIV.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

Сѣнява, 21 августа 1821 г.

Ваше Величество.

Будучи снова на родинѣ, я полагаю, что выполняю свой долгъ, представивъ Вашему Императорскому и Царскому Величеству нѣкоторыя наблюденія, сдѣланныя мною за эти немногіе дни, проведенные въ Варшавѣ. Я рѣдко утруждаю Васъ своими письмами; разрѣшите мнѣ быть сегодня пространнѣе обыкновеннаго; не откажите посвятить минуту терпѣнія чтенію этихъ строкъ. Я отмѣтилъ на поляхъ содержаніе каждаго параграфа, чтобы Ваше Величество дали себѣ трудъ прочесть лишь тѣ изъ нихъ, которые покажутся Вамъ заслуживающими вниманія.

Настроеніе умовъ. Я засталъ въ Польшѣ умы въ состояніи чрезвычайной неопредѣленности и полной подавленности. Положеніе тамъ таково, словно все дѣло должно быть начато съизнова; нѣтъ учрежденія, которому бы довѣряли, нѣтъ такого печальнаго превращенія, котораго бы не предвѣщали странѣ. Такого рода существованіе—пагубно. Низкіе и личные разсчеты берутъ при такомъ состояніи верхъ, благородныя же чувства заглушаются. Слабые, съ сомнительной совѣстью люди, какъ среди низшихъ, такъ и высшихъ служащихъ, считая общественное дѣло погибшимъ, рѣшаютъ, что имѣютъ право преслѣдовать лишь личные интересы.

Сообщенія графа Соболевскаго. Когда я освѣдомился о причинахъ такой поразительной перемѣны, то мнѣ прежде всего указали на послѣднія сообщенія Соболевскаго, сдѣланныя отъ имени Вашего Величества. Я ознакомился съ ихъ содержаніемъ, и мнѣ показалось, что тревога была слишкомъ преувеличена. Приказы и разумные совѣты, которые Ваше Величество благоволите давать полякамъ, могутъ быть

приняты ими только съ уваженіемъ. Но, Государь, почему суровость Ваша направлена противъ народа, являющагося лицомъ пассивнымъ и страдающимъ, а не противъ правительства, лица дѣйствующаго и въ данномъ случаѣ виновнаго? На первомъ сеймѣ было предсказано неизбѣжное затрудненіе казны; второй сеймъ высказался по этому поводу еще болѣе утвердительно; представленія, получившія въ настоящее время одобренія монарха, отца своихъ народовъ, были нѣкогда плохо встрѣчены лицами, стоящими во главѣ администраціи.

Тревожные слухи. Но пищей для настоящихъ страховъ послужили, какъ говорятъ, главнымъ образомъ, нѣкоторыя фразы, сорвавшіяся съ устъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыхъ считаютъ довѣренными истолкователями Вашей воли. Поэтому, каждое исходящее отъ нихъ слово толкуется и перетолковывается со страхомъ, какъ мрачное предсказаніе уготованной намъ судьбы. Изъ ихъ словъ, какъ думаютъ, можно было понять, что конституція неисполнима, безполезна, слишкомъ дорого обходится, или что у судовъ будетъ отнята ихъ независимость, или что народное образованіе будетъ перестроено и съужено, или же, что сеймы—препятствіе, которое необходимо устранить, что Царствомъ Польскимъ можно управлять такъ же, какъ и остальными губерніями,—и тысячу другихъ рѣчей въ этомъ родѣ, разящихъ сердца людей достойныхъ, привязанныхъ къ своему монарху и къ своей родинѣ.

Настроенія Его Величества. Я не знаю, что правда, а что вымыселъ въ этихъ грустныхъ слухахъ. Тѣмъ не менѣе, утверждаютъ, что источникъ ихъ надо искать въ самыхъ помыслахъ Вашего Императорскаго Величества; что съ нѣкоторыхъ поръ Ваши мнѣнія, Ваши чувства измѣнились въ совершенно обратную сторону. Что касается меня, то я не могу этому повѣрить. Какія-либо особыя и временныя обстоятельства, конечно, могутъ, Государь, породить нѣкоторыя измѣненія въ Вашемъ образѣ дѣйствій, въ Вашихъ взглядахъ на вещи. Но есть такіе принципы, такія основныя положенія, ко-

торые всегда выше всякихъ обстоятельствъ въ мірѣ и къ которымъ я всегда буду взывать съ непоколебимымъ довѣріемъ, что я и дѣлаю, защищая передъ Вашимъ Величествомъ мою родину и ея конституцію отъ тѣхъ, кто желалъ бы ей повредить *).

Расходы по арміи. Было бы несправедливостью наказывать страну и заставлять ее страдать отъ бѣдъ, въ которыхъ она неповинна. Обдуманныя Вами въ Вашей мудрости причины, силу которыхъ я далекъ отъ мысли опровергать, заставили Ваше Величество принять рѣшеніе не уменьшать расходовъ въ польской арміи. Однако, вполнѣ достовѣрно, что подобные расходы не по силамъ теперешнему Царству. Они превышаютъ относительно расходуемыя на этотъ предметъ средства въ нѣкоторыхъ другихъ независимыхъ королевствахъ, какъ напр. Швеціи, Саксоніи, Вюртембергѣ, Пьемонтѣ, гдѣ при большихъ средствахъ, военная часть обходится не такъ дорого. Я не касаюсь того, насколько рѣшеніе Вашего Величества благоразумно, насколько оно было вызвано необходимостью, но будетъ ли справедливо вмѣнять народу въ вину нищету, являющуюся слѣдствіемъ такого рѣшенія.

Ограниченность размѣровъ Царства Польскаго. Когда судьба этой страны была рѣшена, Ваше Величество вспомните, что поляки, въ порывѣ благодарности, высказали единодушное желаніе принадлежать Вамъ, и что кромѣ этихъ непреклонныхъ чувствъ ихъ также прельстило Ваше великодушное обѣщаніе соединить всѣ польскія провинціи подъ

---

*) Какъ видно по датѣ этого письма, оно совпадаетъ съ эпохой конгрессовъ въ Троппау и Лайбахѣ. Идеи Императора Александра, дѣйствительно, замѣтнымъ образомъ умѣрились, благодаря революціоннымъ событіямъ въ Неаполѣ, Пьемонтѣ, Испаніи, вызывавшимъ противъ себя репрессіи Священнаго Союза. Итакъ, кн. Адамъ не безъ основаній говорилъ объ измѣненіяхъ въ настроеніяхъ Александра, которыя ему хотѣлось представлять себѣ преходящими и внушенными иноземными вліяніями.

Вашимъ славнымъ скипетромъ и подъ національнымъ управленіемъ. Вы сами, Ваше Величество, видѣли возрожденіе Польши, какъ страны достойной всѣхъ Вашихъ заботъ о ней, въ большихъ размѣрахъ. На теперешнее Царство Польское, замѣнившее герцогство Варшавское, на треть меньшее, чѣмъ это послѣднее, Вы смотрѣли лишь какъ на первый заложенный камень. Порицать, Государь, мотивы осторожности, побудившіе Ваше Величество пріостановить исполненіе Вашихъ высокихъ обѣщаній, невозможно, но не будетъ ли крайней несправедливостью наказывать государство за его ограниченные размѣры, произвольно ему отведенные, которые нація, цѣной величайшихъ съ ея стороны жертвъ, желала бы, чтобы Вашему Величеству и Богу угодно было измѣнить.

О конституціи. Я подхожу къ вопросу объ упрекахъ, направленныхъ противъ тѣхъ формъ правленія, которыми мы обязаны Вашему великодушію. Не конституція, понятно, виновата въ плохомъ употребленіи или перерасходованіи администраціей средствъ; наоборотъ, если это и имѣло мѣсто, то именно потому, что конституціи недостаточно подчинялись и не строго держались ея законовъ. Для меня непонятно, въ чемъ видять препятствія со стороны конституціи? Армія болѣе чѣмъ значительна, налоги взимаются въ высшей степени строго, правосудіе дѣйствуетъ, нужно только оградить суды отъ всякаго вліянія, кромѣ законовъ, полиція выучена такъ, что, можно сказать, доходитъ иногда до инквизиторства и притѣсненій. Конституція не препятствуетъ ничему необходимому, но, правда, она недостаточно препятствуетъ и тому, что не нужно и вредно. Второе—вполнѣ зависитъ отъ воли Вашего Императорскаго Величества. Не слѣдуетъ упрекать сеймы, что они затруднили введеніе всякихъ перемѣнъ и новшествъ, наоборотъ, въ этомъ стремленіи къ устойчивости и заключается одно изъ преимуществъ этой формы правленія; если какой-либо законъ отвергается, это тормозитъ дѣло; новымъ учрежденіямъ нужно дать время созрѣть. Не мѣшало бы иногда подвергать

вопросъ о нихъ обсужденію нѣсколькихъ сеймовъ послѣдовательно.

Общее подозрѣніе. У многихъ является одна и та же мысль—что существуетъ какъ бы молчаливое стремленіе постепенно оттолкнуть отъ этого дѣла, людей съ талантомъ и характеромъ и ввести въ число членовъ правительства людей посредственныхъ, честолюбивыхъ, жадныхъ, съ запятнанной репутаціей. Такимъ образомъ, говорятъ, все будетъ тянуться и запутываться еще болѣе, самыя полезныя реформы будутъ извращены, множество приказовъ и учрежденій будутъ оставаться на бумагѣ, исполненій же будетъ мало, хорошихъ результатовъ также. Правительство такого состава будетъ все болѣе и болѣе терять довѣріе Вашего Величества и уваженіе націи. Благодаря этому, оно сдѣлается причиной собственнаго паденія, которое, быть можетъ, въ концѣ концовъ, будетъ предложено имъ самимъ. Ваше Императорское и Царское Величество найдете, что все это ни на чемъ не основанныя утвержденія, преувеличенные и странные страхи. Тѣмъ не менѣе, я докладываю объ этомъ, чтобы предупредить Васъ и чтобы Вы были осмогрительны въ своихъ выборахъ.

Экономія. Ваше Императорское Величество были вполнѣ правы, приказавъ ввести строгую экономію. Страна будетъ имѣть основаніе радоваться, если только сокращеніе расходовъ будетъ распредѣлено надлежащимъ образомъ и если, подъ предлогомъ, что дѣла обстоятъ вовсе не такъ плохо, какъ это себѣ вообразили, не будутъ отступать отъ предложеннаго Вами правила. Ваше Величество благоразумно предписали уменьшить число платныхъ служащихъ и обращаетесь по этому поводу къ патріотизму поляковъ. Сомнѣваюсь, чтобы правительство должнымъ образомъ отвѣтило на этотъ призывъ и чтобы онъ нашелъ себѣ примѣненіе у жителей. Только установленный конституціонный бюджетъ, точно опредѣленные закономъ приходы и расходы могутъ въ будущемъ спасти финансы отъ повторенія дефицита.

Надежды и желанія. Каковы бы ни были наши теперешнія несчастья, я все же убѣжденъ, что пока моя родина находится подъ покровительствомъ Вашего Величества, въ ея дѣлѣ и свободѣ нельзя отчаяваться. Ободрите, Государь, эту страждущую и падающую духомъ страну нѣсколькими утѣшительными словами. Одного Вашего слова будетъ достаточно, чтобы къ ней вернулась ускользающая отъ нея вѣра въ прочное и счастливое будущее. Націей этой легко руководить, она способна воспринять всѣ улучшенія; среди нея есть еще люди способные, неподкупные, преданные. Единственно чего мы желаемъ—это чтобы не было иныхъ результатовъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ Вы сами желали; чтобы замѣщающія Васъ лица всегда имѣли въ виду только лишь Вашу цѣль и намѣренія и умѣли бы усвоить Ваши взгляды. Они не отталкивали бы тогда отъ себя, а наоборотъ, привлекли бы на свою сторону сердца. Мѣстное правительство стало бы строгимъ къ себѣ и доброжелательнымъ къ тѣмъ, кѣмъ оно управляетъ. Дружба, довѣріе и любовь къ родинѣ управляли бы ихъ отношеніями къ народу и его представителямъ, и тѣ охотно шли бы навстрѣчу всякому разумному и полезному предложенію. Это было бы вѣрнымъ средствомъ осудить всѣ личные счеты, если бы таковые еще прорвались у кого-нибудь, и осмѣять всякое подражаніе французскимъ ораторамъ, которое на мой взглядъ такъ же неискренно, какъ и предосудительно.

Иностранное вліяніе. Осмѣливаюсь заклинать Ваше Императорское Величество быть въ высшей степени осмотрительнымъ на счетъ внушеній и вліяній иностранныхъ кабинетовъ. Возможно ли, чтобы у нихъ не было какихъ-либо разсчетовъ? Они ничего лучшаго не желаютъ, какъ внушить Вамъ всѣ свои принципы и заставить идти по своей дорогѣ, чтобы поставить Васъ въ разрядъ другихъ монарховъ, надъ головами которыхъ Ваша звѣзда сіяла до сего времени. Главнѣйшая ихъ цѣль, ихъ главнѣйшій интересъ – это унизить Васъ во мнѣніи Европы и похитить у Васъ любовь и восхищеніе передъ Вами

народовъ, ибо они прекрасно сознаютъ, что это значило бы въ большей мѣрѣ ослабить Ваше, Государь, могущество.

Въ Варшавѣ я останавливался недолго. Годы и всякаго рода старческія болѣзни моего отца вынудили меня тотчасъ же уѣхать къ нему, въ деревню. Находясь теперь не у дѣлъ, я и не желаю мѣнять своего положенія.

Сердце мое съ каждымъ годомъ наполняется все большей къ Вамъ благодарностью за то, что Вы были такъ добры и освободили меня отъ участія въ этомъ управленіи. Но въ силу старой своей привязанности, я не могу и до сихъ поръ рѣшиться превратиться въ нуль и воображаю, что могу еще быть Вамъ, Государь, полезенъ, сообщая иногда о томъ, что дѣлается, и о чемъ Вы не часто могли бы узнать изъ иныхъ источниковъ. Я искренно желаю и буду счастливъ узнать, что усердіе мое не является для Васъ обременительнымъ и что я могу отдаваться ему по-прежнему.

Пусть Господь охранитъ Ваше Величество на счастье ввѣренныхъ Имъ Вамъ народовъ. Да тронетъ Онъ сердце Ваше въ пользу несчастной націи, для которой Вы—единственная надежда. Пусть въ неисповѣдимыхъ велѣніяхъ Провидѣнія другіе станутъ исполнителями Его суровыхъ каръ, Вамъ же да будетъ назначено служить всегда орудіемъ Его милостей.

LXV.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору

1823 г.

Ваше Величество.

То, что Новосильцовъ высказалъ во время своего послѣдняго пребыванія въ Вильно на счетъ университета и школъ, находящихся въ его вѣдѣніи, заставляетъ меня опасаться, что въ своемъ отчетѣ о событіяхъ въ гимназіи, онъ, можетъ быть,

представилъ тяжелыя обвиненія и заключенія, самыя неблагопріятныя для народнаго образованія въ польскихъ губерніяхъ и для учрежденій, этимъ дѣломъ завѣдывающихъ.

Я не хочу оправдывать дѣйствій, достойныхъ порицанія, ни защищать виновныхъ, но тѣмъ не менѣе, въ виду того, что учрежденія эти болѣе двадцати лѣтъ находятся подъ моимъ управленіемъ, я всепокорнѣйше умоляю Ваше Императорское Величество не принимать относительно ихъ своихъ высокихъ рѣшеній, не выслушавъ меня и не дозволивъ мнѣ отвѣтить на обвиненія, могущія находиться въ отчетѣ Новосильцова. Много разъ въ моей жизни я имѣлъ счастье доказать мою привязанность къ Августѣйшей Особѣ Вашего Императорскаго Величества, а также получать и отъ Васъ выраженія довѣрія и милости,—я думаю, что въ этомъ отношеніи я никогда не обманулъ Васъ и въ сердцѣ моемъ питаю къ Вамъ глубокую за нихъ благодарность.

Эти драгоцѣнныя воспоминанія моей жизни даютъ мнѣ надежду, что Ваше Императорское Величество соблаговолите внять просьбѣ, съ которой осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ сегодня и которая не имѣетъ иной цѣли, какъ отдать на Вашъ судъ истину, въ ея полномъ освѣщеніи.

Не осмѣливаясь докучать Вашему Императорскому Величеству, когда Вы будете въ Брестѣ, гдѣ всѣ Ваши минуты будутъ слишкомъ заняты, я буду въ Подоліи въ Менджибожѣ ожидать распоряженій, какія угодно будетъ Вамъ дать мнѣ.

LXVI.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

18/30 октября 1823 года.

Согласно разрѣшенію Вашего Императорскаго Величества, осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ просьбу соблаговолить окончательно уволить меня отъ службы.

Если когда-либо Ваше Императорское Величество сочтете меня способнымъ быть Вамъ въ чемъ-либо полезнымъ, я всегда буду готовъ и счастливъ повиноваться Вашему Высочайшему приказу.

Моя преданность, моя горячая мольба о продленіи дней Вашего Императорскаго Величества и о долголѣтнемъ процвѣтаніи Вашего царствованія прекратятся лишь вмѣстѣ съ моей жизнью.

Остаюсь и т. д.

LXVII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

1823 г.

Ваше Величество:

Князь Голицынъ увѣдомилъ меня о томъ, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно разрѣшить мнѣ отставку только лишь по окончаніи Виленскаго дѣла.

Я знаю, насколько я долженъ повиноваться всему, что Вашему Императорскому Величеству угодно будетъ мнѣ приказать, тѣмъ не менѣе, да будетъ мнѣ позволено замѣтить Вамъ, что начатое въ Вильно слѣдствіе можетъ продолжаться еще весьма долгое время и что оставлять меня для этой цѣли на службѣ, при моемъ положеніи, совершенно безполезно для Вашего Величества. Уже скоро годъ, какъ я оставилъ больную жену и сына; здоровье ея не позволяетъ ей торопиться съ возвращеніемъ сюда. Поэтому беру на себя смѣлость обратиться къ милостивымъ обѣщаніямъ Вашего Императорскаго Величества и вновь повергнуть мою просьбу, чтобы Вы, въ Вашей добротѣ, согласились разрѣшить мнѣ окончательно оставить службу и уѣхать къ женѣ заграницу.

Простите, мнѣ, Ваше Величество, мою почтительнѣйшую просьбу и соблаговолите принять ее.

Остаюсь и т. д.

LXVIII.

Князь Адамъ Чарторижскій—Императору.

1823 г.

Дорожа столь драгоцѣннымъ для меня мнѣніемъ Вашего Императорскаго Величества, я осмѣливаюсь, въ моментъ выхода въ отставку, умолять Ваше Величество разрѣшить мнѣ побесѣдовать съ Вами нѣсколько минутъ лично о себѣ. Совершенно не имѣя никакого притязанія на сохраненіе за собой моей должности, я стремлюсь лишь къ одному—сохранить добрую о себѣ память въ воспоминаніяхъ Вашего Императорскаго Величества. Я хочу говорить лишь о моей службѣ, въ качествѣ попечителя, которая, повидимому, одна является предметомъ различныхъ толковъ.

Ваше Императорское Величество соблаговолили назначить меня на эту должность въ 1803 г. Мои обязанности въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и постоянное пребываніе въ Петербургѣ (исключая перерыва въ нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ мною у родителей) не дозволяли мнѣ заниматься исключительно дѣлами Виленскаго округа. Дѣло это, несмотря на все свое важное значеніе, казалось тогда болѣе второстепеннымъ, въ сравненіи съ другими моими дѣлами. Событія 1805, 1806 и 1807 годовъ были таковы, что ничѣмъ другимъ и нельзя было заниматься.

Я покинулъ Петербургъ въ 1810 году. Съ тѣхъ поръ, всесильныя обстоятельства времени постоянно удерживали меня заграницей. Мои путешествія и мои занятія, въ 1814 и въ 1815 году, извѣстны Вашему Императорскому Величеству.

Обязанности попечителя я взялъ на себя вновь лишь въ 1816 году. Ваше Императорское Величество тѣмъ не менѣе разрѣшили мнѣ остаться въ Варшавѣ, для выполненія обязанностей, которыя Вы соблаговолили довѣрить мнѣ въ Царствѣ Польскомъ. Когда онѣ прекратились, я въ 1817 году посѣтилъ университетъ и нѣкоторыя школы въ округѣ.

Съ 1803 года, года изданія первыхъ уставовъ, въ школахъ время выдвинуло новыя потребности, и тогда стала ощущаться недостаточность старыхъ правилъ. Но кроющіяся въ этомъ неудобства могли вполнѣ почувствоваться и опредѣлиться лишь по мѣрѣ ихъ обнаруженія на практикѣ. Поэтому, если просмотрѣть мои служебныя записки, можно видѣть, что я никогда не переставалъ думать о столь важномъ предметѣ и что съ 1817 г. я почти ежегодно или вводилъ или предлагалъ ввести мѣры, способныя улучшить школьную дисциплину, ибо я хочу говорить здѣсь только объ этомъ предметѣ. Въ 1817 году я отдалъ приказъ, чтобы студенты не носили иной одежды, кромѣ назначенной имъ формы, и совершенно воспретилъ имъ посѣщеніе спектаклей и другихъ публичныхъ собраній. Въ 1818 году я учредилъ при университетѣ спеціальный комитетъ съ исключительной цѣлью надзора за школами и начальными книгами. Въ 1819 году были измѣнены прежнія правила о поступленіи въ университетъ и даны были указанія надзирателямъ, ежедневно наблюдающимъ за учащимися въ школахъ.

Конечно, въ настоящее время мѣры эти могутъ казаться слабыми и недостаточными, но ихъ надо разсматривать въ связи съ временемъ и вызывающими ихъ обстоятельствами.

Къ этому же времени я получилъ разрѣшеніе Вашего Императорскаго Величества уѣхать за границу, гдѣ и принужденъ былъ оставаться въ теченіе двухъ лѣтъ, изъ-за здоровья жены.

Во время моихъ отлучекъ Виленскій округъ и университетъ оставались въ непосредственномъ управленіи министерства, при чемъ система преподаванія никогда ни въ чемъ не измѣнялась, никогда не подвергалась никакой цензурѣ. До тѣхъ поръ, и во все время моей службы, управленіе школами и развитіе просвѣщенія, несомнѣнно, являлось предметомъ особаго интереса; но управленіе это и надзоръ, которыхъ они требовали, не поглощали всего времени, не вызывая нужды въ какихъ-либо неотложныхъ мѣрахъ.

По возвращеніи моемъ, къ концу 1821 года, я встрѣтился съ обстоятельствами гораздо важнѣе и труднѣе. Въ школахъ положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось, и по наружности и по существу. Начавшееся въ различныхъ нѣмецкихъ университетахъ броженіе и появившаяся среди студентовъ гибельная страсть къ тайнымъ обществамъ вызвали недоброжелательное къ нимъ отношеніе правительствъ. Зараза могла охватить и наши школы. Вскорѣ по возвращеніи я, еще въ ноябрѣ 1821 года, отдалъ распоряженіе тогдашнему ректору университета, рекомендуя ему учредить строжайшій надзоръ за студентами и строго запретить всякія тайныя общества.

Приказъ этотъ, данный мною подъ вліяніемъ лишь неопредѣленныхъ опасеній, не остался безъ нѣкоторыхъ послѣдствій. По крайней мѣрѣ, такъ можно думать, сопоставляя время, когда онъ данъ, съ тѣмъ, когда, даже по свѣдѣніямъ, собраннымъ во время послѣдняго слѣдствія въ Вильнѣ, были уничтожены разныя тайныя организаціи и первые зародыши тайныхъ обществъ.

Вскорѣ послѣ этого, въ мартѣ 1822 года, я предпринялъ общую ревизію университета, котораго не посѣщалъ въ теченіе трехъ лѣтъ, и пробылъ въ Вильнѣ до іюня.

Зная теперь положеніе учебныхъ учрежденій къ Европѣ, перемѣну взглядовъ и отношеніе правительства, съ этого момента я употреблялъ все свое усердіе и усиліе, чтобы идти навстрѣчу намѣреніямъ Вашего Величества и спасти Виленскій округъ отъ несчастій, угрожавшихъ всѣмъ европейскимъ университетамъ одному за другимъ.

Первой заботой моей было—найти себѣ для управленія университетомъ усерднаго и способнаго помощника, человѣка, на котораго я могъ бы разсчитывать.

Задержка съ отставкой прежняго ректора и съ утвержденіемъ новаго, благодаря которой я потерялъ болѣе шести мѣсяцевъ, были причиной того, что уже подготовленныя въ послѣднее время нѣкоторыя реформы не могли быть выполнены

тотчасъ же, и это, по-моему, было одной изъ главнѣйшихъ причинъ обрушившихся на университетъ несчастій.

Если бы не эта потеря времени, Виленская гимназія была бы преобразована, и событіе 3/15 мая не имѣло бы мѣста или же приняло бы болѣе естественный оборотъ*). Несмотря на то, со времени ректорства Твардовскаго введены многія улучшенія, особенно въ области администраціи школъ и школьной дисциплины, что я усиленно ему рекомендовалъ при вступленіи его въ должность, отношеніемъ отъ ноября 1822 г., по которому школьная дисциплина получила новое развитіе. Все расцвѣло, все давало надежду, что учрежденія вскорѣ заслужатъ возвращеніе къ нимъ прежняго покровительства и столь драгоцѣннаго благорасположенія Вашего Величества.

Но въ моментъ, когда новый ректоръ сталъ развивать свою дѣятельность, онъ былъ арестованъ. Арестъ этотъ и производимое затѣмъ въ Вильнѣ слѣдствіе парализовало нашу работу. Такъ что, если высчитать всѣ эти помѣхи, и если пожелать взглянуть на всю мою работу со времени вступленія новаго ректора, придется согласиться, что при обычномъ усердіи невозможно было бы столько сдѣлать въ такое короткое время.

Къ этому я долженъ еще прибавить одно обстоятельство, которое не будетъ отвергнуто сердцемъ Вашего Императорскаго Величества и которое окончательно оправдаетъ меня въ Вашихъ глазахъ, если Вы нашли мою дѣятельность не соотвѣтствовавшей затруднительнымъ обстоятельствамъ. Именно въ то самое время, во время этихъ затрудненій и непріятностей,

---

*) Здѣсь говорится объ одной студенческой манифестаціи, явившейся черезчуръ ужъ легкимъ предлогомъ для проявленія дѣйствій установившейся тогда „укротительной" системы. Для разслѣдованія этого дѣла въ Вильну былъ посланъ Новосильцовъ, послѣ чего начались гоненія, все возраставшія. Князь Адамъ, насколько могъ, боролся съ этой системой, но, въ концѣ концовъ, былъ побѣжденъ. Борьба эта обозначаетъ время, когда гроза ужъ собиралась надъ Виленскимъ университетомъ.

мою семью постигли самыя тяжелыя несчастья, такъ что этотъ послѣдній годъ службы я считаю годомъ, доставившимъ мнѣ въ жизни наибольше огорченій.

Какъ бы то ни было, я покидаю свою должность съ увѣренностью, что служилъ Вашему Императорскому Величеству всѣми силами, съ искреннимъ усердіемъ и добрымъ намѣреніемъ; съ увѣренностью, что намѣченныя или начатыя уже улучшенія и реформы черезъ короткое время дали бы результаты достаточно удовлетворительные для того, чтобы не оставить никакихъ сомнѣній во мнѣніи Вашего Императорскаго Величества на счетъ Виленскаго округа, и что добро было бы сдѣлано безъ всякаго шума, безъ блеска, не вооружая противъ себя страны. Въ моемъ докладѣ министерству, къ свидѣтельству котораго я въ правѣ обратиться, я докажу болѣе подробнымъ образомъ и при помощи подробнаго отчета о моей дѣятельности по управленію другими отдѣлами правдивость того, что я осмѣливаюсь излагать здѣсь въ короткихъ словахъ.

Мнѣ остается только поручить нарождающіяся учрежденія и уже существующія, всѣхъ лицъ, исполняющихъ усердно и добросовѣстно свой долгъ, и многочисленную молодежь Виленскаго округа благосклонному попеченію Вашего Императорскаго Величества. Я постоянно буду молиться, чтобы они не лишились этой единственной защиты, безъ которой трудно разсчитывать, чтобы поддерживающіе ихъ капиталы и учрежденія не погибли вмѣстѣ съ могущей быть отъ нихъ и теперь и въ будущемъ пользой. Ваше Императорское Величество начали свое царствованіе такимъ блестящимъ покровительствомъ просвѣщенію, что одна мысль объ этомъ должна успокаивать всѣ опасенія и внушать извѣстное довѣріе.

Конецъ 2-го тома.

Оглавленіе II тома.

Стр.

